

#1
ДВОЙНАЯ
ЛОЖЬ

ДВЕ СЕСТРЫ.
ОДНО НЕРАСКРЫТОЕ УБИЙСТВО.
ОТВРАТИТЕЛЬНЫЙ ЗАГОВОР МСТИ.

ПОЦЕЛУЙ МЕНЯ

МОЖЕШЬ

<https://vk.com/neviofal>

С. М. СОТО

Две сестры. Одно нераскрытое убийство. Отвратительный заговор мести. Когда Маккензи Райт идёт на свою первую настоящую школьную вечеринку, проходящую где-то в глубине леса ее маленького калифорнийского городка, никто не ожидает, что проснется на следующее утро с известием об ужасном убийстве. Особенно ее родной сестры. Подозреваемых нет. Нет никакого мотива. Нет никаких обвинений. Только одно нераскрытое убийство и то, что осталось от опустевшего городка. Маккензи провела годы, тяжело переживая смерть сестры, но только после того, как она наткнулась на фотографию, для нее изменилось все. Воспоминания, все, что было с той ночи, вспыхивают в быстром цветном свете, и вскоре Маккензи оказывается одержимой правдой. Решив выяснить, что на самом деле произошло с ее сестрой, Маккензи полагается на этот снимок, чтобы предоставить ей ответы, в которых она нуждается, вливаясь в жизнь пяти самых богатых людей Лос-Анджелеса. Охваченная жаждой мести, Маккензи проникает в мир богатых и элиты только для того, чтобы столкнуться лицом к лицу с заманчивым осложнением в виде неуловимого плейбоя. Когда линия врага очерчена, Маккензи приходится выбирать между своей преданностью сестре и человеком, похитившим ее сердце.

Любить.

Тяжелый вид.

Опасный вид.

Две души загораются и испепеляют вид.

Тот вид, что обещает тебя уничтожить, а ты все равноходишь в это добровольно.

Пролог

— Боже, твоя сестра такая сука, — шипит Винни.

Хотя я полностью согласна с этим утверждением, я не озвучиваю его. Вместо этого я продолжаю идти за Винни, когда она петляет между деревьями в лесу, направляясь к растущему звуку подростковой вечеринки.

Вечеринка по окончанию учебного года.

Именно на это все и похоже. Эта вечеринка проходит летом в конце каждого учебного года. Я прожила в Ферндейле всю свою жизнь. Маленький городок известен своими пирогами и прекрасными Секвойями. По большей части здесь тихо, но время от времени сюда приезжают туристы. Расположенный прямо посередине Национального парка Редвудс и государственного парка Гумбольдт Редвудс, Ферндейл является идеальным местом для туристов или любителей природы.

Обычно меня невозможно застать посреди ночи с моей лучшей подругой Винни, тем более что в этом городке сплетни распространяются быстрее света. Как я оказалась здесь с Винни — выше моего понимания. Я не хожу на вечеринки. Я не пью. И, конечно же, не нахожусь на радаре ни одного парня. Так что, опять же, я понятия не имею, какого черта я здесь делаю.

Винни всегда была чем-то средним — не то, чтобы популярной, но уж точно не такой ничтожной, как я. Спортивная и красивая, она все, чем я не являюсь. Мы всегда были подругами несмотря на то, что мы полные противоположности. Я почти уверена, что если бы она перестала проводить со мной время, то уже заняла бы место в первом ряду

популярного клуба. К сожалению, я понимаю, что это я сдерживаю ее. Это мой статус. То, как я выгляжу. То, как одеваюсь. То, насколько я умная. Все это работает против меня на сцене популярности средней школы.

Она моя единственная подруга в школе Ферндейла, и, честно говоря, не думаю, что это изменится в ближайшее время. Я просто рада, что она будет помогать мне в выпускном классе. Жить в тени моей сестры достаточно тяжело, поэтому рядом с Винни все становится проще — она моя опора. Там, где моя сестра грубовата и нахальна, Винни мягкая тихоня. Там, где Мэдисон высокомерна и груба, Винни мила и смела, когда никого нет рядом. Она буквально ходячее, говорящее противоречие, и я люблю ее за это.

Когда-то я думала, что наличие сестры-близнеца будет означать, что я буду так же популярна, как и она, но я не могла допустить ошибку настолько сильно. Когда Мэдисон была со мной в утробе матери, я почти уверена, что все хорошие гены, отвечающие за красоту, популярность и статус королевы бала, достались ей. Просто еще одна из многих вещей в очень, *очень* длинном списке причин, почему моя сестра заставляет меня чувствовать себя неполноценной.

Красивая? Сделано.

Безумно умна? Сделано.

Соблазнительная, со светлыми волосами? Сделано.

Невероятно спортивная? Сделано.

Тело, которое может посоперничать с моделями Victoria's Secret? Сделано, вдвойне.

Помню, когда мы были маленькими, моя мама одевала нас с сестрой в одинаковые наряды, и даже тогда Мэдисон доставалось все внимание окружающих. Незнакомые люди подходили к моим родителям и говорили им, какая она великолепная. А я? А я цеплялась за задние ноги мамы и пряталась. Так же, как и сейчас.

Моя единственная передышка от Мэдисон была в последние шесть месяцев, когда ее не было с нами. Впервые за долгое время я почувствовала себя счастливой. И главная причина, это то, что Мэдисон полгода участвовала в программе обмена студентов в Италии. Часть меня завидовала, что мои родители согласились отправить ее вместо меня — в конце концов, мы близнецы, так что было бы справедливо, если бы мы обе полетели. Но после того, как она улетела, я начала замечать мелочи, например, насколько легче стало дышать, когда ее не было рядом. Я все еще слышала ее голос в глубине сознания, говорящий мне, что я недостаточно хороша, но мне больше не нужно было беспокоиться о ее критике каждого моего шага.

Она прилетела домой всего несколько дней назад, и я сразу заметила перемену. Она стала злее, красивее и пугающей, чем когда-либо. Мэдисон Райт была самым страшным существом во всем округе Гумбольдт. Я была уверена, что все это тоже знают.

— Все еще не могу поверить, что твоя сестра велела тебе не показываться здесь. *Все* сегодня получили приглашение. Не понимаю, как кто-то может быть таким...

— Подлым?

Заканчиваю я за нее, переводя взгляд на свои лодыжки, которые продолжают царапаться о сорняки леса. Это Мэдисон в двух словах. Подлая.

Кто знал, что злые девушки самые красивые? Я знала.

Мэдисон никогда не позволяет мне забыть, насколько я ниже ее. И не то чтобы ее резкие слова не являлись правдой, потому что это правда. Она самая красивая сестра. Это не *убьет* меня, если я сброшу несколько килограммов. И иногда мои волнистые, светлые

волосы действительно похожи на птичье гнездо. Раньше меня это никогда не волновало, но чем больше Мэдисон раздражает меня своими комментариями, тем больше я понимаю, что она права. Мое восприятие самой себя резко изменилось.

Я никогда по-настоящему не считала себя уродиной, но теперь, смотря в зеркало, это невозможно не заметить. Я понимаю, что наше восприятие самих себя относительно. Внешний вид лица может быть переведен на суждения о характере, делая нас всех тщеславными и нуждающимися в том, чтобы «выглядеть» красиво вместо того, чтобы сосредоточиться на внутренней красоте. Я не могу точно определить момент, когда возникла мысль о моей непривлекательности. Однажды я пребывала в блаженном неведении относительно своей внешности. Не понимала, как много это значит для других и как это доминирует в обществе. А затем я не могла смотреть на себя дольше нескольких минут. Почему? Потому что все, что смотрело на меня в ответ, было разочарованием.

Густой кустарник впереди начинает расчищаться, и наконец я могу разглядеть толпу людей и отблески костра. Чем ближе мы подходим, тем сильнее я начинаю нервничать. Я не обычный нервный человек; нет, когда я нервничаю, я превращаюсь в потного, нервного наркомана или, по крайней мере, в кого-то, кто похож на него. Капли пота уже пробежали по моему позвоночнику, а волосы на шее прилипли к коже самым отвратительным и неприятным образом.

Когда Винни протискивается сквозь последнюю зелень, я съеживаюсь, стараясь не слишком беспокоиться о том, что мы задели множество растений, пробираясь сквозь лес. Каковы шансы, что мы соприкоснулись с ядовитым дубом? Если честно, то, наверное, пятьдесят на пятьдесят. До тех пор, пока не появится зуд, отек или симптомы лихорадки, с нами должно быть все в порядке. По крайней мере, на данный момент.

Отгнав от себя тревожные мысли, я перевожу взгляд на местность, и мои глаза расширяются, когда я смотрю на вечеринку вокруг меня. Я впервые на вечеринке по окончанию учебного года. Это всегда было легендой, в Ферндейле, что означает, что обычно это очень секретное мероприятие, только для приглашенных. Насколько мне известно, это первый год, когда все получили приглашение. Старшеклассники в нашей школе управляют этой вечеринкой, как букмекеры, ведущие незаконную операцию. Они управляют «списком гостей», выпивкой, наркотиками и развратом, который здесь происходит.

Огонь в яме ярко горит, и куча людей, которых я не узнаю со своей школы, сидят вокруг на бревнах. Забудьте об этом, я действительно узнаю их. Они все звёзды школы. Я имела в виду, что они меня не узнают; я никто, плавающая в море звезд.

Некоторые целуются — довольно с напором, должна добавить — и я быстро отвожу взгляд, рассматривая все остальное: разные компании, которые попивают алкоголь. Спортсмены общаются с наркоманами, а под наркоманами я имею в виду наркоторговцев. Чирлидерши свободно переговариваются с девушками, которых я знаю по футбольной и софтбольной команде. «Whine Up» Kat DeLuna играет в чьих-то динамиках, оживляя вечеринку. Сегодня все в своей стихии. Кроме меня, конечно. Оглядываясь по сторонам, я все еще пытаюсь понять, какого черта я здесь забыла.

Мне здесь не место. Это совершенно очевидно. Я, как больной и ноющий палец.

Меня до сих пор сбивает с толку, что эта ежегодная вечеринка у костра проходит без сучка и задоринки. Она никогда не срывается, полицейские никогда не приезжают, и ничего плохого, кажется, никогда не происходит. Иногда я задумываюсь об интеллекте полиции или шерифа. Это маленький городок, так как же, черт возьми, шериф не может знать, что

несовершеннолетние распивают алкоголь в одном и том же месте каждый год? Я отказываюсь верить, что богатые дети и их семьи имеют такую власть над правоохранительными органами.

— Ты готова к этому, Маккензи? — спрашивает Винни рядом со мной, сжимая мою потную ладонь в своей.

Ей пришлось практически угрожать мне телесными повреждениями, чтобы притащить меня сюда. После того, как Мэдисон дала мне понять, что я не должна здесь показываться, хотя у меня и не было никакого намерения приходить, я надела свою домашнюю одежду и начала смотреть фильм. Винни, будучи Винни, ничего этого не имела. Она сказала, что мы нуждаемся в последнем УРА перед выпускным годом. Какое-то время мы спорили, но в конце концов она, как всегда, победила.

Потому что, хотя мне и неприятно это признавать, Винни права. Следующий год мой последний год в школе, а я еще даже не пожила. Я ничем не занималась, только ходила на уроки, вовремя сдавала домашнюю работу и шла домой. Я не знаю, что такое манифесты. Я не знаю, насколько сумасшедшими могут быть футбольные матчи или возвращение домой среди ночи. Я никогда не испытывала ничего подобного, потому что я другая. Я девушка в углу, на которую никто не посмотрит дважды. Я неудачница, живущая дома с королевой бала. И впервые за всю мою школьную жизнь я не хочу быть никем. Я хочу быть кем-то. Я хочу быть популярной и чтобы люди знали мое имя.

Без понятия, чего Винни ждет от меня сегодня. Черт, даже я не знаю, чего ожидать. Я не собираюсь пить ничего из этих бочонков, ужасно замаскированных под мусорные баки. Я очень уверена, что не собираюсь ни с кем разговаривать, во всяком случае, никто не станет заводить со мной разговор. Все это пустая трата времени.

— Это ошибка.

Ледяной холодок трепета пробегает по моему позвоночнику.

Она сжимает мою руку.

— Нет, не ошибка.

Я осторожно вздыхаю.

— Мэдисон убьет меня.

— Ах, к черту ее. И перестань делать это со своими зубами.

Я закатываю глаза, но делаю, как она говорит. Когда я нервничаю или волнуюсь, у меня есть привычка водить языком по брекетам. Что-то отвлекающее в том, как металл цепляется за мой язык. Это помогает почувствовать себя лучше, но я знаю, что снаружи, для всех остальных, я, вероятно, выгляжу как чокнутая неудачница с полным ртом металла.

Винни идет впереди, лавируя между группками людей, пьющих и смеющихся до нелепости громко. Наконец мы подходим к столу, на котором стоят стаканчики, а под ними спрятан бочонок.

— Я знаю, что ты скажешь «нет», но все равно спрошу. Хочешь стаканчик?

Вместо того, чтобы сказать «нет», как я знаю, что должна, я бросаю взгляд на вечеринку, и на пару сердитых, ледяных глаз, сверлящих меня. Мэдисон замолкает на полуслове и теперь сжигает меня взглядом.

Господи, почему я просто не осталась дома?

Я отворачиваюсь от убийственного взгляда сестры на спасение, предлагаемое мне в виде красного стаканчика, и в кои-то веки делаю что-то нехарактерное. Я беру. Дрожащей рукой я принимаю предложенный Винни стаканчик и подношу пластиковый ободок к своим

полным губам. Еще одна вещь, из-за которой Мэдисон дразнила меня, — мои губы. Она всегда говорила, что я выгляжу так, будто у меня рыбы губы, что никогда не имело для меня никакого смысла. Но, честно говоря, в этом не было необходимости. Ее мерзкие слова все еще попадали в цель.

Алкоголь пенистый и горький на вкус, когда я делаю глоток за глотком, удивляясь самой себе, допивая содержимое в стаканчике. Винни поднимает брови и смотрит на меня так, словно у меня выросло две головы. Потому что, серьезно, кем, черт возьми, я себя возомнила, выпив целый стаканчик? Эффект от пива поражает меня почти сразу. Я думаю, что употребление алкоголя в первый раз может подкосить кого угодно.

— Пошли, я вижу свободное бревно. Давай сядем.

Я следую за Винни и сажусь на бревно. Материал моего свитера цепляется за кору, заставляя поднять задницу над деревом, чтобы исправить адскую ситуацию. Когда Винни не приняла «нет» в качестве ответа, она порылась в моем шкафу, пытаюсь найти что-нибудь подходящее для меня, чтобы надеть на сегодняшнюю вечеринку. Все, что мы нашли, было это платье-свитер, которое было достаточно повседневным, чтобы выглядеть так, будто я не слишком старалась, но и не таким домашним, как мои штаны с дырками и графические футболки. Как только я убеждаюсь, что я не сделала дырку в платье, я выпрямляюсь на бревне. Мой взгляд падает на Конверсы, и я замечаю покраснение вокруг лодыжек.

Боже, думаю, что вероятность моего контакта с ядовитым дубом только что возросла с пятидесяти до ста процентов. Я почти уверена, что скоро мне понадобится медицинская помощь.

Не обращая внимания на воспаленные лодыжки, я сижу перед огнем и молча пью, наблюдая за людьми. Когда популярные товарищи Винни по команде подзывают ее, она тянет меня за руку, чтобы последовать за ней, но я качаю головой, вырываясь.

— Нет, нет, иди.

Я заставляю себя улыбнуться, не желая больше удерживать ее. С алкоголем, сильно плавающим в моем организме, я чувствую, что вижу вещи теперь намного яснее, когда нетрезва. Винни нуждается в такой ночи, как сегодняшняя. Я больше не могу сдерживать ее. Особенно с приближением выпускного года.

Она никогда не признается в этом, но она намеренно избегает этих вечеринок и тусовок с другими людьми из школы — все для того, чтобы мне было комфортно. Она знает, что я ненавижу это, и знает, что она моя единственная подруга. Я не хочу быть той, кто будет препятствовать ей наслаждаться последним годом здесь, в Ферндейле.

— Ты уверена, Кенз? Не хочу оставлять тебя одну.

Я улыбаюсь сквозь алкогольный туман, в уголках моих глаз появляются морщинки.

— Со мной все хорошо, Винни. Я буду здесь. Ты иди. Я серьезно.

На секунду мне показалось, что она собирается возразить. Я знаю, что она не хочет уходить, но в конце концов принимает решение уйти. Я делаю еще один глоток пива и жду, когда она вернется, мой взгляд прикован к ревущему пламени костра.

Не знаю, сколько прошло времени, но мне кажется, что Винни все еще нет. Она уже не на том месте, где была, когда уходила, чтобы поболтать с товарищами. На самом деле ее нигде нет. Мой желудок урчит, когда я покачиваюсь, поднимаясь на ноги. Я понимаю, что, возможно, выпила слишком много пива. Я явно переоценила себя и свои алкогольные способности.

Мои ноги странно ощущаются, и я почти уверена, что если бы откусила себе язык прямо

сейчас, то даже не почувствовала бы этого. Все ощущается, как блаженное оцепенение. В моем пьяном состоянии требуется некоторое время, чтобы осознать громкие голоса, обращенные ко мне.

— Эй, ты! Иди сюда!

Поднимая взгляд в туманном видении и всем остальном, мои глаза останавливаются на группе крупных парней, стоящих не слишком далеко от меня, и тогда я понимаю, что шумная компания разговаривает со мной. Мои брови опускаются, или, по крайней мере, я так думаю, и я смотрю через плечо, пытаясь увидеть, могут ли эти спортсмены говорить с кем-то еще, но, конечно же, я здесь одна.

Один из них смеется над моими действиями.

— Да, я с тобой разговариваю. Иди сюда!

Голос глубокий. Мужской. Когда я нахожу источник, мой желудок сжимается, потому что я узнаю, кому принадлежит этот голос. Трент Эйнсворт. Натуральный придурок, горячий спортсмен и один из пяти Дикарей округа Гумбольдт.

Да, именно так. Я сказала Дикари.

Честно говоря, я думаю, что они больше похожи на дьяволов.

Потому что именно такими и являются эти придурки в нашем маленьком городке. Каждый из их предков семья основатель. Они похожи на больших белых акул, плавающих среди океана нашей форели. Или мы сардины? *Иисус. Я даже думать толком не могу.*

Ублюдки Трента, богатые друзья называют себя Дикарями. Городская королевская семья. Среди прочих нелепых прозвищ.

Почему? Никто толком не знает.

Они как бешеная стая волков — самые сильные в своей стае. Держатся вместе, хотя остается неизвестным, кто из них пятерых является альфой.

На протяжении многих лет я наблюдала за ними издали. До меня доходили слухи, и хотя они могут быть просто *слухами*, часть меня никогда по-настоящему в это не верила. Они постоянно замыслили что-то нехорошее. Если происходила драка в школе или на вечеринке, все уже знали, кто за этим стоит. Если поздно ночью в городке случался переполох, остальные жители Ферндейла знали, что лучше оставаться дома. Если они разрушают городскую собственность, шерифа и остальных полицейских нигде невозможно найти. Если в городке найдется девушка, которая поклянется, что кто-то из пятерых причинил ей боль, ничего не будет. Каждый из них ходил по краю, будто у них не было ни единой заботы в мире — и я думаю, в некотором смысле, у них не было забот. Они греховно богаты, у них деньги отцов и матерей, которые вытащат их из любой серьезной беды.

Очевидно, я мало что о них знаю. Мы вращались в разных кругах, и, конечно, они даже понятия не имели о моем существовании. Но что я точно знаю, так это то, что от них одни неприятности, завёрнутую в красивую упаковку.

Хотите знать, откуда я знаю, что это неприятности? Мэдисон уже много лет пытается попасть на их радар. Одна ночь. Она просто хочет провести одну ночь с любым из безжалостных Дикарей, которые управляют этим городком, но я думаю, что никто из них еще не проявил к ней никакого интереса. Это отборные придурки, думающие, что они сильнее Бога.

Я не уверена, что это говорит о них — дьяволах — за то, что они отвергли ее таким образом.

Я сглатываю внезапный комок в горле и заставляю свои ноги идти к ним без каких-либо

пьяных происшествий. Конечно, это слишком, чтобы просить. Кончик моего потрепанного белого Конверса цепляется за воздух, и мое тело летит вперед. Головокружительные цвета расплываются перед глазами — смесь сердитого оранжевого, ярко-зеленого и туманно-коричневого. Я вижу, как земля приближается ко мне, но не могу остановить это. Внезапно сильные, теплые руки обхватывают меня, и я больше не падаю.

— Воу, — усмехается голос. — Полегче. Ты в порядке, милая?

Я смотрю вверх, мое зрение разрывается на фигуре, держащей меня. Передо мной стоят двое, и я не могу сфокусировать взгляд, как ни стараюсь. Трент Эйнсворт великолепен сам по себе, но вблизи и лично он живой Бог. Его лицо расплывается в улыбке, когда он смотрит на меня сверху вниз и убирает выбившиеся волосы с моего круглого лица. Его палец касается моей веснушчатой щеки, и мое сердце подпрыгивает в горле.

Святое дерьмо.

— Что такая красивая девушка, как ты, делает здесь одна?

Его красивые глаза ищут ответы на мои вопросы.

Красивая? Он действительно назвал *меня* красивой?

Покраснев под тяжестью его взгляда, я с трудом подбираю слова.

— Я-я не... к-красивая... ты не... это не... один...

Когда Трент хихикает, меня отвлекает покачивание его кадыка, но он помогает мне выпрямиться, и я замечаю, что его рука задерживается на моем запястье. Он нечто большее, чем жизнь, с тем, как вся его рука сжимает мою. Я слышу, как его друзья, остальная адская команда, смеются позади него, вероятно, надо мной, но мне все равно.

Он считает меня красивой?

Он заметил меня?

Как этот великолепный парень заметил меня раньше моей сестры? Это почти слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Трент оглядывается через плечо, и его приятели смеются еще немного, прежде чем он поворачивается ко мне.

— Хочешь уйти от этих придурков и поболтать? — предлагает он.

Я бросаю взгляд через его плечо и понимаю, что киваю, глядя на его грозных друзей.

— Пошли, — говорит он.

Крепко обхватив меня за запястье, он уводит меня от костра в глубь леса. Голос в моей голове кричит не следовать за ним, но я следую. Это единственное, что у меня может быть, чего не может быть у Мэдисон. Трент Эйнсворт.

Он заметил меня. Он хочет поболтать со мной. Наедине.

Со мной.

Трент удивляет меня, останавливаясь прямо перед входом в лес, так что мы все еще четко видим его друзей и остальную часть компании.

— Наконец-то, — выдыхает он, прислоняясь спиной к стволу одного из многочисленных деревьев. — Приятно немного побыть в тишине и покое. Я уже устал притворяться, что мне весело.

Его слова заставляют меня улыбнуться. Мои губы зудят, чтобы растянуться в улыбке, демонстрируя брекететы, но я борюсь с этим, предпочитая вместо этого улыбку с закрытыми губами.

Он тоже притворялся?

— Так с кем ты пришла сюда? — спрашивает он.

До меня доходит, что он пытается завести со мной разговор.

Я прочищаю горло, беспокойно водя ногой по земле.

— Моя подруга Винни притащила меня сюда. Это первая вечеринка, на которой я когда-либо была, и, честно говоря, я не очень впечатлена.

Трент смеется. Это глубоко, хрипло и чертовски горячо.

— Ауч. Ты понимаешь, что мы с ребятами все это организовали?

Мои щеки пылают от смущения. *Дерьмо.*

— Прости, — говорю я, съеживаясь.

Он снова усмехается.

— Не извиняйся. Ты говоришь правду, и мне это нравится. В наши дни не многие девушки честны.

Его глаза блуждают по моему лицу, а сердце продолжает вырываться из груди. Его взгляд опускается на стаканчик, который я все еще сжимаю в руке.

— Первый раз пьешь?

— Как ты догадался? — поддразниваю я, мои губы кривятся от удовольствия.

Он пожимает плечами.

— У тебя такой красивый румянец на коже. Выглядит мило.

Я бросаю взгляд на свои ноги, изо всех сил стараясь скрыть, насколько счастлива от его комментария.

— Эй, — говорит он.

Его рука слегка касается моего подбородка, заставляя меня снова посмотреть на него. Прежде чем мои глаза останавливаются на нем, я замечаю татуировку на внутренней стороне предплечья — ту, что есть у него и у всех его друзей. Это ключ с очертаниями настоящего черепа и глазом с треугольником вокруг него, который покоится на лбу черепа. Немного жутковато.

— Не прячься от меня, Маккензи. Ты великолепна.

У меня перехватывает дыхание, когда я смотрю в его глаза и вижу, как они наполняются жаром. Таким количеством жара, что я чувствую, как что-то шевелится у меня в животе. Это ощущение мне незнакомо.

Подождите — *он знает мое имя?* У меня не хватает духу спросить, откуда он знает мое имя. Он один из элиты. Уверена, что здесь, в Ферндейле, они знают все обо всех.

— Спасибо, — выдыхаю я в порыве воздуха.

Трент смотрит в сторону костра, и я пытаюсь проследить за его взглядом, но его следующие слова заставляют мое сердце сжаться в груди.

— Можно тебя поцеловать, Маккензи?

Его руки уже на моем лице, притягивая мой рот к своему, и его тело уже наклоняется ближе. Мои соски врезаются в материал лифчика. Это такое знакомое ощущение, которого я никогда раньше не испытывала, и все же нахожу это щекочущим. Я говорю «да», прежде чем успеваю подумать.

Сначала его губы слегка касаются моих. Я так взволнована и возбуждена, что издаю смущенный стон ему в рот, когда он углубляет поцелуй. Я чувствую его вкус — смесь пива и жвачки. Чувствую, как его руки скользят по моей разгоряченной коже, и ощущая запах горящих поленьев от костра. Я смутно различаю громкий смех, но не могу сказать, откуда он доносится, и, по правде говоря, мне все равно. Его руки находят место на моих бедрах и скользят вниз по моим широким бедрам, играя с материалом моего платья. Когда его пальцы

касаются внутренней поверхности моего бедра, я обнимаю его за шею и целую. Сильно.

Это мой первый поцелуй, и если так проходят все первые поцелуи, я больше никогда в жизни не стану жаловаться. Это даже не кажется реальным. Это слишком прекрасно, слишком интимно, слишком похоже на сон. Я никогда не хочу...

— Что, блядь здесь происходит?

Я отскакиваю от Трента при звуке ее голоса. Я бы узнала этот голос где угодно. Черт, он преследует меня во сне. И когда я встаю каждое утро. Я медленно поворачиваюсь и смотрю на сестру, которая выглядит совершенно сумасшедшей. Я никогда не видела ее такой сердитой. И, к сожалению, весь этот гнев направлен на меня.

— Что, черт возьми, ты думаешь, ты делаешь, Маккензи?

Я открываю рот, чтобы что-то ответить, но прежде, чем успеваю произнести хоть слово, Трент подходит ближе и кладет руку мне на бедро.

— Оставь нас в покое. Мы в самом разгаре.

Мэдисон не признает Трента. Вместо этого она продолжает сверлить меня взглядом. Ее гнев написан на ней, и я могу прочесть каждую мысль, которая приходит ей в голову.

Как ты смеешь!

Он должен быть моим.

Он должен быть моим — они все мои.

— Боже, что ты сделала, пообещала ему дерьмовый минет, чтобы он пришел сюда с тобой? Ты отвратительна, Кенз, — выплевывает Мэдисон. — А ты... — теперь она сосредотачивает свой гнев на Тренте. — Если ты продолжишь с ней дальше, то пожалеешь об этом завтра утром, когда поймешь, как низко ты пал, будучи пьяным. Думаю, что эти шоты заставили тебя принять одну сестру за другую. Подойди к ней еще раз, и я причиню тебе боль, Эйнсворт.

Мое горло сжимается от ее слов, и слезы жгут глаза. Как она может быть такой злой? Такой мерзкой? Мы сестры, а не враги. Неужели это так ужасно, что Трент хочет поцеловать меня вместо нее? Она может забрать еще четырёх его друзей. Почему она не может позволить мне получить только одну вещь?

Мэдисон королева во всем, что она делает. Она владеет всем, а меня всегда запикивают в угол, забывают в тени.

— Да пошла ты, Мэдс, — выдыхаю я, борясь со слезами смущения.

Она смеется надо мной и скрещивает руки на своей полной груди.

— Если ты сейчас же не поедешь со мной домой, я расскажу папе, какой маленькой шлюшкой ты была сегодня. Как думаешь, как он отреагирует, когда узнает, что я застукала тебя за занятием сексом?

Я бледнею.

— Что? Но я...

— Как думаешь, кому он поверит?

Она права. Он поверит ей. Это всегда она.

Печально вздохнув, я поворачиваюсь к Тренту, как раз когда он наклоняется, его губы касаются моего уха.

— Мы с друзьями будем здесь всю ночь. Улизни и встретись со мной на скале Поцелуев, как только сможешь отделаться от неё, хорошо?

Я делаю шаг назад и смотрю на него. Я никогда раньше не убегала тайком. Эта мысль никогда даже не приходила мне в голову, но я знаю, что сегодняшняя ночь станет моей

первой.

— Хорошо.

Я загадочно улыбаюсь, прежде чем повернуться и последовать за сестрой.

Всю дорогу до машины она что-то сердито бормочет себе под нос. В моем пьяном состоянии я должна была бы побеспокоиться о том, что она за рулем, но мы живем недалеко. Наш дом всего в нескольких кварталах отсюда.

— Фу! — резко рычит она. — Не могу поверить, что ты опустилась так низко и сделала это со мной.

Я чуть не визжу.

— Почему тебе так трудно со мной поладить, Мэдисон? — кричу я. — Почему все всегда о тебе? У тебя уже есть все в этом мире. Почему у меня не может быть только этого? Он заметил меня. Может, я ему даже нравлюсь. Почему ты не можешь просто дать мне это? Почему ты должна все испортить?

— Новости, Маккензи, ты ему не нравишься. Ты его не интересуешь. Он хочет меня. Он просто использует тебя, чтобы добраться до меня.

Я мрачно смеюсь. Это такой странный и чужой звук, когда он срывается с моих губ.

— Бред. Ты бы так не злилась, если бы это было правдой. Ты ненавидишь, что он предпочел меня тебе. Ты не можешь поверить, что он хочет встретиться сегодня ночью на скале Поцелуев со мной, а не с тобой!

Она останавливается и поворачивается ко мне с огнем в глазах.

— Он попросил тебя встретиться с ним сегодня на скале Поцелуев?

Я самодовольно киваю.

— Да, он попросил.

Ее губы кривятся в презрительной усмешкой.

— Садись в машину. Мы едем домой.

Дорога до дома тихая и неловкая. Когда Мэдисон паркуется на подъездной дорожке, взгляд, который она бросает в мою сторону, заставляет меня заплакать, как испуганную маленькую девочку. В этом сила взгляда Мэдисон. У нее есть способность потрошить и убивать одним взглядом.

— Ты пойдешь в дом и будешь хорошей девочкой, какой тебя все знают. Это не ты, Маккензи. Перестань пытаться быть похожей на меня.

— Я не пытаюсь быть похожей на тебя, — бурчу я.

— Ах, да? Попытка отнять у меня Трента говорит об обратном. Просто иди в свою комнату, пока я не превратила следующий год твоей жизни в ад.

— Куда ты? — спрашиваю я, открывая дверь.

— Встретиться с Трентом на скале Поцелуев, конечно же.

Мой желудок сжимается, а сердце разбивается вдребезги.

— Но...

Она удовлетворенно ухмыляется.

— Мы все знаем, что я самая горячая сестра, которую все хотят — с таким же успехом можно подарить Тренту ночь, которую он никогда не забудет.

— Но он сказал «я». Он хотел меня. Он не станет спать с тобой после этой ночи. Я просто знаю, что он не станет.

Мэдисон смеется.

— Он пьян, Маккензи. Ему нет дела ни до тебя, ни до того, кто появится на скале. Он

просто хочет трахаться, и мы все знаем, что ты не можешь этого сделать. А теперь закрой дверь.

Со слезами на глазах я делаю, как она говорит, и закрываю дверь.

Когда я вхожу в дом, я знаю, что мои родители спят, потому что свет везде выключен. Я поднимаюсь по лестнице и направляюсь прямо в душ. Слезы текут горячими потоками, и я плачу, не боясь, что сестра услышит и как-нибудь использует это против меня.

Это несправедливо.

Почему всегда она?

Она получает все, а я ничего. Я всегда запоздалая мысль. Проигравшая. Никто. Не знаю почему я думала, что сегодня все будет по-другому.

Я забираюсь в постель, с воспаленными лодыжками и всем прочим, и рыдаю в подушку, пока не засыпаю.

Когда я просыпаюсь на следующее утро, из кухни доносится пронзительный крик. Я бегу вниз, и мои ноги замедляются на последних ступеньках, когда я вижу двух полицейских, а на кухне возле входной двери моя мама стоит на коленях со слезами, струящимися по ее лицу.

Шериф Келлер стоит перед ней с выражением, от которого у меня скручивает живот.

— Нам очень жаль, Моника.

Его следующие слова заставляют мой желудок опустеть, а кровь отхлынуть от лица.

Тело опознано.

Найдено на скале Поцелуев.

Расследование убийства.

Я качаю головой, пытаюсь понять смысл его слов. Этого не может быть. Это невозможно.

— Мы изучаем все возможные версии того, что могло случиться с вашей дочерью, мистер и миссис Райт. На ее теле имелись следы травм, а также... — он прочищает горло, — А также следы нападения.

— Что это значит? — хрипло спрашивает папа.

Келлер вздыхает.

— Майкл... это значит, что ее изнасиловали.

— Моя малышка! — кричит мама, и звук дождя вливается мне в спину.

Я яростно раскачиваюсь на ногах и хватаюсь за перила для поддержки, когда приходит осознание.

Мою сестру убили.

Ее тело нашли на скале Поцелуев.

Самое последнее место, где я должна была встретиться с Трентом и его друзьями прошлой ночью.

Мэдисон не должна была быть найдена мертвой на той скале сегодня утром. Это должна была быть я.

ГЛАВА 1

Маккензи

9 лет спустя

— Ты с ними уже говорила? — спрашивает Кэтрин со своего места напротив меня.

Я уклончиво поднимаю плечо, потому что нет, я не разговаривала с родителями, хотя знаю, что должна. Приближается девятая годовщина смерти Мэдисон.

С того утра ничто не казалось мне правильным, особенно в доме, с мамой и папой. Когда родители теряют ребенка, в большинстве случаев они теряют самих себя. Они, в свою очередь, пренебрегают ответственностью за свое горе, что вполне объяснимо. Только во время своего горя родители забыли обо мне. Они забыли и о том, как мне больно. Не понимали, как сильно я в них нуждаюсь. Или, возможно, понимали, и это просто их не волновало.

Я не видела своих родителей восемь лет. Восемь долгих и одиноких лет.

После того, как я закончила школу, казалось, что эта черная туча нависла над головами моей семьи — скорее, над всем городком. Покидая Ферндейл, родители не оказали мне никакого сопротивления. Они не умоляли меня остаться или предложить присутствовать в моей жизни, как я надеялась. Они даже не пришли на церемонию выдачи дипломов. Наверное, им было слишком тяжело смотреть, как я иду по сцене без Мэдисон.

Я надеялась, что колледж поможет мне пережить ее смерть. Новое побережье. Новый

город. Новые люди. Новое все.

Но этого не произошло.

Во всяком случае, время, проведенное вдали от Ферндейла, заставляло меня думать о Мэдисон больше, чем хотелось. Она была повсюду, но не там, где мне было нужно. Мои мысли о ней граничили с одержимостью. Почему это произошло с ней? Страдала ли она? И моя самая большая навязчивая идея заключалась в том, почему кто-то хотел убить мою сестру, и почему ее убийца никогда не был привлечен к ответственности?

Когда убийство в таком маленьком городке, как наш, остается нераскрытым, оно оставляет след. И именно это сделало с Ферндейлом смерть Мэдисон. Беззаботный городок превратился в печальное, заброшенное место, куда туристы больше не хотели приезжать.

Молодую девушку жестоко убивают в лесу? Да, это не самая лучшая реклама, чтобы побудить туристов и отдыхающих привезти с собой свои семьи.

— Позвоню им как-нибудь позже, — бормочу я, решив сделать глоток клубничной мимозы, чтобы больше не врать.

Кэт обменивается взглядом с нашей подругой Верой, прежде чем бросает на меня взгляд через стол, ее идеальные брови изгибаются.

— Знаешь, Кенз, я думаю...

— Мы можем не говорить об этом прямо сейчас? Пожалуйста.

Ее рот захлопывается, и она кивает. Я думаю, что это самая большая сдержанность, которую я когда-либо видела от нее.

Вера и Кэтрин не все знают о моем прошлом, но они знают, что моя сестра умерла, и у меня больше нет близких отношений с родителями. Чего они не знают, так это того, что моя сестра была моим близнецом, и я винила себя в ее смерти последние девять лет.

Кэт снова листает страницы своего журнала сплетен. Вера и Кэт живут ради этих вещей — кто есть кто и самые завидные холостяки здесь, в Нью-Йорке. Все то, на что мне наплевать.

Когда она натывается на что-то особенно сочное, она издает визг и начинает обмахивать лицо. Она почти так же драматична, как и они. Тут же Вера подсакивает к ней, пытаюсь разглядеть, над чем она визжит. Просматривая страницу, их глаза расширяются и, если это возможно, их глаза начинают сверкать. Я почти вижу знаки денег в их зрачках.

— Твою мать, — выдыхает Вера. — Это будет самое жаркое событие года. Можете себе представить, сколько связей мы могли бы установить? Мы *должны* присутствовать на открытии клуба.

Блеск в глазах Кэт говорит о том, что она полностью согласна с этим утверждением.

— Посмотри.

Кэт, совершенно ошеломленная, поддвигает ко мне журнал, к которому они приклеены, и я закатываю глаза, готовясь прочитать что-то, что, без сомнения, будет пустой тратой времени.

Вот тогда-то я это и вижу.

Или его.

Татуировка на его предплечье — явная улика.

У меня пересыхает во рту, когда я смотрю на мужчину на снимке. Прошло много лет с тех пор, как я видела его в последний раз, и мгновенно переносусь на девять лет назад.

Я выбегаю из дома, входная дверь в спешке ударяется о стену. Я не оглядываюсь через плечо, чтобы посмотреть, следует ли за мной шериф Келлер или все еще пытается

утешить моих родителей. У меня на уме только одно — Трент Эйнсворт.

Что произошло прошлой ночью? Был ли это его план с самого начала? У него с Мэдисон случилась ссора на скале Поцелуев, и поэтому она погибла? Так много вопросов и возможных ответов обрушилось на мой мозг в полную силу, но ни один из них мне не нравится. Мне нужно знать, что произошло прошлой ночью.

Реальная история.

Все еще одетая в пижаму и пушистые тапочки, которые мама и папа подарили мне на прошлое Рождество, я бегу по грязной дороге, направляясь к единственному месту, где, как я знаю, тусуются Дикари. Корт.

Каждое воскресенье ребята играют в баскетбол на корте. Точно так же, как каждую пятницу с незапамятных времен люди ходят на их футбольные матчи. Так было всегда, сколько я себя помню, и именно поэтому в глубине души я знаю, что они там.

Гравий и камешки грязи бьются о мои лодыжки и икры, когда я несусь по улицам Ферндейла. Горький утренний холод льнет к моей коже и проникает в грудь. Такое ощущение, будто я проглотила кусок сухого льда. С каждым дуновением воздуха с моих губ срывается все больше клубков белого пара. В груди словно горит огонь, а в боку тугая рана, от которой меня чуть не выворачивает наизнанку прямо на дороге, но я не могу остановиться. Я не могу сдать, не сейчас.

Толстушка Кензи не сдастся.

Мое сердце сжимается от прозвища, которое дала мне Мэдисон. Слезы щиплют глаза, но не по тем причинам, о которых можно было бы подумать. Я привыкла к Мэдди и ее резким словам, но мысль... Боже, одна только мысль, что я никогда больше не услышу ее голос, никогда не увижу, как она завивает свои красивые длинные волосы по утрам перед школой, никогда не увижу, как она откидывает голову назад при смехе, опустошает меня. Я не могу вернуть ни одного из моментов с моей сестрой. Мой близнец. Девушка, с которой я делила утробу.

Ее нет.

Ее действительно нет.

Слезы текут по моему лицу, когда я думаю о сестре. Она не всегда была такой высокомерной и злой. Она была моей лучшей подругой. Моей защитницей. Черт, когда-то мы даже разделяли двойной феномен — чувствовать боль друг друга и одинаково мыслить.

Так почему я не почувствовала ее прошлой ночью?

Почему, блядь, я не почувствовала, как боялась Мэдисон в последние секунды своей жизни?

Качая головой, я бегу сквозь боль. Мои икры начинают напрягаться и сводить судорогой. Когда заброшенные улицы очищаются, я знаю, что приближаюсь к нужному месту. Вдалеке я вижу корт и низкий туман, который льнет к земле, почти скрывая темные фигуры, играющие впереди. Но я их чувствую. Я знаю, что они там.

Мои тапочки шлепают по тротуару, когда я приближаюсь к их игре. Туман, нависший над травой у корта, начинает рассеиваться, и не успеваю я опомниться, как оказываюсь там, стоя перед пятью — погодите — четырьмя грозными дьяволами — Дикарями округа Гумбольдт. Я уверена, что выгляжу абсолютно безумно, все еще одетая в тапочки и пижаму, со слезами, струящимися по моему лицу. Я могу только догадываться, о чем они думают.

Четыре пары глаз поворачиваются ко мне, но мой взгляд прикован только к одному из

них. Трент перестает бросать баскетбольный мяч, его брови опускаются при виде мое расстроенного состояния.

— Почему? — хриплю я, когда новая волна слез обжигает мне глаза и нос.

Один из Дикарей — Зак Ковингтон — резко смеётся.

— Кто, черт возьми, эта занудная сука?

Остальные присоединяются. Кроме Трента. Он все еще смотрит на меня, как на головоломку, которую пытается сложить.

Игнорируя замечание Зака, Трент спрашивает:

— Могу я тебе чем-нибудь помочь, ребёнок?

Ребёнок? Ребёнок? Ты издеваешься?

Мои губы сжимаются в тонкую линию. Я делаю угрожающий шаг вперед и тычу пальцем в его сторону. Он не вздрагивает и не отстраняется, только вопросительно поднимает бровь.

— Ты прекрасно знаешь, почему я здесь.

— Может кто-то пожалуйста, увести эту корову из корта? Она портит всю игру! — Винсент Хоторн — еще один из них — рычит.

Я сердито смахиваю слезы, текущие по лицу, ненавидя себя за то, что выгляжу такой слабой. Ненавижу, что Трент смотрит на меня так, будто понятия не имеет, кто я.

— Пожалуйста, Трент, — умоляю я, пытаюсь найти другой подход. — Просто расскажи мне, что произошло вчера ночью на скале Поцелуев с Мэдисон. Обещаю, я не расстроюсь. Я просто... мне нужно знать, что ты не причинил ей вреда. Мне нужно знать, что наш поцелуй прошлой ночью был настоящим.

Смех.

Громкий, душераздирающий смех это ответ, который я получаю от Трента и остальных парней.

Трент роняет баскетбольный мяч. Звук его удара об асфальт эхом отдается вокруг нас, и он скрещивает руки на своей твердой груди, насмешливая ухмылка играет на его губах.

— Поцелуй? Тебе приснился сон обо мне, милая?

Он поворачивается к парням, смеясь и стуча кулаками, будто это какая-то дурацкая шутка. Маркус Уайтхорн — еще один дьявол Гумбольдта — двигает бёдрами вперед и назад, имитируя секс.

Мои зубы стискиваются, я стараюсь контролировать свой гнев.

— Ты поцеловал меня вчера у костра, Трент. Назвал меня красивой. Даже сказал встретиться с тобой на скале Поцелуев позже той ночью.

Трент откидывает голову назад и смеется. Его шея энергично работает, поддерживая его грохочущую истерику.

— Послушай, милая, я не знаю, о чем ты, черт возьми, говоришь, но я никогда не целовал тебя вчера. Блядь, я бы и близко не подошел к тебе с трёхметровой палкой. Так почему бы тебе не сделать нам всем одолжение и не убраться отсюда нахуй?

Злые слезы щиплют глаза.

— Ты лжешь! — кричу я. Мой пронзительный голос отражается от корта. — Ты поцеловал меня вчера. Все вы были там! — я пригвоздила их всех своим взглядом, прежде чем снова сфокусироваться на Тренте. — Ты попросил меня встретиться с тобой на скале Поцелуев, и Мэдисон отправилась вместо меня, только сегодня утром она так и не

вернулась домой, и я уверена, вы все знаете почему.

Я позволила своим словам, своим намекам повиснуть в воздухе. Среди всех нас.

Их смех и самодовольство постепенно исчезают, сменяясь гневом. И Трент, и Зак делают опасные шаги вперед, но Маркус и Винсент кладут руки им на плечи, останавливая их от сокращения расстояния.

— Послушай, маленькая сука, я не имею понятия, что ты думаешь, но я уже сказал тебе, что не знаю, кто ты. Мы не целовались и никогда не поцелуемся. Я не хочу, чтобы меня застукали мертвым, целующимся с такой уродкой, как ты. А теперь проваливай.

— Но ты меня знаешь. Вы все знаете, — выдыхаю я, слезы застилают мой голос.

Глядя на Трента, я не могу не задаться вопросом, куда делся парень с прошлого вечера. Этот парень был на самом деле мил со мной, но теперь он вернулся к своим мудацким манерам.

— Мы знаем эту... эту особу, ребята? — спрашивает Трент ребят, оглядываясь через плечо.

Они все смеются, качая головами.

— Пожалуйста, Трент, — всхлипываю я, делая шаг. — Пожалуйста, расскажи мне, что случилось с моей сестрой.

— Я сказал, блядь, проваливай! — резко рявкает Трент.

Я вздрагиваю от его тона, чуть не спотыкаясь о собственные ноги.

— Проваливай отсюда, пока еще можешь, уродка, — рычит Винсент, поднимая брошенный баскетбольный мяч.

Я качаю головой, пытаюсь разглядеть что-нибудь сквозь поток слез, струящихся по моему лицу.

Как он мог? Это случилось прошлой ночью. Я знаю, что да.

Почему они лгут? Почему он не может просто признаться, что поцеловал меня прошлым вечером? Все это какая-то дурацкая шутка? Мэдисон во всем была права?

— Трент... — начинаю я, но Зак выхватывает баскетбольный мяч из рук Винсента и бросает его в меня.

Мяч попадает мне прямо в живот, выбивая из меня воздух.

— ПРОВАЛИВАЙ! — рявкает он.

И я ухожу. Спотыкаюсь на дрожащих ногах убегаю. Мое тело сотрясается от рыданий, когда я плетусь по улицам. Слезы текут по моему лицу, и я едва вижу, куда бегу сквозь поток слез. Мои тапочки вдруг за что-то цепляются, и я падаю. Мое тело глухо ударяется о влажную землю, и я стою на четвереньках, всхлипывая в неподвижный воздух.

Я плачу по Мэдисон.

Я плачу по убитой горем уродке, у которой не было ни единого шанса.

Я плачу и плачу, пока у меня не остается слез.

Звук шин по гравию заставляет меня вытереть лицо рукавом пижамы и посмотреть на источник.

— Боже милостивый, Маккензи. Где тебя черти носили? Ты нужна своим родителям! — говорит шериф Келлер, распахивая водительскую дверцу патрульной машины.

Я даже не утруждаю себя вытереть слезы. Вместо этого я позволяю отчаянному рыданию вырваться и посмотреть в его встревоженные глаза, когда он ползёт ко мне.

— Шериф Келлер. — мой голос срывается, а губы неудержимо дрожат. Не

сомневаюсь, что мои следующие слова вызовут целую бурю проблем. — Я должна рассказать вам кое-что о прошлой ночи.

— Маккензи? Эй, ты в порядке, детка? — спрашивает Вера, вырывая меня из воспоминаний. — Ты отключилась на секунду.

Я прочищаю горло, мои глаза все еще прикованы к фотографии и словам над ней.

— Ага. Да, я в порядке. Я просто... Наверное, я просто задумалась о работе.

Ложь легко слетает с моих губ, как это обычно бывает с такими девушками, как я. Конечно, они мои подруги, но я никогда не была с ними честной. О моем прошлом или даже настоящем.

Кэтрин и Вера всегда были популярными богатыми девушками, и, глядя на меня сейчас, вы никогда не узнаете, что я не была такой когда-то. За последние годы я сильно изменилась. Настолько, что не думаю, что кто-то из моей старшей школы даже узнал бы меня, не говоря уже о том, чтобы запомнить.

Я больше не толстушка Кензи. Теперь я просто Маккензи. Светская львица.

После окончания средней школы я отказалась от академической стипендии Университета штата Сан-Франциско и приняла внезапное решение перебраться в Большое Яблоко. С тех пор я ни разу не была в Калифорнии и даже не думала возвращаться. Там для меня уже давно ничего не осталось.

Мои подруги сливки общества здесь, в богатом мире. Их работа? Они не работают. Просто тратят деньги отцов, одеваются по последним трендам моды и получают деньги, чтобы хорошо выглядеть. Они появляются в самых горячих клубах, устраивают вечеринки со знаменитостями и тратят целое состояние на ненужные вещи, такие как эта еда, за которую мне, вероятно, придется копаться в своих сбережениях, чтобы заплатить.

Притворяться кем-то или чем-то, кем я не являюсь, то, к чему я привыкла. Вот как я жила все эти годы. Милые девушки? У них ничего не получается. Их топчут и используют в своих интересах. Мне пришлось узнать это на собственном горьком опыте. Но злые девушки? Они выдерживают шторм и каким-то образом всегда оказываются на вершине.

И именно в нее я превратилась — в злую девушку.

Я должна ненавидеть это. Я превратилась в мерзкую версию моей мертвой сестры, и, честно говоря, не знаю, что это говорит обо мне и моей голове. Я должна испытывать отвращение к тому, кем стала, но, если быть честной, я уже давно ничего не чувствую. Я оцепенела, плыла без эмоций. И все это до тех пор, пока я не увидела фотографию, над которой Кэт и Вера все еще сходят с ума.

Кэтрин Ван Дер Пон — дочь магната. Мы познакомились на мероприятии, где я работала. Она была гостем, пока я обслуживала на стороне, едва сводя концы с концами. Я только закончила свою смену и переодевалась в туалете, когда она столкнулась со мной. Она приняла меня за очередного гостя и завела разговор. Остальное в значительной степени история.

Вера Каспиан — наследница семьи, владеющей дерьмовой тонной земли с нефтью. Я познакомилась с ней несколько лет назад через Кэт. Эти двое были лучшими подругами уже некоторое время, и я думаю, что я стала последней частью, необходимой для завершения их трио. Вместо того, чтобы рассказать им правду о моей семье и обо мне, я выдала им какую-то жалкую историю — моя сестра умерла, когда я была молодой, мои родители отрезали меня от финансов много лет назад, и мы больше не общаемся. Вот и все. Мошенническая история Маккензи Райт.

Я никогда не чувствовала необходимости вдаваться в подробности. Мы за тысячи километров от той прошлой жизни, так что они никогда не узнают правду. Девочкам не нужно знать, насколько я на самом деле разорена, откуда я на самом деле пришла или что мне пришлось преодолеть в прошлом.

Девочки думают, что я работаю так много, потому что пытаюсь досадить своей богатой семье, но на самом деле я просто пытаюсь выжить и наскрести себе на жизнь. Они понятия не имеют. Они предлагают помощь всякий раз, когда знают, что я жадничаю, просто чтобы остаться на плаву, но по большей части я стараюсь не брать у них подачки. Не похоже, что я заслуживаю.

Я лгунья и обманщица. Это печальная правда.

— Беспокоишься о дедлайнах? — спрашивает Кэтрин, имея в виду одну из моих многочисленных работ.

Я заставляю себя фальшиво улыбнуться.

— Ага. Наверное, я просто немного переживаю, что не успею вовремя.

Она усмехается.

— Ох, перестань, ты блестящая писательница, и безумно талантлива. Они полюбят все, что ты им дашь.

Если бы она только знала.

Она просто хорошая подруга, которая пытается осыпать меня похвалами. Они никогда не читали ни слова из того, что я написала. Думаю, не многие из них.

Мои подруги думают, что я внештатный писатель, кем я и являюсь, но они не знают, что я также писатель на стороне. Я беру внештатную работу за дополнительные деньги, так как это мой единственный способ выжить, но на самом деле я сосредоточена на своей писательской карьере. Я работаю над одним и тем же проектом уже шесть лет, но застряла не середине, не имея достаточной информации о том, куда с этим податься.

Мой взгляд снова скользит к фотографии в журнале сплетен, и в голове начинает складываться план. Чувства, которые я похоронила, быстро выползают на поверхность, требуя, чтобы с ними имели дело.

Думаю, я только что нашла ответы для проекта, над которым работала.

— Это выглядит забавно. Мы обязательно должны сходить на открытие.

Я ловлю себя на том, что говорю, мои глаза все еще прикованы к фотографии Трента Эйнсворта, обнимающего двух других парней. Судя по фигуре, это Зак Ковингтон и Винсент Хоторн. На фотографии не хватает только двух дьяволов — Маркуса Уайтхорна и Себастьяна Пирса. В пятый раз мои глаза скользят по подписи над фотографией:

Голливудская сенсация — крупнейшие плейти СоCal снова взялись за дело. Трое из печально известной пятерки были замечены во вторник вечером на торжественном открытии своего нового, эксклюзивного клуба в Западном Голливуде, подходящего для элиты — Короли. Список гостей уже на целый километр заполнен вашими любимыми знаменитостями из списка А, что гарантирует успех открытия клуба.

Рассеянно я провожу подушечкой пальца по губам, обдумывая. Мы можем вылететь из Нью-Йорка в Лос-Анджелес без проблем — Вера и Кэт тусовщицы до мозга костей. Они ни за что на свете не пропустят такое эксклюзивное открытие клуба.

— Ты серьезно? Ты, из всех людей, готова ради этого полететь в Лос-Анджелес? А что насчет твоих дедлайнов и работы в фирме?

Одна из моих подработок — помощник директора по маркетингу MainCorp Marketing.

Это дерьмовая работа, но она помогает оплачивать счета. Все это стоит моего достоинства. Обычно я не возражаю против грубой работы, но когда твой босс — мудака, одаривающий тебя невыполнимыми заданиями — например, забрать вещи из химчистки, купить кофе и другие продукты в течение дня, ох и да, купить презервативы, которые, я на сто процентов уверена, он не использует со своей женой, это всегда весело.

Я неопределенно пожимаю плечами и киваю Вере.

— Это может стать хорошим отвлечением от работы. Я никогда не брала выходных, так что они не могут сказать мне «нет».

Кэт визжит и тянет меня в ограничивающее воздух объятие.

— Да! Я люблю тебя Я люблю тебя! Я забронирую билеты и назначу встречу с Женеьевой для бразильцев. Мы будем самыми *горячими* в этом клубе в ночь открытия. Люди не смогут оторвать от нас глаз. Кто знает, может, кто-нибудь из нас даже охмурит одного из миллионеров, владеющих клубом.

Она многозначительно шевелит бровями.

Я улыбаюсь. Настоящей, искренней улыбкой.

Таков план.

Я изучаю свое отражение в огромном, до пола, зеркале в номере. Я не могу забыть, как по-новому я выгляжу. Два дня назад, после того как Кэт убедилась, что наши тела натерты воском и почти все волосы выщипаны, я решила, что пришло время перемен. Впрочем, это было не такое уж неожиданное решение. Это что-то совсем другое. Я хотела стать другим человеком. Я не хотела возвращаться на Западное побережье, чувствуя себя все той же Маккензи Райс со светлыми волосами и карими глазами. Несмотря на то, что я больше не была той девочкой из старшей школы, я не могла не ощущать, что вновь оказаться рядом с Дикарями все изменит. Мне пришлось сделать себя неузнаваемой, ради удержания преимущества, и, глядя в зеркало, я думаю, что добилась этого.

Взяв прядь своих волос, выкрашенных в черный цвет, я должна признать, что волосы стали трудной переменной. Видеть, как мой блондинистый оттенок размазывается черным, было все равно что смотреть, как умирает часть меня и появляется мое альтер эго. Это определенно займет время, чтобы привыкнуть, но когда я впервые окидываю себя взглядом, я не могу не ощущать себя... по другому. Соблазнительной. Красное платье с запахом идеально облегает мои изгибы и сидит чертовски тесно, как перчатка. Весь бег в мире не может избавить меня от моего зада, поэтому много лет назад я решила принять его. Я сменила орду кардиотренажеров на пилатес и тяжелую атлетику. Теперь моя задница то, чем я горжусь.

Я выгляжу опасно — как лисица. Сексуальная, опасная лисица, получающая компенсацию за свою сестру.

Мой сотовый вибрирует на столе. Оторвав взгляд от своего отражения, я смотрю на сообщение на ярко освещенном экране.

Кэт: Как только ты будешь готова, консьерж будет ждать тебя с городской машиной. Любезность моего отца. Целую.

Я закатываю глаза. Отец Кэт, магнат, всегда работал на побегушках у дочери. Вера и Кэт

остановились в семейном загородном доме Кэт, но я предпочла уединиться, потому что не хотела быть обузой. Мне также нужно время, чтобы собраться с мыслями, прежде чем снова вливаться в жизнь элиты. Кэт была не в восторге от мысли, что я останусь в каком-то случайном отеле одна, поэтому попросила своего отца потянуть за какие-то ниточки. Вместо того чтобы остановиться в дешевом, приличном отеле, как я намеревалась, отец Кэт снял мне номер в Kings Resort and Spa. Это так претенциозно и снобистски, как это звучит, но также невероятно красиво. Мой номер не от мира сего, и персонал здесь абсолютно невероятный. Впервые я чувствую себя принцессой. Вот как все обращаются с тобой в таком отеле. Теперь я понимаю, почему люди тратят столько денег на пятизвездочные отели, из-за этого? Это больше похоже на стозвездочный отель.

И, поверьте, мне, у меня были сомнения насчет того, чтобы остаться здесь. Я имею в виду, что одно только название Kings Resort казалось мне какой-то дурацкой шуткой, тем более что я готовилась иметь дело с печально известной королевской семьей. Мое пребывание здесь своего рода предзнаменование, но я просто не уверена, плохое или хорошее.

Я запикиваю телефон в сумочку и в последний раз проверяю прическу, прежде чем выйти из номера, чтобы встретиться с девочками. Сегодня вечером мы ужинаем в Нобу, и я уверена, что это будет стоить нам руки и ноги. Я уже чувствую, как моя кредитка вздыхает в кошельке. Я вхожу в лифт, не удивляясь, что он заполнен красивыми мужчинами в костюмах и красивыми женщинами, висящими на их руках. Если я правильно помню Кэт, владелец сети курортов устраивает здесь какую-то вечеринку в выходные, а это значит, что отель до краев заполнен богатыми нахалами.

Отлично. Как раз то, что мне нужно.

Пробираясь через переполненный вестибюль, я стараюсь не позволять звукам голосов действовать мне на нервы. Мой телефон вибрирует, и я вздыхаю, готовая отчитать Кэт за то, что она торопит меня, хотя я уже на пути к выходу.

Когда я перевожу взгляд на экран, мое сердце резко останавливается, а во рту пересыхает. Я тяжело сглатываю, обводя взглядом множество тел, ища место для передышки. Я нахожу его в виде ресторана с надписью The Den, который заблокирован табличкой «ЗАРЕЗЕРВИРОВАНО — ТОЛЬКО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ — НЕ ВХОДИТ». Сказав, что к черту все это, я прокрадываюсь мимо бархатной веревки и вывески, находя маленький кусочек одиночества. С уединением, которое мне нужно для такого разговора, я провожу пальцем по экрану, и мой голос дрожит, когда я произношу:

— Алло?

— Привет...

Голос звучит удивленно при ответе. Я в таком же шоке. Мы всегда позволяем этим звонкам перейти на голосовую почту. Мы уже много лет не разговаривали по телефону; обычно я оставляю голосовые сообщения, чтобы сказать все необходимое.

После завтрака с девочками я, наконец, позвонила ей перед вылетом и оставила голосовое сообщение. Длинное, как я делаю каждый год. Хотя я и не ожидала услышать от нее ответ. Текстовое сообщение? Конечно. Официальное письмо не почтой? Вероятнее всего. Определенно не это.

— Я прослушала твоё сообщение. Наверное, я просто... хотела узнать, как у тебя дела.

Я шагаю дальше в тихий, тускло освещенный ресторан, оценивая, насколько великолепен и современен дизайн.

— У меня все хорошо. Как ты, мама? — спрашиваю я.

Слово «мама» имеет горький привкус на моем языке.

— Хорошо, — тихо говорит она, не отвечая на мой вопрос. — Ты занята? Похоже, я тебя отвлекаю. Надеюсь, я не испортила тебе вечер.

Ее голос звучит устало, даже грустно. И черт, если это не заставит мое сердце сжаться. Ноги сами собой уносят меня вглубь ресторана, подальше от звенящих голосов в отеле.

— Э-э, да. Нет, ты не испортила мне вечер. Я как раз собиралась поужинать и выпить с друзьями.

— Это... замечательно. Не... буду прерывать тебя, Маккензи.

По какой-то странной причине меня охватывает печаль. Она сжимает мою грудь в тиски, наполняя мое и без того разбитое сердце льдом.

— Хорошо, — шепчу я.

Потом линия обрывается.

Я отодвигаю телефон от уха и смотрю на него, пытаюсь понять, что чувствую. Часть меня хочет злиться. Как она смеет так называть меня после стольких лет? Но другая часть, большая часть — та Маккензи, которую я так старательно скрывала, — чувствует, как возвращается домой и падает в ее объятия. Так же, как я часто делала, когда была ребенком.

Она моя мама, и я люблю ее. Никакое время, проведенное вдали от нее, не изменит этого.

Кашель позади меня заставляет мое сердце подпрыгнуть, и я поворачиваюсь к источнику.

— Ты, очевидно, не очень хорошо читаешь.

Мои глаза расширяются, когда останавливаются на обладателе этого богатого, декадентского голоса. Мужчина, очень красивый мужчина, одетый в безупречный серый сшитый на заказ костюм, сидит за столом, очевидно, наслаждаясь частным ужином. Ну, это было до того, как я вошла.

— Я-я... не... я-я... не...

Мне удастся произнести бессвязное предложение. Ни одной минуты с этим мужчиной, и он снова превратил меня в рыдающую неудачницу из средней школы.

Он склоняет голову набок, на его лице застывает непроницаемое выражение.

— И не очень внятно.

Его слова раздражают меня.

— Я... ну, я...

Он с вызовом поднимает бровь, будто я только что доказала его точку зрения.

Ну, сюрприз, сюрприз, он потрясающе красив и к тому же полный мудака. Я слишком хорошо знаю этот тип.

— Прости, — бормочу я, прочищая горло, — Наверное, я не ожидала, что вломлюсь к кому-то на ужин, и уж точно не ожидала, что этот человек окажется таким королевским мудаком.

Маленькая, сексуальная ухмылка играет в уголках его губ.

Боже милостивый! Эта ухмылка делает с моим телом вещи, которые *не* должны происходить прямо сейчас.

Его глаза блуждают по моему телу, посылая холодок по спине. Но это не неприятный озноб. На самом деле все совсем наоборот.

— Королевский мудака? — в его тоне слышится намек на интонацию. — Ты пока ничего

не видела.

На этот раз настала моя очередь поднять брови.

— Пока?

Как бензин в огне, его ухмылка растекается во всеохватывающую улыбку, от которой у меня перехватывает дыхание.

— Сядь.

Мое тело вздрагивает от приказа — нет, команды, — но я не сдаюсь, даже если странное ощущение жжения в позвоночнике умоляет меня сделать это. Уступить этому мрачно красивому мужчине.

— Я не подчиняюсь приказам придурков.

Мое замечание заставляет его усмехнуться. Звук хриплый, мрачный и такой соблазнительный. Мой взгляд прикован к его кадыку, который восхитительно покачивается, соответствуя его юмору. Он... великолепен. Совершенно великолепен в темном, грубом смысле. Волосы у него черные — не каштановые или темно-каштановые, а черные — и сексуальные. Цвет отражает мой, за исключением того, что его естественный. Его точеное лицо напоминает греческого Бога. У него острые скулы, пухлые губы и, если быть до конца честной, чрезвычайно отвлекающие. По ширине его плеч и телосложению верхней части тела я могу сказать, что он здоров — чрезвычайно здоров.

Даже со всеми этими удивительными качествами я не могу оторвать глаз от чего-то другого. Его глаза. На первый взгляд, они не кажутся особенными, просто темно-синие, соответствуя его темной внешности. Это обычный синий оттенок, который было бы легко не заметить. Его брови самая заметная черта и на, что люди, скорее всего, обращают внимание. Широкие и изогнутые, затемняя его лицо жаром, но его глаза остаются ледяными, пронизывая меня до костей.

Мои ноги сжимаются вместе, когда я смотрю на него, пытаюсь найти свой голос или другое умное замечание. Вместо этого я поворачиваюсь, готовая уйти, но его голос останавливает меня.

— Поужинай со мной.

Электрический разряд пронзает мой позвоночник и вибрирует в пальцах рук и ног. Я медленно оглядываюсь через плечо, и он указывает на пустую сторону стола.

— Никакой компании. С таким же успехом можно меня развеселить.

Я открываю рот, чтобы что-то ответить, но тут же захопываю. Я имею в виду, серьезно, что, черт возьми, я должна сказать на это? Я *должна* уйти. Мне нужно уходить. Уйти и никогда не возвращаться, потому что этот человек настолько не в моей лиге, что даже не смешно, но по какой-то причине я этого не делаю. Я набираю полную грудь воздуха, поворачиваюсь и шагаю обратно к столу, изо всех сил стараясь не шататься на этих пятнадцати сантиметровых каблуках.

Словно из ниоткуда, кто-то, одетый в униформу гостиницы, выдвигает мне стул и помогает присесть, при этом высокий — даже сидя, этот мужчина возвышался бы над моей маленькой фигурой в тот момент, когда встал бы — и мрачный красавчик наблюдает за каждым моим движением. Я понятия не имела, что служащие отеля ждут за кулисами и в тени этого ресторана, наблюдая за моей странной, но волнующей встречей с этим человеком.

Я медленно сажусь, чувствуя, как нервы берут вверх. Декадентский, пикантный запах его еды поражает меня первым, и мой желудок урчит. Мои мысли тут же переключаются на

Веру и Кэт, которые, вероятно, ждут моего прибытия в Нобу. Я не хочу быть той подружкой, которая бросает своих подружек из-за того, что встречает мужчину, но Господи, когда у меня снова появится шанс насладиться ужином с таким великолепным, пугающим и интригующим мужчиной, как тот, что сидит напротив меня? Вероятно никогда.

— Я хочу, чтобы ты знал, что я присоединилась только потому, что голодна.

И не потому, что ты самый красивый мужчина, которого я когда-либо видела.

Я держу этот последний лакомый кусочек при себе.

Красивый незнакомец издаёт мрачный, хриплый смешок, который поражает меня в тех местах, где смех никогда не должен поражать. Это так чуждо, но щекотно.

Его лицо расплывается в умопомрачительной ухмылке, заставляя мои женские прелести сжаться. Я замечаю мальчишеский блеск в его переливающихся голубых глазах и мужественных чертах лица и склоняю голову набок. В нём есть что-то такое знакомое, но я не могу понять, что именно.

— Понял. — замечает он глубоким скрипучим голосом, который волнами проходит по моему телу. То, как он говорит, его невероятно сексуальный тембр, заставляет меня забыть, зачем я вообще сюда пришла. — Я не расслышал твоего имени.

Жар, кипящий в его глазах, заставляет мою грудь беспорядочно подниматься и опускаться, пытаюсь приспособиться к дыханию.

— Я не произносила, — говорю я хриплым голосом, теряясь в его беспокойном взгляде.

Он ухмыляется, будто знает, как действует на меня, затем кладет руки на скатерть и медленно наклоняется ко мне. Мои глаза расширяются, и легкие болезненно сжимаются, ограничивая воздух, просто ожидая, когда он сделает следующий шаг. Он опускает голову, его губы касаются моего уха. Его мужской запах витает вокруг меня.

— Очень приятно познакомиться, без имени.

Я улыбаюсь и стараюсь не обращать внимания на порхание бабочек в животе и трепет, пробегающий вверх и вниз по позвоночнику.

— Маккензи.

Он отстраняется ровно настолько, чтобы заглянуть мне в глаза.

— Маккензи, — повторяет он мое имя, словно пробуя на вкус. И трахните меня, если, услышав мое имя из его уст, я не стану проворачивать странные вещи со своим телом. — Расскажи мне о себе. Что привело тебя сюда?

— Ну, я... Подожди, я даже не знаю твоего имени. Это кажется немного несправедливым, не думаешь?

Он, кажется, слегка удивлен и озадачен вопросом. Он думает, что я могу читать мысли и автоматически узнаю его имя?

— Баз.

— Хм. Интересное имя.

— Так я и слышу, — отвечает он беспечно. — А теперь расскажи мне о себе, Маккензи.

Тот же служащий отеля, что и раньше, входит с серебряным подносом и останавливает тележку рядом со мной. Тарелка с едой это то же самое, что ест мужчина напротив меня. Запах жареного лосося в пикантном красном вине с жареными овощами вызывает у меня слюноотделение, когда он ставит передо мной тарелку.

— Спасибо, — бормочу я, все еще чувствуя себя немного не в своей тарелке от осознания того, что у этого человека есть служащие отеля на побегушках.

Ему даже не пришлось просить их приготовить мне тарелку или выдвинуть стул. Они

просто все знали. Если я не знала этого раньше, то теперь точно знаю — этот мужчина должно быть имеет большое влияние, если эти люди таскаются за ним.

Служащий наливает мне бокал вина, в то время как высокий, смуглый красавчик потягивает то, что я думаю, что это виски в стакане. Или бурбон? Что предпочитают пить богатые люди?

Сделав большой глоток вина для храбрости, я вспоминаю, о чем спрашивал меня Баз перед тем, как мне принесли еду.

— Ну, — я прочищаю горло, — Я из Нью-Йорка, и я писательница... ну, вроде как... просто прилетела сюда на выходные с подругами.

Ему не нужно знать, что это бегство замаскированное под заговор с гораздо более... жестокими намерениями.

— Что насчет тебя, мистер Без-Компании-На-Ночь? Расскажи мне о себе.

Лицо База омрачается смущением, но затем оно внезапно проясняется и превращается в пустую маску, за исключением его пухлых губ, которые теперь сжаты в тонкую, мрачную линию.

— Мне не нравится, когда женщины прикидываются дурочками, Маккензи. Это, конечно, не работает со мной.

Мои брови поднимаются, мое лицо краснеет от удивления.

О чем, черт возьми, он говорит?

— Прошу прощения? — спрашиваю я оскорбленным тоном.

Он внимательно наблюдает за мной, когда я замираю с ножом и вилкой, погруженными в лосось.

— Ты действительно не знаешь, кто я, не так ли? — спрашивает он, склонив голову набок, как будто ждет, когда я решусь сказать правду.

Я замедляю жевание и смотрю на него более пристально.

Абсолютно никакого узнавания.

Кроме его глаз. Когда я смотрю ему в глаза, мне кажется, что я его знаю. В них есть что-то знакомое. Какая бы тьма там ни скрывалась, она отражает мою, словно мы одно и то же.

— Разве я должна?

Конечно, я бы запомнила такое лицо, если бы когда-нибудь столкнулась с ним раньше.

Он задумчиво смотрит на меня, рассеянно проводя пальцами по запотевшему стакану с янтарной жидкостью.

— Полагаю, что нет.

— Ну? — подсказываю я, начиная нервничать и желая узнать правду.

— Баз Кингстон, генеральный директор King Spas and Resorts.

У меня отвисает рот.

— Ты владеешь этим местом?

Он ухмыляется моей реакции.

— Да.

— Ух ты, — выдыхаю я. — Не ожидала.

— Интересно.

— Что?

— Большинство людей уже знают, кто я. Но ты... ты другая. Не могу сказать, какой твой план.

Мои брови хмурятся.

— План?

Баз ухмыляется, но не так тепло и сексуально, как все остальные. Этот совсем по другому. С долькой мрачности.

— У каждого имеется план, Маккензи.

Я краснею от его слов. Даже не знаю почему, но по какой-то причине его слова заставляют жар подняться к моим щекам. Может, потому, что он ближе к истине, чем думает. Потому что у меня имеется план. Это единственная причина, по которой я здесь, в Калифорнии. Вот почему я изменила свою внешность.

— Отель просто невероятный. Я имею в виду, что ты должен гордиться всем, что ты здесь сделал.

— Да, спасибо. Мы собираемся открыть еще одну сеть на Фиджи, а также в Хэмптоне в ближайшее время.

— Это невероятно.

Я заставляю себя улыбнуться, стараясь не обращать внимания на сцепление, которое в данный момент прожигает дыру в моих коленях. Вот я сижу напротив генерального директора-миллионера и изо всех сил пытаюсь заработать достаточно денег, чтобы наскрести на жизнь.

Иногда Вселенная может быть сукой.

— Хватит обо мне, — он откидывается на спинку стула безразличным тоном. — Расскажи мне побольше о себе. Что привело тебя в Калифорнию?

Месть.

Вместо того чтобы сказать это, я прочищаю горло, выбирая версию правды.

— Отец моей подруги снял мне здесь номер. Ты, должно быть, знаешь его, мистер Ван Дер Пон? Ну, его дочь моя хорошая подруга, так что мы решили провести весело выходные. Просто девушки наслаждающиеся своим временем вдали от работы.

Его глаза практически испепеляют меня тем, как он смотрит на меня. Словно он ищет ложь, что-то осязаемое, за что можно ухватиться. Он рассеянно проводит подушечкой большого пальца по нижней губе. Это невероятно отвлекает.

— И никаких парней?

С моих губ срывается писк.

— Э-э, нет. Никаких парней.

— Я не верю в это.

— Ох? — я вопросительно поднимаю бровь. — Почему?

Он снова наклоняется вперед, в мое пространство.

— Потому что, Маккензи, ты слишком сексуальна, чтобы не сводить с ума всех мужчин в Нью-Йорке. Черт, ты делаешь это со мной прямо сейчас.

О Боже.

— Я... ну... Я...

Он посмеивается над моим измотанным ответом.

— Дело вот в чем, Маккензи. Ты заинтриговала меня, как ни одна другая девушка. И мне это нравится. Слишком, — размышляет он, откидываясь на спинку стула. — Ты говоришь, что прилетела сюда со своими подругами повеселиться, так что у меня есть к тебе предложение.

— Что за предложение?

Его глаза темнеют, и синева его взгляда впивается в мою плоть.

— Грязное.

— О Боже, — выдыхаю я.

— Я бы не хотел, чтобы это имя слетало с твоих губ, но мы над этим поработаем. Прямо сейчас я не хочу ничего больше, чем трахнуть тебя шесть раз в воскресенье, Маккензи.

Мое сердце бешено бьется, легкие вздымаются.

Что-то происходит в животе, и мне кажется, что в моих венах плавают шипучка. Мое тело сходит с ума от его слов.

Черт.

Он хочет трахнуть меня.

Боже.

— Это... это невероятно прямолинейно, мистер Кингстон, вам не кажется?

Его ухмылка напоминает мне хищника.

— Я очень напорист, когда знаю, чего хочу, Маккензи. И правда? Я хочу трахнуть тебя. Очень, очень сильно.

Низкий всхлип срывается с моих губ, заставляя его усмехнуться, будто ему нравится наблюдать за моими страданиями. Наслаждаться, смотреть, как я извиваюсь.

Держи голову в игре! Мой мозг кричит, напоминая, почему я здесь. Я не могу потерять все из виду только потому, что горячий мужчина хочет дикий, сумасшедший секс со мной. Я не могу.

Не буду.

— Я-я... Наверное, мне пора. Я должна встретиться с м-моими подругами.

Христос. Нервное школьное заикание вернулось в полную силу.

Баз цокает языком.

— Стыдно. Я с нетерпением ждал встречи с грязной девочкой внутри тебя, — говорит он, проводя большим пальцем по моей нижней губе.

Я настолько выбилась из колеи, что даже не заметила, когда он придвинулся ближе или когда его рука потянулась к моему лицу.

Я отскакиваю от стола и качаюсь на каблуках, пытаюсь быстро убежать.

Баз ухмыляется.

— До следующего раза, грязная девочка.

Я несусь прочь из ресторана, пробираюсь сквозь толпу людей к лифтам.

После того, как я запираюсь в своём номере, я прислоняюсь спиной к тяжелой двери и борюсь с дыханием. Мои соски затвердели, и с каждым вдохом они болезненно задевают ткань платья. Я сжимаю бедра и всхлипываю, ощущая, насколько промокли мои трусики. Я никогда раньше не сталкивалась с таким человеком. Никогда не чувствовала себя такой распутной, такой сексуальной, такой желанной. Я никогда так сильно не хотела провести одну ночь с незнакомцем.

Так почему я тогда остановила его? Почему просто не сказала «да»? Что может разрушить одна ночь?

Ничего. Абсолютно ничего.

Вытирая лоб тыльной стороной ладони, я отталкиваюсь от двери и направляюсь в спальню, чтобы облегчить боль, но потом останавливаюсь. Прежде чем я осознаю, что делаю, я разворачиваюсь на каблуках и распахиваю дверь. Все еще обхватив запястье кулаком, я направляюсь к лифту и поднимаю взгляд, чтобы нажать кнопку вызова. В этот момент двери открываются, и у меня перехватывает дыхание.

— О, черт, — выдыхаю я.
Баз ухмыляется.
— О, черт, действительно.

ГЛАВА 2

Маккензи

Не проходит и секунды, как я оказываюсь на нем. Или он на мне. Не могу сказать, как это происходит. Я прижимаюсь губами к его губам и всем телом к его теплу. Его губы мягкие и твердые. На вкус он как мужчина с красной кровью и крепким алкоголем.

Наши языки соприкасаются, а рты работают в тандеме, пока мы пробираемся от ряда лифтов обратно в мой номер, пожирая друг друга.

— Если хочешь передумать, я предлагаю тебе сделать это сейчас, Маккензи, потому, что если ты этого не сделаешь, я трахну тебя, и я не собираюсь останавливаться.

Я втягиваю нижнюю губу в рот и прикусываю ее до тех пор, пока нервы не начинают кричать от боли.

Это плохая идея. Я знаю это. *Я чувствую это.*

Вместо того, чтобы сделать то, что я знаю, что должна, например, отступить от этого безумно красивого мужчины и никогда не оглядываться назад, у моего рта другие планы.

— Трахни меня, Баз.

Он рычит. Я чувствую, как его действие волнами прокатывается по моему телу, и он

снова наклоняется, завладевая моим ртом.

Мы открываем дверь и врываемся в номер, ударяясь обо все поверхности на нашем пути. Баз прижимает меня к стене, и от того, как он умело управляет мной, мои трусики наполняются влагой. Я пульсирую и капаю, как чертов протекающий кран.

Он встаёт на колени и стягивает мое обтягивающее платье на бедра, его взгляд пожирает каждый сантиметр моей кожи. Его руки большие, как загрубевшие медвежьи лапы скользят по моим бедрам. Он поднимает одну ногу и закидывает ее себе на плечо, и я стону, потому что знаю, что будет дальше. Предвкушение почти слишком велико. Мое сердце напряженно сжимается, и нужда просачивается по венам. Баз пронзает меня взглядом, его приказ грозит заставить меня кончить.

— Не двигайся.

Затем его рот оказывается на мне сквозь трусики. Его теплый язык скользит по мокрому материалу, и я откидываю голову назад к стене, прижимаясь бедрами к его лицу, молча прося о большем. Он отрывает рот, и я ожидаю, что он снова погрузится, но он этого не делает. Мои глаза распахиваются, и я смотрю на него сверху вниз с вопросом. Он небрежно откидывается и смотрит на меня с напряженным выражением лица.

— Я сказал, не двигайся.

Я сглатываю. Буквально залпом. Медленно опустив подбородок в знак согласия, он, наконец, наклоняется ко мне, и я выдыхаю воздух, который не осознавала, что задерживаю.

Гибкими пальцами он протирает меня сквозь трусики, и мне приходится бороться с желанием тела вжаться в его прикосновения. Он должен заметить мою борьбу, потому что он делает мне одолжение, предоставляя мне самый маленький сантиметр, сдвигая мои трусики в сторону и проводя пальцами по моим мокрым складкам. Я издаю протяжный стон.

— Блядь, ты вся мокрая.

Я зажимаю нижнюю губу зубами и подавляю вздох удовольствия. Потому что я знаю. Я никогда в жизни не была такой мокрой. Никогда не чувствовала себя настолько потерянной в мужчине, чтобы все мои запреты вылетели в окно.

Должно быть, ему это нравится, потому что, прежде чем я успеваю подготовиться, он набрасывается и пожирает мою киску. Его рот прижимается к моему лону, и его бархатный язык начинает кружиться вокруг моего клитора.

Испуганный вскрик срывается с моих губ, и я хлопаю руками по стене, чтобы не упасть. Ощущения... их слишком много. То, как его тёплый язык скользит по моему клитору, погружаясь в меня и пробуя на вкус настолько невероятно эйфоричное, что становится больно. Пульсация в моей сердцевине причиняет боль. Толчок глубоко в моем животе скручивается от жара и напряжения, и мое тело умирает от потребности почувствовать его внутри. Каждый его сантиметр. Я хочу, чтобы он проглотил меня, проглотил целиком, и именно это он и делает.

— Ущипни себя за соски, — хрипит он между облизываниями, и мое сердце судорожно сжимается по команде. Он снова отводит рот, понимающе улыбаясь мне. — Я понял, что ты совершенна, как только твои глаза вспыхнули при моей первой команде в ресторане. Тебе нравится, когда тебе говорят, что делать, не так ли, Маккензи?

— Да, — выдыхаю я.

Я даже не знаю, правда ли это. Мне никогда не нравилось, когда мной командуют во время секса, но как это делает Баз? Я никогда не вернусь. До тех пор, пока он не уберет руки

с моего тела, он может командовать мной весь день.

— Такая грязная девочка, — одобрительно рычит он, водя своим умелым языком вокруг моего клитора, словно вознаграждая меня за честность.

Мои ноги начинают дрожать и почти подкашиваются, но Баз удерживает меня на месте, так что я не падаю. Оргазм пронзает меня, и он вылизывает его полностью, впитывая каждую последнюю каплю моего освобождения.

Он встает на ноги, освобождаясь, и без извинений срывает с меня нижнее белье и поднимает на руки. Мои ноги тут же обвиваются вокруг его стройной талии. Я раздвигаю колени, давая ему место, умирая от желания почувствовать, как его твердая длина коснется моего центра. Одна только мысль об этом заставляет мою киску пульсировать, а затем сжиматься в предвкушении.

Он устраивает головку около моего входа и без колебаний входит.

Я кричу.

Я никогда не была супер вокальной во время секса, но то, как он пронзает меня своим членом, не похоже ни на что, что я когда-либо чувствовала раньше. Я теряю себя. Малейший укол боли ощущается, когда мое тело приспосабливается к его длине, но прежде всего, это удовольствие, свернувшееся внутри меня — сжимающееся и расширяющееся.

— Блядь, ты такая узкая. Твоя киска так же восхитительна, как я и предполагал. Посмотри, как она сжимает мой член. Ей это нравится, правда, Маккензи?

— Да, да, да, — бессвязно стону я.

Он приподнимает меня выше, выравнивая угол своего таза идеально против моего, и погружает свой член в меня несколько раз глубокими, безжалостными движениями. Я пытаюсь заговорить, простонав его имя, но все, что выходит, это вздохи, стоны и бессвязные слоги. Поскольку звук наших тел эхом разносится по всему номеру, слова не нужны. Наши тела разговаривают, изучая язык друг друга. Ничто не теряется в переводе, когда наши тела констатируют факты — они хотят этого. С каждым толчком, с каждым сжатием, и с каждым разом, впиваясь ногтями в кожу База, я чувствую это глубоко внутри. Я чувствую крещендо, я чувствую, как оно нарастает, и я не в силах остановить падение. Не хочу, чтобы это подходило к концу. Не сейчас, не тогда, когда кончик его члена задевает то место внутри меня, до которого никто еще не добирался.

Баз врезается в меня, царапая спину о стену позади с каждым движением. Моя кожа скользкая от пота, а от него исходит мужской мускусный запах. Я открываю глаза, смотря вниз, где его член исчезает внутри меня, и мой клитор болезненно пульсирует, заставляя сжиматься вокруг его твердой длины. Когда я поднимаю глаза, то вижу, что он смотрит на меня, его темные глаза пылают. Словно веревка между нами натягивается, магнитная сила притягивает нас друг к другу, и наши рты сталкиваются. Это неряшливо, горячо, и не похоже ни на что, что я когда-либо делила с мужчиной.

Я должна была встретиться с подругами за ужином и оплакать годовщину смерти сестры, но все, что меня сейчас волнует, это грязный сценарий, который разыгрывается на данный момент. Все, что меня волнует, это обрести освобождение с этим красивым незнакомцем.

Звуки шлепков, мои стоны, его ворчание и влага эхом отдаются вокруг нас, как ревуций сигнал тревоги. Мне должно быть стыдно за звуки, которое издает мое тело, но я не стыжусь. Я так возбуждена, так потеряна в том, что этот мужчина делает с моим телом, что, кажется, не могу ничего понять.

— Ты очень мокрая, Маккензи?

Моя киска сжимается от эротического вопроса.

— Н-нет.

— Ох, но я думаю, что да. Я чувствую, насколько ты мокрая. А ты чувствуешь это? — насмехается он, изменяя угол бёдер и задевая место, которое кажется чертовски вкусным. — Это говорит мне о том, что ты готова кончить, Маккензи. Ты хочешь кончить?

— Я...

Я задыхаюсь, когда он перемещает свою руку между нами, щёлкая клитор, почти бросая меня через край.

Он мрачно смеется.

— Не сейчас. Не кончай. Продолжай щипать себя за соски, пока эта киска не забьется в спазмах, ты меня поняла?

Я делаю, как он говорит, и когда я уже на грани, я едва держусь, он наклоняется к моему уху и шепчет:

— Давай, сейчас, грязная девочка.

— О Господи, — стону я, разворачиваясь по спирали, и взрываюсь.

Я кончаю без предупреждения. Оргазм пронзает меня, забирая с собой дыхание. Мои глаза закатываются, лишая зрения, а слух заглушается, оставляя меня всего на целых десять секунд в тишине. Мое тело яростно дрожит в его объятиях, когда каждая волна оргазма прокатывается по мне.

Прийдя в себя я открываю глаза и обнаруживаю, что Баз внимательно наблюдает за мной, пока я спускаюсь по спирали. Его глаза горят, будто смотреть, как я кончаю, его любимое занятие. А может, и любимое. Возможно, доставлять девушкам удовольствие то, ради чего он живет.

Доказательство моего оргазма скользит вниз по ноге, и на секунду мне кажется, что он кончил в меня, но нет. Это я, полностью я.

— Вот так, грязная девочка.

Он злобно ухмыляется, не сводя глаз с беспорядка у меня между ног.

Он двигает рукой по члену, будто вид между моих ног слишком велик, и он больше не может сдерживаться. Запустив кулак мне в волосы, он дергает их и грубо входит в меня. Я не могу подавить животный шум, поднимающийся из горла. Моя киска ощущается использованной, но часть меня не хочет, чтобы он останавливался. Он не может остановиться.

Он внезапно выходит, и я не знаю, почему я это делаю, но я вырываюсь из его хватки. Опустившись на колени, я хватаю его член и беру в рот, пока он не проливается мне в горло.

— Дерьмо, ты невероятна, — выдыхает он, не сводя с меня глаз.

Его взгляд испепеляет меня, оставляя огненный след на моей коже. Он словно клеймит меня.

Он помогает мне подняться, и мои ноги дрожат. Мой желудок трепещет с силой бабочек от того, как он смотрит на меня так пристально, словно хочет опустошить меня целиком. Хотя он только что сделал это.

— Ух ты, — выдыхаю я, и он усмехается.

Улыбка расплывается на моем лице, и следующее, что я помню, его губы на моих в жестоком поцелуе, который крадет мое дыхание. Он практически высасывает воздух из моих легких.

Мои глаза слегка расширяются, когда я чувствую, как твердость База упирается мне в живот.

— Это...? — я смотрю вниз, и, конечно же, он снова твердый. — Как ты можешь быть снова готов? После этого не меньше? — спрашиваю я, совершенно ошеломленная.

Он ухмыляется, ловко расстегивая рубашку и снимая оставшуюся одежду. У меня пересыхает во рту, до боли пересыхает, когда я полностью вижу его бронзовую кожу, пресс, который может посоперничать с моделями по всему миру, и эта глубокая V-образная дорожка, заставляющая меня умирать, чтобы провести рукой или даже языком по каждой частичке его тела.

Я тянусь вперед, погибая от желания сорвать с него рубашку, но он обрывает меня, материал все еще скрывает от меня большую часть его тела.

— Я только начал с тобой, Маккензи. Сними платье. Я хочу видеть твое тело, когда буду трахать тебя в этот раз.

Ох, пресвятая мать всего святого! *Этот рот.*

Я раздеваюсь, и обычно уклоняюсь от того, как он смотрит на мое тело. Вместо этого я наслаждаюсь, как его глаза скользят по моей груди вниз к гладкому, чистому холсту на вершине между бедер.

На этот раз, когда наши тела сталкиваются, я обнимаю его за шею и прижимаюсь к его губам. Он позволяет мне контролировать поцелуй в течение всего двух секунд, прежде чем берет верх, показывая, что он способен сделать со мной. Он поворачивает меня, толкает мое тело через край дивана и входит. Мои пальцы скребут ковёр с каждым его толчком, и стоны отражаются от стен. Он сжимает одно из моих бедер и наклоняет его в сторону, так что его толчки поражают меня в более глубоком, новом положении. На этот раз оргазм пронзает меня гораздо быстрее, и я кричу. От того насколько громко и раскованно это звучит, в горле становится дискомфортно.

Но это его не останавливает. Он толкает меня на диван, изводя мою киску своими опытными движениями. Моя задница в синяках от его хватки и шлепков по коже, но я не могу перестать сопротивляться, желая большего. С моими волосами, обернутыми вокруг его кулака, он тянет, выгибая мое тело в неудобном положении. Он дергает за пряди, а затем его рука скользит между мной и диваном, чтобы поиграть с моим клитором. Кружа по затвердевшему бугорку тыльной стороной ногтя это посылает электрические разряды прямо в мою киску.

Я судорожно сжимаюсь вокруг его толстого члена, кончая на него всем телом. Он не останавливается и не замедляется, просто продолжает двигаться, пока не завершает в меня. Когда мы разъединяемся, мое тело вздрагивает от осознания того, что мы не использовали презерватив.

— О Боже.

— Черт, — шипит он одновременно со мной.

Мы обмениваемся взглядами. Он, похоже, разрывается между желанием насладиться послесвечением прихода и злостью на себя и на меня за то, что мы были так беспечны.

— Я принимаю таблетки.

Мышцы на его лице все еще не расслабляются. Его глаза расчетливо наблюдают, будто он пытается понять, лгу я ему или нет. Будучи генеральным директором, я уверена, что он сталкивается со многими девушками, которые лгут о таких простых вещах, как это, просто чтобы попытаться удержать такого мужчину, как он, в своей жизни, но я бы никогда этого не

сделала. Рождение ребенка в этом мире должно быть обоюдным решением и никогда односторонним.

Другая мысль торопливо пронзает меня, и мое сердце сжимается в тисках.

— У тебя ведь нет... никаких заболеваний?

Его губы сжимаются. На его лице появляется гримаса, словно мой вопрос пощечина.

— Я чист. Я часто проверяюсь.

Я вздыхаю с облегчением.

— То же самое. Ну, не *так* часто, но опять же, я не *так* часто занимаюсь сексом, так что да...

Я замолкаю, понимая, что несу бред. Выражение его лица, кажется, проясняется, темная аура рассеивается, и он усмехается, слегка качая головой.

— Ты такая милая, когда волнуешься, — замечает он, заправляя выбившуюся прядь волос мне за ухо.

Это чувство так расходится со всем, что я видела от База до сих пор, и это согревает мое сердце.

— Спасибо, — бормочу я, опуская голову, чтобы больше не смотреть на него.

Не знаю, кто эта девушка. Та, кто продолжает краснеть и уворачиваться от этого человека, все же является сексуально ненормальной в его присутствии, готовая позволить ему делать с собой все, что ему заблагорассудится. Как будто старая Маккензи опрометчиво снова появилась, и я не знаю, как заставить ее уйти.

Он мягко сжимает мой подбородок подушечками пальцев, и мы встречаемся взглядами, от голубого до орехового, прежде чем он наклоняется и целует меня до бесчувствия. Мне требуется больше времени, чем нужно, чтобы вспомнить, как дышать. Делать глубокие вдохи, не должно быть так сложно.

— Жди здесь, — приказывает он, уходя.

Еще одна команда. И Боже, это оставляет трепет в моем животе. Его длинный, хорошо снабженный член покачивается между мощными, мускулистыми бедрами, когда он направляется в ванную. Он ведет себя так, словно этот номер принадлежит ему, но в каком-то смысле так оно и есть.

Когда он выходит, у него в руках тёплое мокрое полотенце. Он использует его, чтобы протереть меня между ног и вдоль бедер, прежде чем использовать на себе. Мне с трудом удается сохранить нейтральное выражение лица. Он определенно не производит на меня впечатления мужчины, который когда-либо проявит такую заботу после того, как трахнул меня, как животное.

Я начинаю задерживать дыхание, ожидая, пока неловкость уляжется между нами, пока он одевается. По крайней мере, я в своем номере. Если бы мы были в его, мне пришлось бы прятаться под камнем, и я должна была бы совершить позорную прогулку.

— Есть какие-нибудь планы на остаток вечера? — спрашивает он, и я вздрагиваю.

Какие-нибудь планы после того, как ты трахнул меня до бесчувствия? Нет, не совсем.

Я качаю головой, слишком боясь использовать свой голос в этот момент. Когда он снова становится милым и собранным, то поворачивается ко мне с улыбкой, которая заставляет меня остановиться.

— Не хочешь пойти со мной и поплавать?

— Э-э, что?

Он смеется. Хрипло и искренне, если ямочка на его правой щеке является признаком.

— На досуге я могу воспользоваться частным бассейном и спа-салонам. Больше туда никого не пускают.

Мои брови опускаются.

— Это мило? — я говорю это скорее, как вопрос, и он смеется.

— Я спрашиваю, не хочешь ли ты присоединиться ко мне, Маккензи.

— Ты серьезно?

Он ухмыляется.

— Да.

Я не могу бороться с улыбкой, которая расползается по моему лицу.

— С удовольствием.

После нескольких кругов плавания с Базом в его личном бассейне я понимаю, что он довольно хороший пловец. Даже раненый, он заставляет меня выглядеть дурочкой в воде. Его фигура безупречна, то, как его сильные руки рассекают по воде, выглядит невероятно, и он чертовски быстр. Одна его рука забинтована, и он, кажется, предпочитает левую сторону, чтобы не раздражать руку, которая обернута. По-видимому, он сильно упал, оцарапав большую часть руки и локтя, катаясь на квадроцикле со своими приятелями.

Когда он сказал мне, что у него есть собственный бассейн, это совсем не то, что я ожидала. В его распоряжении буквально своя часть курорта, выделанный специально для него олимпийский бассейн и баскетбольная площадка. Это безумие. Это личное. Это его собственный маленький кусочек рая. И я в полном восторге от всего этого.

Поглазев на его бассейн и на него, я пробираюсь через воду, закрывая глаза, когда прохладные струйки гладят мою кожу. Закрывая глаза и двигая руками и ногами, я вижу ее. Мэдисон. Я уже не так часто вижу ее. Она обычно появлялась у меня в голове и оставалась там сразу после того, как умерла. Сначала я это ненавидела — это было мучительно, — но через некоторое время привыкла. А потом, когда прошло больше времени, я с нетерпением ждала этого. Чтобы увидеть ее. Услышать ее. Даже если это было только в моей голове.

Я уплываю от нее, слыша голос. Он такой реальный. Такой ясный. Я чуть не выпрыгиваю из кожи при мысли, что она стоит на краю бассейна и наблюдает за моим общением с Базом. Без сомнения, если бы Мэдисон была жива, Баз стал бы тем мужчиной, к которого она влюбилась бы. У них была бы жизнь, о которой я всегда мечтала. При каждом удобном случае она тыкала бы мне этим в лицо, и я позволяла бы ей, потому что мы, такие девушки так поступаем.

Когда руки База скользят по моей талии под водой, я благодарно вздыхаю, что могу свободно выбросить мысли о Мэдисон из головы. Мы легко переходим от бассейна к джакузи, где Баз начинает сосать мои соски и брать меня в воде, заставляя забыть, на какой планете я нахожусь и почему я вообще здесь, в Калифорнии. Заниматься сексом в полулюдном месте захватывающее ощущение, когда я могу отпустить свои запреты и почувствовать свободной.

Теперь мы отдыхаем около стеклянного и мраморного камина с видом на мерцающие огни Лос-Анджелеса. Расположенное здесь, на утесе, его личное святилище открывает величественный вид на все, что находится внизу. Невероятное зрелище.

— Это прекрасно, — шепчу я в благоговейном страхе, не сводя глаз с ярких огоньков и пытаюсь определить, что внизу.

Мне кажется, отсюда видна обсерватория Гриффита, но я не уверена.

— Да, — говорит он, заставляя меня взглянуть на него.

Я вздрагиваю, понимая, что он наблюдает за мной. Я неистово краснею под его горячим взглядом.

— Итак, мистер Кинг, — я прочищаю горло. — Сюда вы приводите всех дам?

Он смеется, делая глоток из стакана.

— Иногда, — отвечает он.

Я стараюсь не обращать внимания на боль в груди. Не то чтобы я ожидала, что буду особенной, которую он сюда приведет. Но считаю, что эта неуверенная часть меня все еще тайно хотела услышать, что он обычно не приводит сюда девушек. Что я первая. Не думаю, что любой девушке нравится думать об ордах других особ, которые спали с мужчиной. И уж тем более не я.

— Интересно.

— Так ли это? — спрашивает он.

Повернувшись к нему, я вглядываюсь в его лицо, пытаюсь понять, как часто он это делает.

— Очень. Это романтично, так что отдам тебе должное. Уверена, девушки падают сами по себе, пока они здесь, с тобой. Лично? Думаю, это немного клише.

Он склоняет голову набок и внимательно смотрит на меня. Я вижу что-то в его глазах, и это очень похоже на понимающий блеск. Как будто он понимает, почему я говорю то, что говорю. На секунду я нервничаю, что он может увидеть прямо сквозь щит, который я так усердно создавала все эти годы. Чтобы защитить себя от своей неуверенности и любых других обидных слов. Я бросаю взгляд в сторону, прерывая связь, чтобы он больше не мог видеть, что происходит у меня в голове.

— Наверное, я и сам не знаю, — говорит он.

Оглянувшись на него, я поднимаю брови, не понимая. Он уклончиво пожимает плечами и смотрит за огонь.

— Я не обращаю на это особого внимания. Если я наслаждаюсь чьей-то компанией, я наслаждаюсь ею. Но отношения это не мое. Девушки, с которыми я сплю, знают это.

Я заставляю себя фальшиво улыбнуться, понимая, к чему он клонит. Он хочет, чтобы я поняла, что это была всего лишь короткая возня на сене. Никаких обязательств.

Я поняла. Черт, даже я хочу того же самого, но это не мешает мне испытать, что я снова она — прежняя Маккензи. Я снова чувствую себя ненужной — лишней. Прежняя я похожа на совершенно другое существо, от которого я никак не могу избавиться. Я резко втягиваю воздух и морщусь от ощущения бритвенных лезвий, впивающихся в легкие.

— Ты же знаешь, что не нужно ходить вокруг да около, верно? Я все поняла.

Я ожидаю, что мой ответ успокоит его, но нет. Если я не ошибаюсь, его поведение меняется. При моем ответе что-то мелькает на его лице, и его глаза темнеют на несколько оттенков. Не знаю, шутит со мной огонь или нет, но он меняет тему прежде, чем я успеваю сообразить.

— Ты говорила, что ты писательница?

— Да, в основном я занимаюсь внештатными проектами.

— Это то, чего ты хочешь?

Мои брови опускаются.

— Прости, что?

— Фрилансер, это и есть твоя цель? То, о чем ты всегда мечтала?

Я собираюсь ответить, но замираю с открытым ртом. Его тон был не таким снисходительным, ни в малейшей степени, но и не вполне поддерживающим. Печально, что даже этот незнакомец думает, что я могу сделать с собой что-то большее.

Я вяло пожимаю плечами и снова смотрю на мерцающие огни.

— Нет. Не совсем. Когда я была моложе, у меня были стремления, но с годами эти стремления утратились. Так что нет, — вздыхаю я, — Фриланс не работа моей мечты. Но это профессия оплачивает счета.

Баз делает глоток из стакана. Я чувствую, как его взгляд прожигает мне лицо, испепеляя.

— Ты так и не ответила на мой вопрос. Чего ты хочешь?

— Я знаю, — тихо отвечаю я. Обычно я не пью крепких напитков, но его вопросы заставляют меня делать большие глотки из бокала. Все, что угодно, лишь бы избежать его пронизательного взгляда. — Как ты попал в... гостиничный бизнес? — спрашиваю я, пытаюсь увести разговор в сторону.

Он смеется, будто знает лучше.

— На самом деле все просто. Моя семья происходит из денег, но мой успех... я хотел чего-то, что было бы моим. Я занимаюсь еще несколькими бизнесами, но полностью вложил в этот.

Я оглядываюсь вокруг и улыбаюсь, при виде гладкого вида и ощущения курорта. Он действительно вложил все свои силы в этот курорт, и это видно. Не раздумывая, я кладу свою руку поверх его.

— Ты проделал потрясающую работу. Я не была ни на одном из других курортов, но из того, что я видела здесь, — я оглядываюсь вокруг, подчеркивая, — Это место невероятное.

Что-то мелькает на его лице, но проходит так быстро, что я не могу понять, что именно. Несколько секунд ему, кажется, даже неловко от похвалы, но потом он переключается на другую тактику. Что угодно, лишь бы отвлечься от этой темы.

Два человека, которые не любят говорить о себе. Не очень многообещающе.

— Знаешь, что невероятно? — говорит он хриплым голосом.

Я сглатываю.

— Что?

— Ты, — шепчет он.

Наклонившись, он обнимает меня за шею и

целует до потери сознания. Я чувствую, как это спускается к пальцам ног, поднимается вверх по позвоночнику, а затем закручивается в животе. Это увлекательно. Баз Кинг увлекательный. Хотите знать, откуда я это знаю? Я знаю этого человека не один день, всего несколько часов, и я полностью и полностью поглощена им.

— Про что ты имеешь в виду, говоря, что застряла? У нас были планы на ужин. — я слышу, как Вера дуется в трубку, и невольно закатываю глаза. — И не смей закатывать на

меня эти чертовы глаза, — говорит она, заставляя меня отвести телефон от уха и посмотреть на него.

Боже, я настолько предсказуема?

Я рассеянно провожу пальцами по волосам, пытаюсь придумать что-нибудь правдоподобное.

— Просто здесь, на курорте, много чего произошло. Я начала собираться, но потом почувствовала, что слишком устала, чтобы выходить, и решила остаться.

Вера на мгновение замолкает.

— Все в порядке. Что ж, в следующий раз звонок был бы полезен. Ты хотя бы пойдешь с нами сегодня?

Я воздерживаюсь от того, чтобы сказать: «Да». Вера не знает, как много значит для меня сегодняшний вечер. Не понимает, что сегодняшний вечер первый шаг к тому, чтобы влезть в жизнь людей, которые, возможно, забрали у меня сестру. У нее нет ни единой зацепки, так что она определенно не заслуживает моей язвительности.

— Да, я спущусь через несколько минут. Кэт сказала, что мы встречаемся здесь, верно?

— Да. И постарайся на этот раз не бросать нас. Поговорим позже, детка.

Повесив трубку, я кладу телефон обратно на стойку в ванной и делаю глубокий вдох. Я знала, что девочки будут ругать меня за то, что я не пришла на ужин вчера вечером, но это все равно не мешало мне наслаждаться отсрочкой от повседневной жизни, которую я нашла в виде неуловимого и красивого База Кинга.

Я переминаюсь с ноги на ногу, когда всплывают воспоминания о прошлой ночи. Горячий румянец покрывает мою кожу, и я ерзаю. Потребность обмахнуться веером поглощает. Боль между бедер присутствует и она более чем желанна. Секс с Базом был невероятным, и это еще мягко сказано. У меня никогда не было такого грубого, первобытного, управляемого химией сексуального опыта с кем-то.

Я потеряла девственность в колледже с парнем, который не заслуживал ни меня, ни моего времени, но я все равно остановилась, потому что только училась быть самой собой. Я пыталась жить без своей сестры-близнеца, своей второй половины, и никогда не понимала, как это будет тяжело, пока ее не стало. Я хотела того подтверждения, которое даст мне секс. Хотела почувствовать себя красивой, желанной и сексуальной. Этого я не чувствовала большую часть своей жизни, поскольку жила в тени своей сестры. И после того, как ее не стало, эти вещи стали первыми, на поиски которых я отправилась.

Не поиски выхода из ее тени. Не поиски настоящей меня.

Такова была странная динамика моих отношений с Мэдисон. Хотя мы были практически копиями друг друга, мы также были очень разными. Просто глядя на нас, было легко отличить нас друг от друга. Я всегда смотрела на сестру снизу вверх. Даже когда она изо всех сил старалась причинить мне боль и заставить меня почувствовать, будто я ростом шестьдесят сантиметров, она была моей кровью, она была другой частью меня, и моей лучшей половиной. Она была моей лучшей подругой, и, несмотря на все плохое, я любила ее до смерти. Часть меня пропала, и я была уверена, что никогда не верну ее обратно.

Секс в первый раз был катастрофой. Это было так ужасно, что я даже подумывала никогда больше не заниматься этим. Было чертовски больно. Он продержался всего пять минут, а я даже не испытала оргазм — то, о чем все всегда бредят во время секса. За эти годы у меня было в общей сложности три сексуальных партнера, и ни один из них не был замечательным. Думаю, именно поэтому я избегаю секса и отношений. Слишком много

работы, чтобы притворяться, только чтобы почувствовать разочарование по окончании, потому что вам нужно мастурбировать, ради получения освобождения. Необходимость доверять кому-то другому и тратить время не привлекала меня.

На самом деле это меня пугало.

Возлагать столько веры и доверия на одного человека проклятие. Потому что в конце дня всегда есть шанс, что этот человек тебя подведет. По правде говоря, я боюсь упасть. Упасть так сильно, что некому будет меня поймать. Я никогда не хочу полагаться ни на кого и ни на что, и уж тем более на оргазм, когда я прекрасно справляюсь сама.

Но секс прошлой ночью с Базом? Было просто невероятно. Я никогда не испытывала такого количества оргазмов, выжатых из моего тела. Никогда не чувствовала себя настолько связанной или довольной с кем-то. У меня легкая связь с Базом, которую я раньше не испытывала. Я должна была просто рассказать девочкам о моем секс марафоне с ним прошлой ночью, но честно говоря? Я не хотела делиться этим опытом ни с кем. Он мой и только мой. Баз настолько далек от моей лиги, что я не хотела слышать, как девочки говорят, что они тоже такого же мнения. Обо всех способах, которыми я могла бы улучшить себя, обмануть его, чтобы он стал моим. Я хотела жить в своем маленьком пузыре счастья еще какое-то время, даже если это означало ложь. Я уже много лет лгу Вере и Кэт. Еще одно упущение истины никому не повредит.

Я опускаю руки в воду под кран, и мои мысли немедленно возвращаются к прошлой ночи, когда мы с Базом разошлись. После того, как разговор, который мы вели у камина, превратился в очередной раунд секса, Баз помог мне подняться на ноги и проводил обратно в номер, как истинный джентльмен. Прогулка была тихой, немного напряженной, но не такой некомфортной, как можно было бы подумать после секса с незнакомцем.

— *Как долго ты здесь пробудешь?*

Я заправляю выбившуюся прядь волос за ухо.

— *Не долго. Завтра я встречаюсь с подругами, а на следующий день, вечером, мы летим обратно в Нью-Йорк.*

— *Какая жалость. Мне было весело сегодня, Маккензи.*

Я поворачиваюсь к нему и смеюсь над ухмылкой на его лице.

— *Ох, я в этом не сомневаюсь, мистер Кинг.*

Теперь его очередь смеяться.

— *Скажи мне, что тебе тоже было весело.*

Нет смысла лгать.

— *Это самое веселое, что у меня было за очень долгое время. Так что спасибо. Не думаю, что я испытывала настоящий оргазм до сегодняшнего вечера.*

Без предупреждения Баз останавливается, и я смотрю на него, поднимая брови. Выражение его лица выглядит как смесь шока и жалости.

— *У нас есть время, чтобы исправить это? Побить несколько рекордов?*

Я смеюсь, и звук эхом разносится по роскошному коридору.

— *Думаю, ты уже трижды за сегодня исправил это.*

— *Вообще-то четыре, — поправляет он.*

Я ухмыляюсь ему.

— *Теперь мы следим, не так ли, мистер Кинг? Лучше будь осторожен. Мне бы не хотелось запятнать твою репутацию плейбоя.*

Его глаза злобно блестят, когда он наклоняется ко мне.

— Это будет нашим секретом, грязная девочка, — соблазнительно шепчет он мне на ухо и подмигивает.

Мои бедра сжимаются в ответ. Просто чудо, что я могу стоять.

Когда мы добираемся до входа в мой номер, я поворачиваюсь к нему, пораженная неожиданным осознанием того, что не хочу прощаться. Я открываю рот, собираясь сказать ему, что хочу, чтобы он остался, но потом благоразумно решаю не делать этого. Это не то, что было. Не начало интрижки или новых отношений. Просто секс. Больше я ничего не могу сказать. Я прилетела сюда ради сестры. Ради ответов. Ради справедливости. Но не за этим. Я не могу упустить это из виду только потому, что сегодня у меня был действительно невероятный секс.

— Еще раз спасибо, Баз, за сегодняшней вечер. Я хорошо провела время. И секс тоже был довольно хорошим.

Я игриво подмигиваю ему, и он откидывает голову назад, заливаясь смехом. Я не могу сдержать улыбку, наблюдая, как он наслаждается моим игривым подшучиванием.

— Ты не похожа на большинство девушек, Маккензи. Отдам тебе должное.

Его слова заставили мою улыбку дрогнуть. Я снова чувствую себя неуверенной Кензи. Должно быть, он заметил мою перемену, потому что подошел ко мне и запустил руку мне в волосы.

— Это хорошо, грязная девочка. Ты одна на миллион.

Мое дыхание прерывается, когда он смотрит на меня сверху вниз. Он наклоняется, и я сокращаю расстояние, прижимаясь губами к его губам. Его язык скользит в мой рот, и я прерывисто выдыхаю, мои руки порхают по его широким мускулистым плечам, углубляя поцелуй.

— Было очень приятно познакомиться, — выдыхает он, когда мы отрываемся, пристально глядя мне в глаза. — Спокойной ночи, Маккензи.

— Спокойной ночи, Баз.

Неохотно я вошла в номер и прислонилась к двери после того, как закрыла ее, прокручивая в голове все, что произошло за вечер.

Я стою как вкопанная, пытаюсь осознать странный поворот событий. Это был, возможно, самый горячий мужчина, которого я когда-либо встречала в своей жизни — который думал, что я великолепна — и я даже не подумала взять его номер? И все потому, что я хотела придерживаться глупого плана?

Чтоб меня.

Придя в себя от своих внутренних размышлений, я выключаю свет в ванной и шагаю к зеркалу в пол. Глядя на свое отражение, я заставляю себя выбросить из головы мысли о Базе и сосредоточиться на том, почему я здесь. Сегодня та самая ночь. Мы здесь, чтобы я могла узнать правду, и я не могу все испортить.

Мои ладони скользят вниз по материалу платья, который облегает мою кожу. Это черное атласное мини-платье на лямках и с открытой спиной. Демонстрируя мои ноги и идеальное количество бедер, оно не выглядит слишком распутным и оставляет достаточно открытой кожи, чтобы каждый мужчина в радиусе нескольких метров задавался вопросом, что скрывается под этим. Моя грудь едва держится в этом обтягивающем платье, декольте которого опускается опасно низко. Я соединила платье с моими черными туфлями Chosa Spike, любезно предоставленными Кэтрин.

Мой макияж сделан до совершенства. Обычно я не крашусь так ярко, но для того, чтобы

сегодня ночью все сработало, мне нужно принарядиться, и быть при параде с темным дымчатым макияжем глаз, чтобы мои карие глаза бросались в глаза. Достаточно замаскировать старую Маккензи новой версией — той, которая делает *все*, чтобы узнать правду. Все, лишь бы заставить ублюдков из моего прошлого заплатить за то, что они сделали со мной и моей сестрой.

Звук костяшек пальцев, стучащих в дверь номера, заставляет меня отвернуться от зеркала и потянуться к своему клатчу на комод. Я даже не успеваю открыть дверь до конца, как слышу шумные крики девочек.

— Святая мать, ты выглядишь потрясающе, Кенз! — Вера чуть не кричит.

— Боже, твои волосы. Не могу поверить, что ты перекрасилась в черный! — Кэт задыхается от удивления, широко раскрыв глаза.

Удивленная улыбка дергает уголки моих губ, когда они реагируют на мой макияж. Я ожидала от них именно этого, особенно из-за перемены в цвете волос.

— Как будто Меган Фокс и Дженнифер Лав Хьюитт родили ребенка от непослушного ангела.

Вера драматично вздыхает, скользя пальцами в мои прямые пряди.

Я смеюсь в ответ на это замечание. Румянец заливает мои щеки, и я опускаю голову, стараясь, чтобы ее слова не подействовали на меня.

— Seriously, если ты сегодня не переспишь или хотя бы не получишь предложение, я потеряю всякую веру в человечество, — невозмутимо произносит Кэт, перебрасывая свои золотистые волосы через стройное плечо.

Улыбка расплзается по моему лицу, когда Вера и Кэт обнимают меня.

— Ну, — говорю я с заговорщицкой улыбкой, — Есть только один способ узнать.

ГЛАВА 3

Маккензи

Как только мы добираемся до клуба, мои руки начинают потеть, когда нервозность поднимает свою уродливую голову. Я никогда не ощущала такой уровень тревожности за последние годы. Выпив в лимузине с девочками слишком много бокалов розового вина, алкоголь не смог унять дрожь. Нисколько. Если уж на то пошло, то мне еще хуже, чем раньше.

Я смотрю на множество лимузинов и дорогих машин, окружающих нас, широко раскрытыми, не верящими глазами. Я понимаю, что этот клуб гораздо престижнее, чем я думала изначально. Он настолько эксклюзивный, насколько это возможно.

Не поймите меня неправильно, увидев фотографию, я пошла домой и провела свое исследование. Я перебрала пять имен, которые стали выжжены в моем мозгу за девять лет: Трент Эйнсворт, Зак Ковингтон, Маркус Уайтхорн, Себастьян Пирс и Винсент Хоторн. Каждый поиск давал что-то свое. Единственный, о ком я не могла найти никаких подробностей, был Себастьян; он исчез без следа, но было ясно, что остальные парни все еще так же близки, как и раньше, и я планировала использовать это в своих интересах.

Наш лимузин останавливается прямо перед покрытым ковром входом, и мои глаза сами собой скользят по со вкусом сделанной вывеске.

Короли.

При чтении этого названия у меня по спине пробегает холодок. Моя грудь расширяется, когда я вдыхаю, пытаюсь обуздать свои эмоции. Мне не следовало бы злиться после стольких

лет, но я злюсь. Господи, да, я злюсь.

Это так похоже на них, высокомерных ублюдков, назвать клуб в свою честь. Меня тошнит от этого. Тошнит от *них*.

Мы выходим из лимузина и направляемся к входу, минуя длинную очередь людей, ожидающих, чтобы попасть внутрь, которая заворачивает за угол. Вера ведет нас мимо чересчур буйных вышибал, нахально улыбаясь им, когда они позволяют нам пройти без вопросов.

Очарование богатых девушек.

Внутри все так, как я и ожидала, но гораздо масштабнее. С того момента, как вы входите внутрь, атмосфера... вибрирующая. Лучший способ описать это. Люди повсюду; не слишком много, чтобы ощущать переполненность или дискомфорт, но достаточно, чтобы почувствовать себя так, как будто плаваешь в океане акул. Цвет и атмосфера внутри — темная и сексуальная, как я и предсказывала. У Дикарей не может быть по-другому.

В одной части клуба расположен лаундж-бар с красными стенами и бархатными сиденьями, и он намного тише, чем все остальное место. За лобби установлена короткая лестница — ну, на самом деле около четырех ступенек, — которая ведет на танцпол, забитый телами людей. Мой взгляд скользит мимо двигающихся бедер к темным стеклянным окнам над танцполом. Что бы там ни было, я уверена, что оно содержит все ответы, которые я ищу. Мои глаза сверлят дырки в двустороннем стекле. Я настолько потерялась в собственных мыслях, что даже не замечаю, как Вера и Кэт двигаются, пока не хватают меня за руку, пугая.

— Давай, горячая штучка, пойдём потанцуем.

Кэт пританцовывает, ведя нас к центру танцпола.

Мы втроем начинаем танцевать. Двигая бедрами в такт музыке, которая гремит вокруг нас, я чувствую, как улыбка расплывается на моем лице. Это настоящая улыбка. Даже не для шоу.

— Мне неприятно это признавать, — кричу я, перекрикивая музыку, — Но мне действительно весело!

Вера и Кэт запрокидывают головы и смеются надо мной.

— То, как горячо ты выглядишь сегодня, ты это заслужила! — кричит Кэтрин.

Ее идеально бледные щеки уже раскраснелись.

Мы танцуем вместе несколько песен, пока Вера бесцеремонно не объявляет:

— Принесу нам выпить.

Кэт бросает на меня взгляд, который заставляет меня рассмеяться, потому что из нас троих Вера хуже всех справляется со спиртным. Если она будет продолжать в том же духе, то завтра утром проснётся с адским похмельем.

— Мы должны убедиться, что она не скупит весь бар?

Кэт махает рукой.

— Позволь ей. Она одержима идеей найти мужчину сегодня, так что мы ей позволим.

Я смеюсь.

— Наверное, ты права: как только Вера на что-то решается, это уже не изменить.

Взгляд Кэт скользит по стеклу над нами, и я делаю то же самое.

— До меня дошли слухи о мужчинах, владеющих этим местом.

У меня учащается сердцебиение.

— Ах да?

Я стараюсь быть беспечной, потому что не уверена, что она собирается сказать.

— Ага. Слышала, что их пятеро. Они все вместе вошли в это место. А там, наверху, что-то вроде дерьма тайного общества. Супер эксклюзивно. Либо ты платишь за вход, либо кто-то из них приглашает тебя.

Интересно. Моя голова поднимается вверх, и я смотрю на темное стекло, будто оно содержит все ответы.

— Что там такого особенного?

Она пожимает плечами.

— Не знаю, правда ли это, но, по-видимому, это какой-то странный, извращенный секс-клуб.

Мой фокус меняет траекторию и устремляется обратно к ней. Взгляд недоверчиво сужается.

— Не знаю, выглядит как-то... мелковато, тебе не кажется?

— Да, наверное, ты права. В любом случае это всего лишь слухи...

— Выпивка для всех!

Вера пугает нас своим криком, с полными руками напитков.

Я беру у нее один из предложенных напитков, обхватываю губами соломинку и пью. Горький алкоголь и гренадин наполняют мой рот, и лицо морщится.

Боже, отвратительно.

— А поскольку я фея хороших новостей, — говорит Вера между глотками своего напитка, — Я подумала, что вам всем будет интересно узнать, что нас пригласили наверх. Нас троих.

Мой бокал почти выскальзывает из руки, и взгляд устремляется к стеклу. Вдруг адреналин начинает бежать по венам. Мое сердце делает все возможное, чтобы выплеснуть это из груди.

— Ты издеваешься над нами? — недоверчиво кричит Кэт. — Я буквально только что говорила об этом с Кензи!

Вера нетерпеливо кивает. Улыбка на ее лице вот-вот станет жуткой.

— Ну, мы не хотим заставлять их ждать. Пойдёмте и узнаем, из-за чего вся эта шумиха. Ох, и чур я забираю самого горячего!

Мы с Кэт закатываем глаза.

Когда Вера ведет нас к лестнице, которую я даже не заметила рядом с местом диджея, коренастый вышибала бесцеремонно появляется из ниоткуда и провожает нас вверх по ступенькам. С каждым шагом наверх, кажется, что музыка, гремящая с танцпола, начинает немного затихать. Когда мы добираемся до лестничной площадки, другой широкоплечий мужчина берет на себя инициативу и ведет нас по тускло освещенному коридору; мы следуем за ним, пока он не останавливается у массивной черной двери с богато украшенными деталями. Она большая и грозная на вид, но при этом гладкая и, смею даже сказать, манящая. Это заставляет вас захотеть узнать, что скрывается на другой стороне.

Вышибала говорит что-то в рукав и дважды стучит костяшками пальцев в дверь, прежде чем отступить в сторону, освобождая нам место. Я шумно сглатываю и жду, затаив дыхание,

чтобы увидеть, что на другой стороне. Когда раздаётся отчетливый звук открывающейся металлической двери, я не разочаровываюсь. Я просто заморожена зрелищем передо мной.

Прошло девять лет с тех пор, как я в последний раз видела этого мудака, и, глядя на Маркуса Уайтхорна, когда его глаза пробегают вверх и вниз по каждой из нас, могу сказать, что мало что изменилось. Он все еще титулованный, чересчур сексуальный кретин.

— Так, так, так вот кого Трент выбрал на сегодняшнюю ночь? — он ни к кому конкретно не обращается. — Не могу сказать, что я разочарован.

Его блуждающий взгляд задерживается на мне, и я пытаюсь подавить дрожь, которая хочет пробежать по моему телу. По коже бегут мурашки от отвращения.

Он никак не может меня узнать, не так ли? Нет, нет, это невозможно.

И все же, почему мне кажется, что его взгляд задерживается на мне?

Я стискиваю зубы, чтобы не показать никаких внешних эмоций, и заставляю себя посмотреть через его плечо, чтобы увидеть, кто еще может быть там.

На самом деле у меня нет плана действий. Я просто знаю, что мне нужно подобраться поближе к одному из них. Только к одному. Возможно, заслужить доверие. Тогда и только тогда я найду ответы, которые ищу.

Один из этих ублюдков убил мою сестру, в этом я уверена. Мне просто нужно это доказать.

— Входите, дамы. Обещаю, мы не кусаемся.

Тон Маркуса волчий, а ухмылка на его лице говорит об обратном.

Он открывает дверь и отступает в сторону, пропуская нас. Вера, конечно, заходит первая. Проходя мимо Маркуса, она демонстративно оглядывает его с ног до головы и говорит:

— Некоторые из нас не против, чтобы их укусили. — затем подмигивает ему.

Маркус ухмыляется и качает головой, наблюдая, как она вальсирует.

— Трент всегда знает, как и кого выбирать.

Комната, если ее вообще можно так назвать, намного больше, чем я ожидала. Похоже на гостиничный номер или кондоминиум. Не совсем то, чего я ожидала, когда нас сюда привели. После короткого разговора с Кэт я ожидала увидеть цепи, плети и еще что-нибудь из тех крестовин, к которым люди любят быть привязанными во время секса. Сказать, что я испытываю облегчение, что это все, что здесь есть, да, мягко говоря.

Звук ритмичного смеха заставляет меня повернуться к источнику, где я с лёгкостью замечаю двух великолепных, хихикающих идиотов. Думаю, мы не единственные девушки, приглашенные сюда сегодня. Мои глаза исподтишка пожирают каждую мельчайшую деталь комнаты. Взгляд скользит от декора к скудно одетым дамам, затем к углу, и вот тогда я вижу их.

Всех их.

Мое сердце бешено колотится в груди, а дыхание учащается, когда я смотрю на них во всей их убийственной красе. Гнев и отвращение разливаются по моим венам.

Мой взгляд останавливается на Винсенте и двух великолепных девушках, которые висят у него на плечах. Я оглядываю его с ног до головы, и это знакомство заставляет меня почувствовать, что мы снова в старшей школе. В моем городке. Я окидываю взглядом каждого из них, пока они оценивающе смотрят на нас. Как будто мы куски мяса. Словно мы просто быстрый секс на ночь. Мало ли они знают, что я их самый страшный чертов кошмар.

Когда мой взгляд падает на Трента, в горле поднимается желчь, и я вздрагиваю,

понимая, что он уже наблюдает за мной. У меня сводит живот, и я стараюсь придать лицу правильные черты и не поддаться тревоге, написанной на моем лице. Когда он встает со своего места, выходящего на танцпол, и медленно подкрадывается ко мне, я перестаю дышать, и мой разум дрейфует. Я внезапно возвращаюсь в Ферндейл, только это было девять лет назад, когда моя жизнь развалилась.

— Хорошо, Маккензи. Можешь ли ты сказать мне слово в слово, что ты сказала мне сегодня утром о Мэдисон, тех парнях и о скале Поцелуев?

Я медленно киваю и громко сглатываю. В третий раз я перевожу взгляд на красный мигающий огонек видеомонитора, направленный прямо на меня. Мои ладони вспотели, и я не могу перестать дрожать. Мое тело кажется чужим — как будто я испытываю внетелесный опыт.

Господи, надеюсь, я поступаю правильно.

— Маккензи? — подсказывает шериф Келлер.

— Верно. — я глубоко вдыхаю и решительно киваю. Закрыв глаза, я заставляю себя повторять эти слова, сказанные ранее. — Вчера, у костра, ко мне подошел Трент. Его друзья были там, стояли рядом с ним. Он, эмм... ну, он был первым парнем, который действительно проявил ко мне интерес, поэтому, когда он предложил отойти от костра ближе к деревьям, я последовала за ним. — я вытираю ладонью лоб, избавляя кожу от излишней влаги. — Мы поцеловались. А потом Мэдисон увидела это и разозлилась. Она потребовала, чтобы я поехала с ней домой. Мы немного поспорили, но у меня было чувство, что я уже испытала свою удачу с ней, так что я не хотела злить ее еще больше. Перед тем, как я уехала с ней, Трент сказал мне, чтобы я улизнула и встретила с ним на скале Поцелуев той ночью. И я согласилась.

Губы шерифа Келлера стали тонкими, как и тогда, когда я рассказывала эту историю в первый раз.

— Ты когда-нибудь встречалась с Трентом на скале Поцелуев?

Я отрицательно качаю головой.

— Слова, пожалуйста, Маккензи.

— Ой, простите, — кротко бормочу я и откашливаюсь. — Нет. Я так и не добралась до скалы Поцелуев.

— Почему?

— Пока я спорила с Мэдисон, я проговорила, что Трент и его друзья будут ждать меня на скале. Она была недовольна этим. В течение многих лет она пыталась попасть на их радар, и я думаю... думаю, когда она увидела меня с Трентом, ей показалось, что я каким-то образом предала ее. Поэтому она пошла вместо меня. Она велела мне перестать притворяться той, кем я не являюсь. Вместо того, чтобы пойти на скалу и встретиться с Трентом, я позволила Мэдисон отправиться вместо меня. У меня действительно не было выбора.

— И ты осталась дома до конца ночи? Не сбегала, чтобы увидеться с кем-нибудь еще? — спрашивает он, вопросительно приподняв бровь.

— Нет, сэр. Я приняла душ, легла в постель и проснулась на следующее утро, когда... — я замолкаю, мое горло сжимается от эмоций и не дает сказать. Влага обжигает глаза, и я сердито вытираю веки, не желая, чтобы камера запечатлела мои слезы. — После того, как вы пришли... п-после новостей... я-я... ну, я выбежала из дома во двор.

— Что заставило тебя побежать к корту?

— Я знала, что они будут там. Они всегда проводят там время. И мне нужны были ответы.

— Что произошло, когда ты добежала до места?

Мой подбородок дрожит, и я зажимаю нижнюю губу между зубами, пытаюсь держать себя в руках. Я закрываю глаза, снова и снова прокручивая в голове каждую ужасную деталь.

— Я умоляла Трента рассказать мне, что случилось с Мэдисон прошлой ночью. Они вели себя так, будто я... никто. Они закричали и велели мне проваливать.

— И ты это сделала? Ушла?

— Да, я побежала домой, но на полпути я просто... упала. Вот где вы меня нашли.

— Спасибо, Маккензи. Думаю, это все, в чем мы сейчас нуждаемся. Мы позвоним твоим родителям, если нам понадобится еще одно заявление или любая другая информация от тебя. Звучит хорошо?

— Да, — бормочу я, поднимаясь на ноги.

Я иду домой со станции как в тумане. Поскольку я несовершеннолетняя, шериф Келлер должен был получить разрешение от моих родителей перед допросом, и со всем происходящим я последнее, о чем думали мои родители.

Всю дорогу домой я смотрю на все свежим взглядом — будто не видела этого раньше. Ничто в Ферндейле уже не будет прежним. Больше никаких семейных визитов в Знаменитую Пироговую лавку Яна. Больше никаких прогулок по Мэйн-стрит после школы с Мэдисон. У нас не будет... нет, у меня... у меня никогда больше не будет этих общих моментов.

Когда я наконец добираюсь до дома, я не удивляюсь, когда открываю входную дверь и встречаю тишину. Моих родителей нет. Вместо того чтобы зацикливаться на этом, я тащусь вверх по лестнице и вместо того, чтобы толкнуть дверь своей спальни, как я знаю, что должна, я открываю дверь спальни своей сестры. Ее комната безупречна и... зрелая. По Мэдисоновски, насквозь.

Шелковые простыни на ее кровати все еще смяты после того, как она встала прошлым утром. Сколько бы раз я ни подчеркивала ей, как важно каждое утро застилать постель — чтобы не было пауков, насекомых и т. д. — она никогда не слушала. Я занимаю ее комнату, и она не ругает меня за вторжение в ее личную жизнь и не кричит на меня, чтобы я жила своей жизнью. Я протягиваю руку и кладу ей на подушку.

Мое лицо сморщивается, и прерывистое рыдание вырывается из груди, эхом отдаваясь в тишине ее спальни.

— Ох, Мэдс, — хнычу я, позволяя слезам проложить горячие дорожки по моим щекам. — Почему ты просто не позволила мне пойти на эту дурацкую скалу? — шепчу я почти сердито.

Я жду, что она ответит умным замечанием, но она так и не отвечает. Осознание того, что она никогда, никогда больше этого не сделает, поражает меня в полную силу. Я падаю на кровать Мэдди и плачу. Плачу, пока у меня ничего не остается.

— Что ты делаешь?

Испуганный голос заставляет меня резко выпрямиться на кровати. Я чувствую себя дезориентированной.

Моя рука взлетает ко лбу, когда волна головокружения захлестывает меня от столь быстрого движения.

— Вставай. Немедленно. Иди, пока он тебя не увидел.

Настойчивость в голосе моей мамы врзается в меня. Я смотрю вниз и вздрагиваю, когда вижу, где заснула. Должно быть, я плакала, пока не уснула на кровати Мэдди. Я даже не слышала, как родители вернулись домой. Мама неподвижно стоит в дверях. Ее кожа бледнее, чем я когда-либо видела. Словно она только что увидела привидение.

Я медленно встаю с кровати и пытаюсь поправить простыни, но ее слова ударили меня, как хлыст, заморозив движения и отправив в мир боли. Это медленная утечка, которая просачивается в мою грудь, непрерывно капая. Мне хочется стереть это, но я не могу пошевелиться.

— Прекрати! Просто... перестань трогать ее вещи. Пожалуйста.

Мои легкие сжимаются от боли.

— Мама, я...

— Что, черт возьми, здесь происходит?

Мой желудок сворачивается сам в себя, в тоске, в звуке его голоса. Я рискую и бросаю взгляд в его сторону и вздрагиваю от гнева, написанном на его лице, когда он видит мою фигуру, все еще парящую над кроватью.

— Я задал вопрос. — он повышает голос, обвиняюще переводя взгляд с меня на маму. — Ну?

— Я была расстроена. Мне просто нужно было почувствовать себя рядом с ней. Я не собиралась засыпать на кровати. Должно быть, я потеряла счет времени. Мне жаль.

Я скрежещу зубами, подавляя рыдания.

По лицу мамы уже текут свежие слезы, и что еще удивительнее, я вижу, как в глазах отца собирается влага. Его следующие слова, как выстрел в сердце.

— Один день, Маккензи. Ты не могла дать своей сестре хотя бы один чертов день?

Гнев и печаль, с которыми он смотрит на меня, разрывают мне сердце. Он смотрит на меня так, словно проблема во мне. Как будто это из-за меня. И хотя он никогда бы не сказал этого вслух, я знаю, что он хотел бы, чтобы это была я, а не она.

— Прости, — задыхаюсь я.

— Выходи.

Все время, пока он это говорит, он пристально смотрит на меня. Глаза, такие же, как у меня и моей сестры, сверлят меня с таким отвращением, прежде чем он поворачивается. Его тяжелые шаги стучат по коридору, пока не исчезают в кабинете. Дверь захлопывается.

Я собираюсь еще раз извиниться перед мамой, когда раздается звонок в дверь. Мы обмениваемся взглядами, и я вижу усталость, написанную на ее лице. Она выглядит так, будто за несколько часов постарела на десять с лишним лет.

Я спускаюсь по лестнице, чтобы открыть дверь, мягкие шаги мамы следуют за мной. Я не утруждаю себя тем, чтобы посмотреть в глазок. Вместо этого я открываю дверь и удивляюсь, когда вижу, кто находится по другую сторону.

Шериф Келлер и офицер Фергюсон входят с выражением, от которого у меня волосы на затылке встают дыбом. Их глаза устремляются мимо моей головы на маму, которая все

еще стоит на последней ступеньке лестницы. У нее побелели костяшки пальцев, и я знаю, что она просто ждет, когда они принесут очередную порцию плохих новостей.

— Здравствуй, Моника. Мы можем поговорить с Маккензи о ее заявлении, которое она сделала ранее?

Мама машинально кивает, и шериф Келлер поворачивается ко мне. Фергюсон достает из заднего кармана блокнот и ручку.

— Кажется, есть... несоответствие с твоим заявлением, Кензи.

Мои брови опускаются, и я смотрю на маму, чтобы убедиться, что она в порядке.

— Что за несоответствие?

— Трент Эйнсворт, Зак Ковингтон, Маркус Уайтхорн и Винсент Хоторн говорят, что не видели тебя. Трент был особенно непреклонен в том, что никогда не касался тебя, не говоря уже о поцелуе. Они сказали, что поцелуя у костра между тобой и Трентом никогда не было. Мы еще не связались с семьей Себастьяна Пирса, так как они уже уехали в свой ежегодный отпуск, но остальные ребята... — он замолкает, и моя грудь вздымается, пытаясь приспособиться к учащенному дыханию.

Как они смеют! Как, черт возьми, они смеют так со мной поступать.

— Они лгут, шериф. Он поцеловал меня. Они все были там. Я даже противостояла им!

— Значит, они признались?

— Я, ну, нет, не совсем, но... но это было, шериф. Я не лгу. Вы же знаете! Вы же меня знаете! Я бы никогда не придумала ничего подобного.

— Маккензи, — шепчет мама тихим голосом позади, пугая меня.

Я даже не заметила, как она отошла от лестницы. Мое сердце сжимается, когда я смотрю в ее глаза, которые снова наполняются слезами.

Она мне не верит.

Шериф Келлер мне не верит.

Никто мне не верит.

Истерика вливается мне в горло, и гнев разливается по венам от одного только факта, что я выгляжу здесь как лгунья. Не могу в это поверить.

— Это было! Я должна была быть на скале Поцелуев. Предполагалось, что я встречу с Трентом, а не Мэдисон. Они знают, что с ней случилось. Должны знать. Они последние, кто видел ее живой!

— Послушай, Маккензи, — начинает шериф, его низкий голос прерывает меня. — Дело не в том, что я тебе не верю. Просто... у нас есть четыре человека, которые клянутся, что никогда тебя не видели, а у тебя нет никого, кто мог бы подтвердить твою историю.

Мою историю? Это не история. Это правда!

Я ломаю голову, пытаюсь вспомнить кого-нибудь, кто мог видеть нас у костра, но единственным человеком была Мэдисон. Господи, надо было остаться с Винни. Почему, черт возьми, я просто не пошла с Винни?

— Тогда что это значит? — спрашиваю я голосом, окрашенным гневом. — Мы просто должны позволить этим убийцам уйти безнаказанными?

— Мы не знаем, причинили ли они кому-нибудь вред, мисс, — вмешивается другой офицер, Фергюсон.

Мудак.

Фу! Мне хочется кричать.

— Сейчас мы изучаем все возможные версии и всех потенциальных подозреваемых.

Любой, кто мог желать зла твоей сестре. Или кто-то еще, кто мог быть в этом районе прошлой ночью.

— Эти ублюдки! Вот кто был в том районе. Ну же, шериф Келлер, это они. Мы оба это знаем. Кто еще в этом городе мог причинить ей боль? Никто.

Шериф Келлер косится на Фергюсона и устало вздыхает.

— У всех ребят есть алиби на прошлую ночь, Маккензи. У всех, кроме тебя.

Вся краска отходит от моего лица, и моя рука поднимается, когда я пытаюсь найти что-то для поддержки, чтобы не потерять сознание.

Нет, нет, нет. Этого не может быть. Этого не может быть.

— Думаю, вам обоим пора идти, Дэн, — тихо говорит мама, направляясь к входной двери.

Шериф Келлер не сводит глаз с дубового пола под нашими ногами, а потом шепчет Фергюсону:

— Пошли.

И они оба выходят из дома.

Слезы гнева блестят в моих глазах, когда я тупо смотрю на дверь, пытаюсь понять, как эта ситуация стала такой колоссально испорченной. Мама закрывает входную дверь, и мои глаза, как магниты, притягиваются к ней.

Горячая слеза скатывается по моей щеке, когда она спрашивает:

— Где ты была прошлой ночью, Маккензи?

Рука Трента хватается прядь моих прямых черных волос, и он проводит ею сквозь пальцы, возвращая меня в настоящее. Я быстро моргаю, пытаюсь избавиться от влаги, скопившейся в моих глазах при воспоминании. Когда я перестаю моргать, мои глаза фокусируются на Тренте, и наши взгляды сталкиваются. Мой карие к его сосновой зелени. Я вглядываюсь в его взгляд, ища в нем хоть малейший намек на узнавание, но вместо этого вижу лишь жар и похоть. Он смотрит на меня так же, как в тот вечер у костра. Только теперь я не чувствую ни головокружения, ни радости. Только гнев. Чистый, неподдельный гнев. Однако я скрываю это, не желая, чтобы он увидел, как я злюсь, находясь так близко к нему — ко всем им.

— Я хочу ее, — объявляет Трент остальным парням в комнате.

Его взгляд ни на секунду не отрывается от моего.

Конечно, ты хочешь.

— Не так быстро, приятель. Не думаешь, что мы должны позволить ей выбрать, позволить им всем выбрать, с кем они хотят потусоваться в первую очередь? — спрашивает Зак, подходя к нам. Краем глаза я вижу, что он наблюдает за мной. Близко. Слишком близко. — Что скажете, милые? С кем конкретно вы хотите познакомиться?

В течение нескольких секунд, я не отрываю взгляда от Зака, наблюдая за ним. Очевидно, он уже не тот парень из средней школы. Он выше, чем я помню, гораздо массивнее, и пучок, который он носит, это новое дополнение, которое только удваивает его дикие черты.

Я оглядываю комнату, понимая, что все смотрят на меня. Я ловлю взгляд Кэт и Веры, и они, похоже, затаили дыхание, ожидая моего решения.

— Как тебя зовут? — спрашивает кто-то, и я понимаю, что это Винсент.

Я почти говорю Маккензи, но что-то меня останавливает. Вместо этого я произношу:

— Скарлетт.

На периферии я вижу, как глаза Кэт и Веры расширяются от моей лжи. Я смотрю на них

и вижу вопросы, написанные на лице Кэтрин с нахмуренными бровями, но Вера выглядит положительно легкомысленной, словно это какая-то забавная игра.

Она мало что знает, игра еще даже не началась. Мы только начали.

ГЛАВА 4

Маккензи

Я уже собиралась открыть рот и выбрать, кого допросить первым, когда дверь в комнату резко распахивается, и Винсент начинает смеяться.

— Смотрите, кто наконец решил появиться. Давно пора, придурок.

Ответный глубокий хриплый смешок пробуждает во мне что-то знакомое. Я медленно поворачиваюсь и смотрю через плечо на источник. У меня чуть челюсть не отваливается, когда я вижу, кто это.

Ну, трахните меня.

Судьба распорядилась так, что мой горячий любовник на одну ночь, Баз Кинг, тот, кто входит в дверь. Наши взгляды встречаются почти мгновенно, и я наблюдаю, как его тело напрягается, фиксируя каждый мускул, к которому я прикасалась прошлой ночью. Его брови опускаются, и он окидывает взглядом комнату, оценивая количество парней и девушек. Его губы почти сразу же сжимаются. Grimаса натягивается на его лице.

— Кто-нибудь приглянулся, Баз? Трент уже пытался заявить свои права на красавицу Скарлетт, зная, что это против правил.

Зак резко поворачивает ко мне голову, и мое лицо вспыхивает.

О, черт. О, черт. Я только-только поднялась сюда, а уже запуталась в паутине лжи.

— Кто-нибудь может объяснить, что, черт возьми, происходит? — наконец выпаливает Вера.

Боже милостивый, это заняло у нее достаточно времени.

Маркус спрыгивает с дивана и крадется к Вере.

— Ну, милая. Вас пригласили в наше святилище. Нам понравилось то, что мы там увидели, так что, если ты готова, выбери кого-нибудь из нас на ночь, и если все пойдет хорошо, мы, возможно, решим оставить тебя. Если ты не готова к этому, дверь прямо там. Твой выбор.

В горле мучительно пересыхает.

Это то, что случилось с Мэдисон? Она была у них — только они решили не оставлять ее?

Дали ли они ей возможность уйти?

Мои руки сжимаются в кулаки, и гнев разливается по венам, пока я пытаюсь контролировать свое дыхание. Я хочу наброситься на них. Хочу причинить боль каждому из них и заставить заплатить.

— Мило, — говорит Вера, закатывая глаза и внимательно оглядывая каждого из них. — Ты выглядишь как веселье и неприятности, завернутый в обманчивую маленькую упаковку, — мурлычет она в ответ Маркусу, который ухмыляется, будто только что одержал победу в гребаной лотерее.

— Ох, поверь, в моей упаковке нет ничего маленького.

— Это мы еще посмотрим, — парирует она, уже следуя за ним в закрытую комнату.

Она подмигивает нам через плечо, и мой желудок сжимается, пытаюсь понять, во что, черт возьми, я только что втянула нас всех. Эти парни, возможно, убийцы, и теперь Вера и Кэт собираются уйти с ними и оказаться запертыми где-нибудь за закрытой дверью, где я не смогу до них добраться. Где я не смогу их спасти.

— Как бы восхитительно вы обе ни выглядели, я вежливо откажусь. Мне уже пообещали исключительно дикую ночь, — говорит Винсент, сжимая в кулаке задницу одной из хихикающих девушек.

Нас осталось всего шестеро, и в комнате воцаряется тишина. Я обмениваюсь взглядом с Кэт, которая на удивление нервничает, и оглядываю остальных парней. Баз смотрит на меня так, словно хочет что-то сказать. Он выглядит... взбешенным. Будто мое присутствие здесь для него проблема. Или, может, он думает, что я солгала ему прошлой ночью о том, кто я. Трент наблюдает за мной, как хищник за своей добычей, а Зак сверлит взглядом. Не знаю, во что, черт возьми, я только что вошла, но, скорее всего, это не может быть чем-то хорошим.

— Шторы подходят к ковру? — спрашивает Зак Кэт.

Она закатывает глаза.

— Как оригинально.

Он смеется, обвивая рукой другую хихикающую девушку, прежде чем отступить так же, как Вера, Маркус и Винсент.

— *Скарлетт*, не так ли? — Баз обращается ко мне, и я пытаюсь скрыть дрожь от отвращения, с которым он произносит мое имя. — Хочешь пойти куда-нибудь и поговорить?

Я уже собиралась открыть рот и согласиться, когда Трент вмешивается, темный взгляд затеняет его черты.

— Нет.

Следует пристальный взгляд. Тестостерон против тестостерона.

— Это не твой выбор, Эйнсворт. Пусть выбирает.

Трент сердито смотрит на База, но соглашается. Я настороженно оглядываю их. Это мой шанс выбрать Трента и узнать, что случилось с моей сестрой, но есть еще Баз. Не знаю, почему он здесь, или как он играет во всем этом, но, если наша первая встреча является каким-либо признаком, я хотела бы прояснить ситуацию. Меня не должно волновать, что он, вероятно, думает, что я лгу, но часть меня, которая провела большую часть ночи с ним, действительно волнуется. Я ненавижу то, что хочу узнать его поближе. Даже совсем ненадолго.

— Трент, верно? — говорит Кэт, подходя к нему. — Давай оставим *Скарлетт* и твоего друга наедине.

Он выглядит так, как будто не хочет уходить, но в конце концов следует за Кэт, оставляя меня с Базом. Не могу сказать, хочу ли я поблагодарить ее или задушить.

Трент бросает на меня взгляд через плечо. Один взгляд, и я знаю, что даже если он проведет ночь с Кэт, это не значит, что он закончил со мной. Ни в коем случае.

— Итак, — говорит Баз, подходя ближе, голос глубокий и хриплый. — Какое твое настоящее имя, Маккензи или Скарлетт?

Я бросаю осторожный взгляд через плечо, убеждаясь, что вокруг никого нет.

— Мы можем не делать этого прямо сейчас? — я шепчу-шиплю.

Темные тени пробегают по глазам База, когда он делает шаг ближе. Мне приходится запрокинуть голову, чтобы посмотреть на него. Был ли он таким же высоким и грозным прошлой ночью? Он поднимает темную бровь, ожидая моего ответа. Я знаю, что он не примет «нет» в качестве ответа.

Я прижимаю язык к небу и обдумываю, что сказать. Мне нужно, чтобы моя личность осталась нетронутой. Я не могу все испортить.

— Скарлетт, — уверенно говорю я, решаясь.

Баз смотрит с сомнением.

— Тогда зачем лгать, когда мы впервые встретились?

Я пожимаю плечами.

— Не знаю. Наверное, я запаниковала.

Он скрещивает свои большие мускулистые руки на широкой груди. Дорогой материал его пуговицы туго натягивается на груди. Он одаривает меня холодной ухмылкой.

— Я называю это чушью, *Скарлетт*. Но ребятам я ничего не скажу.

Я тяжело сглатываю.

— Почему не скажешь?

Мускул на его челюсти сжимается почти сердито.

— Потому что им не обязательно все знать.

— Почему ты вообще с ними общаешься?

Это не тот вопрос, который мне следует задавать. Я знаю это. Я должна оставаться загадкой. Не должна намекать на то, что знаю остальных парней в любом качестве, но мне нужно знать, почему такой мужчина, как Баз, вообще связывает себя с кем-то из них.

Баз на самом деле выглядит застенчиво, будто не гордится связью с ними.

— Я знаю их всю свою жизнь. Они мне как братья. Пусть иногда они мои глупые братья, но тем не менее мои братья.

Тошнотворное чувство поднимается в моем животе, и мой желудок сжимается от

страха. Мои глаза сужаются.

— Баз, твое настоящее имя?

Мое сердце грохочет в груди, потому что в глубине души, когда мой мозг соединяет точки, я знаю, что нет.

— И да, и нет. Мое настоящее имя Себастьян. Но ребята всегда звали меня Баз. Через какое-то время это стало проще, чем что-либо другое.

Грудь словно сдавливают тиски, из-за чего почти невозможно втянуть воздух сквозь легкие.

— Как твоя фамилия, Себастьян? — шепчу я.

Он прищуривается.

— Кингстон-Пирс. В работе я использую Кинг в сокращении.

Мое сердце сжимается.

Стыд оставляет горький привкус во рту.

Меня тошнит.

Я кладу дрожащую руку на живот, пытаюсь подавить внезапный приступ тошноты и головокружения.

Себастьян Пирс. Из Ферндейла. Он совсем не похож на парня из средней школы. Тогда его волосы были темно-каштановыми и вьющимися. У него были волосы серфера — или бунтаря. Я помню, как похоронила свою влюбленность в Себастьяна в старшей школе, так как у него была девушка, Саммер Фостер. Они были вместе с начала старшей школы и до самого выпускного; это причина, по которой моя влюбленность в Трента была такой всепоглощающей. Я направила все свои чувства на него и только на него.

Как я не заметила этого раньше? Почему я была такой глупой?

Баз Кинг. Короли. Его курортные сети. Этот клуб. Все названо в его честь.

Как я могла позволить этому случиться?

Я позволила этому произойти... этот убийца поцеловал меня. Я позволила ему трахнуть меня. Без защиты. Впустила этого человека в свое тело, и он, возможно... *о Боже*. Пронзительная боль пронзает мою грудь, когда я думаю о сестре. Думая, как подло ее убили. Я провела годы, чувствуя себя виноватой. Многие годы я пыталась разобраться во всем этом, чтобы привлечь ее убийц к ответственности. Но Мэдс всегда была права — я все испортила. Даже сейчас, много лет спустя, я все еще лажаю. Мэдисон никогда не была проблемой. Это всегда была я.

Я быстро моргаю, пытаюсь сдержать слезы гнева, которые умирают, чтобы вырваться из-под их барьера и скатиться по моему накрашенному лицу. Баз смотрит на меня с вопросительным блеском в глазах, вероятно, удивляясь, что так быстро изменилось во мне. Я с трудом подавляю желание зарычать на него, как зверь, когда смотрю на него. Потенциальный убийца. Я позволила ему приблизиться ко мне, и подумать только, он может быть тем, кто причинил боль Мэдисон вместе с остальными парнями. Он может быть тем, кто хотел причинить мне боль той ночью.

Кто-то в этой комнате хотел моей смерти много лет назад, и вместо того, чтобы убить меня, они остановились на моей сестре. И я собираюсь выяснить, кто это был, даже если это последнее, что я сделаю.

Спокойствие поселяется в моих костях, когда я глубоко вдыхаю. Успокаивающее ощущение исходит от моего правого плеча, словно теплая рука лежит там, направляя меня.

Одно можно сказать наверняка — Себастьян и остальные Дикари заплатят. Так или иначе.

ГЛАВА 5

Баз

В ту секунду, когда мне нужно освежиться, я знаю, что сегодняшняя ночь будет занозой в заднице. Судя по длинной очереди посетителей, жаждущих попасть в клуб позади меня, и всем пожарным инструкциям, которые мы, скорее всего, нарушаем, я бы сказал, что полиция скоро нанесет нам визит. Очередь, чтобы войти внутрь, завернута за угол, что является серьезной пожарной опасностью и для всех других предприятий здесь.

Конечно, именно мне придется иметь дело с последствиями. Сначала Короли были хорошей бизнес-идеей, но идти ва-банк со всей компанией? Наверняка будут проблемы. Много вопросов. Особенно с Трентом и Заком. Они всегда были самыми большими нарушителями спокойствия, и с годами ничего не изменилось. Они до сих пор не могут даже половину времени держать своего дружка в штанах, не говоря уже о том, чтобы оставаться трезвыми достаточно долго, сосредоточиваясь на деловых аспектах клуба Короли. Для них это все одна большая вечеринка.

Трент и Зак — лица клубов. Винсент — парень с цифрами; ублюдок всегда был слишком умен для своего же блага. Маркус и я — клей, который держит это дерьмо вместе — мы деловая сторона клуба Короли. Что вполне логично. Мы единственные, у кого голова на плечах, если не считать Винсента — он вытащил наши задницы из стольких

неприятностей за эти годы. Если бы не он, мы бы все сейчас сидели за решеткой.

Его отец, мистер Хоторн, имеет такое влияние здесь, в Лос-Анджелесе, что практически неприкасаемый.

Отбросив разочарование в сторону, я провожу рукой по волосам и возвращаюсь внутрь, чтобы проверить все основные моменты в клубе. Нет никаких сомнений, что остальные ребята будут наверху, слишком сосредоточенные на своем плане действий на сегодняшнюю ночь, чтобы заботиться о чем-то еще — например, о входе, танцполе и баре — или о том, чтобы убедиться, что все идет гладко. Совершая обход, я слышу шепот. Вопросы об этом месте и стеклянной комнате на втором этаже. Большинство теорий вне этого мира, в то время как другие бьют прямо по голове.

Не в силах сдержаться, я смотрю на затемненные окна и слегка качаю головой. Без понятия, как ребятам удалось заставить это сработать во время строительства, но им удалось. Все началось с Зака. Он сказал, что хочет эксклюзивное место, куда он мог бы пригласить самых горячих девушек, когда он нуждается в быстром, грязном сексе. Конечно, Трент и Маркус думали, что это гениальная идея, и хотели сделать из этого квартиру, похожую на жилую ситуацию. Секс площадка прямо в клубе, и никто ничего не узнает. И конечно, Винсент, будучи Винсентом, подумал, что это идеальная идея.

Чертовски смешно.

Я разочарованно провожу рукой по лицу, пока мысли возвращаются к прошлой ночи. Снова. Моя загадочная девушка, грязная девочка Маккензи, застряла в глубине моего сознания с тех пор, как я скользнул сквозь ее влажный жар. Черт, она заинтриговала меня, прежде чем позволила трахнуть. В ту секунду, когда она вошла в мой отель, в мой ресторан, разговаривая по этому чертову телефону, мой член стал для нее твердым как камень.

Она заинтриговала меня. Привлекла внимание. Заставила захотеть провести все выходные изучая ее, все время заставляя кончать. Эта интрига теперь превратилась в жгучее любопытство.

Кто она?

Где она сейчас?

Кто такая эта чертова Маккензи и где она пряталась все эти годы?

Этот маленький лакомый кусочек того, что она никогда раньше не испытывала оргазма, чуть не поставил меня на колени. С кем, черт возьми, спит эта великолепная особа и как, они не знают, как доставить ей удовольствие? Блядь, я этого не понимал. Ни тогда, ни тем более сейчас. Не после того, как выжал из нее эти оргазмы, наблюдая, как ее кожа краснеет от возбуждения, и видя, как соки покрывают мой член. Она совершенна.

Она идеальна. И это становится проблемой.

По какой-то причине я не могу выбросить из головы ни малейших подробностей о ней. То, как она смеялась. То, как улыбалась. То, как розовеют ее щеки, когда она краснеет. Как хрипло и сексуально она стонала мое имя при оргазме. То, как ее киска сжимала мой член, пока я...

Дерьмо, мне нужно взять себя в руки.

Мой сотовый вибрирует в кармане, и когда я провожу пальцем по экрану, я даже не удивляюсь, что это групповой чат парней. Они готовы начать.

Я закатываю глаза.

Эта игра делить и спать с одними и теми же девушками стареет. Мы больше не дети. Тем не менее, все они по-прежнему ведут себя так, будто образ жизни плейбоя будет длиться

вечно.

Ни хрена подобного.

В старших классах мы, возможно, делили и трахали одних и тех же девушек. Черт, все, наверное, так делали, поскольку Ферндейл был маленьким, как дерьмо городком, но это никогда не было потому, что я хотел. Бегущие поезда, проходящие вокруг одной и той же телки, никогда не привлекали меня так, как это было с остальными. Они получают удовольствие от этого дерьма, сравнивая заметки, делясь девушками, словно они трахают карманных кисок. Но сейчас? Поскольку я приближаюсь к тридцати, делить одних и тех же дам не входит в мой список дел. Возможно, я и не ищу серьезных отношений, но я также не хочу, чтобы мой ебанный член отвалился.

Тяжело дыша, я поднимаюсь по лестнице и киваю Брайсу, одному из наших охранников, прежде чем открыть дверь. Я очищаю свое лицо от всех эмоций и подавляю желание стиснуть зубы, когда я вижу всех, кого они пригласили на ночь. И вот тогда я ее вижу. Чертову Маккензи. Наверное, судьба решила, что мы еще не закончили друг с другом.

Я замолкаю, быстро моргая глядя на нее, гадая, не теряю ли я самообладание. Образы прошлой ночи врезаются в меня, как мы трахаемся у стены, на диване и в джакузи. Все это просверлено, внедрено в мой разум, и, черт, я бы солгал, если бы сказал, что не начал ощущать, как мой член шевелится под брюками. Но как будто на меня вылили ведро холодной воды, я вглядываюсь в окружающую меня сцену, и она поражает меня.

Она здесь только по одной единственной причине. Осознание этого — разочарование, если оно вообще когда-либо было. Я так сосредоточен на своих мыслях, что не обращаю внимания на то, что говорят парни. Я улавливаю конец разговора и сужаю глаза, слыша, как Зак называет Маккензи Скарлетт.

Какого хрена?

Я бросаю взгляд на Маккензи, и ее плечи напряжены, она неподвижно стоит, уставившись в пол. Значит, она солгала мне вчера или лжет сейчас. Я не знаю эту девушку достаточно хорошо, чтобы защитить ее, но хотите ли вы узнать, что такое безумие? Я вот хочу. Я хочу перекинуть ее задницу через плечо и унести отсюда, даже если она будет брыкаться и кричать, пока я это делаю. Ей здесь не место. Только не после вчерашнего. И что хуже всего? Трент выбрал ее на сегодняшнюю ночь. Я вижу это по его глазам и по тому, как он следит за каждым ее движением. Он прикидывает, каким будет его первый шаг.

Я стискиваю зубы, внезапно ощущая злость. На себя, на Трента, на остальных ребят и больше всего на Маккензи. Она не должна быть здесь. Не сегодня. Никогда.

Только через мой труп.

Внезапный ход мыслей поражает меня. *Может, она там, где и должна быть, и одурачила тебя прошлой ночью?* Одна эта мысль заставляет мои губы сжаться в мрачную линию. Единственное, что заставляет меня почувствовать себя немного лучше, это то, что, когда я вошел, она не смотрела ни на кого из парней с сердечками в глазах или, точнее, с денежными знаками — она смотрела на них со злостью и, если я не ошибаюсь... со страхом. Я могу ошибаться — черт, я, вероятно, ошибаюсь, — но я не могу не задаться вопросом, почему она здесь, если смотрит на остальных парней, как на преступников.

Воздух натянут, заряжен напряжением, и я знаю, что будет только хуже, как только я сделаю все самое необходимое. Я чувствую, как от Трента исходит гнев, как только я пытаюсь заполучить Маккензи. В его глазах вспыхивает огонь. Он хочет бороться, сражаться за то, что он считает простым сексом на ночь.

Ни хрена этого не будет.

Как только все соответственно разбиваются на пары, оставляя Маккензи и меня наедине — или Скарлетт, как бы она ни хотела, чтобы я поверил, что ее зовут, — я набрасываюсь на неё с вопросами. И с каждым из них она продолжает украдкой оглядываться через плечо, будто ей есть что скрывать, и, дерьмо, может, так оно и есть.

При упоминании моего имени при рождении в Маккензи что-то меняется. Во всем ее поведении. Мягкость ее черт резко трансформируется, заостряясь оставляя ее с суровым выражением на лице. Она хмурится, и, если я не ошибаюсь, на ее лице мелькает боль. Это глубоко укоренившаяся боль, которая не имеет смысла и не имеет отношения ни к чему в этом сценарии.

Все становится только хуже, когда она узнает, что Кинг не моя фамилия. Кингстон фамилия моей матери, и когда я достаточно стал взрослым, я решил использовать эту фамилию и сократить ее в деловых целях. Что угодно, лишь бы отдалиться от отца. Быть Пирсом имеет много преимуществ, но также и недостатков — один из них то, что мой отец мудака. Использование сокращенной версии Кингстон для моего успеха было одним большим «пошел ты» несравненному мистеру Бенедикту Пирсу.

Ее лицо быстро бледнеет, и она делает неуверенный шаг назад, пошатываясь на каблуках. Я совершаю осторожный шаг к ней и протягиваю руку для поддержки, но она уклоняется от моего прикосновения, и ее губы презрительно поджимаются, заставляя мои брови опуститься еще ниже.

— Маккензи?

Ее глаза встречаются с моими, и все эмоции поспешно стираются.

— Скарлетт, — шипит она. — Я уже говорила тебе об этом.

Мускул на моей челюсти сжимается от разочарования, и я кривлю бровь.

— Верно. Ты говорила. Я просто не знаю, верю ли я тебе, Скарлетт, — насмехаюсь я.

Ее глаза сужаются.

— Прекрати это к чертовой матери, ладно? Ты меня не знаешь.

Я зачарованно наблюдаю, как то, с чем она имеет дело внутри себя, отражается на ее лице. Не думаю, что она понимает, насколько выразительной может быть, когда забывает скрывать эмоции. Временами она хорошо скрывает свою боль и гнев, но сейчас они написаны на ней. Я даже не могу привязать это к чему-то конкретному.

Я делаю хищный шаг к ней, приближаясь.

— Я думаю, что знаю тебя очень хорошо, грязная девочка, — шепчу я, и ухмылка кривит уголки моих губ. — И что я точно знаю, так это то, что ты лжешь насчет имени Скарлетт. Видишь ли, дело в том, что ты не выглядишь как Скарлетт, не говоришь как Скарлетт, и уж точно не едешь на члене, как Скарлетт.

Я наблюдаю, как по ее телу пробегает дрожь. Темно-красный румянец окрашивает ее кожу; начиная от груди, он поднимается вверх по ее тонкой шее к щекам. Моя рука сжимается в кулак, когда я борюсь с самой низкой потребностью схватить ее в свои объятия и полностью раздеть. Держу пари, что румянец прошел весь путь по ее плоти.

— Ну, теперь я говорю тебе правду, — констатирует она как ни в чем не бывало.

Мои глаза сами собой останавливаются на ее груди, и зловещая улыбка изгибается, когда я замечаю два затвердевших пика сквозь тонкий атласный материал ее платья. Ей это нравится. Даже если она не хочет, по какой-то причине. Держу пари, что ее киска насквозь промокла. Я практически чувствую запах мускуса со своего места, и, черт, все, что я хочу

сделать, это зарыться лицом между ее бедер и попробовать ее на вкус.

— Ах, да? — я скрещиваю руки на груди, глядя на нее сверху вниз. — Раз уж мы говорим начистоту, не могла бы ты сказать, что у тебя в куче трусиков? Не так давно ты выглядела, будто увидела привидение.

Ее губы стали тонкими.

— Я... я... ну, я...

Я усмехаюсь, делая еще один шаг к ней.

— А, вот ты и попалась, грязная девочка. Мне было интересно, куда бы ты двинулась.

Ее пухлые губы приоткрываются, когда она глубоко вдыхает. Этот румянец, окрашивающий ее кожу, усиливается, если это возможно, и это заставляет меня чертовски сильно затвердеть.

Очнувшись, она двигает головой и делает угрожающий шаг ко мне.

— Все в порядке, — рычит она, тыча в меня красным ногтем. — Я просто не ожидала увидеть *тебя* здесь, вот и все. Даже не ожидала, что меня пригласят сюда... что бы это ни было, — она дико обводит рукой комнату, показывая, что все еще не понимает, что это за место. — Вчера ты совершенно ясно дал понять, что это всего лишь на один раз. Конечно, я буду выглядеть так, будто увидела привидение! Я не хотела, чтобы все стало неловким.

Я обдумываю ее ответ. Я и не подозревал, что вчера был так суров к возможности повторения. Я привык к правилам и ясно выражаю свои намерения с девушками, с которыми сплю заранее во избежании каких-либо неверных представлений или разбитых сердец. Такое было, и это никогда не бывает красиво.

Не стану отрицать, что вчера я почувствовал, что слишком увлекся Маккензи. Прошло много времени с тех пор, как я ощущал себя таким довольным рядом с девушкой, когда мы не трахались. Сказать ей, что наше свидание было одноразовым, помогло мне заработать преимущество и перспективу, когда мне это нужно. Только сейчас я чувствую себя ослом.

Я сокращаю расстояние между нами и провожу пальцем вверх по ее нежной шее и по тонкому изгибу подбородка к губам.

— Думаю, что с тобой, грязная девочка, необходимо сделать исключение из моего правила.

Ее дыхание прерывается, когда мой палец проводит по ее пухлым губам. Ее глаза трепещут, и кажется, что она борется с желанием закрыть их и прижаться ко мне.

— П-почему? — выдыхает она так тихо, что если бы я не стоял так близко, то не услышал бы ее слов.

— Потому что Маккензи. Твоя киска божественна, и трахать тебя всегда будет на первом месте в моем списке приоритетов. Разве ты не согласна?

Я наблюдаю, как она резко втягивает воздух. Ее губы приоткрываются, но она не произносит ни слова. То, как я на нее действую, приводит меня в трепет. Моя ухмылка становится шире, когда я подхожу ближе. Я провожу глазами вверх и вниз по ее восхитительному телу в этом платье и, не в силах удержаться, нахожу выпуклость ее кремовой груди и глажу ее плоть подушечкой большого пальца. От чего я действительно умираю, так это от желания стянуть материал вниз и освободить ее грудь, которая, я знаю, больше, чем горсть, и взять один из этих бледно-розовых сосков в рот.

— Я задал тебе вопрос, Маккензи.

Подушечка моего большого пальца рисует круги на ее коже, отвлекая. Ткань опускается опасно низко, почти освобождая сосок.

Всхлип срывается с ее губ, и ее глаза закрываются, когда она произносит слово

— Да.

Ее соски затвердели, просто умирают от желания, чтобы их попробовали на вкус и пососали. Я чувствую запах ее киски; ее сладкий нектар разносится по душному воздуху и сводит с ума мою голову. Эта девушка, стоящая передо мной, пленит меня, и я даже не могу объяснить почему.

От моего внимания не ускользнуло и то, что она ответила на Маккензи и не потрудилась поправить меня. Я лукаво улыбаюсь.

Похоже, со мной действительно маленькая лгунья.

— То, что я хочу сделать с тобой, — рычу я прямо у ее уха, мои губы задевают раковину. Дрожь пробивает свой путь через ее тело. Я провожу рукой по ее бедру и сжимаю изгибы.

Она громко сглатывает.

— Что хочешь сделать?

Крепко положив руку ей на поясницу, я прижимаю ее бедра к своему телу и трусь своим членом, который напрягается, чтобы уже выбраться из брюк. Я зарываюсь лицом в ее шею, утыкаясь носом в кожу и провожу языком по мочке уха. Она чертовски божественно пахнет. Как проблема и *моя*, все завернутое в сексуальную маленькую упаковку.

— Видишь вон то окно? — спрашиваю я ей на ухо, направляя ее голову к танцполу внизу. — Я хочу трахнуть тебя у этого окна. Хочу проникнуть так глубоко в тебя, так глубоко в твою киску, что тот, кто танцует внизу, увидит, как ты извиваешься и выкрикиваешь мое имя в стекло.

Руки Маккензи цепляются за мою грудь, в качестве поддержки. Ее ногти впиваются в мою кожу, когда она пытается удержать свои колени, чтобы они не подогнулись. Она представляет это. Представляет, как мой член входит и выходит из нее, в то время как сотни людей внизу ничего не подозревают, если только не будут наблюдать достаточно долго.

Я обхватываю ладонью ее задницу, вжимаясь в нее своими бёдрами, до конца доводя свою точку зрения.

— Твоя грудь будет прохладной на фоне стекла, но тебе бы этого хотелось, не так ли? Тебе бы понравилась мысль о том, что кто-то будет смотреть, как я тебя трахаю. Ты бы сорвалась, потому что я тебе так сказал, верно, Маккензи?

— О Боже, да, — стонет она, опуская голову мне на грудь, извиваясь под моим стояком.

— Посмотри на тебя, — выдыхаю я, глядя на нее сверху вниз с огнем, кипящим в животе. — Такая чертовски грязная девочка, — хвалю я, впиваясь кончиками пальцев в ее кожу и пытаюсь сдержаться.

Я хочу прижать ее к окну и трахнуть до потери сознания. Хочу взять ее на следующей неделе. Хочу продолжать брать ее, пока мое имя не укоренится в ее сознании, а мои прикосновения не запечатлеются в ее душе и теле.

— Сделай это, — шепчет она, отрывая лоб от моей груди и глядя мне в глаза.

Ее глаза — ореховая буря оттенков — сверкают огнем и похотью. Она, блядь, испепеляет меня. Сжигает изнутри.

На моем лице расплывается улыбка.

— Повернись, — приказываю я, и она делает то, что я говорю, как я и предполагал.

ГЛАВА 6

Маккензи

С меня капает. Господи, с меня капает, как будто это никого не касается. Только от одной его команды мои трусики промокают, и

в этот момент мое ядро болезненно пульсирует. И конечно, я делаю, как он говорит. Меня не волнует, что я пришла сюда не за этим. Меня даже не волнует, что я знаю, кто такой Себастьян на самом деле. Я просто нуждаюсь в нем, как наркоман нуждается в следующей дозе. После одной ночи с этим мужчиной я просто превратилась в дьявола. Мне нужно, чтобы он оказался внутри меня. Хочу почувствовать ту же связь, которую я чувствовала с ним прошлой ночью.

Направляясь к окну, выходящему на нижний уровень клуба, я продолжаю убеждать себя, что все это часть плана. Это я приближаюсь к нему, вливаюсь в его жизнь и дружбу с другими парнями. Если мне придется продолжать лгать самой себе, чтобы поверить в это, я так и сделаю. Я буду делать это снова и снова, потому что, когда я с Базом, он заставляет меня чувствовать то, что я не должна. Пока не могу сказать, просто ли это отличный секс или что-то большее, но не хочу анализировать это дальше.

— Сними нижнее белье, грязная девочка.

От этой команды у меня по спине пробегает дрожь. Она оседает у основания, покалывая, будто у этого есть собственный разум. Я следую его указаниям и спускаю красный клочок материи вниз по ногам. Прислоняюсь спиной к стеклу и прохладное окно словно ударяет током по моей разгоряченной коже.

Баз некоторое время стоит и смотрит на меня. Его взгляд перемещается с красной ткани, свисающей с моей руки, на голую вершину между моих бедер. Он сокращает расстояние между нами, и мои глаза прикованы к грозной выпуклости, умирающей, чтобы прорваться через брюки. Он выглядит потрясающе красивым в своем костюме. Я хочу сорвать его с него и в то же время сохранить для чистого эстетического наслаждения в равной мере.

Сжимая в дрожащей руке мокрое белье, я жду его следующей просьбы или, лучше сказать, требования. Он раскрывает мою ладонь и ловкими пальцами забирает нижнее белье, расправляя его в своей большой руке. Его глаза расширяются и становятся невероятно темными, когда он чувствует, насколько влажный материал. Темное пятно ни с чем не спутаешь, и желание опустить голову в смущении поглощает.

— Черт, Маккензи, — шипит он. — С твоей киски, должно быть, капает.

Я зажимаю нижнюю губу зубами и прикусываю. Сильно. Просто чтобы не дать себе издать смущенный стон.

— А теперь, грязная девочка, следующий вопрос касается только тебя. Ты хочешь, чтобы я трахнул тебя и все остальные услышали это? Или хочешь оставаться тихой?

Мои брови опускаются. Я не знаю, как на это ответить.

— Если ты хочешь молчать, я могу засунуть это, — он показывает на трусики, скомканные в кулаке, — Тебе в рот, пока буду трахать тебя. Что это будет?

Мои ноги сжимаются в предвкушении, и я хлопаю ладонью по стеклу позади себя, для поддержки.

Трахните меня.

Почему мысль о том, что мне заткнут рот мокрыми трусиками, заставляет меня хотеть кончить?

— Трусики, — шепчу я, подавленная тем, что хочу именно этого.

Баз замолкает, вероятно, пораженный неожиданностью. Задумчиво проводит большим пальцем по пухлой нижней губе, наблюдая за мной. Эта темная ухмылка быстро крадется по его лицу, заставляя колени ослабеть.

Он наклоняется ко мне, заполняя мое пространство, наполняя собой воздух, которым я дышу.

— Повтори.

— Трахни меня с трусиками. У меня во рту.

Он улыбается мне сверху вниз.

— Хорошая девочка.

Баз собственнически кладет ладонь мне на живот и слегка надавливает, чтобы полностью прижать меня к стеклу. Проводит другой рукой между моих бедер и стягивает с меня платье, обнажая мой центр.

— Открой для меня этот прелестный ротик, — когда я это делаю, он просовывает материал внутрь и смотрит на меня с жаром в глазах. — Так чертовски сексуально.

Моя попа прижимается к стеклу, и дрожь пробегает по спине при мысли, что кто-то смотрит на нас. Что они видят? Сведёт ли это их с ума?

Баз опускается на корточки и скользит ладонями вверх по моим бедрам, подушечки его пальцев сжимаются и впиваются в мою кожу. Его прикосновение подобно пылающему следу огня, и я горю. Каждый жизненно важный орган горит от того, что этот человек делает со мной. Он закидывает одну из моих ног себе на плечо, идеально выравнивая взгляд с моим

мокрым центром.

— Я не переставал думать о том, чтобы трахнуть эту киску своим языком со вчерашнего вечера.

Он ласкает мои половые губы с благоговением и продолжает смотреть на мою киску с голодом, который я ощущаю глубоко внутри. Это тянется к сердцу, и я умираю от желания снова почувствовать его рот на себе.

Он не разочаровывает.

Баз облизывает меня языком прямо по центру, и я бьюсь головой о стекло и стону от материала во рту. У меня перехватывает дыхание, и бедра выгибаются вперед навстречу его умелому языку. Баз ест меня, как голодный. Его язык успокаивает и пронзает; он ласкает и сосет. Это как раздвоение личности сексуальности и восприимчивости внутри меня.

Я бьюсь о стекло. Мое хриплое хныканье едва приглушается нижним бельем, а сердце словно пытается вырваться из груди. Электричество горит в моих венах, когда он сосет мой клитор. Он проводит языком по чувствительному пучку нервов и скользит пальцами по моим складкам, погружая кончик во влагу, скользя по нижней стороне моей задницы и вдоль бедра.

Когда он входит пальцами внутрь, мои руки погружаются в его идеальные волосы, и бедра трутся о его лицо, пока я гоняюсь за оргазмом, нарастающим внутри меня. Моя киска сжимается, соски пульсируют, умоляя о большем. Когда он добавляет третий палец и тягивает мой клитор в рот, будто это чертова конфета, я взрываюсь, как ракета. Мой искаженный стон эхом разносится по комнате, когда он вылизывает мою киску, очищая ее от возбуждения.

Я все еще пытаюсь моргнуть сквозь калейдоскоп цветов, крадущих мое зрение, когда он встает на ноги и выдергивает трусики из моего рта и захватывает мои губы своими. Он скользит своим языком по моему, воюет со мной, чтобы я могла попробовать себя на нем. Я обхватываю его за плечи и прижимаюсь к нему в ожидании очередного оргазма.

Наши глаза встречаются в напряженном, наполненном похотью мгновении, и я понимаю, что никогда не замечала зеленых искорок в его глазах. Зеленый почти угрожает поглотить синий.

Он медленно кладет большой палец мне на подбородок, подталкивая мою челюсть. Его губы приоткрываются, глаза бегают, когда он засовывает мои трусики обратно в рот.

— Повернись, — рычит он, даже не дожидаясь, пока я дам согласие.

Он поворачивает меня так, что живот прижимается к стеклу, и я оказываюсь лицом к танцполу. Он опускает верх моего платья по телу, обнажая грудь. Прижимая меня к стеклу он смотрит на наше отражение. Я выгляжу сексуально помешанной. Моя полная грудь прижата к прохладному окну, волосы растрепаны, а щеки покраснелись от оргазма. Баз выглядит смуглым и совершенно восхитительным. Его язык высовывается, смачивая пухлую нижнюю губу, и я почти растворяюсь в луже.

Наблюдая за нашими отражениями, я вижу, как Баз проводит пальцами вверх и вниз по моей спине, по плечам, останавливаясь на вершинах моих грудей, пока освобождается от своих брюк.

— Представь, что все они там, внизу, смотрят на тебя, — шепчет он мне на ухо. Один из его пальцев дёргает мой сосок, и я задыхаюсь, моя киска резко сжимается от ощущения. — Только представь, что они видят твои великолепные сиськи, прижатые к стеклу, — соблазнительно выдыхает он, едва помещая мою грудь в ладонь. Он крутит мой сосок.

Щиплет и успокаивает. Это сводит меня с ума. — Представь, как они смотрят, как ты стонешь мое имя, пока я тебя трахаю. Они захотят, чтобы это были они, похороненные так глубоко в этой киске, что даже не могут видеть прямо.

— Баз...

Моя приглушенная мольба эхом разносится вокруг нас, когда я прижимаюсь задницей к его эрекции, впивающейся в мою попку.

Как будто его имя, слетевшее с моих губ, было единственным подтверждением, в котором он нуждался, Баз продолжает грубо гладить мою грудь, в то время как другая рука ложится на мое бедро, когда он устраивается сзади. Он больше не ждет. Он скользит в меня без сопротивления и безжалостно трахает о стекло. Его движения длинные и сильные. Он выходит почти полностью, прежде чем снова входит, вдавливая меня в стекло. Мои бедра бьются о холодную твердую поверхность, дыхание туманит стекло, и все же, когда трусики заглушают мои стоны, я умоляю его не останавливаться.

Баз запускает кулак в мои волосы и дергает голову назад, его яйца ударяются о зад с каждым движением. Он берет мою ногу и вытягивает ее в сторону, входя под новым углом, заставляя меня задыхаться. Он проникает так глубоко в меня, что задевает точку, от которой у меня все расплывается перед глазами.

— Посмотри, как красиво выглядит твоя киска. Выставлена на всеобщее обозрение. Мой член внутри тебя. Тебе это нравится, не так ли, грязная девочка?

Я не могу ответить. Все, что я могу сделать, это одобрительно стонать. И мне это действительно нравится. Гораздо больше, чем следовало бы.

Наше отражение выглядит горячим. Мои глаза прикованы к моей обнаженной киске и его члену, входящему и выходящему из меня с ритмом, который меня убивает. Он убирает руку с моей груди и играет с клитором, отодвигаясь от стекла ровно настолько, чтобы увидеть, как моя грудь подпрыгивает с каждым его толчком.

— Я к-кончаю, — стону я сквозь трусики.

Его толчки ускоряются.

— Сожми его, грязная девочка. Сожми мой член своей киской.

Я вскрикиваю, когда он отрывает меня от стекла и толкает спину, наклоняя меня.

— Дотронься до пальцев ног.

Я делаю, как он говорит, и без предупреждения он врезается в меня, заставляя закричать. Я чувствую его повсюду. Эта поза настолько глубокая, что я уверена, что не смогу долго продержаться.

Мои ноги тут же подкашиваются, и колени ударяются об пол, оставляя меня на четвереньках. Баз не замедляется. Он приспособливается, зарываясь рукой в мои волосы, продолжая трахать меня.

— Тебе нравится, когда я трахаю тебя вот так, не так ли, грязная девочка? Послушай. Послушай, как твоя киска принимает мой член.

Мои стенки сжимаются вокруг него. Это звучит как порно.

Он выдавливает из меня оргазм за оргазмом, пока я не чувствую себя невесомой. Мое зрение внезапно становится черным, и яркие ореолы заполняют темные глубины, когда я соскальзываю с края, издавая гортанный стон, который даже не звучит так, будто он сорвался с моих губ.

— Блядь, это горячо, — раздается голос в нескольких метрах.

Даже в моем посторгазмическом блаженстве мое тело напрягается, и когда я открываю

глаза, краска отходит от моего лица. Там, нащупывая свой член снаружи джинсов, стоит Зак Ковингтон, который, по-видимому, только что наблюдал, как Баз трахает меня. Я отползаю от База и вскакиваю на ноги, торопливо поправляя на ходу платье. Каждый раз, когда я вдыхаю, мне кажется, что бритвенные лезвия врезаются в меня.

Не могу поверить, что позволила этому случиться.

Что я делаю? Что, черт возьми, я делаю?

Смущение и унижение царапают мою кожу, когда я выдергиваю нижнее белье изо рта и прячу его в кулаке. Что еще хуже, я чувствую, как тепло скользит по моим бедрам, и когда я смотрю вниз, стыд окрашивает мою кожу, давит на грудь, делая невозможным дышать. Я поднимаю взгляд, и оба, Баз и Зак, смотрят вниз на сперму База, стекающую по моим ногам.

Избегая зрительного контакта, я резко отстраняюсь от База и направляюсь к двери, нуждаясь в спасении. Мне нужно перегруппироваться и привести голову в порядок.

Почему секс с Базом всегда заставляет меня забывать, что я делаю? Почему он заставляет меня забыть, для чего я здесь?

Торопясь убежать, я рывком открываю дверь и бегу, но далеко не убегаю. Я резко останавливаюсь в тускло освещенном коридоре, пытаюсь понять, куда идти. Что делать.

Кэт и Вера все еще там. Я не могу просто оставить их, но и не могу вернуться, не после этого.

Два врага видят меня в моем самом уязвимом месте, оба видят мои самые интимные части — Мэдисон, вероятно, переворачивается в своей могиле.

Я начинаю снова идти, решившись. Думаю, я напишу девочкам и скажу, что уехала. Но прежде чем я успеваю уйти, теплая железная хватка на моем запястье разворачивает меня, останавливая побег.

— Маккензи, подожди.

Я выдергиваю запястье из хватки База.

— Меня зовут Скарлетт! — кричу я, и его глаза сужаются.

— Отлично, *Скарлетт*, — выдавливает он. — Я не знал, что он наблюдает. Клянусь.

Мое сердце сжимается, и ледяной холодок поселяется в груди, мучая меня.

— Так вот чем вы занимаетесь? Делите всех своих девушек? Смотрите, как друг друга трахают их неряшливые секунданты? Это отвратительно.

Его рот сжимается в мрачную линию.

— Нет, это не то, чем я занимаюсь. *Они* да. — он раздраженно проводит рукой по волосам. — Я увлекся тобой. Я не должен был ставить тебя в такое положение и позволять этому случиться.

— Почему я должна верить всему, что ты говоришь? — я возражаю.

Моя грудь резко поднимается и опускается, пока я пытаюсь контролировать свой гнев.

Он приближается ко мне, скользя рукой по моей талии и прижимаясь твердыми плоскостями своего тела к моему.

— По тем же причинам, по которым я решил верить тебе, Скарлетт.

Он снова копается в моем имени.

— Ну, мне нужно уходить... — начинаю я, готовая стать его призраком и никогда не оглядываться, по крайней мере, пока у меня не будет хорошо продуманного плана.

— Мы еще не закончили, грязная девочка. Даже близко не закончили, черт возьми.

Чтобы доказать свою точку зрения, он наклоняется и захватывает мой рот. Поцелуй собственнический, всепоглощающий, и помоги мне Бог, я пытаюсь бороться с ним, но

сдаюсь, вливаясь в поцелуй. Падаю в него.

— Поехали ко мне домой. Где тебя никто не увидит, кроме меня, — говорит он мне в губы, его хватка на мне ограничена.

Он не принимает «нет» в качестве ответа. И что самое печальное? Я не хочу говорить «нет». Я не могу сказать «нет», когда дело касается База.

— Мои подруги...

Он вздыхает и делает шаг назад, чтобы посмотреть на меня. Он мотает головой через плечо.

— Давай.

Мы возвращаемся к двери, и я останавливаюсь, остро вспоминая, почему не могу вернуться туда.

— Я подожду здесь.

Он смотрит на меня сверху вниз сердито.

— Я не оставлю тебя здесь одну. Пойдем.

Его ладонь шлепает меня по заднице, от боли я вскрикиваю.

Внутри пусто, но определенно не тихо. Это похоже на чертову оргию. Наверное, раньше я была слишком увлечена Базом, чтобы заметить это. Из задних комнат доносятся многочисленные стоны. Мы останавливаемся на пороге, и Баз поворачивается ко мне, подняв брови. На его лице появляется намек на веселье.

— Все еще хочешь пойти туда и проверить их?

Я открываю рот, чтобы сказать «да». Просто потому, что они стонут, не обязательно означает, что они хорошо проводят время, не так ли?

— Я...

Баз усмехается.

— Дай мне секунду.

Он шагает по коридору, исчезая из поля моего зрения. Я слышу характерный стук в две отдельные двери и приглушенные голоса. Через несколько секунд он уже рядом, берет меня за руку и тянет за собой.

Как раз когда мы собираемся выйти, мы слышим, как открывается дверь, сопровождаемая тяжелыми шагами. Появляется Трент, свирепо глядя на Себастьяна. Его взгляд на мгновение задерживается на мне, и его верхняя губа кривится.

— Это против правил.

Правил? Каких правил?

О чем, черт возьми, они говорят?

Баз делает защитный шаг передо мной, загораживая меня от взгляда Трента.

— К черту правила. Она не имеет к этому никакого отношения. Найди кого-нибудь другого. Кого-нибудь еще. Она моя.

От его слов у меня перехватывает дыхание, а сердце сжимается. Прежде чем Трент успеет возразить или вставить еще хоть слово, Баз уже ведет меня к двери.

Пока мы идем по коридору, я посылаю сообщения Кэт и Вере, умоляя их дать мне знать, что они все еще живы, и позвонить мне, как только они закончат заниматься сексом или, по крайней мере, когда они благополучно выберутся отсюда.

Пройдя через переполненный клуб, мы выходим через черный ход, и я прекрасно понимаю почему. Со всех сторон доносятся тонны мигающих огней и криков, и все они направлены на нас. Моему мозгу требуется гораздо больше времени, чем нужно, чтобы

сыграть в догонялки, и как только я это делаю, я понимаю, что папарацци фотографируют. Странность всего этого заставляет меня застыть на месте. Только когда хватка База на мне крепче сжимается, пока он пробирается сквозь людей, делающих снимки и выкрикивающих вопросы, я возвращаюсь в настоящее.

Когда мы оказываемся на безопасном расстоянии, он наклоняется ко мне так, что его рот расположен у моего уха.

— Если тебе доставляет это дискомфорт, просто держи голову опущенной. Мы почти добрались до машины.

Я слегка отстраняюсь, чтобы посмотреть на него, и лениво не могу не задаться вопросом, во что я вляпалась. Папарацци? Я знала, что парни завидные холостяки, но понятия не имела, что до такой степени. В этот момент кто-то фотографирует нас, вспышка почти ослепляет меня.

К счастью, парковщик подъезжает, и на машину, которая стоит у тротуара, мои глаза удваиваются. Баз помогает мне залезть внутрь, и все это время я стараюсь не удариться челюстью об пол.

— Ух ты, — выдыхаю я, осматривая все вокруг. — Ты действительно долбаный миллиардер, не так ли?

Баз замолкает и смотрит на меня с незнакомым выражением на лице.

— Да, — говорит он, садясь.

Я предпочитаю смотреть в окно, глядя на Голливудские холмы во время молчаливой поездки. Когда мы въезжаем в огромные кованые ворота и едем по извилистой дороге, я даже не удивляюсь, обнаружив одинокий дом, раскинувшийся на вершине холма. Особняк просто невероятный. Я имею в виду, я видела некоторые замечательные свойства — привилегии быть подругой двух богатых светских львиц — но это... это совсем другое.

Здание передо мной настолько гладкое и современное, насколько это возможно. Чистые линии, окна от пола до потолка.

Внутри все так же чисто и безукоризненно, с мужским чувством во всем пространстве. Темное красное дерево, белый, черный и другие цвета сохраняют атмосферу простоты и мужественности. Это умный дом, поэтому каждый прибор, каждый свет, каждая мелочь, о которой вы можете подумать, либо работает на основе его телефона, либо активируется голосом. Баз продолжает демонстрировать основные части дома, которые, вероятно, являются его любимыми комнатами — его кабинет, его тренажерный зал и его спальня, конечно же.

В конце концов мы устраиваемся на кухне, сидя за барной стойкой. Он достаёт стаканы для нас, пока я все еще обрабатываю и пытаюсь собрать мысли воедино вокруг всего этого.

— Хочешь чего-нибудь выпить?

— То, что у тебя есть подойдет.

Я мгновенно нервничаю, но не могу объяснить почему. Я уже была с ним наедине, много раз чувствовала его внутри себя, и все же я сижу здесь, беспрестанно постукивая каблуками по мраморному полу от нервов.

Я знаю, что должна использовать это время, чтобы приблизиться к нему. Я должна была бы задать вопросы и начать копаться в его прошлом и прошлом других Дикарей, но я просто... не хочу все испортить.

Баз открывает бутылку вина, наливает немного мне, но себе предпочитает янтарную жидкость. Он прислоняется к стойке и делает несколько глотков из своего стакана, не сводя

с меня пристального взгляда. Наблюдая за мной.

Это нервирует.

— Что?

— Просто пытаюсь понять тебя, — говорит он, склонив голову набок.

— Что тут понимать?

— Многое, — неопределенно отвечает он.

Опускается тишина, и на этот раз это неловкое молчание, которое никогда не случилось с нами.

Я прочищаю горло.

— В клубе... наверху... о чем он говорил? Какие правила?

Баз переводит взгляд в другое место и делает большой глоток из своего стакана, прежде чем ответить.

— Все очень сложно.

Я поднимаю бровь.

— Не хочешь уточнить?

— Не совсем. У меня есть более... насущные проблемы.

Мое сердце сжимается.

Проблемы?

— Например?

Он чешет шею, все еще держа стакан в руке.

— Например, почему ты солгала насчет своего имени. Почему согласилась подняться наверх в клуб, но выглядела совершенно отвратительно с парнями, когда я вошел. — Баз отталкивается от стойки, его глаза сосредоточены на мне, когда он сокращает расстояние между нами. Мои зубы сжимаются, сердце стучит хаотично напротив грудной клетке. — Ребята приглашают туда не просто кого-то, а даже если и приглашают, они точно знают, зачем туда идут.

Он замолкает на несколько секунд, давая мне это понять. Рукой, держащей стакан, он снова проводит подушечкой большого пальца по нижней губе, размышляя. Теперь я понимаю, что, когда он о чем-то думает, он обычно потирает губу.

— Наверное, я пытаюсь понять, почему ты не имела ни малейшего представления о том, что там может произойти. Или, может, ты знала. И возможно, ты отправилась туда в поисках чего-то.

Мой желудок сжимается в узел, когда я слышу его слова. Он ведь не может знать, правда? Это невозможно. Мне нужно отыграться. Насколько ему известно, я отправилась туда в поисках секса, и хотя это неправда и может выставить меня шлюхой, я соглашусь.

— Я должна автоматически знать, что там будет происходить?

— Сама по себе нет, — он делает еще один глоток. — Я просто пытаюсь понять, какая часть сегодняшней ночи была совпадением, а какая... нет.

От этого заявления я чуть не падаю со стула. Я напрягаю черты лица и делаю резкий вдох, изо всех сил стараясь сохранить хладнокровие. Он думает, что после того, что произошло между нами прошлой ночью, я все это организовала? Одна часть меня хочет закричать, что я была там, чтобы узнать, кто из них убил мою сестру, но если я сделаю это сейчас, я никогда не получу ответов, в которых нуждаюсь. Мне нужно, чтобы Баз доверял мне. А сейчас он мне не доверяет.

Черт, я даже не уверена, нравлюсь ли я ему.

— Кэт и Вера тусовщицы. По самое сердце. Вот почему мы пришли в клуб. Они прочитали об открытии клуба и предложили слетать. Как ты уже знаешь, Кэт сняла для меня номер в твоём отеле, и когда я встретила тебя вчера... я понятия не имела, кто ты. Я не знала, что ты владеешь частью того клуба, в который мы в конце концов отправимся. Если ты на *это* намекаешь.

Некоторое время он молчит. Достаточно долго, чтобы он смог осушить свой стакан и обогнуть барную стойку. Он останавливается передо мной, всего в нескольких сантиметрах, заполняя мое пространство. Его ладони ложатся на мои колени, и, будто нас обоих тянет к точке соприкосновения, мы оба смотрим вниз. Его загорелая кожа против моей — такой контраст. Его руки, как лапы на моей коже, больше, чем жизнь, с выступающими венами, идущими вверх по его запястьям к предплечьям. Вездесущая искра электричества вспыхивает, как живая проволока, в его близости. Его руки на моих заставляют мой живот сжиматься от возбуждения.

Его руки скользят вверх по моим бедрам, исчезая под платьем, а кончики пальцев останавливаются перед вершиной моих бедер. У меня перехватывает дыхание. Мое сердце спотыкается, и этот толчок в моем животе становится острее, боль в ядре усиливается, и гудящее электричество в венах заставляет мою кровь мчаться к клитору.

Он раздвигает мои колени с нежной твердостью и устраивает свое тело между ними.

— Что ты...?

Он обрывает меня, его пальцы кружатся в моей влаге.

— Хватит болтать, грязная девочка. Я еще не закончил трахать тебя. Ночь еще только начинается. Разве ты не согласна? — спрашивает он с усмешкой в голосе.

Один из его пальцев погружается в мой влажный канал, и когда он вытаскивает его, он распространяет мою влагу по клитору, а затем твёрдо кружит.

Мои бедра подвигаются вперед в такт его пальцам, и когда он входит двумя пальцами внутрь меня и продолжает гладить мой клитор, я теряю всякое чувство самосохранения. В глубине души я говорю себе, что это то, что должно произойти, чтобы он доверял мне, но если быть честной? В глубине души я знаю, что это ради себя. Потому что, как бы мне ни было неприятно это признавать, прикосновение База способно погубить меня. И я позволяю это ему.

Баз сильнее надавливает на мой клитор, двигая пальцами быстрее, и я слышу влажные звуки, которые мое возбуждение издает вокруг нас в почти безмолвной кухне. Слышен только звук моей киски и мое тяжелое дыхание.

— Не останавливайся, — стону я, хватая его за плечи для поддержки, пока объезжаю его пальцы.

Он наклоняется ко мне и шепчет над моим губам:

— Вот так, хорошая девочка.

ГЛАВА 7

Маккензи

Должно быть, я отключилась где-то ночью после нескольких раундов секса с Базом. Мужчина подобен машине. Честно говоря, не думаю, что у меня хватит сил угнаться за ним.

Я перекатываюсь на спину, и легкое одеяло натягивается на мое тело, когда я протягиваю руку к другой стороне кровати. Мои брови хмурятся, понимая, что другая сторона холодная и пустая. Я медленно приподнимаюсь на локтях, затем сажусь, прислоняясь спиной к изголовью кровати, и оглядываю темную хозяйскую спальню. Звук льда, звенящего о стекло, заставляет меня сбросить одеяло с ног, схватить сброшенную рубашку База и двинуться к источнику. Я нахожу его сидящим на балконе, откуда открывается вид на бесконечный бассейн и раскинувшиеся за ним холмы.

Я немного отстраняюсь, чтобы наблюдать за ним, наслаждаясь свободой смотреть на него без его ведома. Он делает большой глоток янтарной жидкости из стакана и морщится. Он раздраженно проводит рукой по волосам, и я замечаю, как напряжение спадает с него. Кажется... он расстроен. Нет, это даже не лучший способ описать его. Он кажется сердитым и потерянным. Очень похоже на меня.

Я опускаю взгляд на его руку, которая все еще перевязана, и чувствую боль в груди. Я вижу чернила, выглядывающие из-под повязки, и знаю, если бы я увидела татуировку прошлой ночью, то поняла бы, кто он. Татуировка скелетного ключа — мертвая выдача.

Его лицо скрыто в темноте, и я не могу сказать, то ли это его настроение, то ли просто

из-за отсутствия света. Прежде чем меня поймают на слежке за ним, я решаю заявить о своем присутствии.

— Эй, — тихо говорю я, заставляя его повернуться ко мне. Его глаза скользят вверх и вниз по моему телу в его рубашке, и я вижу, как на его лице появляется ухмылка. — Не мог уснуть?

— Сон ускользает от меня почти каждую ночь.

Он вздыхает и откидывается назад, чтобы получше меня рассмотреть.

— Какая-то особая причина? — спрашиваю я, гадая, не чувство ли вины не дает ему спать по ночам.

Неужели смерть Мэдисон давит на него так же, как и на меня?

— Не совсем. Просто работа.

— Ах, как скажете, мистер Туманность, — игриво поддразниваю я, печально кривя губы.

Я собираюсь сесть рядом с ним, но он хлопает себя по коленям и тянется к моей руке, притягивая тело к себе, так что я падаю к нему на колени. Его тело тёплое, твердая стена мышц позади меня, поэтому я прижимаюсь к нему и головой к его груди, глядя на звезды и полумесяц.

Мы наслаждаемся тишиной, которая опускается, между нами, наши взгляды прикованы к невероятному виду. Огни внизу под холмом все еще мерцают, но рассвет медленно ползет по горизонту. Одна за другой звезды начинают гаснуть.

Я закрываю глаза и вспоминаю свое детство. В те времена, когда с Мэдисон было не так тяжело находиться рядом, мы поднимались на холм кладбища и старались подавить дрожь, проходя мимо надгробий, но когда наконец мы добирались до вершины холма, затененного деревьями, то смотрели вниз на остальной город и наблюдали за жизнью сверху. Это был наш маленький кусочек рая. Теперь, думая об этом, мне становится немного не по себе, но в то время это было нашим местом — единственным местом, куда мы ходили, которое было нашим. Где нам не нужно было пытаться быть кем-то, кроме сестер-близнецов, которые иногда разделяли одни и те же чувства. Вот так мы и сблизились. Нам не нужно было много разговаривать. Это были просто... мы и город под нами.

Мои глаза слезятся, когда я смотрю вниз на яркий, оживленный город подо мной. Не могу не задаться вопросом, что бы подумала Мэдисон об этом виде, если бы она все еще была здесь. Были ли у нас еще наши молчаливые моменты единения? Или с возрастом мы отдалились бы друг от друга? Самое печальное, что я никогда этого не узнаю.

— Я часто так делала, когда была моложе. Мы поднимались на холм и любовались закатом. Прошло так много времени с тех пор, как я просто наслаждалась, сидя снаружи. Я давно по-настоящему перестала радоваться жизни. И забыла, как здесь спокойно.

— То, что я здесь, наверху, помогает мне думать. Там, внизу, всегда столько всего происходит, и это так хаотично. Я нуждаюсь в уединении.

— Да, — шепчу я, все еще погруженная в мысли о сестре.

— С кем ты раньше ходила?

— Хм?

— Ты сказала «мы», и я понял, что ты имела в виду, что ходила с кем-то.

Я замираю на секунду, пытаюсь собраться с мыслями и удержаться, чтобы не ударить себя. Почему, я должна была это говорить, ностальгировать и открывать рот?

— Моя подруга. Я часто ходила с ней. Когда мы были маленькими, — выпаливаю я.

— Что заставило вас прекратить?

Меня охватывает печаль.

— Она умерла.

Я чувствую, как Баз напрягается подо мной. Поерзав со мной на руках, он ставит стакан на столик рядом с собой, затем кладет ладони мне на бедра, успокаивающе поглаживая.

— Мне очень жаль.

Он целует меня в затылок, и я ненавижу себя за то, что наслаждаюсь его поцелуями. Ненавижу чувство удовлетворения, которое они дают мне.

Как я должна сопротивляться этому мужчине? Тому самому, которого должна ненавидеть.

Я прочищаю горло. Болезненно.

— Все в порядке. — моя нижняя губа дрожит, и я рада, что он меня не видит. — Это было очень давно.

— Она была больна?

Боже, как бы я хотела, чтобы она была больна.

И вот тут-то ответы становятся хитрыми. Все, что я скажу, может вызвать у него воспоминания или заставить задуматься, кто я. Я хотела бы повернуться к нему и рассказать все, отпустить весь гнев и печаль, которые я носила в себе в течение многих лет, но не могу. Мне нужно действовать осторожно.

— Она уехала как раз перед нашим выпускным классом. — *ложь*. — И начала встречаться с новым парнем там, где жила. — *ложь*. — Ее убили. — *правда*.

— Господи, — шипит он. — Мне очень жаль.

— Не надо, — тихо бормочу я. — Она не была величайшей личностью. Черт, она даже не была хорошей подружкой, но она... — я замолкаю, мое горло сжимается от нахлынувших эмоций.

— Но она не заслужила смерти, — заканчивает он за меня. Как будто он прочитал мои мысли. — Никто не заслуживает.

Я немного обдумываю его слова, прежде чем спросить:

— Ты действительно в это веришь?

Я поворачиваюсь к нему лицом.

— Что?

— Что даже если люди плохие, они не заслуживают смерти?

Я вглядываюсь в его глаза и лицо в поисках плохого человека. Если я узнаю, что он убил Мэдисон, захочу ли я его смерти? Смогу ли я убить его? Мой мозг говорит, что я смогу это сделать. Но сердце, по какой-то причине, когда я смотрю на База, говорит, что это не вариант.

— Думаю, что слишком многие люди берут дело в свои руки, как акт мести, но к чему это приводит? К крови на руках? Кто мы такие, чтобы играть в Бога?

— Не знала, что ты религиозен, — безапелляционно отвечаю я.

Он усмехается.

— Нет. Я просто говорю, что не думаю, что убийство кого-то из-за того, что он был плохим человеком, оправдывает что-либо.

Я выпрямляюсь на его коленях, гнев кипит на поверхности. Я склоняю голову набок, разглядывая его.

— То есть ты хочешь сказать, что, если бы кто-то причинил боль или убил кого-то, кто

тебе дорог, ты бы не захотел отомстить?

Его брови опускаются от вопроса, и на секунду я переживаю, что выдала слишком много. Проходят секунды, прежде чем он обхватывает мою щеку ладонью и проводит большим пальцем по моей коже успокаивающими кругами.

— Не могу сказать, — бормочет он, глядя мне в глаза. — Если кто-то причинит тебе боль, я, вероятно, убью его.

Дрожь пробегает по моей спине, и перехватывает дыхание. Мне не должно нравится это, но нравится. Боже, мне нравится. Это первый раз, когда кто-то настолько заботится, чтобы произнести такие слова. За всю свою жизнь я была вторым лучшим и пряталась в тени, и впервые я чувствую, что кто-то действительно видит меня.

— Ты мил со мной, Баз Кинг? — игриво спрашиваю я, заставляя его рассмеяться.

Он тепло смотрит на меня.

— Возможно.

Бабочки взлетают, и я отвожу взгляд. Он приподнимает мой подбородок, заставляя меня посмотреть на него.

— Давай вернемся в постель.

— Чтобы... поспать?

Его смех глубокий и заразительный, когда он помогает мне слезть с колен.

— Господи, я создал монстра.

Я хлопаю его по плечу.

— Это справедливый вопрос, учитывая, как часто мы занимались сексом. Ты как машина.

— Я не слышу никаких жалоб, — парирует он, приподняв бровь.

— Ты прав. — я ухмыляюсь, подмигивая ему, прежде чем повернуться и скользнуть обратно в его спальню, чтобы вернуться в «постель».

На следующее утро я просыпаюсь с теплым телом за спиной, тяжесть давит на бок, и когда я открываю глаза и смотрю через плечо, то вижу спящего База. Мне нравится наблюдать за ним еще какое-то время, но, будто меня окатили ведром холодной воды, именно в этот момент я понимаю, что все может стать неловким.

Не хочу выглядеть полной дурой и впасть в идиотскую мысль, что секс со мной изменит его мнение о нахождении меня рядом с ним. Баз Кинг не из тех, кто останавливается на одной девушке, в этом я уверена. Наверное, он хочет, чтобы сегодняшнее утро прошло как можно спокойнее. Простое отмахивание. Он скажет, что ему доставило удовольствие провести со временем, но поскольку я возвращаюсь в Нью-Йорк, нет смысла тянуть с этим.

Приняв решение, я выскользываю из кровати и тихо пробираюсь в его ванную. Сходив в туалет, я умываюсь, провожу пальцами по волосам и выдавливаю зубную пасту на палец, чтобы быстренько почистить зубы. Прополоскав горло его ополаскивателем, я чувствую себя слегка свежей. По крайней мере, я могу пройти путь позора с почти нетронутым достоинством — ни ужасно утреннего дыхания, ни запекшихся глаз, ни растрепанных волос.

Испуганный вскрик застревает у меня в горле, когда я выхожу из ванной и вижу, что Баз сидит на кровати, прислонившись спиной к изголовью. Он без рубашки, как и тогда, когда

мы наконец-то легли спать, с каждым мускулом на виду. Простыни едва прикрывают его утренний стояк, из-за чего трудно отвести взгляд. Я замолкаю, и мой рот раскрывается при его словах:

— Ты голодна?

Я ожидала чего-то в этом роде: «Было здорово, но у меня нет времени на обязательства». Или. «Я могу вызвать тебе такси, если хочешь?» Но предложение позавтракать с ним совсем не то, чего я ждала. Совсем.

Шокирующий фактор всего этого заставляет меня улыбнуться.

— Я с удовольствием позавтракаю.

Он улыбается в ответ и выскальзывает из кровати, совершенно голый. Мои глаза задерживаются на упругой заднице, когда он пересекает спальню к своему шкафу. Я стою как идиотка, пока он одевается и идет в туалет. Он выходит, одетый в пару спортивных штанов и темно-серую футболку, которая идеально обтягивает его мышцы.

Баз останавливается передо мной, его глаза блуждают по моему телу, но взгляд задерживается на моем лице. Страх вливается мне в горло, когда он смотрит на меня сверху вниз. Сегодня утром я смыла всю косметику, и теперь он видит меня. Настоящую меня.

Замечает ли он?

Собирает ли медленно воедино кусочки нашего общего прошлого?

Его рука поднимается к моему лицу, и я подавляю желание вздрогнуть.

Большим пальцем он легонько проводит по моей скуле.

— Ты не нуждаешься во всей этой косметике. Ты великолепна и без неё. — с этими словами он наклоняется и целует меня, прежде чем развернуться и выйти из комнаты. — Давай, грязная девочка, ты, наверное, уже проголодалась.

Мне требуется несколько минут, чтобы собраться с мыслями и эмоциями, прежде чем последовать за ним вниз. Я этого не ожидала. Я не ожидала, что он будет таким милым утром. Я ждала сапога, а не завтрака и комплиментов.

Внизу, на кухне, я наблюдаю, как Баз расхаживает по-своему безукоризненно чистому пространству, готовя нам завтрак. Я предложила свою помощь, но горячим поцелуем и прикосновением языка он сказал, что справится со всем сам. Так что теперь я просто сижу, наблюдая, как он работает, пока я беру себя в руки.

Я не хочу смотреть на База как на двух разных людей, но для меня это именно так. Он Баз с той первой ночи, когда я отдалась ему, но он также Себастьян — один из Дикарей — из средней школы. Нет никаких доказательств, что он убил мою сестру. Черт, нет никаких доказательств, что кто-то из них это сделал, но это не значит, что они не замешаны в этом. Все это не значит, что он невиновен.

Чтобы сохранить ясную голову, я напоминаю себе, что моя сестра была убита. Прошли годы, а ее дело так и осталось нераскрытым, так что я ей многим обязана. Я обязана предоставить ей справедливость. В конце концов, в ту ночь на ее месте должна была быть я. Это самое меньшее, что я могу сделать.

Часть меня задается вопросом, что если бы роли поменялись местами, и я стала бы той, кто отправилась бы на скалу Поцелуев той ночью, то сделала бы Мэдс то же самое? Искала ли бы она правду? Или двинулась бы дальше много лет назад и оставила бы мою смерть в прошлом?

Я смотрю, как Баз готовит, и понимаю, что он из тех мужчин, с которыми она могла бы

связать жизнь. С кем бы делила такое пространство. Водила такую машину, как у него. Спала бы постели каждую ночь. И хотя мне все равно, эта мысль вызывает у меня беспричинную злость.

Мой телефон вибрирует в ладони, вырывая из мыслей, и я провожу пальцем по экрану, чтобы прочитать сообщение Кэт. Это маршрут нашего полета. Сегодня утром она заверила меня в сообщении, что у них с Верой все в порядке и они основательно повеселились. Мысль, что они спят с кем-то из этих убийц, заставляет меня содрогнуться. Это лицемерно, поскольку я занимаюсь этим уже два дня подряд.

Баз ставит передо мной тарелку, наполненную разнообразной едой, и мы приступаем к завтраку. Он читает что-то на своем Айпаде, пока я просматриваю электронную почту, нажимая на уведомления о банковских выписках. Еще одна комиссия за кредит.

Черт.

В животе у меня образовалась яма, грозящая подняться к горлу, как желчь, но я проглатываю ее, запивая кофе, яйцами и беконом. Я подавляю желание покусать ноготь и неловко ерзаю. Мне нужно найти способ для большей работы, чтобы оплатить свои счета. С такой скоростью, как у меня, они посадят мою задницу в тюрьму за все долги, в которых я варюсь.

Мы доедаем еду, и Баз становится серьезным, потягивая кофе.

— Ты ведь сегодня улетаешь?

Я сглатываю внезапный комок в горле.

— Да.

Какое-то время он молчит. Его большой палец несколько раз скользит по губам, прежде чем он поворачивается ко мне и говорит:

— Я хочу оставаться на связи.

Мои глаза расширяются, и я чуть не давлюсь кофе.

Ну, дерьмо.

Я замолкаю, не решаясь сказать «да» по очевидным причинам. С одной стороны, Баз может быть виновным. Я заставляю себя сглотнуть и тревожно почесываю затылок.

— Я могу дать тебе свой номер... что, по-моему, довольно странно, учитывая обстоятельства...

— Учитывая, сколько раз я тебя трахал?

Он ухмыляется, и я опускаю голову, пряча румянец, заливающий мои щеки.

Печальная улыбка кривит мои губы.

— Именно.

Баз соскальзывает со стула и разворачивает меня к себе. Он заключает меня в клетку, его руки ловят меня в ловушку самым лучшим образом.

— Я серьезно. Мы будем поддерживать связь, грязная девочка, — говорит он, пристально глядя на меня.

Он скользит рукой по моей шее, запутываясь пальцами в волосах, прежде чем дергает мой рот, чтобы встретиться с его. Поцелуй горячий. Он жесток и требователен, но в то же время мягок и тверд в своих намерениях. Он прощается, не прощаясь.

Когда мы отстраняемся, то тяжело дышим, наши лбы упираются друг в друга.

— По-другому и быть не может, — шепчу я.

Удивительно, но Баз сам отвозит меня в Kings Resort под видом работы. Мы обменялись телефонами, и, как бы неловко это ни выглядело, он заставил меня пообещать, что я отправлю ему сообщение, как только благополучно вернусь в Нью-Йорк. Чего он не знал, так это того, что я запланировала для нас.

Во время полета я молчала. Продумывала план. Делала необходимые заметки. Если я хочу больше узнать о парнях и их повседневной жизни, мне нужно найти способ остаться в Лос-Анджелесе. А сделать это означало использовать мои связи в своих интересах.

ГЛАВА 8

Маккензи

Три недели спустя

— Ты уверена, что тебе будет хорошо там одной? — спрашивает Кэт.

Улыбка растягивает уголки моего рта, пока я застегиваю молнию на чемодане. Я борюсь, пытаюсь удержать телефон между плечом и ухом.

— Да. Я обещаю. Это всего на семь недель.

— Это целых два гребаных месяца.

Я сдерживаю смех.

— Да, я знаю, Китти Кэт. Но подумай об этом так — это ради моей писательской карьеры, и это, возможно, наконец-то станет большим прорывом, которого я так долго ждала.

— Знаю, знаю. Не буду врать — мне неприятно, что ты улетаешь, *но* я переживаю за тебя, детка. Я просто хочу, чтобы ты была осторожна. Мы будем очень скучать по тебе в ближайшие несколько месяцев.

— Клянусь, что буду осторожна. Слушай, — говорю я, отодвигая телефон от уха, смотря на экран. Он показывает, что мне звонят. — Мне нужно идти. Машина приедет с минуты на минуту. Но мы поговорим, как только я приземлюсь, хорошо?

— Поймала тебя на слове, сучка.

Рассмеявшись и покачав головой, я завершаю разговор и запихиваю телефон обратно в сумку. Я ставлю чемодан за спину и бросаю последний взгляд через плечо на свою квартиру. Я много работала ради этого места, но чтобы сделать все необходимое дальше, я должна отпустить это.

Последние три с половиной недели я занимаюсь приготовлениями. Прокладывала путь.

Для девочек я придумала отговорку насчет возможности писать, которая открылась для меня в Лос-Анджелесе. Конечно, Кэт, будучи подругой, попросила отца снять мне номер в King Resort. И даже с моими частыми сообщениями Базу, он понятия не имеет, что я возвращаюсь в Лос-Анджелес. Мне нужно, чтобы все это выглядело как один большой сюрприз. Только так это сработает.

Я поддерживала с ним связь, насколько могла, учитывая обстоятельства. Ну, знаете, находясь на противоположных побережьях. Было нелегко, учитывая, что Баз исключительно занятой человек. Попытка удержать его интерес ко мне, в то время как мы находимся за тысячи километров друг от друга, была не чем иным, как разочарованием.

Вы знаете эти сообщения, которыми вы делитесь с людьми, и это похоже на разговор с кирпичной стеной? Да, это Баз через сообщения. Его так трудно понять, и, черт, почти невозможно сказать, все еще ли он заинтересован или нет. В один день мы постоянно посылаем сообщения друг другу, а на следующий?

Радиомолчание.

Так будет несколько дней, а потом все повторится. Это приводящий в бешенство цикл.

Хотела бы я сказать, что не рыскала по сайтам сплетен в поисках дополнительной информации о нем, и, как я и подозревала, он проводил время в своем новом клубе с другой девушкой под руку каждый вечер. Я не имею права злиться — черт, если бы я была зла, это могло даже превратить меня в чокнутую. Мы должны быть смертельными врагами. Самое печальное, что мне приходится напоминать себе об этом маленьком факте каждые три секунды. Особенно при воспоминаниях секса с ним.

Когда я сажусь в такси, а водитель едет по улицам, я достаю свой сотовый и просматриваю сообщения, обнаруживая переписку между Базом и мной. Трепет в животе при виде его имени нежелателен, поэтому я изо всех сил стараюсь отогнать это. Не может быть, чтобы дрожь в моем животе была бабочками. Это просто нервы. Это волнение, что мой план — правосудие для Мэдисон — наконец-то осуществится. Подушечки моих больших пальцев летают по экрану, и я нависаю над кнопкой «отправить», перечитывая сообщение снова и снова, убеждаясь, что я поступаю правильно.

Да.

Баз лучший способ получить информацию. Он мой единственный на данный момент

способ узнать, что произошло. Крошечная часть тоже хочет доказать невиновность База.

Хочу ли я, чтобы он был убийцей?

После того, как я отдала ему свое тело и провела с ним невероятную ночь? Боже, нет. Я хочу, чтобы он пребывал в блаженном неведении относительно деятельности своих друзей. Это значит, что он все еще хороший человек, верно?

Несмотря на длинный список причин, по которым я должна найти ответы где-то еще, я все равно нажимаю «отправить».

Я: Поужинаем сегодня?

Десять долгих, мучительных минут спустя он отвечает.

Баз: Это что, Нью-Йоркская штука?

Его ответ вызывает у меня смех, потому что нет, это не Нью-йоркская шутка. Он понятия не имеет, что я приготовила для него и остальных Дикарей.

Я: Нет, это: я лечу в Лос-Анджелес на несколько недель, и подумала, что мы могли бы поужинать.

Появляется облачко с тремя маленькими точками, и я смотрю, как они прыгают, в ожидании его ответа. Они сразу же исчезают без какого-либо сообщения. Я тревожно прикусываю внутреннюю сторону щеки, решая, что делать. Может быть целый список причин, по которым он не отвечает. Он может занят работой. Может находится с другой девушкой. Или, кто знает, возможно, идея снова поужинать со мной уже не так привлекательна, как три недели назад.

Я уже собираюсь послать все к черту и напечатать еще одно сообщение, когда мой сотовый вибрирует.

Баз: Я освобожу The Den для нас.

Я: 7:30 подойдет?

Баз: Тогда увидимся, грязная девочка.

Я провожу пальцем по экрану, закрывая нашу переписку, даже не потрудившись скрыть улыбку, растянувшуюся на моем лице. Я говорю себе, что это все потому, что мой план работает, а не потому, что я увижу его сегодня вечером.

Перелет в Лос-Анджелес и возвращение на курорт проходят гладко. Отец Кэт потянул за какие-то ниточки и снял мне здесь еще один номер на время моего пребывания в SoCal. Все расходы оплачены. Что равно нулю. Я не планирую пользоваться спа-салонами или какими-либо другими удобствами для ухода за собой. Я здесь за ответами, а не за отпуском. Или, по крайней мере, это то, что я продолжаю твердить себе.

Я делаю глоток из бутылки с водой, прежде чем поставить ее обратно на край стола, сосредоточившись на открытом ноутбуке перед собой.

Курсор мигает над пустым экраном. Я смотрю на него, ожидая, когда до меня дойдут слова.

Сверчки.

Чертовы сверчки.

Я делаю паузу, пытаюсь понять, как начать историю, которую я пыталась рассказать в течение многих лет. Я знаю, что хочу сказать, знаю, что нужно написать, но слова не

приходят ко мне. Слова, которые мне нужны, чтобы показать их такими, какие они есть, кажется, не могут пробиться на экран. Я понимаю, что мне, вероятно, следует начать с самого начала, но с чего вообще начинать? В этой хреновой ситуации нет ни начала, ни конца.

подавив разочарованный вздох, я нажимаю на открытую вкладку, отображающую мои подробные заметки о каждом из Дикарей. Я еще раз читаю написанное, и это освежает мою память. Когда мой взгляд останавливается на имени База и деталях о нем, у меня возникает странное ощущение в груди. Не знаю, как себя чувствовать, когда дело касается его. Я должна была бросить его, как только улетела из Лос-Анджелеса. Забыть о нем. Уверена, что это была бы тщетная попытка.

Теперь я еще более решительно настроена выяснить, кто он такой и какую роль он играет в прошлом моей сестры. В *нашем* прошлом. Не хочу, чтобы он был виновен. Он *не* может быть виновен.

Мое сердце подскакивает к горлу, когда раздается стук в дверь моего номера. Жар проникает в мою грудь. Я застываю на месте, мои легкие сжимаются, вызывая распространение ожога. Глаза перескакивают к маячащей двери, и я сглатываю.

Какого черта?

Это может быть только один человек. Хотя я не сказала ему, в каком номере нахожусь, я знаю, что это Баз. Я чувствую это всеми фибрами своего существа. Магнетизм, который у меня к нему. Кто еще это может быть?

Я поспешно закрываю вкладки и открываю один из моих старых проектов, прежде чем встать с дивана. Приглаживая рукой волосы, гладко спадающие на спину, я быстро пробегаю взглядом по своему телу, ругая себя за то, что еще не переделалась. Дерьмо, мешковатые спортивные штаны и слишком объемная футболка действительно не приносят мне никаких очков в сексуальном отделе. Особенно по сравнению с тем количеством моделей, с которыми он был замечен за последние несколько недель.

Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться, и направляюсь к двери, пытаюсь обрести хоть каплю уверенности.

Я больше не Маккензи. Я Скарлетт. Мне нужно это запомнить.

Как и ожидалось, когда я открываю дверь, там стоит Баз, такой же красивый, высокий и грозный, как всегда. Я сглатываю комок, застрявший в горле, не ожидая, что по спине пробежит дрожь, а в животе запорхают бабочки. Я смотрю на его безупречный черно-серый костюм-тройку, сшитый на заказ. При виде его лица я расплываюсь в улыбке, и даже не ругаю себя за это.

— Привет, — мое приветствие выходит более легким, чем хотелось бы.

Ухмылка дергает уголки его рта, и мои щеки пылают румянцем. Как это возможно, что я ощущаю эту долбанную ухмылку до самых кончиков пальцев ног?

Его взгляд скользит вверх и вниз по моему телу, задерживаясь на моих черных накрашенных ногтях на ногах, прежде чем снова остановиться на лице. Он слегка склоняет голову набок, приподнимая одну бровь.

— Ты выглядишь... по-другому.

Мои внутренности сжимаются от беспокойства. Я нервно провожу рукой по волосам, которые подкрасила несколько дней назад, переминаясь с ноги на ногу под его пристальными взглядом.

Должно быть, он заметил выражение моего лица, потому что его губы печально

кривятся. Он соблазнительно проводит подушечкой большого пальца по нижней губе, делая шаг ко мне, и я инстинктивно отступаю.

— Ты хорошо выглядишь. Это ты. Мне нравится, — говорит он, задерживая взгляд на моих сосках, выступающих на фоне объёмной футболки.

Я прочищаю горло, двигаясь назад, освобождая место.

— Ты, э-э, хочешь войти?

Баз ухмыляется.

— Да, Маккензи.

Его выбор имени заставляет меня вернуться к реальности, вспомнить, кто я, и, самое главное, кто *он*. Хмурый взгляд натягивается на линии моего лица.

— Перестань меня так называть. Я уже сказала, что меня зовут Скарлетт.

Баз тяжело вздыхает, будто я должна знать лучше — и, возможно, должна.

— А я уже говорил тебе, что это чушь. Не лги мне, Маккензи. Никогда.

Его зловещий тон заставляет меня задуматься. Мое тело напрягается, а горло сжимается. Требуется несколько ударов, чтобы взять себя в руки — или, по крайней мере, его подобие. Я закрываю дверь за Базом и решаю, что мне нужно вернуться и уединиться в спальне.

— Дай мне быстро переодеться, а потом мы можем идти.

Я резко поворачиваюсь, спешу в спальню и закрываю за собой дверь. Моя спина облокачивается на дерево, и я заставляю себя дышать. Вход, выдох. Глубокими, ровными вдохами.

Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо. Я так запуталась.

Я опускаю голову на руки и потираю виски, пытаюсь отогнать головную боль. Я не была готова к этому. Я должна взять верх сегодня, а не он. Он вторгся в мое пространство, ввинчивается в голову, уже все разрушая. Я не пробыла рядом с ним и часа, а он уже исказил мою психику.

Отряхиваясь, я отталкиваюсь от двери и спешу к шкафу. Я дергаю вешалки, глядя на платья, которые взяла для таких случаев, как сегодняшний. Я останавливаюсь на лиловом атласном платье миди-футляр с ремешками, которое обтягивает мои изгибы. Разрез на левой стороне демонстрирует достаточно бедра, ради отвлечения, но оно не откровенно сексуальное. Обычно я выбираю ярко-красное и короткое платье, чтобы привлечь внимание База, но сегодня мне нужно быть милой Скарлетт и Маккензи. Лучшей из обоих миров. И это платье отлично подойдет к фасаду.

Он уже видел меня в самом сексуальном состоянии, но, очевидно, этого недостаточно. Изо дня в день его окружает множество сексуальных и готовых на все девушек. Мне нужно быть чем-то большим. Нужно быть интересной. Он должен хотеть, чтобы я была рядом. И это будет самым большим испытанием.

Я надеваю туфли с ремешками, которые оборачиваются вокруг моих лодыжек, прежде чем отправиться в ванную и разложить содержимое косметички. Как бы мне ни хотелось наложить макияж, чтобы скрыть девушку из прошлого, но мне нужно подчеркнуть свои черты. Базу они, кажется, нравятся.

Я соглашаюсь на тональный крем под глаза, тушь для ресниц и подводку для глаз с небольшим количеством румян. Я укладываю волосы перед зеркалом и делаю шаг назад, проверяя весь ансамбль. Не идеально, даже близко, но сойдет.

Схватив с прикроватной тумбочки клатч, я возвращаюсь в гостиную и резко

останавливаюсь. Баз сидит на краю дивана, склонившись над моим ноутбуком, и листает документ. Мои ноги сами по себе несут меня в его направлении, стуча по полу, когда я иду. Я захопываю ноутбук, моя грудь дико вздымается, пока я пытаюсь контролировать свой гнев и страх.

— Что ты делаешь?

Мой голос дрожит, выдавая нервозность, бегущую по венам. Баз медленно переводит взгляд с закрытого ноутбука на меня. Его лицо лишено всякого выражения. Едва заметная ухмылка появляется в уголках его губ, когда он поднимается на ноги. Его высокая, пугающая фигура возвышается надо мной, и я борюсь с желанием съежиться и отступить.

— Просто интересно, грязная девочка. Я так понимаю, ты готова?

Его взгляд скользит по обнаженной коже моих плеч, затем вниз по материалу платья.

Мои брови опускаются, вопросы и упреки вертятся на кончике языка, но он крадет слова с моих губ, когда наклоняется к моему уху, чтобы прошептать:

— Ты выглядишь почти сладко, чтобы съесть. *Почти.*

Напряжение с тяжестью повисает в воздухе, когда мы спускаемся на ужин. Оно гудит в пределах лифта и путешествует вниз по моему позвоночнику, прямо к сердцевине, когда он берет меня за руку. Баз умело прокладывает путь через свой курорт, ведя нас к тому же ресторану и тому же столику, где мы впервые встретились. Расстановка почти идентична, только на этот раз это два места и свеча, зажженная в центре стола, больше переодевая... романтическую атмосферу, чем в прошлый раз, когда мы были здесь. Баз отодвигает для меня стул, прежде чем усесться напротив.

— Итак... — начинает Баз, как только мы оба удобно усаживаемся и потягиваем вино. — Как долго ты пробудешь в Лос-Анджелесе на этот раз?

Я делаю глоток, уже готовясь к речи, которую я выучила в своей голове. Я не могу оставить места для ошибок.

— Я пробуду здесь семь недель. Почти два месяца.

Брови База поднимаются.

— И это все ради фриланса, которым ты занимаешься, верно? Что это, если ты не возражаешь, что я спрашиваю?

Я делаю паузу, но только на долю секунды, прежде чем спохватываюсь.

— Ты хочешь сказать, что еще не знаешь? — я приподнимаю бровь, отражая его. Я поднимаю бокал, пряча ухмылку. — Я имею в виду, что ты все-таки шпионил.

Баз смеется, отчего обычно резкие черты его лица смягчаются. Звук хриплый и темный, волнами проходящий по моему телу.

— Справедливо, — усмехается он, показывая одинокую ямочку на щеке. — Ты оставила свой проект открытым, так что я не видел причин, почему бы мне не посмотреть.

Он пожимает плечами так самоуверенно, что я не могу удержаться от смеха и качаю головой.

Боже, во что я вляпалась? Он скорее харизматичен, чем подозрителен.

— Это больше журналистская статья, которая держит меня здесь, но это все еще отличная возможность. Кроме того, работа есть работа, — пожимаю я плечами, допивая вино.

Я продолжаю прокручивать в голове, как мантру, сколько мне нужно, чтобы этот ужин имел значение. Один неверный шаг может все испортить.

Я явно не такая, как те девушки, с которыми он был на снимках. Не сексуальная

супермодель нулевого размера или горячая сенсация Инстаграм, на которую все вдруг захотят равняться. Со сменой волос я чувствую себя несколько иначе — может, даже немного сильнее. Я уже не та скучная старая Маккензи, какой была, но она все еще здесь, прячется за каждым поворотом. Мне кажется, что я постоянно сражаюсь с ней. Борюсь, чтобы преодолеть ее, борюсь, чтобы забыть ее. Боюсь, она никогда не уйдет.

Он не улыбается. Вместо этого Баз допивает свой напиток и подзывает одного из своих людей в тени, чтобы тот принес что-нибудь покрепче. Я сжимаю свою потную руку в кулак под столом, пытаюсь успокоиться от его внезапной серьезности.

Почему вдруг в воздухе повеяло холодом?

Я не могу подавить тошнотворное чувство страха, которое пустило корни в моем животе.

Что будет, если Баз решит, что не хочет держать меня рядом? Что тогда будет с моими планами и скрытыми мотивами?

Баз наклоняется вперед, сцепив руки перед собой. Выражение его лица остается пустым, не показывая никаких внешних эмоций или давая какое-либо представление о том, что, черт возьми, может происходить.

— Прежде чем мы двинемся дальше, мне нужно знать одну вещь.

— Мм?

Мне с трудом удается говорить ровным голосом.

— Почему ты солгала насчет своего имени? И, — говорит он, прерывая меня, видя, что я открываю рот для опровержения, — И не лги мне на этот раз. Все, что мне потребуется, это один клик в базе отеля, чтобы узнать твоё настоящее имя. Поэтому я хочу знать правду. Я плохо справляюсь с обманом.

Мои глаза закрываются.

— Я солгала насчет своего имени, потому что... — я замолкаю, пытаюсь придумать что-нибудь умное.

Придумай что-нибудь, Кензи. Не испортить все сейчас.

Вместо того чтобы увековечивать свою ложь, я соглашаюсь на частичную правду.

— Потому что я пытаюсь стать другой Маккензи. Только не старой версией себя. Я хочу стать лучше. И догадываюсь... Скарлетт была моим способом сделать это. Рядом с людьми, которые меня не знают, я думала, что мне будет легче стать другой.

— Почему бы с самого начала не солгать мне? Я бы ничего не узнал.

Я замолкаю, глядя на стол. Провожу подушечкой пальца по запотевшему бокалу и говорю ему правду.

— Мне кажется, я хотела, чтобы ты знал правду. Настоящую меня. В кои-то веки мне захотелось чего-то своего.

Он откидывается на спинку стула и склоняет голову набок, оценивая меня. Так же, как в прошлый раз. Мне кажется, что Баз часто проделывает это со мной. Он откидывается назад и оценивает меня, пытаюсь собрать воедино и понять.

Он подносит стакан к губам, и я зачарованно смотрю, как эти пухлые губы прижимаются к стеклу. Его горло работает над глотком, и я обнаруживаю, что ощущаю жар во всем теле. Жар волнами прокатывается по моей коже и телу. Платье липнет к телу, пот катится по спине, и я чувствую, как щеки заливают румянец. Не могу сказать, от вина это или просто от того, как он пьет из стакана. Надеюсь первое. Если последнее, то я гораздо больше изголодалась по мужским прикосновениям, чем думала.

— Все в порядке. Думаю, я не могу винить тебя за это. Скажу, что ты застала меня врасплох. — его брови опускаются, будто ему неловко признавать это. — По какой-то причине я не могу выбросить тебя из головы, что странно... не многие девушки способны так влиять на меня.

— Мне показалось, что последние несколько недель у тебя все шло хорошо.

Я жалею об этих словах в ту же секунду, как они слетают с моих губ.

Что я делаю блин? Зачем мне это говорить? По крайней мере вслух.

Глаза База загораются удивлением от моей оплошности. Я смотрю, как уголки его губ дергаются, и понимаю, что он умирает от желания посмеяться надо мной.

— Следишь за мной, да?

Мое лицо вспыхивает, и я практически задыхаюсь от следующего вдоха.

— Нет. Ну, не совсем. Твой снимок был размещён в разделе сплетен, и я просто случайно увидела его.

— Ты случайно просматривала раздел сплетен? — с сомнением спрашивает он, разоблачая мой блеф. — Я не принимал тебя за такой тип.

Я выпрямляюсь, весь юмор и застенчивость исчезают с моего лица.

— С чего бы это? Ты ничего обо мне не знаешь.

Ты не знаешь, кто я на самом деле.

Ты не знаешь, что это была моя сестра, которую вы все убили.

Ты даже не помнишь, кто я.

— Полегче, грязная девочка. Я просто играю с тобой. Давай просто насладимся остатком

ужина.

Прежде чем я успеваю выразить свое согласие, он машет рукой позади меня, и я слышу, как колеса тележки скользят, когда официант везёт к нам еду.

— Это подойдёт, Маккензи...? — он замолкает, ожидая чего-то.

Мне требуется секунда, чтобы понять, что это мое имя. Он ждет, когда я назову свою фамилию. Я замолкаю на секунду, не уверенная, что моя ложь сработает, но надеюсь, что это задержит его достаточно долго, чтобы получить желаемое. Возможно, это не самый умный поступок, лгать о своей фамилии, но я не могу рисковать тем, что он узнает ее или меня.

Я сама виновата, что он ничего обо мне не знает. Если я хочу остаться в его жизни и заинтересовать его, мне нужно дать ему что-то. Я не могу рисковать, что он заскучает или устанет от моих игр. Ещё нет.

— *Уильямс.* Маккензи Уильямс.

Он ухмыляется. Не одной из своей сексуальных ухмылок, но искренней улыбкой, еще более горячей, чем его кривая.

— Хорошо, мисс Уильямс.

Остальная часть ужина проходит гораздо более гладко, чем я ожидала. Мы допиваем всю бутылку вина, вспоминая обо всем, что произошло с тех пор, как мы виделись в последний раз. Я узнала, что Баз часто ездил на место, где строится следующая сеть курортов Kings. Меня странным образом завораживают детали его работы. Я не понимала, как много он вкладывается во все, что делает. Он действительно является вдохновителем и генеральным директором всего этого.

Мы держимся подальше от темы других девушек. Я заговорила об этом раньше, к моему

большому огорчению, но, к счастью, он больше ничего не упоминал. Он также не пытался объясниться, а я не спрашивала. Так умнее. Чем меньше я знаю, тем лучше. Меня даже не должно волновать, с кем он спит. Я не имею права знать, чем занимается этот человек. Единственное, что меня должно волновать, это то, как искренне он относится к смерти моей сестры.

Мне трудно подавить мысли о ней, сидя напротив него. Когда он смеется над чем-то, что я говорю, и его кадык дергается, или когда он что-то обдумывает, и его брови сдвигаются, я смотрю, гадая, видела ли Мэдисон подобный жест в ночь своей смерти. Она тоже смотрела на Себастьяна и удивлялась, как кто-то может быть таким красивым? Она тоже удивлялась, как кто-то из них может быть таким обманчивым?

Пока Баз рассказывает о своей работе и семье, я смотрю на его большие руки. Руки, которые бродили по моему телу и касались меня там, где он не имел права касаться. Эти ли руки убили ее? Эти ли руки лишили ее последнего вдоха?

Острая боль пронзает мою грудь при мысли о том, что Баз может быть убийцей. Я представляю его на скале Поцелуев с Мэдисон. Представляю, как он стоит над ней, причиняет ей боль, убивает ее, и не могу заставить это уйти. Я пытаюсь дышать сквозь это, но все только ухудшается. Оно проходит через грудь, сдавливая легкие, делая невозможным вдохнуть. Я понимаю, что мои глаза слезятся, когда большая фигура База плывет передо мной, склонив голову набок. Мои эмоции застревают в горле, мешая сглотнуть. Я смаргиваю блеск и чувствую, как по щеке скользит слеза.

— Маккензи?

Голос База звучит издалека, будто он за много километров отсюда. Я хватаюсь за край стола, пытаюсь удержать реальность, но краем глаза вижу *ее*. Я чувствую, как она наблюдает за мной, осуждает меня, ждет, что я все испорчу, как она знает я могу.

Я качаю головой и закрываю глаза, заставляя ее уйти.

Ее здесь нет.

Это не реально.

Она мертва. Мэдисон мертва.

Какое-то движение, затем теплое прикосновение к моей руке пугает меня. Я прерывисто вдыхаю, и мои глаза распахиваются. Баз сидит на корточках возле моей стороны стола, наблюдая за мной с напряженным выражением лица. Это странное сочетание льда и беспокойства, смешанных в одном. Как будто ему не все равно, но не совсем.

Все это чертов фарс.

— Все в порядке?

Его голос пробуждает все во мне. Его голос заставляет все остальное полностью исчезнуть, включая Мэдисон. Его голос заставляет меня почувствовать то, что я не должна чувствовать, и меньше всего рядом с ним.

Я отталкиваюсь от стола, спотыкаясь на ходу о стул. Быстро смахнув слезу с лица, я смахиваю ее, хотя ясно, что он ее уже видел.

— Думаю... мне вдруг стало нехорошо. Думаю, мне пора...

Я делаю неуверенный шаг назад, когда Баз смотрит на меня, и складка между его бровями становится глубже с каждой секундой. Кроме этого, его лицо остается отстраненным и абсолютно бесстрастным к моему потрясению.

Развернувшись, я торопливо выхожу из ресторана и проталкиваюсь мимо людей,

толпящихся вокруг, блокируя мой побег. Мой нос горит, а горло сжимается от гнева и пассивно-агрессивных эмоций. Я чувствую жар его взгляда у себя за спиной, наблюдая, как я убегаю. Все вокруг меня кружится, разрушая затуманенный алкоголем разум. Я знаю, что это связано с вином. Это происходит каждый раз, когда я слишком много выпью. Прошное всплывает на поверхность, угрожая унести меня с собой. Это всегда Мэдисон. Она всегда рядом, когда я меньше всего ожидаю.

Гнев быстро разливается по моим венам. На Мэдисон. На себя.

Мы просто все испортили. Мы все испортили. По-королевски.

Неужели она не понимает, что все испортила?

Баз больше никогда не захочет меня увидеть после сегодняшнего вечера. Он был моим единственным путем к остальным ребятам. Он единственный из всех этих бессердечных ублюдков, кому я хотела доказать свою невиновность. И как, черт возьми, мне теперь это делать?

Вернувшись в свой номер, я захлопываю дверь и сердито швыряю свою сумку в стену. Она ударяется, отскакивает и падает на пол. Я сжимаю руку в кулак, и, будто у него есть собственный разум, он сбивает лампу с торцевого столика, падая на пол с оглушительным треском. Еще больше слез наворачивается на глаза, когда тяжесть, лежащая на моей груди, становится невыносимой.

— Ты не могла просто остаться в стороне хотя бы на одну гребаную секунду? — кричу я, кружась по кругу с раскинутыми по бокам руками. — Я делаю это ради тебя! Неужели ты не понимаешь? Ты все портишь, Мэдс!

Я кричу на нее, хотя знаю, что она меня не слышит.

Она, блядь, никогда меня не слышит.

Я падаю на пол и даю волю слезам. Это не должно было быть так. Вся моя жизнь не должна была быть такой. Я не должна все еще соревноваться с ней. Но соревнуюсь. Каждый божий день я соревнуюсь с человеком, который мертв.

Это должна была быть я.

Это должна была быть я.

Если бы роли поменялись местами, Мэдисон сейчас процветала бы.

Без сомнения, она добилась бы успеха. Красивая сама по себе, когда такой мужчина, как Баз, ловит каждое ее слово. Она не чувствовала бы необходимости соревноваться с мертвецом, потому что оставила бы прошлое в прошлом. Именно такой была Мэдисон. Она преуспела во всем. И вот я здесь, девять несчастных лет спустя, и мне нечего показать в своей жизни. У меня нет больших успехов. У меня нет кольца на пальце, нет счастливой семьи. У меня нет работы, в которую я влюблена. У меня нет ничего, кроме гнева, моего сожаления и вины.

Уронив голову на руки, я глубоко вдыхаю, пытаюсь взять себя в руки. Вот что я ненавижу в себе — в своей жизни. Внутри меня такая пустота. Часть меня знает, что это связано со смертью Мэдисон: годы жизни в ее тени и пренебрежения. Дело в том, что я ненавижу себя и свою жизнь так сильно, не потому, что это плохо, а потому, что я ненавижу свой мозг и все остальное в себе; это мешает наслаждаться отдыхом, быть нормальной и забывать прошлое.

Я знаю, что это не принесет мне никакой пользы. Я никогда не узнаю, что случилось с Мэдисон, если буду продолжать позволять прошлому всплывать на поверхность. Мне нужно помнить, что важно. Нужно найти способ проникнуть в их жизнь, и для этого мне нужно,

чтобы Баз доверял мне. Возможно, после сегодняшнего вечера я и выгляжу полной психопаткой, но если я смогу взять себя в руки на достаточный срок, чтобы заинтересовать его, все будет хорошо. Может, он и не захочет меня больше видеть после сегодняшнего вечера, но попробовать стоит.

Поднявшись с пола, я направляюсь в ванную и смотрю на свое отражение. Повреждения не так серьезны, как я думала. Мне просто нужно подправить тушь. Кроме того, я совсем не похожа на ту полную развалину, которую чувствую внутри.

Я даю себе время успокоиться, привести себя в порядок и протрезветь, прежде чем отправить Базу сообщение. Я жду. Минуты тикают. Эти минуты превращаются в час. После двух часов сидения, как полная идиотка, я собираюсь сдаться, когда на ночном столике звенит мой телефон с эсэмэской от База.

Его ответ на мое последнее сообщение вызывает улыбку на лице.

Я: Как ты думаешь, насколько я сумасшедшая после сегодняшнего вечера, по шкале от одного до десяти?

База: Легко. Сто

Я качаю головой, прикусывая нижнюю губу, чтобы сдержать улыбку.

Я: Как твой остаток ночи? Слишком занят для всего этого безумия?

Баз: Думаю, мы это выясним. Когда ты будешь готова, Дэн отведёт тебя в пентхаус.

Я: Я готова.

Я оставляю все как есть и жду, пока Дэн проводит меня до пентхауса курорта. Квартира База. Это мой шанс искупить вину. Я не могу все испортить. Только не снова.

Когда по ту сторону двери раздается стук, я глубоко вздыхаю и расправляю плечи, собираясь с духом, чтобы быть кем-то другим сегодня. Кем-то вроде Скарлетт. Лисицей, которая никому не позволяет ходить по ней. Кем-то, кто готов сделать все возможное, чтобы получить правду. Невзирая на последствия.

ГЛАВА 9

Маккензи

Дэн, как назвал его Баз, совершенно безмолвен, и путь к лифту проходит в неловкой тишине. Он и глазом не моргнул, что доставляет девушку прямо на этаж База посреди ночи. Мужчина почти не смотрит на меня. Он видение опытного профессионала.

Это заставляет меня задуматься, сколько дам он сопровождал в пентхаус База посреди ночи. Часто ли они посещают курорт? Сколько раз в неделю? Дэн настолько утратил чувствительность, что ему уже все равно, кого приводит его работодатель?

Мы входим в лифт, и я держусь левой стороны. Не сводя глаз с Дэна, я наблюдаю, как он лезет в карман и проводит карточкой по чёрной панели, прежде чем лифт начинает подниматься. Я молча принимаю это к сведению. Думаю, единственный способ попасть на этаж База это специальная карточка.

Пока мы едем в тишине, я склоняюсь к мужчине и незаметно наблюдаю за ним краем глаза. Он постарше, но не старик. Больше похож на мужчину пятидесяти лет. У него волосы цвета соли с перцем, и даже для взрослого человека его телосложение все еще довольно атлетичное. Он немногословен, очевидно, но, глядя на него, я задаюсь вопросом, как давно он знает База и что ему о нем известно.

Посвящен ли он во все их тайны? Знает ли, кто на самом деле Баз и его друзья?

— Вы давно работаете с мистером Кингом?

Дэн кивает.

— Много лет.

Я поджимаю губы от его резкого ответа. Это не оставляет мне места для расспросов, чего он, вероятно, и добивается. Вечно чертов профессионал.

— Он часто здесь останавливается?

Я пытаюсь задать другой вопрос. Если я смогу прокрасться по отелю и получить информацию без База, будет здорово. Очевидно, у него собственное жилье, но у него также здесь пентхаус. Он остается на курорте только тогда, когда работает допоздна? Или пентхаус для него больше холостяцкая берлога, куда он привозит своих любовниц?

На мой вопрос, Дэн поворачивается, демонстрируя свое крупное тело, когда смотрит на меня. Я замечаю вспышку раздражения в его глазах. Он, наверное, удивляется, почему я задаю такой вопрос. Он, вероятно, также пытается выяснить, в его ли интересах отвечать на этот вопрос. Либо Баз чрезвычайно скрытен, либо Дэн предан вине.

Чтобы успокоить его, я добавляю:

— Я просто хочу сказать, что видела его дом, так что, наверное, мне стало интересно, проводит ли он большую часть времени здесь, на курорте, или у себя дома. Лично я хотела бы каждый вечер бывать у себя дома, но, думаю, если бы я работала допоздна, как, я уверена, делает он, наличие пентхауса было бы очень кстати.

Дэн приподнимает бровь.

— В чем именно заключается ваш вопрос, мисс Уильямс?

От смущения к моим щекам приливает жар.

— Наверное, ни в чем, — бормочу я.

Мы оба поворачиваемся лицом к зеркальным дверям лифта, и я смотрю, как медленно поднимаются цифры. Нам еще нужно проехать шесть этажей.

— Мистер Кингстон очень занятой человек, поэтому большую часть времени проводит в своем кабинете или в пентхаусе. Его дом скорее роскошь для него, если уж на то пошло.

Удивленная его готовностью говорить, я поворачиваюсь к Дэну с благодарной улыбкой на лице.

— Так я и думала.

Я сцепляю руки перед собой и кручу большими пальцами, в то время как мой мозг пробегает миллион километров в секунду. Баз имеет мансардный этаж. Вдобавок ко всему, у него здесь офис. Это дает мне возможность проверить два места на наличие каких-либо зацепок в его прошлом. Единственная проблема, с которой я столкнулась, это сам Баз. Если его дом на холмах для него большая роскошь, это означает, что он проводит большую часть своего времени здесь. Это сделало бы почти невозможным прокрасться без его ведома.

Я даже не уверена, что именно я ищу. Просто все, что связывает их, любого из них, со смертью моей сестры. Кто знает, может, они записали это на видео? Может, спрятали орудие убийства на самом видном месте? Что они сделали со своей одеждой той ночью? Конечно, они не сохранили ее, в которой убили мою сестру.

А может, и сохранили. Я как-то читала, что серийные убийцы забирают сувениры. Они так же поступили?

Тихий звонок вырывает меня из моих мыслей, как только двери лифта открываются, и там, прислонившись к противоположной стене в небрежной позе кавалера, стоит человек, о котором идет речь. Баз Кинг. Он закинул одну ногу за спину и засунул обе руки в карманы, когда его глаза встретились с моими. Я порывисто застываю от неожиданности, не в силах пошевелиться.

Почему он так чертовски красив?

Взгляд База скользит по моему телу в платье. То же самое платье, что было на мне раньше, но Баз смотрит на меня с таким жаром, словно видит впервые. Его глаза пожирают каждый сантиметр моей обнаженной кожи. Как лазеры, они впиваются в меня, испепеляя плоть. То, как он зажигает во мне огонь, заставляя думать, что он солнце, и потому, что, что бы ни случилось, я знаю, что меня всегда будет тянуть к этому мужчине, что делает меня Икаром (**Икар — это самая далекая звезда, которую когда-либо обнаруживали астрономы**). Я всегда подлетаю слишком близко к солнцу, даже когда не должна. Даже когда знаю, что это убьет меня.

Так и будет.

В этом я уверена.

— Спускаешься обратно?

— Что?

Ухмылка, которую он пытался сдержать, вырвалась наружу, когда он произнёс:

— Ты все ещё в лифте. Есть сомнения?

Я вздрагиваю, оглядываясь, и, конечно же, я все еще внутри лифта.

Рука Дэна, блокирующая панель, единственное, что удерживает двери открытыми. Я выхожу, медленно сокращая расстояние между нами. Я слабо слышу звук закрывающихся дверей, затем механики начинают работать, когда лифт уезжает вниз.

Держи себя в руках, Кенз. Помни, зачем ты здесь.

Нацепив для него сладкую, слащавую улыбку, я уклончиво пожимаю плечами.

— Наверное, я давала тебе шанс сдать назад.

Ухмылка База превращается в полную улыбку. Это первый раз, когда я вижу ее, и от этого вида мой фасад немного рушится. Он ослепляет. Он прекрасно ослепляет. Каждая его частичка.

Мне показалось, что я уже видела, как Баз улыбается. Ухмыляется? Всегда. Но улыбается? Никогда, не так.

Сделав шаг ко мне, он поднимает руку к нежной коже моей шеи и проводит пальцами дразнящие маленькие круги. Я резко втягиваю воздух, когда шершавая подушечка его большого пальца скользит вниз по моему горлу, зависая прямо над ложбинкой. Моя грудь тяжело вздымается. Становится все труднее глотать и дышать.

Дрожь пробегает по моей спине, когда он спрашивает:

— И почему я должен?

Мое горло словно наждачная бумага, когда я проталкиваю слова сквозь покалывающие губы.

— Потому что от меня одни неприятности.

— Ох, Маккензи, — шепчет Баз, приближаясь ко мне.

Обхватив меня рукой за талию, он тянет мое тело, пока я не оказываюсь вплотную к нему. Я чувствую каждый жесткую частичку его тела. Чувствую каждую связку мышц. Его жар охватывает меня, угрожая затянуть под воду. Он наклоняется, прижимаясь губами к моему уху.

— Я понял, что ты доставишь мне неприятности, как только увидел тебя.

Чтобы довести свою мысль до конца, он целует меня за ухом. Мои руки взлетают вверх, хватаясь за его за плечи для поддержки, а глаза закатываются.

— Это... — выдыхаю я, пытаюсь подобрать слова. — Это...

— Это что?

— Интересно?

Это больше похоже на вопрос, и Баз усмехается. Вибрации проходят сквозь меня, пробуждая каждое нервное окончание и заставляя меня быть сверхчувствительной к нему.

Он делает шаг назад и берет меня за руку, затем ведет нас по коридору к тому, что, как я предполагаю, является входом в его пентхаус.

По пути мы проходим мимо нескольких дверей, и от комментариев База к каждой из них мои брови поднимаются.

— Там небольшой тренажерный зал. — он показывает на застекленную комнату слева от нас. — Я пользуюсь им только тогда, когда хочу, чтобы меня оставили в покое.

— Значит, все время? — я язвительно кривлю губы.

— Забавно, но нет. Это мой кабинет, — говорит он мимоходом. — Большую часть времени я провожу там. У меня установлен дополнительный центр безопасности прямо там, а здесь, — он скользит картой по другой панели, и она пищит, затем мигает зеленым, прежде чем мы успеваем войти внутрь, — Пентхаус.

Я следую за Базом внутрь, стараясь медленно все запоминать — каждую маленькую деталь, все еще думая о том, что он говорил снаружи. Все, что мне нужно, находится здесь, на одном этаже. Мне просто нужна эта карточка, чтобы войти. И отвлекающий маневр. У него должно быть повсюду расставлены камеры. Это единственное объяснение его безопасности.

Пентхаус оформлен так же, как и мой номер, хотя здесь, наверху, все кричит о Базе и мужественности. Такие же гладкие темные узоры, как у него дома. Полностью оборудованная кухня и барная стойка вместе с гостиной перед коридором, который, как я предполагаю, ведет в спальню, и на балкон.

Я не замечала этого раньше, ни когда ты стоишь снаружи, ни даже когдаходишь, но когда Баз ведет нас к балкону, я понимаю, что это больше, чем просто балкон. Он соединяется с его частным бассейном и спа-салонем и имеет тот же невероятный вид, что и раньше. Обсерватория и мерцающие огни города улыбаются нам в ответ.

Баз продолжает выходить на балкон.

— Хочешь еще поплавать?

Я ухмыляюсь, скрещивая руки на груди.

— Насколько я помню, в прошлый раз мы почти не плавали.

Баз ухмыляется.

— Туше.

Он раздевается до трусов и, не говоря больше ни слова, входит в воду. Я остаиваюсь, наблюдая за ним. Он скользит прямо в джакузи, даже не поморщившись, когда исчезает в горячей воде. Вокруг него поднимаются клубы пара, и я беспомощно наблюдаю, как внутри у меня все сжимается и горит от желания.

— Ты нечестно играешь, — говорю я, уже бросая клатч на шезлонг и шагая к джакузи.

Мои каблукы стучат по бетону.

— Проблемы, грязная девочка? — бросает он вызов с хитрой ухмылкой.

Он точно знает, что делает. Расставляя руки в стороны, он хватается за край плитки. Это движение заставляет мышцы его рук напрягаться. Я чувствую, что становлюсь мокрой, чувствую жар и слабость в коленях. Я не рядом, но чувствую, что да. Мое тело просто перегревается от того, что я стою здесь и смотрю, как этот мужчина просто сидит в теплой воде.

— Нет, — пишу я. — Никаких проблем.

Я поворачиваюсь, показывая ему спину, пока даю себе мысленное напутствие.

Ты должна заинтересовать его. Будь смелее. Будь другой.

Я смотрю на него через плечо и вижу, что он пристально наблюдает за мной с вопросом в глазах. Он, наверное, гадает, какого черта я делаю и почему так долго не могу к нему присоединиться. Уверена, что орды других девушек, с которыми он проводил время, срывали с себя одежду, как только переступали порог этого места.

Все еще поглядывая на него через плечо, я расстегиваю молнию на платье и опускаю бретельки с плеч. Он не двигается. Его лицо ничего не выдает, поэтому я продолжаю. Я стягиваю атласную ткань вниз по телу и, наконец, получаю желаемую реакцию — тепло. Столько жара вспыхивает в его глазах, когда он смотрит на мое обнаженное тело. Платье было таким обтягивающим, что я не стала утруждать себя бюстгалтером или трусиками, не желая портить эффект, и теперь я рада, что пошла на это. Судя по тому, как он смотрит на меня, он тоже согласен.

— Ты действительно грязная девочка, не так ли, Маккензи?

Его хриплый голос полон благоговения и возбуждения. Чувствуя себя ободренной его горячим взглядом, я поворачиваюсь и даю ему полный обзор своего тела. Я делаю шаг вперед, но приказ в его голосе останавливает меня.

— Нет. Не двигайся. — я замираю, настороженно глядя на него. Он чешет подбородок, и смотрит на меня созерцательно. — Сядь.

Мои брови поднимаются.

— Что... прямо сюда? На пол?

Он ухмыляется.

— Или присядь на корточки. Но я хочу, чтобы ты была здесь. — он показывает на место на краю джакузи прямо перед его лицом.

О Боже мой.

Жар поднимается к моим щекам, когда мои ноги дрожат, угрожая выдать меня. Я опускаю взгляд в пол и пытаюсь решить, присесть мне на корточки или сесть. Я могла бы присесть, чтобы оторвать задницу от холодного пола, но понятия не имею, чего он хочет от меня в этой позе и как долго он захочет, чтобы я оставалась в таком положении, поэтому предпочитаю сесть. Я опускаюсь на пол и пытаюсь прикрыть свои интимные места ногами, но горячая, влажная рука База вырывается, хватая меня за лодыжку.

— Хех. Раздвинь их для меня, детка. Я хочу тебя увидеть.

Я стону.

Я даже ничего не могу с этим поделать. Мое тело подчиняется прежде, чем я успеваю подумать дважды. С моими каблуками, поставленными на пол, я раздвигаю ноги, оставляя киску обнаженной для его открытого взгляда.

Баз втягивает воздух сквозь зубы, но не наклоняется вперед, как я ожидаю. Вместо этого он прислоняется спиной к краю джакузи и смотрит на меня, чувствуя, как в его бурных глубинах бурлит жар.

— Потрогай себя.

У меня от удивления отвисает челюсть.

— Покажи мне, как ты играешь со своей киской, Маккензи.

Я отрицательно качаю головой.

— Я... я... я этого не делаю...

Баз цокает и понимающе ухмыляется.

— Ну-ну, грязная девочка. Не ври мне. Хочешь сказать, что ни разу не прикасалась к этой киске с тех пор, как я трахнул тебя в последний раз? Что не играла со своим клитором и не погружала пальцы в этот жар, представляя, как мой член скользит туда и обратно, ни разу?

Откуда он знает? Черт, как он может так хорошо меня читать?

Мое горе, должно быть, написано на лице, потому что Баз, наконец, наклоняется вперед, его лицо всего в нескольких сантиметрах от моей киски.

— Блядь. Я чувствую запах твоего возбуждения. Вижу, как твоя киска течет, просто умоляя, чтобы ее потрогали.

И он прав. Я знаю, что он прав. Его глаза прикованы к моему обнаженному центру, и когда я смотрю вниз, то вижу, о чем он говорит. Я вся мокрая и совершенно распухшая, а он еще даже пальцем меня не тронул.

— Да, — беспомощно стону я, запрокидывая голову.

— Тогда сделай это, — приказывает он. — Потрогай свою киску, грязная девочка. Прикоснись к ней, как в спальне, когда ты одна.

Будь храброй.

Будь дикой.

Будь свободной, Кензи.

Вместо того, чтобы быть моим собственным голосом, это голос Мэдисон, и на этот раз я не сомневаюсь в словах. Я просто делаю это.

Глядя ему в глаза, я провожу влажной ладонью по животу. Останавливаюсь чуть выше лобковой кости, пытаюсь отдышаться и собраться с духом, для продолжения. Его глаза опалены жаром. Настолько, что я ловлю себя на том, что веду руку вниз. Я погружаю палец в свою влагу, скользя им вверх и вокруг клитора. Толчок удовольствия пронзает мое тело, и я выгибаю спину. Я сосредоточенно смотрю на База и трахаю свою киску пальцами. Представляю, что это его рука и его пальцы двигаются во мне. Его язык скользит взад и вперед по моему клитору. Раздвигая мои губы и пожирая меня целиком.

— Вот так, детка, — хвалит Баз. — Добавь еще один палец. Именно так. Приятно правда?

— Так хорошо, — стону я. Я двигаю пальцами быстрее, сильнее поглаживая клитор. — Пожалуйста, Баз, — тяжело дышу я.

Он отталкивается, наклоняется ко мне, но все еще не прикасается. Его лицо прямо там, между бедер, получая место в первом ряду, но он ни черта не делает.

— Боже. — он вздыхает. — Просто, черт блядь, послушай себя, Маккензи. Твоя киска насквозь промокла.

Я продолжаю двигать пальцами, звук вокруг нас становится влажнее и громче с каждой секундой. Я чувствую, как напрягаются мои мышцы. Чувствую приближение, но мне нужно больше. Гораздо больше.

— Пожалуйста, — хнычу я.

Наконец он соглашается. Отбросив мои руки в сторону, Баз рывком раздвигает мои бедра еще шире, впиваясь пальцами в мою кожу. Затем его рот оказывается на мне. Облизывая плоть, засасывая клитор в рот и облизывая меня, как чертов леденец. Я закрываю глаза и откидываю голову назад, мяукая от удовольствия, когда он ест меня так, словно от этого зависит вся его жизнь.

— Черт! Я собираюсь... Я собираюсь...

Я взрываюсь как раз в тот момент, когда Баз просовывает в меня два пальца и безжалостно двигается. Моя киска сжимается вокруг пальцев, и он продолжает сосать мой клитор, вылизывая меня дочиста.

— Твою мать, — выдыхаю я, падая на холодный кафель и пытаюсь отдышаться.

— Мы еще не закончили.

Прежде чем я успеваю осознать его слова, мои каблуки исчезают, и он поднимает меня на руки и опускает в джакузи. Его рот пожирает мой, и я ощущаю вкус себя на его языке. Мое возбуждение покрывает его губы. Я пытаюсь дотянуться до его члена, чтобы направить его в себя, но он разворачивает меня, толкает к выступу и наклоняет. Он дергает мои бедра вниз, и мои глаза расширяются, когда струи из джакузи бьют прямо в мой клитор.

— Ох, дерьмо!

— Держись, — скрипит он зубами.

Я обхватываю руками край, когда он врезается в меня. Когда струи бьют по моему клитору, а его член входит и выходит, я теряю сознание. Я даже не знаю, какая чушь слетает с моих губ, но я нахожусь в блаженстве. Я даже думать толком не могу. Это слишком, но, черт, я не хочу, чтобы это прекратилось.

— Чувствуешь это, детка? — он хрипло шепчет мне на ухо, подталкивая мою киску еще ближе к струям. — Чувствуешь, как крепко твоя киска сжимает мой член?

— Да, да, да.

— Ты хочешь кончить? — соблазнительно спрашивает он.

— Да! — я чуть не кричу.

— Скажи мне, что эта киска моя, грязная девочка. Скажи это.

Черт. Я знаю, что он делает.

Чертов мудака. Он знает, что я собираюсь сказать, еще до того, как я это сделаю.

— Она твоя! Боже, она твоя. Пожалуйста!

Он усмехается и меняет угол наклона своего члена.

— Скажи мое имя.

Я практически слышу его хитрую ухмылку. Это заставляет меня хотеть протянуть руку назад и ударить его, но удовольствие, желание кончить слишком сильное. Это подавляет мой здравый смысл.

— Себастьян!

Вот и все. Баз толкает меня на край джакузи. Запустив руку в мои волосы, он управляет мной, как лошадью, используя мои длинные пряди в качестве поводьев, так глубоко, что я не знаю, где начинаюсь я, и заканчивается он.

— Черт, — шипит он сквозь зубы. — Я скучал по этой идеальной киске.

Мой оргазм врывается, и я кричу. Я не знаю, как стекло вокруг нас не разбивается — настолько это пронзительно. Я падаю вперед и тщетно пытаюсь отдышаться.

Дерьмо.

— Что это с тобой и сексом со мной в воде?

Я тяжело дышу. Он ухмыляется позади меня, его теплое, влажное тело все еще трется об меня, прижимая к себе.

Я чувствую, как он откидывается назад, его ладонь медленно скользит вниз по моему позвоночнику.

— Я возьму тебя любым способом. Вода или нет.

Мой живот трепещет, а грудь сжимается. Такие противоречивые ощущения. Я молчу, пытаюсь обрести голос и собраться с мыслями. Я никогда не ожидала, что такой человек, как Баз, скажет такое. Это не сладко, но и не холодно.

— Давай, — говорит он, скользя руками по моим бедрам, — Позволь мне помочь тебе.

Он усаживает меня на колени. Я прислоняюсь спиной к его твердому телу грудью, мои щеки все еще красные от этого интенсивного секса.

— Ты в порядке? — спрашивает он, рассеянно проводя пальцами по моим рукам.

Его мягкие прикосновения не должны так сильно на меня влиять, но, черт, это действительно влияет.

— Да. Было... интенсивно.

Его грудь грохочет от смеха, вибрируя у меня за спиной.

— Это один из способов выразиться? Прости, если я увлекся. Я...

Я пересаживаюсь к нему лицом.

— Должен был кончить? — заканчиваю я за него с ухмылкой на лице.

Он откидывает голову назад и смеется, и я не могу не восхищаться им. Он действительно великолепен, когда так беззаботен. Его лицо вылеплено до совершенства, тело высечено из камня. Как будто он был буквально создан, чтобы стать слабостью каждой представительницы женского пола.

— Нет, не только это. Всякий раз, когда я рядом с тобой, возникает всепоглощающая потребность взять тебя, заставить развалиться подо мной на кусочки. Ничего подобного я раньше не испытывал.

Он хмурится, мимолетно, словно признание правды тяжело для него, и он хотел бы забрать свои слова обратно. Но я ему не позволю.

Я выбираю юмор, смягчая беспокойство на его лице.

— Ну, это определенно объясняет весь процесс секса.

Его грудь вибрирует от смеха, и хотя я знаю, что не должна, я обнаруживаю, что наклоняюсь к нему в поисках его тепла.

— Я понимаю. Думаю, у меня та же проблема, — бормочу я, становясь серьезной. — Ты был прав, знаешь. Я не переставала думать о тебе с прошлого раза. Каждый день я думала о тебе. Даже когда мне этого не хотелось. Хочешь узнать правду? Я представляла, что это твой рот, твои пальцы, твои руки.

Он стонет.

— Господи, Маккензи. Ты хочешь, чтобы тебя снова трахнули?

Мое лицо расплывается в улыбке, и я смеюсь.

— Я просто говорю правду. Я тоже не перестаю думать о вас, мистер Кинг.

Баз переворачивает меня, чтобы я оседлала его, и прижимает мою грудь к своему телу. В этом положении наши лица находятся всего в нескольких сантиметрах друг от друга. Это интимно, немного слишком интимно, на мой взгляд, но по какой-то причине я не отворачиваюсь от жара его взгляда. Вместо этого я отвечаю на его взгляд, размышляя о том, как сильно хочу его.

Его рука перемещается от моего бедра под водой к лицу. Он обводит контуры моих щек, носа и подбородка, его движения почти благоговейны.

— В тебе что-то есть, Маккензи. Не могу понять, что.

Мое сердце застревает в горле, когда он ищет мой взгляд. Его глаза оставляют огненный след на моей коже, и я чувствую, как все это поднимается к моим щекам.

— Что именно?

— Я чувствую, что знаю тебя. Всю тебя.

Мое сердце колотится. Громко. Слишком громко. Я почти волнуюсь, что он услышит. Уверена, что он видит, как сильно бьется мой пульс на шее.

Все в этом моменте кажется тяжелым. Слишком тяжелым.

— Теперь ты попросишь меня остаться с тобой, Баз?

Я предпочитаю юмор; все, что угодно, чтобы скрыть мучения, происходящие внутри меня, когда я сражаюсь сама с собой.

Часть меня не хочет, чтобы он чувствовал эту связь со мной. Это может привести только к плохим вещам, верно? Что, если он поймет, почему он чувствует себя таким связанным, или что причина, по которой я так знакома ему, заключается в том, что я и есть знакомая? Потому что он мог убить мою сестру? Но другая часть меня — осмелюсь даже сказать, большая часть — хочет, чтобы он чувствовал то же самое. Потому что я тоже это чувствую. И не только потому, что он из моего прошлого. Что-то в Базе заставляет меня ощущать, что я могу стать лучшей версией себя. Осязаемая сила энергии соединяет нас, и я опасаясь, что у меня не хватит духу разорвать ее, когда все будет сказано и сделано.

Правда в том, что я хочу, чтобы он знал каждую частичку меня. Все, что заставляет меня тикать. Так же, как я хочу знать о нем все. Я хочу видеть, как он улыбается без причины. Хочу знать, что делает его счастливым, что заставляет его стремиться к такому успеху в бизнесе. Но больше всего я хочу, чтобы он был невиновен. Потому что, если Баз действительно приложил руку к убийству Мэдисон, не знаю, что буду делать.

Его лицо становится серьезным. Если бы он все еще не гладил меня по лицу, я бы подумала, что сказала что-то, чтобы разозлить его.

— Ты же не хочешь иметь дело с кем-то вроде меня, Маккензи. Я тебя погублю.

У меня пересыхает во рту.

Мое сердце замирает в груди.

Что... это должно означать черт возьми?

Лицо у него стоическое, и я никогда не слышала, чтобы он говорил так искренне. Это заставляет меня задуматься, что он скрывает. Какие темные тайны он хранит.

Мог ли он быть тем, кто...?

Мой желудок скручивается, бурля от неприятного ощущения, заставляя меня проглотить желчь, угрожающую подняться.

Я качаю головой, и он убирает руку с моего лица. Я пристально смотрю на него, пытаюсь найти ответ в его глазах. Моя грудь сжимается от боли, видя мучения. Это заставляет меня заплакать, потому что все это время... я не хотела, чтобы он был похож на них. Чтобы был частью ее смерти. Но теперь, я думаю, он имеет отношение к этому.

Иначе почему у него такой виноватый вид?

— Почему ты так говоришь?

— По всем причинам, — неопределенно отвечает он.

— Ну, — дрожащим голосом выдыхаю я, обнимая его за шею и притягивая ближе. — Что, если я хочу, чтобы меня погубили?

Его глаза вспыхивают, и все его тело напрягается подо мной. Я практически чувствую напряжение, исходящее от него от моего комментария. Его челюсти сжимаются, когда он смотрит на меня, и когда я меньше всего этого ожидаю, он захватывает мои губы в кровотокающем поцелуе, от которого у меня перехватывает дыхание. Я беспомощно стону ему

в рот, свободно отдаваясь.

Самое печальное, что поцелуй даже не напоказ.

Уже нет.

Грань между добром и злом стирается, и я только что добровольно переступила ее.

ГЛАВА 10

Маккензи

Мы колеблемся в моменте между правильным и неправильным. Наши губы едва соприкасаются, а мои все еще припухли от последнего поцелуя. Я понимаю, что сейчас самое время начать задавать вопросы. Посткоитальные. Что-то вроде разговора в постели, но я не могу заставить себя думать о чем-то достаточно важном, чтобы спросить.

— Итак, ты... — начинаю я, но меня обрывает напряженное тело База, когда мелодичный звук смеха плывет по ветру.

Я замираю, в замешательстве сдвинув брови. Когда я поднимаю глаза, проследив за взглядом База в сторону стеклянных окон пентхауса, я вижу приближающийся силуэт. Очень женственный силуэт.

Баз что-то неразборчиво бормочет себе под нос.

Первый звук ее пятнадцатисантиметровых каблуков по кафелю словно удар по моему самолюбию. Она великолепна. Великолепная супермодель. С длинными светлыми волосами и телом модели Victoria's Secret. Это все равно, что смотреть на реинкарнированную версию

Мэдисон. Взгляд на мои влажные черные волосы больше не мог заставить меня выширять, как больной палец. Теперь мне стало ясно, что у База есть свой тип.

Даже сейчас, изменив свою сущность —

изменив все, ради его привлечения, — я все еще не в его вкусе.

Девушка, разодетая в одежду, кричащую о богатстве, смотрит на меня, потом снова на База, и на ее лице появляется многозначительная улыбка.

— Ох, я помешала... свиданию?

Она начинает дуться, и тот факт, что я голая в джакузи с этим мужчиной, его сперма все еще глубоко укоренилась во мне, сразу же вызывает у меня тошноту.

О чем я думала? Я не создана для этого дерьма.

Я вырываюсь из рук База и чувствую, как его хватка на моей талии напрягается, почти предупреждая. Когда я смотрю на него, я вздрагиваю от холода на его лице, все это отражается на мне. Его лицо говорит одно, но глаза... они чуть ли не умоляют меня остаться.

— Кем бы ты...

Я поднимаю руку вверх, останавливая его от окончания этой фразы. Что бы он ни сказал, я не хочу это слышать. Я просто хочу убраться отсюда к чертовой матери, пока не стала выглядеть еще большей дурой.

Я хватаюсь за край джакузи и начинаю вылезать, даже не заботясь о том, что голая. У меня болит грудь, но я не могу объяснить почему. Я говорю себе, что это потому, что эта девушка разрушила мои планы на ночь, мои планы узнать больше информации, но, очевидно, это нечто большее.

Я ревную.

Чертовски отвратительно ревную.

Это тошнотворное чувство, подступающее к горлу? Эта теснота, сжимающая мое сердце? Этот лед, наполняющий грудь, мешающий дышать? Все это последствия ревности.

Я искренне завидую этой особе, потому что она сумела заполучить такого неуловимого мужчину, как Баз. Мне пришлось все изменить в себе, и все же очевидно, что он предпочтет ее мне. Поэтому я удаляюсь, прежде чем позволю этому случиться. Прежде чем смогу чувствовать себя еще более идиотской, чем уже есть.

Набрав полную грудь воздуха, я шлепаю влажными ногами по полу. Держу голову высоко, мое обнаженное тело выставлено на всеобщее обозрение на протяжении всего пути. Несмотря на то, что я чувствую на себе их взгляды, я делаю все, что в моих силах, чтобы не обращать на них внимания.

— Она не обычная, но и неплоха, — говорит она, когда я прохожу мимо нее, ее взгляд скользит вверх и вниз по моему телу.

Мои руки сжимаются в кулаки, а желудок сводит от гнева.

Я обхожу ее, хватаю полотенце с батареи и бросаю быстрый взгляд на База через плечо. Меня несколько не удивляет, что он все еще в воде. Я бы почувствовала себя немного лучше, если бы он выглядел ошарашенным или расстроенным, что я так внезапно уйду, но я не могла ошибиться еще больше. Почти так же, как и раньше, с этой раздражающе спокойной, отчужденной маской на лице, Баз стоит, прислонившись к краю джакузи, раскинув руки по бокам и наблюдая за мной.

Он не произносит ни слова. Даже глазом не моргает.

И я тоже.

С этим невыносимым стеснением в груди я хватаю свое платье и туфли и убираюсь отсюда, пока не потеряла самообладание.

Прошло уже два дня. Целых два гребаных дня и ни слова от База. Я имею в виду, я знаю что это я убежала, потому что разозлилась, но, черт, можно подумать, что у него, по крайней мере, хватило бы порядочности проверить меня после случившегося.

Он знает, где расположен мой номер. Знает, как долго я здесь пробуду. Есть только одна причина, почему он игнорирует меня. Все из-за этого.

Справиться с этими идиотскими, наполненными тоской эмоциями не его сильная сторона. И я его не виню. Я ненавижу себя за то, что жду его звонка. Ненавижу себя за то, что забочусь о чем-то, кроме поиска справедливости для моей сестры.

Я не имею права злиться, что девушка, которую он, вероятно, знает очень давно — учитывая, что, когда я гуглила, он почти никогда не появлялся на фотографии с одной и той же девушкой дважды, — вошла в его пентхаус. Обычно, когда он фотографируется с теми же дамами, они помечаются как его вторые половинки. Все остальные просто аромат месяца. Их можно заменить. Но девушки, с которыми он был изображен чаще, чем один раз, очевидно, имеют что-то, что заставляет его хотеть держать их рядом.

Очевидно, вчера, дуясь и злясь после произошедшего, я начала гуглить, в основном для исследования. Вся новая информация, которую я узнала о Базе и остальных парнях, была добавлена в документ. Информация растет. Детали, мои общие знания. У меня кое-что выходит.

И что я узнала? Баз избирательный плейбой. Они все такие, но Баз переводит это на другой уровень. Он не просто спит с кем попало. И когда он запечатлён с кем-то, это не просто спутница или секс по вызову. Он очень тщательно выбирает девушек, с которыми выходит на публику.

Как пресловутый плейбой, он целиком и полностью поддерживает свой имидж.

Вместо того чтобы тратить весь день обиду, как вчера, я решаю быть полезной. Я прилетела сюда не просто так, и не позволю той ночи разрушить это для меня. Ну и что с того, что Баз не в моей компании с остальными Дикарями? Я здесь, в его пространстве, на его курорте, так что здесь должно быть что-то, что я могу использовать с пользой для себя. Я просто должна найти. На этом все.

Схватив телефон, я прокручиваю список последних звонков и нажимаю на нужный номер. Человек поднимает трубку на первом же гудке, глубокий голос будит мой адреналин.

— Ты что-нибудь нашёл?

— Не совсем. У меня есть кое-кто, кто собирает для нас судебные дела и материалы. Я также решил проблему с твоим именем и фамилией. С тобой должно быть все хорошо, если он будет искать твое «новое» имя и фамилию в любой базе данных.

Я вздыхаю с облегчением.

— Спасибо, Джек. Что насчет безопасности? Нашел что-нибудь полезное?

— Знаешь, Кензи, эта твоя услуга превращается в настоящую занозу в заднице, — ворчит Джек в трубку.

Я познакомилась с Джеком несколько лет назад в Нью-Йорке, когда работала в

временном агентстве. Он был этим чокнутым компьютерным хакером, который чертовски умен и увлекался дорогими наркотиками. Однажды в агентстве его чуть не поймали с пакетиком, полным кокаина, пока я не выбросила его. Не знаю, зачем я это сделала. Это было глупо и невероятно безрассудно, но было приятно, что хоть раз кто-то мне что-то должен.

Перед прилётом в Лос-Анджелес я попросила Джека оказать мне услугу. Я знала, что он хорошо разбирается в компьютерах, и мне нужна была его помощь, чтобы сбить База со следа. Я не могла просто назвать ему вымышленное имя и фамилию и надеяться, что он ничего не сделает с этой информацией. Мне нужно было предоставить ему достаточно информации, чтобы понять, что если он когда-нибудь решит найти обо мне что-то, то все, что он найдет, будет выглядеть настолько реальным, насколько это возможно. Джек также помогал мне собирать информацию о суде и документы о смерти моей сестры.

Я закатываю глаза.

— Заткнись. Ты мой должник.

— Господи. Я должен был позволить им утащить мою задницу в тюрьму.

— Джек!

— Ладно, хорошо. Да, я обо всем позаботился. Я не смог найти ничего полезного относительно безопасности на курорте, так что тебе придется разобраться самой. Я позвоню тебе позже, когда у моего человека будут на руках все нужные тебе документы.

Я крепче сжимаю телефон, и в груди поселяется тяжесть.

— Спасибо, Джек.

— Просто держись подальше от неприятностей, Кензи. И перестань оставлять мне дурацкие голосовые сообщения с шифром. Я не понимаю.

Линия обрывается, и, несмотря на мое дерьмовое настроение, в уголках рта появляется ухмылка. Бедный Джек.

Поскольку мне нужно кое-что разведать, я роюсь в ящиках номера, пока не нахожу что-нибудь, куда можно проскользнуть. Если я не смогу получить информацию через База, я использую другие средства. Одета в обтягивающую, откровенную тренировочную форму, я собираю волосы в гладкий хвостик и беру маленький рюкзак, который лежит на дне моего чемодана. Внутри я бросаю одну из бутылок с водой из холодильника, свой телефон и ключ от отеля, затем выхожу за дверь и направляюсь в спортивный зал курорта.

Две птицы, один камень.

Я могу втиснуть свою ежедневную тренировку, пока осматриваю курорт. Если я смогу найти центр безопасности на главном уровне, возможно, я смогу понять, как обойти камеры и попасть в его пентхаус незамеченной.

По дороге в спортзал я останавливаюсь в вестибюле, чтобы посмотреть на людей. Пары, одетые в праздничную одежду, мужчины в костюмах, и остальные в повседневной одежде, готовые начать свою рутину в течение дня. Я обращаю внимание на сотрудников за стойкой консьержа и за стойкой администратора. Они единственные, кто слоняется вокруг, кого я вижу. Я осторожно подтягиваю лямку рюкзака на плечо и смотрю вверх, пытаюсь найти камеры. Если они там, я их не вижу и не хочу выглядеть слишком подозрительной. Поэтому вместо этого я отвожу взгляд и направляюсь в спортзал.

Когда я провожу своей карточкой, чтобы войти, я нахожу здесь только нескольких людей. Две из семи женщины.

Я смотрю на большое пространство, мои брови поднимаются от того, как хорошо все

обустроено. Я знала, что курорт База здоровский, но спортзал? Лучше, чем тот, за который я платила в Нью-Йорке. Он стильный, но сложный, с высокотехнологичным оборудованием. Я не ожидала увидеть здесь столько оборудования, но не удивляюсь. Баз не производит на меня впечатления человека, который когда-либо делает что-то наполовину.

Плоские экраны вдоль верхних стен показывают что-то свое: новости, утреннее ток-шоу, программу НВО и т. д.

Я прочищаю пересохшее горло, заставляя ноги двигаться, понимая, что застыла на пороге, вытаращив глаза. Придерживаясь своей обычной рутины, я направляюсь к беговой дорожке для легкой пробежки, а затем иду к лестничному стейперу. Я почти сжимаю кулак, понимая, что есть тренажёр для Пилатеса, который сделает мою следующую тренировку намного проще.

Пока я перехожу с беговой дорожки на стейпер, обитатели спортзала медленно начинают просачиваться наружу, оставляя меня наедине с самой собой. Я отдыхаю между подходами, смотря, не придет ли кто-нибудь интересный, кого я могла бы расспросить и получить представление о курорте и персонале, но никого нет.

Оттягивая утяжеленные тросы назад, я делаю глубокий вдох и выдыхаю, толкаю ноги вперед. Я повторяю процесс. Жжение в моих ногах, руках и прессе настолько безумное, что я почти не замечаю изменения в воздухе.

Почти.

Даже с опущенной головой и зажмуренными глазами, повторяя еще один подход, я чувствую его приход. Мои руки и ноги продолжают сгибаться плавными движениями, ноги отталкиваются от основания, а руки работают с канатными весами. Несмотря на все это, мое тело — каждый сантиметр обнаженной кожи в спортивном лифчике и штанах для йоги — покалывает от осознания. Я больше не одна. Это совершенно очевидно.

Когда я заканчиваю свой последний подход, я задыхаюсь и очень вспотела. Вместо того чтобы остановиться и покончить с этим, как обычно, я отталкиваюсь от тренажера и, не глядя на источник своего гнева, а теперь и дискомфорта, поворачиваюсь к нему спиной и направляюсь к весам. Я выбираю что-нибудь легкое, потому что все, что весит больше трех килограмм, будет опасным в присутствии этого человека. После того, как все закончилось прошлой ночью, одно неверное слово от него, и я не могу обещать, что не кину этот вес в его голову и не убью его. Так что да, лучше всего придерживаться более легких весов.

Работая руками, я сосредотачиваюсь на ожоге в трицепсах, не желая показывать, что знаю, что он здесь. Мне нужен контроль, который он мне даст. Мне нужен контроль в этой ситуации. И почему-то, отрицая его присутствие, я чувствую себя большой. Это заставляет меня чувствовать, что я получила всю власть и держу карты, между нами.

Я изо всех сил стараюсь сосредоточиться на Мэдисон, помня, что именно из-за нее я здесь и делаю все, что делаю. Это чертовски облегчает концентрацию. Ребята не имеют надо мной никакой власти, если я им не позволю. И я не позволю.

Когда мои руки начинают гореть, и я уверена, что не смогу поднять еще один раз из страха, что он упадет, и я осторожно ставлю их на место. Осознание его близости начинает побеждать в битве с моим вниманием.

Карты у меня. Запомни это.

Я ожидала, что он будет ближе ко входу, скорее всего, прислонится к чему-то с тем холодным, отстраненным выражением лица, которое он всегда надевает, но, к моему большому удивлению, он этого не делает. Вместо этого он сидит на скамье для пресса,

одетый в сшитый на заказ костюм, лениво скрестив лодыжку на колене. Видение повседневного. Единственное, что я поняла правильно, это выражение его лица.

Отчуждённое. Холодное. Нетронутое.

Он выглядит так, словно предпочел бы оказаться где-нибудь в другом месте, чем сидеть здесь и наблюдать за мной. Мне приходится прикусить язык, чтобы не спросить, почему он здесь, если ему так скучно от моего присутствия. Его лицо — точеное и серьезное, с правильным количеством щетины — делает почти невозможным отвести от него взгляд.

Вместо того чтобы уклониться, как я хочу, и избежать того, что произойдет дальше, я отказываюсь делать это. Я кусаю пулю.

Вытирая лоб тыльной стороной ладони, избавляясь от лишнего пота, я тянусь к рюкзаку, вытаскиваю почти пустую бутылку с водой и делаю большой глоток.

— Не заметила тебя, — замечаю я, делая еще один большой глоток почти осушая содержимое.

— Кстати, хорошая спортивная одежда.

Опершись локтем о ножную перекладину скамьи, он впивается большим и указательным пальцами, и в уголках его губ играет намек на ухмылку, словно он находит меня забавной. Акт сам по себе сексуален. *Он сексуальный.*

Я прикусываю щеку изнутри. Сильно. Пытаюсь напомнить себе о прошлой ночи и о том, зачем я здесь.

Будь другой. Будь призом. Играть тяжело, а главное, никогда не забывай, кто он.

Мультимиллиардер, владелец роскошного курорта.

Легендарный плохой парень.

Возможный убийца.

— Хорошая тренировка, я полагаю? — спрашивает он, его взгляд скользит по моим изгибам, задерживаясь на скользкой от пота коже.

Его взгляд, то, как он смотрит на меня, имеет текстуру, которую я чувствую на своей коже.

— Было неплохо. Предварительно провела несколько хороших встреч с гостями.

Я даже не знаю, что на меня нашло, чтобы сказать это. Все, что ему нужно сделать, это включить свои камеры слежения, чтобы понять, что это неправда. Но разве его это волнует? Не думаю. И все же часть меня хочет проникнуть под его кожу так же, как он проникает под мою.

Баз приподнимает бровь, и эта ухмылка, с которой он боролся, наконец-то появляется, как будто я источник развлечений для него. Ублюдох.

— И теперь, мисс Уильямс? — он дразнится.

— Ага. Итак, — начинаю я, меняя тему. — Ты решил, что хочешь побыть сегодня рядом с другими людьми? Я имею в виду, разве не поэтому у тебя есть свой собственный тренажерный зал?

Наконец, поднявшись на ноги, Баз делает шаг ко мне, и как бы мне ни хотелось отойти и держаться на расстоянии, потому что я все еще возмущена событиями прошлой ночи, я стою на своем. Я сохраняю пассивное выражение лица, стараясь, чтобы аура, окружающая меня, была легкой.

Отсутствие упрека на моем лице нелегкий подвиг. Если бы я не знала его лучше, я бы наказала его прямо здесь, ворвалась и показала все эмоции, которые я изо всех сил стараюсь скрыть.

— Не так много. Я решил проверить, как ты.

Я поднимаю одну бровь.

— Ты теперь следишь за мной, Баз?

Я повторяю те же слова, которые он сказал мне прошлой ночью. Презрение, которое сочится из моего тона, безошибочно угадывается. Он, должно быть, понимает это, потому что его глаза блестят от удовольствия, будто он наслаждается этим. Как будто он наслаждается вызовом, который я бросаю ему.

Сделав еще один шаг ко мне, устрашающая фигура База возвышается надо мной. Он приподнимает мой конский хвост, который свисает мне на грудь, и мягко перекидывает его обратно через плечо, давая себе беспрепятственный доступ к моей шее. Легким, как перышко, прикосновением, противоречащим всему, чем является этот мужчина, он легко проводит подушечками пальцев по влажной, липкой коже моей шеи.

— Нет, — прохрипел он, подходя ближе. Мои глаза тяжелеют от одного его легкого прикосновения и близости. Все в нем сводит меня с ума. — Для этого у меня есть другие люди. Это значительно облегчает наблюдение за вещами и людьми.

Я сглатываю.

— В этом есть смысл.

Наступает долгая пауза.

— Поужинай со мной сегодня.

Его пальцы все еще рисуют отвлекающие узоры на моей коже. Я облизываю пересохшие губы.

— В прошлый раз, когда мы ужинали, все закончилось не так хорошо, — язвительно замечаю я.

— И почему? — бросает он вызов, проследив взглядом за движением пальцев.

Это идеальное время, потому что стена, этот жесткий внешний вид, который я построила, трескается, и я хочу снова стать прежней Маккензи. Мне хочется заскулить о том, как больно было видеть эту другую девушку в его пространстве, или, что ещё больнее было то, что он пропал без вести. Этой небольшой передышки от его пылающего взгляда мне достаточно, чтобы собраться с мыслями и взять себя в руки.

— Думаю, ты знаешь почему, — шепчу я.

Мой ответ заставляет его посмотреть на меня сверху вниз, изучая мой взгляд. На секунду мне кажется, что он собирается извиниться. Я практически вижу, как слова материализуются на его губах, но этого не происходит.

Вместо этого он избегает темы прошлой ночи, как я и предполагала. Он отдергивает руку, и я почти всхлипываю от потери, но от его следующих слов по моей спине пробегает дрожь.

— Будь готова к четверем, — говорит он, отступая, его взгляд все еще пожирает мою потную фигуру.

Я скрещиваю руки на груди.

— Я не говорила «да».

Баз смеется. Этот смех темный, и в нем есть что-то жуткое.

— Это не вопрос. Встретимся в вестибюле.

Мои брови опускаются, когда его быстрый ответ сбивает меня с толку.

— В четыре? Почему так рано?

Баз пожимает плечами.

— Я хочу тебе кое-что показать.

Паника захлестывает меня. Я пытаюсь скрыть это, но он, должно быть, чувствует мою настороженность, потому что говорит:

— Тебе не устраивали тур по Лос-Анджелесу, пока ты не встретила меня. И надень все, что захочешь.

С этими словами он уходит из спортзала, оставив меня одну с широко раскрытыми глазами.

Вот тебе и все карты на руках.

ГЛАВА 11

Баз

Ровно в четыре я жду Маккензи в вестибюле. Первые пять минут ожидания я списываю на то, что она опаздывает по моде. Девушки, с которыми я встречался раньше, делали это, хотя я никогда бы не принял Маккензи за такой тип. Но когда десять минут превращаются в пятнадцать, а ее по-прежнему нет, я начинаю волноваться, потому что теперь начинаю понимать, что она не собиралась появляться сегодня.

Я понял. Черт, я заслужил это после той ночи.

Но это совсем не то, о чем она подумала.

Я не планировал, что моя бывшая помощница появится в моем пентхаусе посреди ночи, когда я был с другой. Особенно после того, как я уволил ее всего несколько дней назад, узнав, что она переспала с Трентом. Я гордился, что я профессионал и управляю бизнесом, который чист от любых клише или стереотипов, например, как человек, трахающий свою

помощницу или одалживающий ее своим друзьям. На бумаге Патриция была идеальной помощницей, но в реальной жизни? Нет. Она больше беспокоилась о своей внешности и о том, что работа в Kings Resorts принесет ей в долгосрочной перспективе, чем о том, чтобы сосредоточиться на текущих задачах. Ее самой большой неудачей стало заниматься сексом с одним из моих друзей вместо того, чтобы быть профессионалом, за что я ей платил.

Как моя помощница, я предоставил ей доступ на уровень пентхауса, где она могла свободно входить и выходить из моего офиса. Как только я уволил ее, я дал ей конкретные инструкции оставить карточек у Дэна, но она это сделала? Конечно, нет. Вместо этого она взяла на себя смелость войти в мой пентхаус, а потом набралась наглости спросить, не передам ли я ее номер Тренту. У меня не хватило терпения сказать ей, что он никогда не входит своим членом дважды в одну и ту же девушку. Он из тех парней, который поматросил и бросил, и если она ничего не слышит о нем после их последней ночи, то, скорее всего, никогда и не услышит.

Достав мобильник, я набираю номер Дэна, который был начальником службы безопасности и моим водителем с тех пор, как я заработал свой первый миллион лет назад. Он берет трубку после первого же гудка, его спокойный тон эхом отдается у меня в ушах.

— Никаких ее следов?

Немая пауза перед:

— Она не выходила из своего номера, мистер Кинг.

— Христос.

Я вешаю трубку, нервно проводя рукой по волосам.

Маккензи, Скарлетт, кем бы она ни хотела быть, сводит с ума. С тех пор, как ступила на мой курорт и перевернула весь мой мир вверх дном.

Я очень похож на остальных ребят. Обычно я не трахаюсь дважды. У меня нет времени или терпения для отношений, поэтому у меня есть несколько избранных партнёрш, которым я звоню, когда я нуждаюсь в спутнице на какое-то мероприятие или что-то в этом роде. Так проще. Конечно, пресса и газетные сплетни любят печатать обо мне дерьмо, думая, что знают каждый аспект моей личной жизни, но это не так.

Я как раз собираюсь направиться прямо к лифтам и объяснить все это Маккензи, когда автоматические стеклянные двери в вестибюле открываются и входит Маркус. Я знаю этого парня почти всю свою жизнь, и выражение его лица заставляет мой позвоночник выпрямиться.

Его брови резко опускаются, когда он сокращает расстояние между нами.

— У тебя шестое чувство на плохие новости?

— Только проснулось, на самом деле.

Маркус откидывает голову назад и смеется на мой счет.

— Это, блядь, впервые.

— И в последний раз. Поторопись и начинай говорить. Меня ждет девушка, с которой мне нужно поговорить после этого.

— Он опять это делает, — начинает Маркус, как только я закрываю дверь своего кабинета.

Я устраиваюсь в кресле с крылатой спинкой, готовясь к любым плохим новостям от Маркуса.

— Когда Винсент не делает того, чего не должен делать? — сухо говорю я.

— На этот раз есть видео и фото доказательства. Если мы не позаботимся об этом сейчас, он все испортит. Репутация Королей будет разнесена в пух и прах, и, скорее всего, это отразится и на ресторанах и курортах.

Чтобы доказать свою точку зрения, Маркус достает телефон и нажимает кнопку воспроизведения на экране. Мои задние зубы скрежещут, и мышцы на челюсти сжимаются, когда я смотрю, как Винсент кладет руки на девушку, с которой он был. Он часто втягивается в ловушку наркотиков и других бытовых споров. Проблемы с гневом, которые он испытывал в детстве, с годами только усугубились.

После того, как видео подходит к концу, Маркус смахивает, показывая лицо жертвы после драки. Я устало вздыхаю, энергично потирая виски, чувствуя, как надвигается мигрень.

— Очевидно, он был пьян и сорвался. Она сказала только то, что в один момент он был в порядке, а в следующую минуту уже рыдал на ней. Ей нужны деньги, или она выдвигает обвинения и сливает все в СМИ.

Мои руки сжимаются в кулаки, и я в отчаянии стучу ими по краю стола. Я слишком стар, чтобы разбираться с этим дерьмом и убирать беспорядок Винсента. Если не он, то Зак, а если не Зак, то долбаный Трент. Эти трое вместе проклятие моего существования. Часть меня хочет избавиться от них — Бог знает мое дело, и мне было бы лучше без них. Но другая часть, та, что выросла единственным ребенком, видит в них моих братьев — пусть и моих идиотов братьев, но все же семью. Кровь не делает нас семьей. Дикари сформировались много лет назад, и эта связь не может быть разорвана.

— Он никогда не научится. Он никогда не остановится, если мы всегда будем рядом, уберегая его от неприятностей. Черт после того, как он положил на нее руки, я говорю, пусть она выдвигает обвинения. Этот ублюдок заслужил это.

Маркус вздыхает, качая головой.

— Ты же знаешь, что мы не можем этого сделать. Все наши имена и репутации связаны с клубом Короли. Я не позволю Винсенту все испортить. Ни для любого из нас.

— Дерьмо. Я знал, что вступать в бизнес с любым из них станет ошибкой.

И я знал это, но все равно согласился, потому что ребята моя семья. После стольких неудачных попыток они втроем пришли ко мне за помощью. Они пришли ко мне, чтобы сделать Королей реальностью. Я должен был сказать «нет».

— Я же говорил тебе, что это случится, Баз. Просто дай мне знать, как ты хочешь, чтобы я поступил.

Я задумчиво почёсываю подбородок. Я не потворю насилию, и уж тем более насилию над девушкой. Винсент должен был бы заплатить за это, но риск этого удар по моему бизнесу и всему, ради чего я работал. Нет ни малейшего шанса, что я позволю Винсенту все испортить.

— Сколько за молчание?

Кожа вокруг глаз Маркуса напрягается.

— Она хочет четыре миллиона.

Я скрежещу своими коренными зубами так сильно, что практически чувствую эмаль.

— Сделай это. И передай мне на время все акции Винсента. Он заплатит за свои грехи

собственными деньгами, это точно.

Маркус барабанит пальцами по краю моего стола, поднимаясь на ноги.

— Я займусь этим. Ох, вот и наличные. Три пачки хватит?

Он роется в карманах пиджака и бросает пачки денег на мой стол.

— Да, этого должно хватить, чтобы заплатить ему из-под стола.

Маркус качает головой, улыбаясь, и направляется к двери.

— СМИ ошибаются. Я думаю, что у тебя где-то там есть сердце.

Я закатываю глаза.

— А что мне оставалось делать? Позволить ему и его семье быть депортированными?

Он хороший парень. И заслуживает хорошей жизни.

— Гребаный святой Себастьян, говорю тебе, мужик, — насмехается он, выходя.

— Я самый далекий человек от святого, — бормочу я, откладывая деньги в сторону и закрывая за собой дверь, направляясь в номер Маккензи.

Я никогда не гоняюсь за девушками. Если бы это был кто-то другой, я бы пожал плечами и сказал, что это конец, но это не кто-то другой. По какой-то причине Маккензи забралась мне под кожу. С того момента, как я увидел, как она говорит по телефону в моем ресторане, когда был выставлен знак, строго запрещающий вход, меня потянуло к ней. Я полностью очаровался и попался в ее ловушку. Она, как сирена, звала меня. Ее голос и тело настолько величественны, что у меня нет другого выбора, кроме как подойти ближе.

Я хочу узнать ее. Я хочу узнать, что заставляет ее тикать, из какого дома она приехала, что ей нравится и не нравится. Я никогда не стремился узнать что-либо из этого, но с Маккензи она одна из немногих девушек, способных удержать мое внимание. Не часто я впускаю людей, показывая им настоящего себя, и каждый раз, когда я рядом с ней, у меня возникает глупая потребность обнажиться перед ней. Это битва, в которой я не участвую. Вместо этого я позволяю льду осесть в груди и оставаться таким же нетронутым, как я могу. Я притворяюсь, что она такая же, как все; так легче.

Я стучу костяшками пальцев по дереву, давая ей понять, что у нее есть выбор, отвечать или нет. На самом деле, нет. Мне принадлежит все это здание и вся земля вокруг. Хорошо бы ей это запомнить.

Я слышу ее тихие шаги на другой стороне. Они останавливаются прямо перед дверью, и наступает долгая пауза. Она, вероятно, ведет свою собственную битву, решая, стоит ли открывать дверь. Вероятно, не стоит. Возможно, ей будет лучше, если такой мужчина, как я, исчезнет из ее жизни, но мне все равно. Я всегда был эгоистом, а с Маккензи? Это не исключение.

Через некоторое время она открывает дверь, и хотя ее плечи расправлены, создавая впечатление, что она не тронута, но это не так. Я вижу это по тревожному выражению ее глаз и застенчивости лица. Часть ее чувствует себя виноватой за то, что оставила меня ждать, и я уверен, что другая часть чувствует, что справедливость восторжествовала за то, что она бросила меня.

— Твои часы вдруг перестали работать? — спрашиваю я, стараясь, чтобы улыбка не расплзлась по моему лицу.

Не знаю, что в Маккензи меня так забавляет. Она играет в хорошую игру, старается быть сильной, но мало что знает, я вижу ее насквозь. Я вижу ее насквозь и сквозь все эти стены, которые она пыталась построить. Я хочу содрать с нее кожу, слой за слоем, пока она не обнажится до самой сердцевины.

Она прочищает горло, ее взгляд покорно опускается к ногам только на секунду, прежде чем метнуться обратно.

— Нет. На самом деле, я решила, что пойти сегодня на ужин не то, чего я действительно хочу.

Улыбка, с которой я боролся, вырвалась на свободу. Она медленно растекается по моему лицу, как кукольник, осторожно дергающий за ниточки.

— Какой позор. У меня были планы на тебя, грязная девочка.

Она закатывает глаза, ее собственная улыбка играет в уголках губ.

— Ох, я в этом не сомневаюсь.

— Можно мне войти? Или ты тоже этого не хочешь?

Ее тонкое горло нервно сглатывает. Не говоря ни слова, она делает энергичный шаг назад, открывая дверь. Все еще улыбаясь, я захожу, осматривая знакомую планировку номера. Я неустанно работал над дизайном и планировкой каждого этажа, сотрудничая с дизайнером над каждой кропотливой деталью.

Маккензи ведет нас в развлекательную зону, которая находится за пределами спальни, и намеренно садится в кресло напротив дивана, на который опускаюсь я.

— Итак, не могла бы ты рассказать настоящую причину, по которой ты не пришла?

Ее глаза вспыхивают.

— Я уже говорила тебе. Я просто... Мне просто не хотелось идти.

Положив руки на колени, я наклоняюсь вперед, бросая ей вызов.

— Я называю это чушью.

Маккензи закатывает глаза.

— Ты даже не знаешь меня. Как ты можешь называть это чушью?

— Ох, думаю, я знаю. Я думаю, ты испугалась. Вот почему ты не пришла. Ты была зла и напугана.

Ее губы сжимаются в тонкую линию.

— С какой стати мне быть злой и напуганной?

Я откидываюсь на спинку дивана, уверенно улыбаясь.

— Все просто. Ты злишься из-за той ночи, в чем я тебя не виню. И боишься *этого*, — говорю я, жестикулируя между нами. — Ты боишься того, как легко ты отдаешься мне. По какой-то причине ты боишься отпустить.

Маккензи быстро опускает взгляд на свои колени, говоря мне, что я прав. Она облизывает губы, ее руки ерзают на коленях, когда она, вероятно, пытается найти оправдание, какое-то опровержение.

— Ты можешь винить меня? — тихо произносит она, глядя на меня сквозь ресницы.

Я чувствую, как это действие пронзает меня в центре груди. Я качаю головой, проводя пальцами по волосам. Ее карие глаза поразительно медовые в этом освещении с яркими крапинками изумруда, освещающими их. Если бы взгляд мог иметь цвет, то этот был приглушенный оттенок Секвойи в лесу. Роман золотистого меда и темной зелены. Было бы так легко потеряться в ней прямо здесь, прямо сейчас. Она делает это легко. Это просто притяжение Маккензи — сила, которой она обладает.

— Нет, я тебя не виню. Но есть объяснение тому, что ты видела прошлой ночью. Девушка, которая вошла к нам, была моей бывшей помощницей. — она поджимает губы, и я сразу понимаю, куда направляются ее мысли. — Я никогда с ней не спал, если ты об этом. Не поэтому она пришла так поздно. Я уволил ее за непрофессионализм, так что

неудивительно, что она явилась в мой пентхаус, чтобы попросить что-то столь незначительное, как номер моего друга. Вот и все, что это было.

Она медленно кивает, будто обдумывает информацию. Ее глаза закрываются, становясь настороженными, когда она задает следующий вопрос.

— А как насчет остальных? Все девушки, с которыми я видела тебя на снимках за последние несколько недель. Это тоже ничего?

Мой лоб кривится.

— О чем ты спрашиваешь, Маккензи? Ты спрашиваешь, трахался ли я с кем-нибудь, пока ты возвращалась обратно в Нью-Йорк? — я пожимаю плечами. — Я бы солгал, если бы сказал, что нет. Я понятия не имел, что когда-нибудь увижу тебя снова.

Ей не нравится этот ответ. В ее карих глазах бушует ад. Это заставляет зеленое и медовое сиять, словно они являются собственными сущностями.

— Сколько девушек ты трахнул без презерватива?

Это простой ответ. Я откидываюсь назад, устраиваясь поудобнее.

— Ни одну.

Ее брови опускаются, а остальная часть лица вопросительно хмурится. Она мне не верит.

— Бред.

— Хочешь правду? Ты единственная девушка, которую я трахнул без защиты. Я никогда не трахаюсь без презерватива. *Никогда*. Но с тобой все по-другому. Ты поглощаешь меня до такой степени, что я не могу мыслить рационально, когда я рядом с тобой.

Удивление освещает ее черты, оставляя с отвисшей челюсть. Я борюсь с желанием перегнуться через кофейный столик и притянуть ее в свои объятия. У меня есть плохая привычка не держать свой член в брюках, когда я рядом с ней.

Мой телефон вибрирует в кармане, и я со вздохом вытаскиваю его, глядя на экран. Это снова Маркус, что означает еще больше плохих новостей.

Чертова радость.

Нажимая «игнорировать», я выпрямляюсь и обхожу кофейный столик, останавливаясь как раз перед тем, как подойти к Маккензи. Она смотрит на меня невинными глазами лани, и это что-то делает со мной, что-то такое, что сводит с ума.

— Правда в том, что больше никого нет. Нет никакой конкуренции. Нет, ничего. — я опускаюсь на корточки, выравнивая наши взгляды. — Завтра в четыре, что скажешь?

Она продолжает смотреть на меня, ища в моих глазах ответы на свои внутренние вопросы. Медленно кивнув, она соглашается. Мой рот кривится в кривой усмешке.

— Оденься в удобную одежду и жди меня в вестибюле.

Наклонившись вперед, я провожу рукой по ее затылку, захватывая ее губы своими. Она задыхается в моем рту, и я щелкаю языком внутри ее, пробуя на вкус, снова втягиваясь в ее песню. Отстранившись, ее глаза округлились, а грудь тяжело вздымается.

— Постарайся на этот раз не оставлять меня в подвешенном состоянии. Не знаю, сможет ли мое бедное эго справиться с этим.

Ее лицо расплывается в красивой улыбке, которая бьет в самое сердце. Я чувствую, как это давит мне на грудь.

Не желая задерживаться, я выхожу из ее номера, достаю телефон и набираю номер Маркуса.

— В чем дело? — я вздыхаю.

— Есть одна проблема. Встретимся в клубе.

Я стискиваю зубы вместе.

Сукин сын.

ГЛАВА 12

Маккензи

Оказывается, надеть то, что ты хочешь, не так просто, как кажется. Я слишком долго простояла среди кучи одежды на полу, пытаюсь решить, что надеть.

После нашей встречи в спортзале после того, как мы оставили это висеть в ночь нашего ужина, мне нужно, чтобы сегодняшний день сработал в мою пользу больше, чем когда-либо. Вот такая это проблема находится рядом с Базом. В одну секунду мне кажется, что я уже все поняла, но один его взгляд, одна его ухмылка способны все изменить.

Я была уверена, что он просто еще один мудака, использующий меня, использующий бесчисленное количество других девушек, пока он был со мной, но после его вчерашнего визита, не думаю, что это верное представление. Возможно, Баз не тот мужчина, за которого я его приняла. Возможно, есть что-то большее в мужчине с идеально сшитыми костюмами и восхитительными вызывающими дрожь ухмылками. Я хочу, чтобы было больше, из-за того, как Баз смотрел на меня прошлой ночью? Никто никогда не смотрел на меня так.

Больше никого нет. Нет никакой конкуренции. Нет, ничего.

Мои внутренности трепещут при одной мысли об этом.

Наконец я решаюсь на простой, удобный наряд, который будет иметь достаточно

сексуальной привлекательности, и при этом оставаться стильным и не бродячим. Я выбираю потертые узкие джинсы, идеально облегающие мои изгибы, и пару ботинок на каблуках, которые дадут мне достаточно роста, чтобы почувствовать, что я нахожусь на одном уровне с ним — не совсем, но добавленная высота дает мне иллюзию силы, в которой я нуждаюсь в его присутствии. Мой топ блузка с открытыми плечами и пуговицами посередине. Все вместе это случайный ансамбль, не выглядящий так, будто я потратила часть времени, пытаясь понять, что надеть.

К тому времени, когда я заканчиваю собираться, мои волосы беспорядочно заплетены после душа. Я продолжаю выглядеть: «она не прикладывала усилий». С минимальным макияжем и выбившимися прядями волос, обрамляющими мое лицо из косички, я думаю, что добилась нужного. Я лишь слегка удивляюсь, когда открываю дверь своего номера и вижу там терпеливо ожидающего Дэна. Всегда джентльмен, его глаза не блуждают по моему телу, рассматривая мой наряд. Вместо этого они не отрываются от моего лица.

— Он ждет вас внизу, в вестибюле, мисс Уильямс.

Неуверенно кивнув, я кладу руку на живот, в котором порхают бабочки, и следую за ним к лифтам. Вся поездка вниз это повторение прошлого раза. Я уже могу сказать, что Дэн будет крепким орешком. Его лояльность — это вопрос.

— Доброго вечера.

Это его прощальные слова, когда двери открываются, демонстрируя нетронутый вестибюль. Мои каблуки стучат по мраморному полу, а брови опускаются, когда я оглядываюсь в поисках База, но нигде не вижу его.

Почему Дэн не сказал, где, черт возьми, будет Баз?

Моя хватка крепче сжимает клатч, когда взгляд скользит вокруг, и я стою, как растерянная идиотка. Я вдруг перестаю дышать, сердце бешено колотится в груди. Мои шаги все еще слышны, когда я замечаю его. Я благодарна ему, что он меня еще не заметил. Это дает мне достаточно времени, чтобы спокойно поглазеть на него и перевести дыхание, пока все это время он ни о чем не догадывается. С его телом, повернутым под углом, я ясно вижу его, прислонившегося к колонне, как раз возле входа. Не знаю, как я не заметила его раньше. А сейчас, смотря на него? У меня пересыхает во рту, дыхание становится быстрым и затрудненным.

Дерьмо.

В небрежной, скучающей позе Баз откинулся назад, скрестив ноги и засунув руки в карманы. На нем черные слаксы и тонкий серый свитер, рукава слегка закатаны, так что мне и всем остальным видны часы на его запястье и выступающие вены на руках и предплечьях.

Естественно, он выглядит невероятно; в то время как я выгляжу так, будто мой наряд «она не прикладывала усилий» не дался легко.

Лицо у него такое же, как и всегда. Тот же острый подбородок, те же глубокие лазурно-голубые глаза с зелеными крапинками, та же жесткая щетина, и грубый, без глупостей блеск в глазах — все это завершает взгляд. Вид подчеркивает силу его челюсти и острые углы лица. Он, чертовски красив, и это начинает сводить меня с ума.

Словно почувствовав на себе чей-то горячий взгляд, Баз смотрит в мою сторону. На его лице не отражается никаких эмоций — ни удивления, ни даже намека на радость от того, что я здесь. Он просто наблюдает за мной, его напряженные глаза скользят вверх и вниз по моему телу, задерживаясь на джинсах.

Я сглатываю комок размером с мячик для гольфа в горле, заставляя мозг и мышечные

рецепторы реагировать. *Двигайся, одна нога перед другой. Идеально. Вот так.* С каждым шагом я чувствую, как воздух сгущается, мое сердце колотится сильнее, а дыхание становится все более неровным с каждой секундой. И к тому времени, как я стою перед ним, я задерживаю дыхание и считаю про себя до десяти, пытаюсь взять в руки.

— Выглядишь великолепно.

Мой голос звучит хрипло и напряженно, вероятно, от буйства эмоций внутри, поэтому я прочищаю горло. Мои потные руки снова сжимаются, держась за сумочку, как за спасательный круг.

Верхняя губа База дергается, словно он хочет улыбнуться в ответ на похвалу, но вместо этого протягивает мне руку ладонью вверх. Я останавливаюсь всего на полсекунды, прежде чем вложить свою руку в его. Электрический разряд проходит от точки нашего соприкосновения через мою руку и, кажется, проникает в вены. Когда я смотрю на него, его брови сведены вместе, будто он тоже это чувствует.

Он выводит меня из стеклянных дверей, и, как по маслу, черная спортивная машина с рычанием останавливается на обочине перед нами. Баз открывает мне дверь, помогая сесть, и перед тем, как закрыть ее, он наклоняется, его губы находятся в опасной близости от моего уха.

— Ты выглядишь потрясающе.

Я резко втягиваю воздух от его слов, и когда моя дверь захлопывается, я выпускаю тяжелый вздох.

Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо.

Когда Баз заводит мотор и уносится на скорости, я стараюсь не слишком ерзать. Просто, запертая в таком маленьком пространстве, как это, все, о чем я могу думать, это прыгать на его костях. И это должно быть последним, о чем я могу думать. Первым делом надо подобраться к нему поближе, чтобы узнать правду. Но его запах, исходящий от него жар все это сводит меня с ума.

Я облизываю пересохшие губы и как можно незаметнее наблюдаю за ним. Лениво положив одну руку на руль, он ведет машину так, словно управлять таким быстрым и мощным авто для него не так уж и сложно. Я нахожу это невероятно сексуальным, даже зная, что не должна. Рукава его свитера все еще закатаны, и я замечаю едва заметный намек на татуировку скелетного ключа, выглядывающую из-под ткани, и это пощечина, и проверка реальности, в которой я нуждалась.

Потому что в конце концов, это то, кем он является. Он один из них. Он стал их партнёром и сказал, что они его семья. Я знаю, что это поговорка: *«невиновен, пока не доказано обратное»*, но в данном случае они все виновны, пока я не докажу обратное.

— Итак, — говорю я, мой голос разрывает тишину. — Какие у нас планы на вечер?

Пока он ведет машину, мои глаза бегают от темных краев татуировки к его лицу.

— Ужин и экскурсия по достопримечательностям. Решил дать тебе попробовать кусочек Лос-Анджелес, пока ты здесь. — он смотрит на меня, читая выражение моего лица. — Если только у тебя нет на уме чего-нибудь получше.

— Конечно, нет. — мне не следовало бы спрашивать, но я все равно спрашиваю. — Ты водил всех своих предыдущих подружек на такие свидания?

Баз ерзает на кожаном сиденье. Он смотрит на меня, и его брови опускаются с упреком. Он выглядит задумчивым, словно пытается придумать, как сказать нужное.

— Поскольку у меня нет подружек, то нет. Но я уже делал это раньше, если ты об этом

спрашиваешь.

Эго. Полностью. Подавлено.

Все его сладкие вчерашние заверения? Да, теперь они практически недействительны. Кажется, я могу думать только о других девушках. О тех, которых он когда-то водил на свидания.

Как он к ним относится?

Это то же самое, что он чувствует ко мне?

Несмотря на нашу маленькую заминку в машине, остаток вечера проходит лучше, чем я могла себе представить. Баз не разочаровывает меня на этом свидании, прогулке, что бы это ни было. Я не могу сдержать улыбку, когда мы выходим из обсерватории Гриффита. Как будто он знал, что посещение обсерватории было в моем списке обязательных посещений здесь, в Лос-Анджелесе. С его курорта открывается невероятный вид на большую часть Лос-Анджелеса, но вид на Обсерваторию оттуда заставил меня страстно желать увидеть ее вблизи и лично. *Это*, все это свидание было именно тем, в чем я нуждалась.

Когда солнце исчезло на фоне Лос-Анджелеса, смог и яркие лучи отбрасывают теплые оранжевые и розовые оттенки на небо. Несмотря на то, что я нахожусь здесь вечером, я наслаждаюсь видом и красивой компанией, получая удовольствие от легкой беседы, которую мы разделяем.

Я задаю Себастьяну несколько простых вопросов: что ему нравится и не нравится. Я говорю себе, что мне нужно знать ответы, потому что любая деталь имеет значение, но на самом деле я просто хочу знать. Я хочу глубже понять человека, скрывающегося под безупречными костюмами.

Каким было его взросление?

Были ли у него братья и сестры?

Как он попал в этот бизнес?

Он отвечает на каждый мой вопрос, и вместо того, чтобы удовлетворить мое любопытство, его ответы только подпитывают это все. Рядом с ним я словно демон, жаждущий большего. Больше информации, больше знаний, больше времени. Больше *всего*.

Становится тепло. Более чем немного тепло. И поверьте, это не от долгой прогулки на свежем воздухе. Это из-за него. Его близости. Напряженности и жара его взгляда. То, как он касается моего обнаженного плеча кончиками пальцев. То, как его рука держит мою. Это все он.

Себастьян Кинг огненный костёр в моем ледяном мире.

Он противоречие, и я все больше и больше увлекаюсь этим при каждом его слове.

Мы оба сидим, я с мороженым, он с красивым профилем, и смотрим на звезды и мерцающие огни оживленного города. После ужина, Баз остановился, чтобы купить нам мороженое. Это был приятный и неожиданный сюрприз. Это даже не модное место, а просто заведение для родителей на Сансет. Если его цель сделать это свидание приземленным и непринужденным, он ее достиг. До сегодняшнего вечера я никогда не чувствовала себя более довольной и непринужденной с другим мужчиной, и ненавижу себя за это.

Во многом Лос-Анджелес похож на Нью-Йорк. Он никогда не спит. Здесь всегда светло и оживленно. Но здесь, наверху, я больше всего скучаю по Западному побережью. Воздуху, склонам холмов и природе.

Сидя здесь около купола обсерватории, обозревая все вокруг, я вспоминаю, как мы с

Мэдисон проводили время над кладбищем, наблюдая над нашим городком. Думаю, что я живу так далеко от Западного побережья, чтобы помочь себе забыть, но правда в том, что нет. Ни дня, ни даже секунды не проходит, чтобы я не думала о сестре.

Глядя на деревья и оживленный город внизу, я задаюсь вопросом, скучают ли мои мама и папа по мне так же сильно, как я по ним. Сожалеют ли они о своем выборе после смерти Мэдисон? Или им лучше жить без меня? Кем-то, кто является постоянным напоминанием обо всем, что они потеряли.

— Ты ужасно молчалива, — замечает Баз, вырывая меня из моих внутренних раздумий.

Я натянуто улыбаюсь ему и уклончиво пожимаю плечами.

— Просто задумалась, наверное.

— Если ты так напряженно думаешь, то я, должно быть, не очень хорошая компания.

На этот раз улыбка, которую я ему посылаю, искренняя. Мы смотрим друг на друга. Луна, свет звезд и город отражаются от его красивого лица, что становится тяжело смотреть на него слишком долго. Он действительно подобен солнцу. Вреден для моего здоровья, но тепло, которое я чувствую в своей груди, когда я рядом с ним, делает невозможным оставаться в стороне.

Я смотрю вниз, разрывая связь, чтобы теперь лучше рассмотреть татуировку, когда он сидит так близко. По какой-то причине мое горло сжимается, а грудь сводит от эмоций, рассматривая контуры.

— Татуировка, — говорю я, кивая на его руку. — Что заставило тебя набить ее?

На мой вопрос Баз опускает глаза и закатывается рукав повыше, демонстрируя чернила. На той части татуировки, что обхватывает тыльную сторону его руки, все еще виднеется небольшая царапина. Теперь я точно понимаю, почему он перевязывал ее.

Выражение его лица задумчивое, когда он смотрит на чернила. Его брови приподнимаются, складываясь в глубокую задумчивую гримасу.

— Еще в старшей школе мы со всеми нашими друзьями набили одну и ту же татуировку. Это было глупо, но таков был наш договор.

— Выглядит жутковато.

Он мрачно усмехается.

— Думаю, что да, если ты действительно не понимаешь смысла. Тату должно символизировать расчет порядка, а глаз — это символ видения всего. Всезнание.

— Значит, вы, ребята, были в основном иллюминатами? — язвительно замечает я, и он смеется.

Это глубокий баритон смеха, который, как я чувствую, вибрирует по всему моему телу.

— Нет. Просто молодые и глупые.

Играя роль человека, который ничего о нем не знает, я спрашиваю:

— Ребята, с которыми ты набил татуировку, вы все еще друзья?

Он смотрит на меня и медленно кивает.

— Можно и так сказать.

Уклончиво.

Он, очевидно, еще недостаточно доверяет мне.

— Что насчет тебя, Маккензи? Я чувствую, что ты всегда задаешь вопросы, но ты все еще загадка для меня.

— Я прожила простую, скучную жизнь. Даже сейчас, к сожалению.

— Нам придется это исправить, не так ли?

Наклонившись, Баз нежно касается губами моих. Это такое эпическое поддразнивание, что у меня нет другого выбора, кроме как поцеловать его в ответ, изливая в него всю себя. Наши языки воюют друг с другом, как мое сердце и разум. Наши руки касаются друг друга, будто мы два подростка, крадущиеся вместе, пытаюсь справиться с чувствами.

Когда мы возвращаемся с нашего свидания, я кладу руку на его теплую, твердую грудь, останавливая его от входа в мой номер. Как бы мне ни хотелось снова провести с ним ночь, я думаю, что сегодня мне нужно сделать шаг назад и записать то, что я узнала. И только потому, что он имел мое тело бесчисленное количество раз и в бесчисленных позах, я не хочу становиться для него мимолетной фиксацией. Мне нужно оставаться на переднем крае его сознания.

Мы расстаемся по-дружески, и хотя он выглядит удивленным моей готовностью лечь спать, я знаю, что поймала его на крючок.

Мужчины любят то, чего не могут иметь.

Вернувшись в свой номер, я включаю ноутбук и открываю несколько документов, записывая всю информацию, которую я узнала за сегодня. И впервые за несколько месяцев, нажимая на свой открытый документ, слова летят по экрану — история, которую я пыталась рассказать в течение многих лет, наконец обретает форму. Улыбка растягивается на моем лице, когда я изливаю информацию.

Работая, я чувствую, как она говорит со мной, и в такие моменты я ощущаю себя сумасшедшей. Чувствую, что схожу с ума, потому что она никак не может быть здесь и говорить со мной. Она мертва. Мне все равно, сколько исследований будет проведено. Я отказываюсь верить, что феномен близнецов настолько силен.

Я чувствую ее свирепый взгляд. Ее суждение.

Я с грохотом ставлю кружку с горячим чаем на стол и бросаю на нее сердитый взгляд.

— Перестань на меня смотреть.

Я перевожу взгляд на неё краем глаза. Она скрещивает руки на груди и ухмыляется. Это как удар в грудь, потому что это Мэдисон. Не знаю, как справиться с этой манерой.

— Ты действительно думаешь, что сможешь найти способ остаться в его жизни? Что ты собираешься делать, когда дело дойдет до остальных ребят? Тебе повезло, что они еще не поняли, кто ты.

Моя верхняя губа изгибается над зубами.

— Думаешь, я этого не знаю? Теперь я другая. Я выгляжу совсем иначе. До тех пор, пока я продолжаю быть другим человеком, я могу это делать — продолжать шараду.

Она недоверчиво поджимает губы. И я чувствую, что начинаю волноваться все больше и больше.

— Ты думаешь, что я не смогу это сделать, да? — я резко вскакиваю, чувствуя, как поднимается мой гнев. — Новость, Мэдисон, ты, блядь, мертва, ясно? Я твой единственный шанс найти правду и добиться справедливости. Ты понимаешь это, правда?

Боль мелькает на лице моей сестры; это первый раз, когда она выглядит по-настоящему огорченной моими словами.

— Я знаю это, Кензи, а ты? Ты меняешься. Я вижу это. Ты потеряешь себя из-за этой миссии. И все ради чего? — печально спрашивает она.

Я закрываю глаза, массируя виски.

— Я делаю это ради тебя, — шепчу я, в моем голосе слышится усталость.

Мэдисон улыбается и качает головой.

— Нет, это не так. Но я позволю тебе разобраться в этом самой.

Звонок сотового отвлекает мое внимание от сестры в спальне. Он становится все громче. Пока не начинает звучать, как сигнал тревоги, почти. Я закрываю уши руками и падаю на колени, раскачиваясь взад-вперед. Мои уши словно кровоточат от пронзительного звука.

Я оглядываюсь на Мэдисон, чтобы посмотреть, слышит ли она тоже, но она уже ушла. Мои глаза расширяются, и я неуверенно вскакиваю на ноги.

— Мэдс? — кричу я, перекрывая звон. — Мэдисон! — я бегу через весь номер, но звук визжащий. Я не могу ясно мыслить. Даже дышать не могу. — Мэдисон! — кричу я.

Мои глаза распахиваются, и я резко просыпаюсь, мое горло все еще саднит от крика. Требуется секунда, чтобы понять, что я в постели, и мой телефон звонит на подушке рядом со мной. Выпрямившись, я стряхиваю с себя странный сон, в котором фигурировала Мэдисон, и замечаю, что мой ноутбук все еще открыт со вчерашнего вечера.

Я поднимаю трубку, одновременно входя в систему. Морщусь от раскалывающейся головной боли, когда говорю привет человеку на линии.

— Ты не звонила мне! — кричит Кэт на другом конце провода.

Я вздрагиваю, в голове и ушах все еще звенит от сна.

Христос. Это было слишком реально.

Я смотрю на часы и стону.

— Кэт, ты хоть понимаешь, сколько сейчас времени? И почему ты вообще звонишь мне так рано?

— Ну, если бы ты звонила и отвечала на мои сообщения время от времени, ты бы знала, что у меня сегодня модный показ. Я в примерке сейчас и подумала о тебе. Поскольку ты меня игнорируешь, я решила позвонить. И прекрати это. Сейчас только семь тридцать.

Я съеживаюсь. Я собиралась ответить на ее сообщения и сказать, что я хорошо обустроилась, но между Базом и попытками оставаться в курсе моих планов, я забыла.

Я чувствую себя ужасно, особенно после того, как ее отец заселил меня в этот номер.

— Боже, Китти Кэт, прости. Я пыталась освоиться и потеряла счет времени. Эта писанина отняла у меня много сил, — ложь легко слетает с моих губ. — Между прочим, сейчас четыре утра, так что нет, не надо мне говорить «сейчас только семь тридцать».

— Кто-то сегодня капризничает, — цокает она. — Но я оставлю тебя наедине с твоей красотой. Напиши мне, как только проснешься. Я не шучу!

Повесив трубку, я смотрю в темный потолок. За окнами, за занавесками, темнота сменяется мягкой синевой, как ночь сменяется рассветом. Очень скоро начнет подниматься солнце, и яркие лучи, проникающие в номер, заставят меня встать.

Хотя это был всего лишь сон, я все еще чувствую себя странно, потому что это было так реально. Мне казалось, что я разговариваю с Мэдисон. И хотя я знаю, что мне, вероятно, следует не ложиться спать и писать больше, я закрываю глаза, легко проваливаясь обратно в сон. Надеюсь, что каким-то образом мне удастся снова провести немного времени с сестрой.

ГЛАВА 13

Маккензи

Прошлое

— Клянусь, ничего не случилось.

Я умоляю их, пытаюсь заставить поверить мне, но по выражению их лиц ясно вижу, что они не верят. Потому что с чего бы одному из самых горячих парней в школе интересоваться пухленькой дочкой? Почему бы ему не интересоваться Мэдисон, а не мной? Это абсурд.

Я читаю вопросы в их глазах. Черт, я тоже об этом думала. Сомневаюсь в себе с тех пор, как шериф Келлер сообщил эту новость сегодня рано утром.

Может, это просто какая-то дурацкая шутка?

Была ли ужасная смерть Мэдисон действительно от моих рук? Даже если я не была той, кто физически убил ее, была ли я все еще каким-то образом виновна во всем произошедшем?

Я сижу за кухонным столом с родителями. Мы провели здесь целый час, обсуждая детали вчерашнего дня, какими бы неприятными они ни были. Мама смотрит в свою чашку с чуть теплым чаем, а папа обхватывает голову руками, даже не глядя на меня. Ни один из них, кажется, не может смотреть на меня, и это больно.

— Повтори еще раз. Ты пришла на вечеринку с Винни, а потом что было? — снова спрашивает папа монотонным голосом.

Они не должны заниматься этим прямо сейчас. Мы не должны этим заниматься. Мы должны оплакивать потерю моей сестры, а не допрашивать меня, когда нам нужно исцеляться.

Я не могу понять, насколько эпически испорчена вся эта ситуация.

Я снова все пересказываю, и на этот раз отец отскакивает от стола. Ножки стула царапают кафельный пол, прежде чем он откидывается назад, ударяясь о стену. Мы с мамой подпрыгиваем, и он бросается прочь, хлопнув дверью своего кабинета наверху.

— Мама, я...

— Кензи, милая, я... — она сглатывает, слезы собираются в ее глазах. — Сейчас мы имеем дело со многими вещами. Я позвонила бабушке и дедушке. Может, если ты дашь нам время подготовиться, понять, мы сможем побольше поговорить и попытаться разобраться во всем этом, но прямо сейчас... — она задыхается, сжимая закрытые глазами, сдерживая слёзы. — Милая, сейчас все бессмысленно. Твоему отцу нужно пространство.

Мое сердце падает. Тошнотворное ощущение в животе скручивается, а желчь ползет вверх по горлу. Эта трещина в моем сердце? Она распространяется. Боль в груди? Она усиливается.

— Вы отсылаете меня?

Ее лицо разбивается, и слеза выскальзывает.

— Я не знаю, что еще делать.

Мои собственные слезы начинают проливаться. Пошатываясь, я встаю из-за стола и прищуриваюсь. Ярость кипит под поверхностью, кипит в моих венах.

— Ты могла бы попробовать стать матерью. Вы оба могли бы попробовать стать родителями, потому что это была моя сестра. Вы не единственные, кто скорбит и запутался.

С этими резкими словами я поворачиваюсь и бегу наверх.

Я собираю чемодан, не зная, как долго мне придется оставаться с бабушкой и дедушкой.

Все это время я чувствую, как мое сердце разбивается. Осколки рассыпались на пол, они теперь неузнаваемы, так что нет смысла собирать их обратно. Бесконечная пустота заполняет мою грудь. Она режет мое сердце болью и закупоривает легкие льдом.

Я продолжаю закрывать глаза, желая проснуться, и что все это закончится. Я хочу, чтобы все это было сном, больной шуткой, которую я могу оставить позади.

Я ругаю себя за то, что за эти годы мы с Мэдисон потеряли друг друга. Почему я позволяла ей чувствовать, что она лучше меня? Почему я не старалась больше? Мы были сестрами, и никакое плохое отношение не могло этого изменить. А теперь, теперь она ушла, не имея ни малейшего шанса вернуться.

Мэдисон всегда лучше справлялась с неприятными ситуациями. Она умела работать с толпой и могла убедить кого угодно в чем угодно. Она была харизматичный и всегда душой компании. А я, с другой стороны, нет. Это очевидно даже сейчас — ведь мне никто не верит.

Когда внизу раздается звонок в дверь, я не встаю со своего места на кровати; вместо этого я смотрю на стену, гадая, что будет дальше.

Что, если мне никто не поверит? Конечно, я не могу быть обвиненной в чем-то без доказательств.

Что я вообще говорю? Какого черта я беспокоюсь об этом после того, как мою сестру убили? Мне не нужно беспокоиться ни о чем из этого. Я должна оплакивать смерть сестры в мире, а не...

Легкий стук в дверь спальни вырывает меня из раздумий. Я медленно выпрямляюсь в сидячее положение как раз в тот момент, когда мой дедушка выглядывает из-за двери. В свои семьдесят два года мой дед по-прежнему красив, как всегда. Его обаятельная личность и забавные шутки именно то, в чем я сейчас нуждаюсь. При одном взгляде на него, одетого в свой обычный фланелевый пиджак, я чуть не плачу. Его фигура плывет передо мной, когда он проскальзывает в мою спальню и тихо закрывает за собой дверь.

— Дедушка, — выдыхаю я, окончательно проигрывая битву со своими эмоциями.

— Ш-ш-ш, Арахис.

Он опускается на край кровати рядом со мной, и я придвигаюсь ближе, желая почувствовать его силу и тепло его присутствия. Его запах поражает меня первым делом. Это смесь ментола для его артрита и геля для волос. Взяв мою руку в свою, дедушка сжимает ее, и я смотрю на его костлявые, обветренные руки, позволяя слезам проложиться горячие дорожки по щекам.

— Они мне не верят. Я не знаю, что происходит, но мне никто не верит.

— Им больно, Маккензи. Так же, как и тебе. Мы все по-разному переживаем боль.

Моя нижняя губа дико дрожит.

— Он накричал на меня за то, что я была в ее комнате. Я просто... Мне нужно было чувствовать себя рядом с ней, потому что... и-потому что я не могу поверить, что это правда. Я все еще надеюсь, что проснусь, и все будет кончено. Я все еще надеюсь, что открою глаза, и она будет там, в своей комнате.

Мой дедушка тяжело вздыхает, что заставляет меня посмотреть на него. Сначала я не поняла, но теперь вижу, что он плачет. Я могу только представить, как тяжело моей бабушке.

— Ну, твой отец всегда был идиотом, — ворчит он, ссылаясь на то, что никогда по-настоящему не одобрял моего отца для своей дочери. — Но это реально. Это трагедия, с которой нам всем придется иметь дело всю оставшуюся жизнь, Маккензи. Это никуда не денется.

Я смотрю вниз, и слезы каплют мне на джинсы.

— Я знаю, — шепчу я дрожащим голосом. — Я даже не успела с ней попрощаться.

— Мало кто успел, — он задумчиво замолкает. — Как насчет того, чтобы дать твоим маме и папе передохнуть, а ты пока побудешь со мной и бабушкой? Пока мы не разберемся во всем этом.

Я киваю, поднимаясь на ноги одновременно с ним. Я начинаю тянуться к чемодану, но останавливаюсь, сжимая ручку.

— Ты ведь веришь мне, Желе?

— Арахис, — говорит он, притягивая меня к себе. — Я всегда буду тебе верить. Всегда.

Я следую за дедушкой вниз по лестнице, мой багаж грохочет на каждой ступеньке. Шёпот. Я уже представляю, о чем моя мама говорит со своей мамой, моей бабушкой.

Не знаю, что нам теперь делать. В каком направлении должны двигаться. Все, что я знаю, это то, что я зла. Так зла на всех.

На родителей за то, что не поверили мне.

На Мэдисон за то, что пошла на скалу, когда должна была быть я.

На этих ублюдков за то, что забрали мою сестру, за то, что разрушили всю мою жизнь, и

за то, что украли еще одну жизнь слишком рано.

Вместо того чтобы попроситься с мамой и папой, я выкатываю чемоданы на улицу и жду у Субару. Может, время вдали друг от друга то, что нам нужно. Я знаю, что им нелегко смотреть на меня. Я даже не могу смотреть на себя в зеркало, не видя уменьшенную версию Мэдисон.

Мои бабушка и дедушка живут недалеко от нас, так что поездка к ним не займет много времени. На самом деле всего лишь пятнадцать минут езды. Когда мы выезжаем на главную улицу, ведущую к их дому, я оживляюсь, вытирая тихие слезы, текущие по моему лицу.

Не знаю, как это вылетело у меня из головы, но вылетело. Когда мы поворачиваем и едем по их улице, мое сердце колотится в груди. Мои глаза не отрываются от окна, высматривая двухэтажный дом. Он всего через дорогу и через четыре дома от моих бабушки и дедушки, но он там.

В отличие от остальных членов королевской семьи, Маркус Уайтхорн не живет в доме, напоминающем чертов особняк. Вместо этого он живет здесь, вместе с остальным нормальным населением Ферндейла. Его отец, мистер Уайтхорн, один из отцов-основателей, и судя по тому, что я слышала, он полный придурок. Он бросил мать Маркуса много лет назад ради своей помощницы, которая на двадцать лет моложе его. Наверное, во время развода Маркус решил остаться с матерью, а не с отцом в большом особняке на другой стороне холма.

Не то чтобы я его виню. Если бы моя мачеха была всего на несколько лет старше меня, я бы тоже хотела уйти.

Мои глаза сужаются, когда мы медленно проезжаем перед его двухэтажным домом, ища любые доказательства того, что там кто-то есть. Свет выключен, и ни одной машины на подъездной дорожке. Ярость бушует во мне, захлестывая напряженное тело, пока я прокручиваю события вчерашнего утра. То, как они так бессердечно оттолкнули меня, когда я потребовала правды. То, как они унижали меня.

Дом исчезает из моего поля зрения, когда мы подъезжаем к дому бабушки и дедушки, но я быстро выхожу и осматриваюсь. Мои губы сжимаются в мрачную линию, и я стискиваю зубы. Боль и гнев нарастают, кипя на поверхности. Единственное, что возвращает меня назад, это мягкий, грустный голос.

— Давай, детка. Давай зайдем внутрь.

Я следую за бабушкой, ни разу не выпуская из виду резиденцию Уайтхорна.

Мой желудок урчит, но каждый раз, когда я встаю, чтобы поесть, я теряю аппетит. Это неправильно. Я не заслуживаю приличной еды.

Почему я должна есть, когда моя сестра больше не может?

Остаток вечера я провела в основном в одиночестве. Бабушка с дедушкой пытались заставить меня поесть, но от одной только мысли о еде меня тошнило. Сейчас уже ночь. Луна светит в окно гостевой комнаты, отбрасывая темные, мрачные тени на стены и пол. Я лежу в постели и плачу, как мне кажется, весь день. Кажется, у меня больше не осталось слез, но потом я сама удивляюсь. Все, что действительно нужно, это одно воспоминание с Мэдисон, чтобы превратить меня в рыдающее месиво.

Тупо глядя в окно, я замечаю на другой стороне улицы что-то странное. Я быстро моргаю, разгоняя пелену тумана перед глазами, и порывисто вскакиваю на ноги, подбегая к подоконнику. Джип Маркуса заезжает на подъездную дорожку, и он выходит. Совершенно один.

Мои руки сжимают подоконник. Не знаю, что заставляет меня это делать, но прежде чем я успеваю подумать, я открываю один из своих чемоданов, достаю свитер, а затем надеваю пару кроссовок. Я не утруждаю себя тем, чтобы войти через парадную дверь. Дело не в том, что я тайком убегаю или прячусь от бабушки с дедушкой, но после всего произошедшего, я не хочу их беспокоить.

Я открываю замок в центре подоконника и поднимаю его. Без экрана в качестве барьера легко вылезти и прыгнуть на влажную траву. Воздух холодный. Он проникает сквозь ткань моего свитера в кости.

Я оказываюсь на улице без всякого плана. Даже не знаю, зачем иду туда. Мне просто нужно увидеться. Нужно, чтобы он извинился. Нужно, чтобы кто-то признался, чтобы моя сестра могла добиться справедливости.

Я топаю вверх по ступенькам, мои потрепанные кроссовки почти скользят от того, насколько изношена подошва. Я поднимаю кулак, собираясь постучать в парадную дверь, когда голос справа от меня заставляет меня обернуться, и с моих губ срывается испуганный визг. Вот он, Маркус Уайтхорн, с болтающимся на губах косяком. Он одет в ту же одежду, что и вчера утром, только теперь на нем толстовка, защищающая от холода.

— Какого хрена ты делаешь? — он рычит между затылками.

Мне требуется секунда, чтобы отдышаться и снова обрести гнев и браваду.

Я угрожающе поднимаю палец, сокращая расстояние между нами.

— Вы, ребята, солгали. Вы, блядь, солгали полиции, и я хочу знать, почему. Зачем вы это сделали?

Маркус выдыхает струйку дыма, качая головой.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Я говорю о своей сестре! — рявкаю я. — Я говорю о девушке, которую вы все убили в лесу на скале Поцелуев. Я говорю о лжи...

Мои слова резко обрываются, когда рука Маркуса обхватывает мое горло, фактически лишая меня дара речи. Мои глаза широко распахиваются, а рот раскрывается, когда я пытаюсь вдохнуть, но его хватка так крепка, так сильно сжимает, что это бьет меня по гортани, делая невозможным хоть раз вдохнуть.

— Заткни свой конченный рот, тупая сука. — Маркус прижимает меня к стене своего дома, приближаясь к лицу, косяк все еще свисает с его губ. — Я скажу это в последний раз, прежде чем ты действительно начнешь выводить меня из себя. Оставь нас в покое. Если я увижу твое лицо еще раз, черт возьми, этот раз станет последним. Я обещаю тебе. — страх змеится по моим венам, захватывая грудь. — Никто не знает, что случилось с твоей сестрой, поэтому я советую тебе держать свой ебанный рот на замке. Ты меня поняла?

Свет на крыльце, смешанный со светом луны, отбрасывает жуткие тени на его лицо, делая его больше похожим на дьявола, чем на подростка, который собирается в колледж. Не знаю, как я не заметила этого раньше.

От его тонко завуалированной угрозы у меня по спине пробегает холодок. Это только усиливает мои подозрения в отношении парней. Его хватка на моей шее сжимается, и я начинаю царапать его руки, пытаюсь ударить тело, чтобы он отпустил меня, чтобы я могла дышать. Секунду я смотрю ему в глаза, и мне кажется, что он не отпустит. Мне кажется, что он собирается сжать мое горло сильнее, но его хватка ослабевает, и он отталкивает меня от себя.

Я спотыкаюсь, ноги скользят по его подъездной дорожке, когда я прикладываю дрожащую руку к шее, пытаюсь убрать боль и болезненность.

Когда я оглядываюсь, он уже возвращается в дом, все еще держа в руке косяк.

ГЛАВА 14

Маккензи

Пот липнет к коже, когда я просыпаюсь. Сон был не столько кошмаром, сколько воспроизведенным воспоминанием о прошлом, от которого я, кажется, не могу убежать. Я бросаю взгляд на электронные часы на ночном столике, смотря на время. Сейчас уже за полночь, а это, вероятно, означает, что на курорте мало сотрудников.

Я бегаю по номеру туда-сюда, быстро умываюсь и чищу зубы, затем одеваюсь в

случайную одежду, которую нахожу валяющейся вокруг.

Засунув телефон и ключ от номера в задний карман, я опускаю кепку футбольной команды Янки на голову. Я подумала о том, чтобы захватить с собой очки, чтобы скрыть лицо, но, учитывая все обстоятельства, чувствую, что это слишком.

Я поднимаюсь по лестнице, а не на лифте, и, как я и подозревала, тут расположен путеводитель, своего рода карта, показывающая выходы и расположение курорта. Кончиком указательного пальца я прослеживаю самое важное. На нижнем этаже расположен вестибюль, тренажерный зал, ресторан, бархатный лаундж и бар, а также спа-салон, а левое крыло ведет только к одному из бассейнов на территории отеля — всего их шесть, и это даже не считая частной зоны База на этаже пентхауса. Курорт раскинулся на обширных трехстах акрах, которые, я думаю, стоят целое состояние.

Я довольно легко обнаруживаю, что почти все сотрудники на первом этаже, рядом с регистрацией, имеют возможность запрограммировать мою карту-ключ курорта, давая мне доступ к определенным местам и этажам курорта. Учитывая, что отец Кэт забронировал для меня номер, я представляю, что у меня есть бесплатный доступ в спа-салон и другие удобства — все за его счет.

Теперь все, что мне нужно сделать, это найти менеджера, уязвимого для моих авансов. Я не собираюсь его соблазнить. Мне не так уж тяжело выяснить, скрывает ли Баз что-нибудь здесь, но у меня есть другие методы.

К тому времени, как я заканчиваю спускаться по лестнице и возвращаюсь в вестибюль, свет приглушен, но бархатный лаундж и бар очень заполнен и оживлен. Я останавливаюсь у края колонны у входа в ресторан и оглядываюсь, пытаюсь найти кого-то, кто работает, и когда я нахожу, то ухмыляюсь.

Стянув с головы кепку, я провожу пальцами по волосам, расправляя и приглаживая пряди. Нацепляю на лицо фальшивую улыбку и тайком иду за одним из сотрудников, который пересекает лобби. Я слеую за ним, ожидая, пока мы не окажемся в пустом коридоре, чтобы привлечь его внимание.

— Прошу прощения, сэр.

При звуке моего голоса мужчина оборачивается, морщинка пролегает между его бровями, когда он смотрит на меня. Я сглатываю комок в горле, стараясь не слишком сильно улыбаться. Последнее, что я хочу сделать, это выглядеть, как псих.

— Доброй ночи, у меня короткий вопрос. В качестве подарка мой друг снял мне здесь номер, так что у меня не было много времени на исследования, но в целях безопасности, как часто, по-вашему мнению, охрана патрулирует этот район?

Он хмурится еще сильнее.

— Простите, что, мэм?

На долю секунды моя улыбка исчезает.

— Я имею в виду мой бывший муж... он, ну, скажем так, я нуждалась в отпуске, и я просто хочу почувствовать себя... в безопасности, пока здесь.

Он оглядывается через плечо, морщины на его лице медленно исчезают, пока он обдумывает мои слова.

— Ах, правильно. Ну да, курорт настолько безопасен, насколько это возможно. Существует несколько центров безопасности. Владелец имеет охрану, патрулирующую территорию в любое время суток. Вам не о чем беспокоиться. Есть ли конкретный человек или имя, которое вы хотели бы, чтобы мы искали?

Я замираю.

— Э-э, нет. Ну, по крайней мере, пока. Эти центры безопасности, они на каждом этаже?

— В значительной степени.

Я оглядываюсь через плечо и подхожу ближе к нему, облизывая внезапно пересохшие губы.

— Послушайте, я знаю, что это прозвучит безумно, и я понимаю, что вы можете попасть в большие неприятности из-за этого, но не могли бы вы отвести меня к одному из них? Просто чтобы я могла увидеть то, что видят они, и успокоиться? — спешу добавить я.

Хмурый взгляд возвращается на его лицо в полную силу.

— Я не могу. Я лишусь работы.

— Я знаю, и мне очень не хочется ставить вас в такое положение, — с тревогой шепчу я, делая еще один шаг. — Но я боюсь. Я так боюсь, что он меня найдет.

— Мэм, просто назовите нам имя, чтобы мы могли....

— Нет! — рявкаю я, и он дергается от моего тона. Мои глаза захлопываются, и я молча считаю до пяти, восстанавливая самообладание. — Пожалуйста, я сделаю все, что угодно. Я даже могу вам заплатить. Вот, — говорю.

Порывшись в заднем кармане, я вытаскиваю три стодолларовые купюры, с которыми не хочу расставаться так быстро. Я специально сказала себе, что буду использовать деньги только в случае крайней необходимости. Думаю, в каком-то смысле это можно было бы считать чрезвычайной ситуацией.

— Пожалуйста. Я не смогу сделать это без вашей помощи.

Он стонет, его живот вздрагивает от движения. Он шагает ко мне, его лицо становится свирепым. Он оглядывается через плечо.

— Вы не можете никому об этом рассказывать. Я открою вам доступ по вашей карточке-ключу, но вы не можете никому сказать, где вы получили его, если вас вдруг поймают. Понимаете?

— Да. Сто процентов. Можете на меня рассчитывать.

Чтобы убить время, я беру выпивку в баре в бархатном лаундже, оглядывая толпу в поисках кого-нибудь еще, от кого я могу получить информацию. На этом этапе полезно все, что угодно. Как часто их босс приходит сюда? Как часто он бывает на курорте? Его друзья, его когда-нибудь видели здесь с ними?

Что они скрывают?

Бархатный лаундж выглядит именно так, как звучит. Освещение приглушено, и все вокруг бархатное. Все такое гладкое и сексуальное. Это заставляет меня задуматься, почему Баз предпочел поужинать со мной в ресторане, а не здесь.

Мой телефон вибрирует на барной стойке. Когда я смотрю на экран и на нем вспыхивает неизвестный номер, я уже знаю, кто это. Я дала Брайану, пузатому служащему курорта, свой номер, чтобы он оповестил меня, когда моя карточка будет готова. Я допиваю свой напиток и соскальзываю с гладкого барного стула, направляясь на встречу с ним.

Я уже выхожу, когда глубокий смех заставляет меня остановиться. Этот тон... Я знаю этот тон. Дрожь пробегает по моей спине, и я сужаю глаза, поворачивая голову, чтобы найти источник. Когда я нахожу, я почти ныряю в сторону, пытаюсь спрятаться при виде База, пожилого мужчины и красивой девушки, выходящих из ресторана.

Какого черта они не спят так поздно?

Мое сердце колотится в груди, повышая кровяное давление. Я пытаюсь взять свое

прерывистое дыхание под контроль, в то время как звук пульса грохочет в ушах. Я смотрю, как они уходят через вестибюль к лифтам. Мой телефон снова вибрирует в руке, вероятно, Брайан интересуется, где я.

Без предупреждения Баз останавливается. Он не двигается, и я резко втягиваю воздух, в мои легкие больше не поступает воздух. Я уверена, что он обернется и увидит меня. Он, вероятно, чувствует мое присутствие, но вместо этого стоит в течение солидной минуты, пока снова не начинает двигаться. Как только они исчезают в направлении лифтов, я облегченно выдыхаю, и когда я уверена, что мои ноги снова в состоянии двигаться, я спешу к лестнице.

Незаметно оглянувшись через плечо, я вижу, как Брайан беспокойно расхаживает по лестнице, и с трудом сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза.

— Вы должны пообещать, что ничего не расскажете. Я не могу потерять эту работу, — умоляет он, крепче сжимая карточку и протягивая ее мне.

— Спасибо. Вы не имеете понятия, что это значит для меня, и клянусь, вы можете рассчитывать на меня.

Он кивает, выражение его лица все еще неуверенное.

— Охрана патрулирует через определенные промежутки. Поскольку это ночная смена, вокруг меньше персонала. Если вы пойдёте сейчас, у них будет перерыв. Другой охранник будет в центре безопасности в северном крыле. Это прямо напротив комнаты отдыха сотрудников.

Я прокручиваю информацию в голове снова и снова. Мне просто нужно войти и посмотреть, как часто они патрулируют этаж пентхауса. Пока я могу найти слепое пятно, я могу найти способ проскользнуть в кабинет База. Снова надвинув кепку низко на голову, я двигаюсь по курорту. Как только я достигаю центра безопасности, я смотрю в обе стороны, убеждаясь, что берег чист, затем спешу внутрь и запираю за собой дверь.

Когда я впервые проходила мимо этой комнаты, то подумала, что это комната связанная с проводкой или что это кладовка. Вот насколько она маленькая и ничего не подозревающая.

На каждом из многочисленных экранов открывается разный вид на курорт. Большая часть контролирует крылья курорта и этажи. Схватив одно из кожаных кресел на колесиках, я присаживаюсь на край, мой взгляд перебегает от монитора к монитору, пока я пытаюсь найти то, что ищу. Есть несколько кнопок и ручек, и я протягиваю руку, моя рука парит, когда я думаю, хорошая ли это идея.

— Да. Что еще ты собираешься делать?

Я слышу, как Мэдисон настаивает.

Я медленно поворачиваю ручку, и изображение на экране меняется, двигаясь от одного конца коридора к другому, от выхода к входу, от лифта к лифту. Я почти кричу от радости и размахиваю кулаками, когда продолжаю и, наконец, перехожу на этаж пентхауса. Сейчас никого нет. Никакого движения.

Что бросается мне в глаза больше всего, так это пятна. На пленке их полно. Это дает мне достаточно места для маневра, чтобы незаметно проскользнуть туда.

Дэна и охранников нигде нет, и это хорошо. Это хорошие новости. Если у меня и было время проникнуть в кабинет База, то только посреди ночи. Как сейчас.

Это рискованно, тем более что Баз находится на территории. Ему не потребуется много времени, чтобы добраться до меня, и именно поэтому мне нужно изучить его привычки. Изучить его расписание.

Когда он покидает курорт?

Как долго он обычно отсутствует?

Звук громкого, неистового смеха за дверью заставляет меня замереть.

Мое сердце застревает в горле, а желудок завязывается узлом. Звук медленно начинает затихать, и я резко выдыхаю. Я поворачиваю ручку, снова перемещая изображения на экране в разные секции, куда угодно, только не на пентхаус, прежде чем встать с кресла и приоткрыть дверь. Я слегка высовываю голову, высматривая кого-нибудь, кто может пройти мимо, но, к счастью, никого не вижу.

Быстро выскользнув, я поворачиваюсь, чтобы тихо закрыть дверь, ключ и телефон надежно спрятаны в кармане. Когда дверь захлопывается, я отпускаю ручку и медленно отступаю назад, глядя на маячащую дверь.

Я сделала это. Первый шаг.

Я действительно сделала это.

— Что ты делаешь?

Мое сердце резко останавливается от этого голоса. У меня перехватывает дыхание, и я закрываю глаза, в то время как мозг крутится со всеми возможными вопросами, которые он задаст, и ответами, которые я могу дать. Что я делаю? За дверью комнаты охраны и посреди ночи, не меньше?

Нет никакого логического объяснения. Я знаю это.

Я медленно поворачиваюсь и смотрю на База сквозь ресницы. Он не выглядит удивленным, при виде меня. На самом деле он также не выглядит рассерженным. Все то же самодовольное, пустое выражение на его лице. Я чувствую, как он оценивает меня и, скорее всего, сомневается в моих мотивах. Он слегка наклоняет голову набок, и я практически вижу, как крутятся колесики в его мозгу.

— Ох, привет.

Мой голос дрожит от волнения, и он это чувствует. Я вижу это по тому, как он сжимает челюсть. Если бы я моргнула секундой раньше, то пропустила бы это.

— Что ты делаешь?

На этот раз, когда он спрашивает, я слышу резкость в его тоне. Он в бешенстве. Если я скажу что-нибудь хоть отдаленно неверное, весь мой план пойдет прахом.

— Ох. — я оглядываюсь на дверь и заставляю себя рассмеяться. Я смущенно потираю затылок и бросаю взгляд на пол, смотря себе под ноги, куда угодно, лишь бы избежать его взгляда, когда ложь срывается с моих губ. — Забавная история, на самом деле. Иногда, когда я не могу заснуть и не могу писать, я брожу. Иногда бегаю трусцой. Я не очень хорошо знаю эту местность, поэтому решила, что прогулка по курорту поможет очистить разум. Если нет, то, по крайней мере, поможет уснуть.

Это сердитое выражение на его лице омрачает его черты. Баз делает шаг ко мне, и я инстинктивно отступаю. Мыдвигаемся до тех пор, пока моя спина мягко не ударяется о дверь комнаты охраны, и когда я смотрю через его плечо, я не могу не задаться вопросом, где, черт возьми, другой охранник на смене.

Я никогда по-настоящему не боялась Себастьяна. Может, я наивна, а может идиотка, но я не хочу верить, что он опасен или способен причинить вред моей сестре. Но прямо сейчас? Судя по исходящему от него гневу, я в это верю. Баз действительно безжалостен. Его надо бояться. И, скорее всего, не зря.

Баз наклоняется ко мне, фактически заключая в клетку своими руками по обе стороны

от моей головы. Я тяжело сглатываю, моя грудь дико вздымается, пытаюсь приспособиться к тяжелому дыханию.

— Значит, ты хочешь сказать, — выдыхает он, опуская взгляд встречаясь с моим, — Что не могла уснуть и вместо того, чтобы протянуть руку помощи ко мне, слепо бродила по моему курорту?

— Я... — мой рот открывается и закрывается, как у рыбы. Потому что нет никакого логического объяснения. — Я не хотела беспокоить тебя.

— А я когда-нибудь создавал впечатление, что ты меня беспокоишь?

Он отталкивается от стены и от меня, и я уверена, что это та часть, где он собирается сказать мне, чтобы я убиралась к черту с его собственности, но, к моему удивлению, он отступает, глядя на меня сверху вниз, прежде чем дернуть подбородком через плечо.

— Давай. Если, конечно, ты вдруг не готова вернуться в свой номер?

Он с вызовом поднимает бровь, и бабочки взлетают у меня в животе. Я принимаю его протянутую руку и следую за ним обратно в пентхаус.

Ну, это было легко. *Даже слишком.*

Номер в пентхаусе очень похож на тот, в котором я была в последний раз, только сейчас в воздухе витает странное напряжение. Я знаю, почему. Он знает, почему.

Он знает, что я солгала.

Он мне не доверяет.

И это справедливо. Я не давала ему повода для этого, не с моим дерьмовым, полузадачливым объяснением.

Он начинает наливать мне бокал вина, и я молча следую за ним на балкон с бассейном. Камин на краю участка горит, и, если бы сегодня все пошло по-другому, я бы сказала, что здесь уютно. Я бы, наверное, наслаждалась, находясь рядом с ним. Но сейчас я беспокоюсь. Беспокоюсь, что все испортила.

Я знала, что это слишком просто.

Откинувшись на спинку одного из шезлонгов, я беру предложенный бокал. Мой первый глоток здоровый, который осушает большую часть бокала. Я спокойно кручу ножку в пальцах, задумчиво покусывая нижнюю губу.

— Я солгала, — выпаливаю я.

— Я знаю.

Его ответ заставляет меня повернуться к нему с широко раскрытыми глазами. Он, кажется, не сердится. У него в руке стакан, наполненный янтарной жидкостью, и он смотрит на вид или, может, на огонь. Это может быть и то, и другое.

— Но не по тем причинам, о которых ты думаешь..

Его лицо напрягается, образуя глубокие морщины.

— Тогда просвети меня.

Я закрываю глаза, ненавидя себя за то, что собираюсь сделать, но на данный момент другого выхода нет.

Я делаю еще один глоток и откашливаюсь.

— Два года назад я познакомилась с одним парнем. Он изменил мою жизнь. Поначалу

все было идеально. Он был... забавным, обаятельным и чрезвычайно красивым. Он был не в моей лиге. Я знала это, и думаю там я ошиблась. Я попыталась удержать его. Попыталась стать той, кем он хотел меня видеть. Когда я впервые встретила его, я думала, что он идеально подходит мне, но ошибалась. Он погубил меня. Разрушил каждую частичку меня.

Я чувствую на себе его взгляд и знаю, что привлекла его внимание. С каждой ложью, срывающейся с моих губ, я чувствую все большее отвращение к себе. Таков был план. Лгать, ради получения желаемого. Лгать, ради получения нужной мне информации. Но почему сейчас, когда я лгу Базу, это кажется таким неправдоподобным?

Если бы это было то, что нужно, чтобы получить ответы, которые мне нужны, я бы сделала это — это был мой девиз раньше, но теперь? Теперь я совсем запуталась.

— В какой-то момент наши отношения изменились. Он перестал быть харизматичным, и стал злым. Он перестал быть очаровательным; вместо этого он стал суровым и холодным. Его взгляд не дрожал, но я медленно начала понимать, кто он на самом деле. Он был уродлив внутри. Жестоким. Он оскорблял меня на протяжении всех наших отношений, а я этого не видела.

Краем глаза я замечаю, как Баз крепче сжимает стакан, поднося его к губам. Какое-то время он молчит, и я тоже. Я еще не высказала того, что мне нужно, но мне нужно было что-то правдоподобное; предыстория, в которой мало кто будет сомневаться.

— Год назад у меня наконец-то хватило смелости уйти от него, но он не упростил это. Его угрозы не облегчили задачу. Я чувствую, как он смотрит на меня, даже когда знаю, что не должна. Иногда я думаю, что это моя паранойя, но иногда нет. Я вынудила одного из твоих сотрудников предоставить мне доступ в комнату охраны на нижнем этаже. Мне это было необходимо... Я хотела почувствовать себя в безопасности. Он заверил меня, что здесь я в безопасности, но мне хотелось получить подтверждение, и, увидев это, увидев, как хорошо охраняется курорт, я немного успокоилась.

Я останавливаюсь, не желая переусердствовать. Это единственное логическое объяснение, которое пришло мне в голову. А если он не поверит, значит, я в полном дерьме. Баз осушает свой стакан, и я делаю то же самое, когда тишина повисает густой и тяжелой в ночном воздухе. Наконец, я набираюсь храбрости, чтобы посмотреть ему в лицо, и когда смотрю, то даже не могу скрыть своего шока, обнаруживая, что он уже наблюдает за мной. Он с серьезностью смотрит мне в лицо. Пламя мерцает на его резких чертах, делая его еще более суровым, чем обычно.

— Он когда-нибудь бил тебя? — спрашивает Баз, его челюсть снова напряглась от гнева.

Как будто мысль о чьих-то руках на мне, не говоря уже о насильственной манере, заставляет его кипеть от ярости.

Я усмехаюсь в ночной воздух, глядя на камин. Как картинки на вертушке, все из прошлого захватывает меня. Как Маркус душил меня. Как они причиняют боль моей сестре, и мне кажется, что я задыхаюсь.

— Он чуть не убил меня, — хриплю я. — Ну да. — я со стуком ставлю бокал на стол между нами. — Он бил меня. Он знал все нужные места, чтобы было больно.

— Имя Скарлетт... это тоже из-за него?

Я киваю, застигнутая врасплох этой связью.

— Вроде того. Используя мое настоящее имя, ему будет легче найти меня, но я не лгала, говоря тебе, что хочу стать другой. Теперь ты знаешь почему.

Баз наблюдает за мной несколько секунд, и я позволяю ему. Я позволяю ему искать то, что он должен найти в моем выражении. Наконец он кивает.

— Хорошо.

Мои брови опускаются.

— Хорошо?

— Ага. Я не могу винить тебя за твое прошлое. Хотя могу обвинить своих сотрудников за то, что они так снисходительны.

Мои глаза расширяются, и я отчаянно сжимаю его предплечье.

— Нет! Ты не можешь этого сделать, пожалуйста. Он умолял меня не лишать его работы, а только пытался помочь. Он заставил меня вернуть ему карту. Так что, пожалуйста, не вини его. Он просто пытался помочь.

Я лгу.

Баз кивает и встает. Он ставит свой стакан рядом с моим бокалом и протягивает мне руку. Я медленно беру ее, кладу свою ладонь в его с вопросительным выражением на лице.

— Пойдём. Я хочу тебе кое-что показать.

В глубине его глаз я чувствую властность взгляда. Он держится с такой абсолютной уверенностью, что мне ничего не остается, как подчиниться. Мои глаза следят за широкими мускулами его шеи, которые исчезают под свитером, делая его слишком красивым для слов.

Мое сердце бешено колотится, когда он выводит нас из пентхауса и ведет по коридору к своему кабинету. Используя свою карту, он открывает дверь, и мои глаза расширяются, осматривая огромное пространство. Это Святой Грааль. Все, к чему мне нужен доступ. Я все это впитываю. Медленно. Тщательно.

Все мужское. Темное дерево. Чистое пространство. Гладкое и грозное, точно такое же, как человек передо мной.

Сбоку стоят шкафы, в которых, как я предполагаю, хранятся документы, которые он использует для работы. На столе стоит мужская лампа — если вообще такое когда-нибудь существовало, — несколько стопок бумаг и ноутбук. Я все еще на пороге, осматривая все вокруг, когда краем глаза вижу, как он устраивается в кресле, включая экран. Щелкают клавиши, и яркий свет монитора освещает его лицо.

Он поднимает глаза, ловя на себе мой взгляд, и одновременно пытается осознать все это. Его поведение требует уважения или, что более вероятно, моей капитуляции. Лёгким кивком он подзывает меня, и я сокращаю расстояние, не нуждаясь в словах. Он похлопывает себя по бедрам, и мой взгляд устремляется к нему, но я все равно опускаюсь к нему на колени. На экране маленькие квадратики, и мои глаза расширяются, когда я вижу все это. Очевидно, у него есть свой собственный доступ к системе безопасности, что имеет смысл, но не понимаю, почему он показывает мне.

Мои мысли путаются, когда я перебираю в голове все возможные варианты. Может, он мне что-то показывает.

— Если ты скажешь мне, кого мне искать, я позабочусь о том, чтобы его нога никогда не ступила на эту территорию.

Я дергаюсь на его коленях, мой взгляд перемещается на него. Шок окрашивает выражение моего лица.

— Ты сделаешь это?

Он откидывается на спинку кресла, наблюдая за мной.

— Любой, кто мог бы поднять на тебя руку, не должен даже ходить по улицам, но это

вопрос другого дня. Только скажи, и я буду держать его на расстоянии.

Несмотря на то, что все это неправда, я чувствую странное удовлетворение от того, что он делает это для меня. В животе у меня снова что-то трепещет. Что-то светлое вздымается в моей груди, как блеск. Только так можно описать данное ощущение. У меня такое чувство, будто в груди лопнула банка с блестками. Я получаю какое-то странное удовлетворение, просто зная, что он заботится.

Меня даже не волнует, каким больным психом это делает меня — что я буду купаться в его покровительстве мне, когда убегая от невидимого человека и невидимых отношений.

Осознание этого только заставляет меня ненавидеть себя за ложь. Что, если Баз невиновен? Это означало бы, что я лгу и врываюсь в его жизнь только для того, чтобы осудить его друзей и, возможно, уничтожить его и бизнес, ради которого он так много работал. Это сделало бы то, что мы разделяем, нереальным. Это испортит его. И хотя я отрицаю это, я чувствую что-то к Базу, и не только из-за его привлекательной внешности. Это действительно потому, что я чувствую связь с ним так, как никогда раньше. Между нами, статическое электричество, магнетическая сила, которую я не могу поколебать.

Если он когда-нибудь узнает правду — если он когда-нибудь узнает, кто я на самом деле, — все будет разрушено. Он возненавидит меня, и не без причины.

Страх змеится по моему телу, когда я смотрю на него, и это не страх за мою жизнь. Это страх за мое сердце и разум. Вместо того чтобы использовать слова, потому что в данный момент я действительно чувствую себя неспособной, я наклоняюсь и целую его. Прижимаясь губами к его губам, закрываю глаза и падаю в его прикосновение, упиваясь всем, кем является Баз Кинг.

Увлечённость Базом — смертельная форма саморазрушения, если она вообще когда-либо существовала. Я становлюсь пленницей своего сердца и эмоций. Это бессмысленно, не говоря уже об идиотизме.

Он способен разрушить меня. Погубить меня.

Но я этого не допущу. Не могу.

Потому что, если бы я это допустила? Я заплачу за это жизнью. В этом я уверена.

ГЛАВА 15

Баз

С мягкой соломенной шляпой, защищающей ее лицо от солнца, и огромными солнцезащитными очками, закрывающими глаза, я не смогу заметить ее так быстро, как сейчас. Мои глаза скользят по ее обнаженной плоти, теплые солнечные лучи бронзируют ее кожу, когда она загорает в шезлонге у одного из бассейнов здесь, на курорте.

До этого я сказал Маккензи, что у меня есть работа, что является правдой, но я рано закончил, и теперь у меня дела в другом месте. Сегодня вечером мне нужно вылететь в Сан-Франциско и встретиться с новой подрядной компанией для другой сети курортов Kings Resorts. Обычно я летаю на самолете один, но, как и в последние несколько дней, я обнаружил, что хочу находиться рядом с Маккензи больше, чем с любой другой девушкой, с которой я раньше проводил время.

Это не должно быть шоком. Она меня интригует. С того момента, как я встретил ее, я знал, что она другая, и с каждым мгновением, которое мы проводим вместе, это только доказывает, насколько глубоко она укоренилась в моем мире. Обычно я не зацикливаюсь на девушках и не беспокоюсь о них, но с Маккензи я делаю и то, и другое. Она загадка. Она прекрасный фарфор, который я хочу обнять и прижать к груди из страха что она рухнет на землю и может разбиться. Потому что, когда я заглядываю глубоко в ее глаза, практически прочесывая каждую щель ее души, я вижу тонкие трещины в ее броне.

Я ублюдок — не стану этого отрицать, — потому что очень большая часть меня хочет сломать внешность Маккензи и посмотреть, как она разваливается на кусочки, если только она позволит мне собрать ее обратно. Мои чувства к ней противоречивы. Я хочу защитить ее, но старая часть меня, Баз, который был рядом так долго, не понимает, что новый Баз

нуждается в защите. Он не понимает, почему увлечён одной девушкой, особенно когда у него под рукой сливки урожая. Но в том-то и дело. Я не хочу никакой другой. Я хочу эту. Я хочу владеть той, что с жесткой внешностью, той, которая играет в грубую игру, но на самом деле является кучей каши внутри, и той, у которой такие темные волосы и такие загадочные глаза, что остается только гадать, кто же на самом деле живет внутри прекрасной оболочки девушки.

Маккензи настолько погружена в свои мысли, что не замечает моего приближения, даже когда моя тень закрывает ей солнце. Мурашки бегут по ее обнаженной плоти от недостатка прямого тепла. Она приоткрывает глаза из-под очков, и, как бензин в огне, улыбка медленно расползается по ее лицу.

— Я могла бы к этому привыкнуть.

Смешок пузырится у меня в груди, срываясь с губ при этом замечании. Все еще загораживая солнце, я вижу, как ее глаза оценивают меня. Я одет в белую рубашку на пуговицах с закатанными рукавами, и ее взгляд задерживается на моих предплечьях, прежде чем перейти к брюкам и снова остановиться на бедрах. Когда она явно изучает меня, я делаю то же самое, рассматривая ее плоский живот и сочные изгибы. Она действительно произведение искусства.

— Ох, я тоже. — я ухмыляюсь, проводя горячим взглядом по ее обнаженному телу в красном бикини. — Какие у тебя планы на остаток уик-энда? Ты выглядишь ужасно занятой.

Она поджимает губы, сдерживая усмешку.

— Так занята, — протягивает она. — Так занята, как никогда раньше. — мой рот кривится. — Нооо, я могла бы сделать исключение. Что ты имел в виду?

— Мне нужно лететь в Сан-Франциско на встречу. Как бы ты отнеслась к тому, чтобы сопроводить меня?

Когда ее глаза округляются, я нахожу ее реакцию комичной.

— Ты можешь так быстро достать нам билет?

Должно быть, меня позабавило ее непонимание, потому что ее брови хмурятся. Подойдя ближе, я опускаюсь на корточки перед ней и провожу кончиком пальца по ее левой ключице, играя с тонкой лямкой ее лифчика.

— Не нужно, детка. Для этого и необходим мой самолет.

Она медленно поднимает очки на макушку, давая мне беспрепятственный обзор ее великолепных глаз. Ее горло быстро глотает.

— Когда мы улетаем?

— Предпочтительно через несколько часов, но только если твоему графику комфортно.

На этот раз она закатывает глаза, но даже при этом я все равно замечаю волнение в них. Ошибиться невозможно.

Поскольку время полета составляет всего час, перелет в Сан-Франциско будет быстрым и легким. Пакуя вещи, Маккензи выразила свой страх перед полетом, который я счел безумием. Девушка уже дважды летала из Нью-Йорка в Лос-Анджелес. Ее страх перед полетом, конечно, не может быть настолько сильным.

Я ошибался.

Она нервничает, заламывает руки на коленах при взлёте. Чтобы отвлечь ее от мыслей о полете, я занимаю ее.

— Ты когда-нибудь бывала в Сан-Франциско?

Она отрицательно качает головой.

— Вообще-то я не любительница туманной круглогодичной погоды. Я предпочитаю понемногу все времена года.

Мой рот кривится.

— Когда ты путешествуешь так же много, как я, ты учишься наслаждаться всеми временами года.

— Ты много путешествовал, когда был моложе, не так ли?

Мои брови опускаются, когда я смотрю на нее. Вопрос так легко слетел с ее языка.

— Да, — медленно отвечаю я, наблюдая за ней.

Ее губы приоткрываются, будто она только сейчас поняла, что сказала. Маккензи ерзает, чувствуя себя неуютно под тяжестью моего взгляда, ее страх перед полетом давно забыт. Я мог бы спросить ее, откуда она знает, что я много путешествовал, когда был моложе, но это не обязательно секрет. В детстве у моей семьи были деньги, и это общеизвестно. Также всем известно, что у моего отца был бизнес по всему миру, и он часто брал семью в поездки.

Она, должно быть, осознает свою оплошность, потому что вся краска начинает сходить с ее лица. Она показала всю свою руку, сама того не желая, сказав, что потратила на поиск информации обо мне больше времени, чем я думал. Я смотрю в иллюминатор самолета, замечая проплывающие мимо облака, и думаю, что это безопасно, чтобы избавить ее от страданий. Мы уже в воздухе.

— Каждое лето мы летали в Бразилию навестить мою бабушку. Кроме того, мы часто отдыхали всей семьей, так что путешествия для меня не новость.

— Ух ты, — она хмурится. — Не знала, что у тебя семья в Бразилии. Хотя, это объясняет твою идеально загорелую кожу.

Она проводит рукой по моему телу, и я не могу сдержать вырвавшийся смешок.

Она милая, имея в виду мою круглогодичную оливковую кожу, за которую большинство людей убило бы.

— Моя мама из Бразилии. Там живет вся ее семья, и в то время, когда была жива бабушка, мама хотела навещать ее как можно чаще. Прошло уже несколько лет с тех пор, как я вернулся, но место прекрасное.

Маккензи улыбается, глядя мне в глаза.

— Ты говоришь... по Испанский?

Я ухмыляюсь.

— Да, как и на четырех других языках. Но в Бразилии говорят по-Португальски.

Она закатывает глаза.

— Ладно, ладно. Ты говоришь по-Португальски?

— *Você é a mulher mais linda que eu já conheci.* (Ты самая красивая девушка, которую я когда-либо видел.)

Ее рот приоткрывается, и, не в силах сдержаться, я кладу палец ей под подбородок, подталкивая закрыть челюсть.

— Кажется, я только что испытала мини-оргазм. Я понятия не имею что ты сказал, но Иисус... это было горячо.

Смех, срывающийся с моих губ, искренен. Вполне возможно, что это первый настоящий смех за много лет. Тот смех, который вы чувствуете в животе, тянущий неиспользуемые мышцы лица. Это такой смех, от которого становится легче. Всякий раз, когда я оказываюсь рядом с Маккензи, я чувствую себя именно так. Что-то в ней успокаивает меня, хотя другая ее часть заставляет меня насторожиться, желая не спускать с нее глаз.

Потому что она дикая карта.

У нее есть потенциал разрушить все, ради чего я работал.

Это я знаю как свои пять пальцев.

Мелани, обычная стюардесса, с которой я летаю, стоит рядом с нашими сиденьями с улыбкой. Как обычно, она ставит мой бурбон на стол рядом и поворачивается к Маккензи.

— Желаете чего-нибудь, мисс?

— Э-э, нет, — говорит Маккензи, переводя взгляд на меня.

Мелани кивает, а затем направляется обратно в сторону своего места возле кабины пилота. Когда я смотрю на Маккензи, то вижу, как в ее глазах крутятся невысказанные вопросы. Ее мысли путаются, когда она смотрит на Мелани.

Это понятно. Большинство девушек, взглянув на Мелани, решили бы, что я с ней спал, но нет. У меня нет привычки спать со служащими. Знаете, не гадь там, где ешь, и все такое.

— Что насчет тебя? — спрашиваю я, отвлекая ее внимание от невысказанных вопросов о Мелани. — Ты путешествовала со своей семьей, когда была моложе?

Ее рот кривится, а глаза закрываются. Она пожимает плечами.

— Не совсем. У моей семьи не было таких денег, чтобы путешествовать. Мы ездили на семейные пикники, в походы и тому подобное, но никогда не выезжали за пределы штата, не говоря уже о том, чтобы вылетать за пределы страны.

Я киваю.

— Значит, Нью-Йорк всегда был для тебя родной базой?

— Ага, — она произносит. — Ну, вроде того. Я больше не живу рядом с родителями. Давным-давно оторвалась от них. — ее глаза быстро перескакивают на мои, потом снова опускаются. — Ну, из-за колледжа и всего такого. Вот почему я оставила все позади. — она продолжает.

— Нелегко было в восемнадцать лет бросить семью и дом ради колледжа.

Когда она отвечает, в ее глазах появляется отсутствующее выражение.

— С моей семьей было нелегко в течение очень долгого времени. Я ушла, потому что я в этом нуждалась. Я чувствовала, что это мой единственный выход.

— Ты убежала.

Она резко поворачивается ко мне лицом, в ее глазах вспыхивает огонь.

— Я не убегала. Я сделала свою жизнь лучше. Ту, в которой они не принимали участия.

Интересно.

— Бежать, не бежать, главное, чтобы ты была счастлива там, где ты сейчас.

После долгой паузы она пристально смотрит на меня. Маккензи ищет что-то в моих глазах, и когда находит это, она смотрит вниз на свои колени, прежде чем повернуться ко мне с мягкой, соблазнительной улыбкой.

— Довольна ли я тем, где я нахожусь в своей жизни? Не совсем, но сейчас, с тобой, я счастлива. Если честно, Баз, я не помню, когда в последний раз была так счастлива.

Тишина. Ошеломленная тишина.

Я поражен ее правдивостью. Не этого я ожидал услышать. Черт, я даже не ожидал

ответа. Вот в чем дело с Маккензи. Она, как хамелеон, постоянно меняется и приспосабливается. Как раз в тот момент, когда я думаю, что понял ее, она говорит или делает что-то совершенно неожиданное.

Она выбивает меня из колеи, и я ненавижу это.

Но существует большая часть меня, которая любит это.

Я прочищаю горло и качаю головой, приводя в порядок разбросанные мысли.

— Ты не против поужинать на пирсе?

— Не думала, что ты из тех, кто разгуливает по такому оживленному месту, как пирс. — она с вызовом выгибает бровь.

Я пожимаю плечами.

— Нет. И не планирую. Я владелец одного из ресторанов, расположенных вдоль пирса. Вид потрясающий, а вместе с ним, обещаю, улетучится и необходимость гулять по пирсу со всеми остальными.

Не сводя с меня глаз, Маккензи что-то бормочет себе под нос и качает головой.

— Где ты был всю мою жизнь, мистер Кинг?

— Я спрашиваю себя о том же, грязная девочка.

ГЛАВА 16

Маккензи

Я приподнимаюсь на локтях и кладу руки под подбородок. Я часто так делаю, когда нахожусь рядом с ним. В Базе есть что-то такое... очаровательное. Он из тех, кто рождается и воспитывается в лучших семьях. Он акула в бизнесе и в жизни, самая сильная во всем танке. Пока мы находились в Сан-Франциско, я воочию убедилась, насколько он разбирается в бизнесе. Он чувствует более слабого противника. Охотясь на них, он сжевывает их, а потом выплевывает, как мусор. *Это* то, как Баз Кинг, решал свои вопросы. Я не понимала этого до поездки в Сан-Франциско, как кто-то настолько молодой мог создать такую империю в его возрасте, но те несколько дней, когда я сидела в первом ряду? Я поняла. Слишком хорошо поняла.

Баз пугал и возбуждал меня одновременно. Он был наркотиком, к которому я с каждым днем становилась все более зависимой.

Мои локти впиваются в шелковистые мягкие простыни и такой же мягкий матрас. Мы уже некоторое время отдыхаем в постели База. После секса это кажется самым разумным. Не думаю, что кто-то из нас готов к разговору или прогулке в данный момент. Он сообщил, что ему нужно ответить на несколько электронных писем, а затем мы могли бы вернуться к тому, чем занимались ранее, но, честно говоря, мне очень нравится смотреть, как он работает.

Когда он в деловом режиме, это что-то делает со мной. Как будто я вижу его самые интимные моменты. Его брови сведены, и между ними эта постоянная складка, когда он возится с чем-то на своем Айпаде. Время от времени его пухлые губы двигаются, когда он бормочет что-то себе под нос, скорее всего, читая электронную почту и запоминая информацию.

После того, как он чуть не поймал меня на лжи за пределами своего центра безопасности, а затем несколько дней назад свозил в Сан-Франциско на своем частном самолете, мы с Базом стали ближе. Теперь я думаю, что заслужила его доверие. Хотя, это может быть просто принятие желаемого за действительное с моей стороны. У него нет причин считать свои мотивы пребывания здесь неэтичными. Никаких нарушений с моей стороны обнаружено не было. Кроме того, что я так и не назвала ему имя своего фальшивого бывшего.

Что еще мне оставалось делать? История, которую я рассказала, была неправдивой. Я не хотела рисковать, называя вымышленных имен, где в конце концов окажется, что какой-то бедняга Баз сделал что-то такое, чего никто из нас не сможет вернуть. Даже если я не думаю, что он способен быть опасным, это еще не значит, что он не опасен.

Откуда мне знать, что он не станет искать моего «бывшего»? А если он найдет подходящее имя, попытается ли он связаться с этим человеком? Причинить вред от моего имени? Я не хочу думать так высоко о себе или гудеть в свой собственный рог, но это возможно. И я не могу рисковать.

— Как часто ты путешествуешь? Что с сетью курортов Kings Resorts? Трудно ли разделять свое время здесь, в Лос-Анджелесе, и везде, где ты нужен?

— Гораздо больше, чем мне бы хотелось. Но я уже привык к этому. Раньше, когда сеть только расширялась, это отнимало у меня много сил.

— Больше нет?

— Сейчас тоже, но теперь я с нетерпением жду этого. Я хочу, чтобы курорты Kings Resorts пережили меня и я смог передать это моим детям. Чтобы убедиться в этом, мне нужно, чтобы все шло гладко. Это означает, что теперь придется выполнять всю тяжелую

работу.

— Вау. Так ты хочешь семью? Я не принимала тебя за такого типа.

Он усмехается.

— Я не хочу семью.

Ладноооо.

— Почему курорты? Как ты оказался... здесь? — я оглядываюсь вокруг в поисках акцента.

Он ухмыляется.

— Я занимаюсь другим бизнесом, а не только курортами.

— Ах, точно. Клуб. Что-нибудь еще, что я упускаю?

Баз пожимает плечами, все еще постукивая, работая.

— Ночные клубы, рестораны, курорты. Вот насколько моя власть распространяется. На данный момент.

Мои брови взлетаю вверх.

— Ты очень самоуверен.

Он бросает на меня ухмылку.

— Я знаю, в чем я хорош.

— Ох. — я смеюсь. — Я в этом не сомневаюсь. Какие у тебя родители? Твой отец какой-нибудь магнат?

— Можно и так сказать. Семья моей мамы происходила из богатых семей Бразилии. Мой дедушка Тобиас Кингстон женился на матери моей мамы, Джулии Тейшейре. Мой дед владел большим количеством земли здесь, в штатах, поэтому он делил свое время между своей новой семьей в Бразилии и своей работой здесь, в США. Это похоже на повторение истории с моей матерью и моим отцом. Они познакомились, когда он находился в Бразилии, занимался бизнесом, все еще пытаясь сделать себе имя. Моя мама мгновенно влюбилась, а остальное уже история. Думаю, мой отец всегда чувствовал, что он должен доказать семье моей мамы. Особенно моему деду Тобиасу. Он был миллионером, а мой отец просто каким-то бедолагой, пытавшимся показать всем, из чего он сделан. Ему пришлось потрудиться, чтобы добиться успеха. Иногда он слишком старался проявляя себя, а когда я был моложе, я этого не замечал. Я всегда считал его придурком за то, что он никогда не видел ничего хорошего из того, что я делал. Но теперь я понимаю, что он пытался заставить меня работать на него. Он мне ничего не передал. Я проработал в фирме много лет, пока до меня не дошло, что я не хочу идти по его стопам. Я хотел превзойти его. И я это сделал. Небо это предел.

— Ты близок с ними? Я имею в виду твоих родителей?

— Мы видимся на каникулах, но у каждого своя жизнь и свой бизнес. Они это понимают.

Я выпрямляюсь, более чем когда-либо заинтригованная этим человеком и его прошлым.

— Знаете, мистер Кинг, вы не менее интересны, чем они.

— Да, я слышал, — сухо замечает он.

Мы сидим в тишине еще некоторое время, пока он работает, и я продолжаю изучать его. Его загорелая кожа, подтянутая грудь и резкие угловатые черты лица. После того, как я много лет назад под ковром смахнула свою влюбленность в База, мои взгляды всегда были сосредоточены на Тренте, что я никогда не обращала особого внимания на остальных парней в компании.

Я хочу спросить его, что случилось с его прошлой девушкой Саммер. Они были вместе с

средней школой в течение многих лет. Что произошло тем прошлым летом в Ферндейле? Похоже, это и есть катализатор. Вот тогда все хорошее в городке пошло прахом. То лето казалось началом конца.

— Каким ты был, когда был моложе? — мой голос пререзает тишину.

Он отрывает взгляд от экрана и смотрит на меня. Замолкает на секунду, его брови хмурятся, когда он думает о своем прошлом.

— Я был идиотом. Как и большинство подростков.

— Толпы подружек, я полагаю?

Он усмехается

— Можно и так сказать.

— Хм... — я приподнимаюсь на локтях и нервно облизываю губы, готовясь задать этот следующий вопрос. — Ты всегда этим занимался... э-эм, делился девушками со своими друзьями?

Если бы я не была так внимательна, то пропустила бы это. Черты его лица напряглись, а тело застыло от напряжения. Похоже, мои расспросы задели за живое.

Я не затронула тему клуба и того, что там произошло. Для любого было бы очевидно, что он и его друзья делят девушек. Зачем еще приглашать столько девушек и обсуждать правила так открыто? У меня никогда не хватало смелости спросить об этом. До этого момента.

— Ты уверена, что твоя журналистская статья не обо мне? — насмехается он, поднимая бровь.

Краска отходит от моего лица, и я кашляю, задыхаясь от своей лжи, пытаюсь стряхнуть ее.

— Конечно, нет. Мне просто любопытно. Я хочу узнать тебя поближе.

Похоже, мой ответ его успокоил или, по крайней мере, отвлек от работы.

— Мы не всегда делимся девушками. Такое было, когда мы были подростками.

Я поджимаю губы. *Верно подмечено.*

— А теперь? — спрашиваю я.

Он бросает Айпад на кровать и смотрит на меня. Очевидно, мои вопросы либо раздражают его, либо становятся слишком назойливыми.

— Ты хочешь, чтобы я поделился тобой с моими друзьями?

Он больше не выглядит довольным моим любопытством.

— Боже, нет! — выпаливаю я.

Я осознаю упущенную возможность, как только реагирую. Поделиться ими означало бы сблизиться с остальными парнями, но... от одной мысли об их руках на моем теле мурашки бегут по коже. Я должна чувствовать то же самое по отношению к Базу, но не чувствую. Он не такой, как остальные, и мне нужно это доказать. Если не себе, то, по крайней мере сестре.

Когда я вспоминаю все плохое, что пришло из нашего городка, я не могу вспомнить, чтобы Себастьян являлся частью этих воспоминаний. Он был там у костра, но в ту ночь, предположительно, отправился домой, потому что на следующий день улетел на ежегодный семейный отдых в Бразилию. Я хочу дать ему презумпцию невиновности. Я имею в виду, может, его не было там, когда Мэдисон умерла. Может, ребята держали это в секрете от него все эти годы, и он понятия не имеет, кто они на самом деле. Но тихий голос в моей голове, который звучит так похоже на Мэдисон, продолжает шептать, что это неправда.

Он, кажется, удивлен моей вспышкой. Сколько девушек заползает в его постель, желая разделить его и его друзей? Мои глаза расширяются, когда мне вдруг приходит в голову одна мысль.

— Ты... ты хочешь поделиться мной?

Странное ощущение проносится в моем животе, тугое и сковывающее, заставляя меня неловко извиваться. По правде говоря, я не хочу, чтобы мной делились. Это эгоистично с моей стороны, учитывая, что я чертова лгунья, но я хочу, чтобы он хотел меня. Только меня. Я не хочу, чтобы он видел, как меня передают его друзьям. Потому что это означало бы, что я такая же, как все. В кои-то веки я хотела бы быть той Маккензи, которую кто-то хочет оставить себе.

Он смотрит на меня, не говоря ни слова. Глубоко вздохнув, он убирает свой Айпад и документы, затем пододвигается ближе ко мне. Он берет одну из непослушных прядей моих волос, выпавших из хвоста, и теребит ее пальцами. На фоне его загорелой кожи мои волосы кажутся светлее, чем обычно.

— Мысль о том, чтобы делить тебя с ними, с кем угодно, приводит меня в бешенство. Ты первая девушка, с которой я не хочу делиться. Обычно мне все равно, но ты... ты не похожа ни на одну из девушек, которых я когда-либо встречал. И я хочу, чтобы так оно и оставалось. Так что нет, никакого обмена не будет.

На моем лице появляется улыбка. Я могла бы сказать, что это все ради шоу, что я просто веду себя так, будто его слова меня радуют, но в глубине души я знаю, что это действительно так. Я улыбаюсь, как сумасшедшая. Улыбка настоящая, и от этого у меня болят мышцы щек.

Я сокращаю расстояние между нами и забираюсь к нему на колени. Его теплые руки обвиваются вокруг моей талии, притягивая к себе. Обводя языком контур его пухлых губ, я целую его, теряясь в его вкусе. Его язык требует погружения, и наши губы скользят друг над другом в тандеме, головы извиваются так и этак, в попытке найти ритм, который будет работать для нас обоих. Моя рука обвивается вокруг его шеи, и я прижимаю его тело к своему, падая на кровать. Он кладет руки по обе стороны от моей головы, заключая в клетку.

— Два месяца это слишком мало времени, чтобы я делал с тобой то, что хочу, — выдыхает он мне в шею, прокладывая дорожку поцелуев по моей обжигающе горячей коже. — Останься со мной.

Мои глаза распахиваются.

— Где именно остаться?

Я тяжело дышу, моя грудь дико вздымается, когда он тянет кружевную чашечку моего лифчика вниз, обнажая грудь. Он берет мой сосок в рот, водя языком вокруг затвердевшего комочка слегка покусывая.

— Здесь.

Он дует на мой сосок, заставляя мою спину выгнуться над кроватью. Затем переходит к другой груди, его умелые пальцы щиплют сосок. У моего сердца есть собственное мучительное биение, просто умоляющее быть наполненной. Кружевной материал пропитался. Я чувствую жар, практически ощущаю свой запах отсюда. Баз медленно целует мой живот, его язык кружится в пупке.

— В пентхаусе. Тебе не придется беспокоиться о расходах на собственный номер. В любом случае большую часть времени ты будешь проводить здесь.

Его язык скользит вниз, и он оставляет открытые поцелуи на моей лобковой кости, которые заставляют меня оторваться с кровати. Я прикусываю нижнюю губу, пытаюсь

подавить стоны.

— Ты... ты ужасно уверен в себе, — задыхаюсь я.

— Ты можешь остаться здесь, и персонал будет в твоём полном распоряжении. На следующей неделе я уеду по делам на несколько дней, но, по крайней мере, здесь у тебя есть доступ к вещам, недоступным другим гостям.

Когда Баз оттягивает мое нижнее белье в сторону, обнажая мой промокший центр, мои мышцы сокращаются, умоляя ощутить его прикосновение. Он не разочаровывает. Ленивым, едва заметным движением языка он облизывает меня вверх и вниз, кружась вокруг клитора. Смущающе громкий стон вырывается из моей груди, и на секунду я забываю вопрос, который он задал.

— Я н-не знаю... Я не хочу быть... — я задыхаюсь, когда он погружает свой язык в меня. Его большой палец проводит твердые круги по моему клитору, и я чувствую волнение в животе. Жар нарастает, напряжение спадает. — Бременем... — мой голос прерывается стоном.

Баз ухмыляется у меня под кожей.

— Просто скажи «да», грязная девочка. Ты же знаешь, что хочешь.

Я улыбаюсь, глядя в потолок. Боже, я не понимаю, что происходит. Не знаю, что он со мной делает. Я даже не могу заставить свой мозг работать достаточно хорошо, чтобы взвесить все «за» и «против» этого решения.

Когда Баз втягивает мой клитор в рот, скользит двумя пальцами внутрь меня и медленно входит и выходит, я ловлю себя на том, что говорю:

— Да. Боже, да, Баз. Я останусь.

Как будто ответ радует его, он начинает сосать сильнее, его пальцы начинают двигаться быстрее, сгибая их. Подушечки трутся об место внутри меня, от которого буквально перехватывает дыхание. Я хлопаю руками по бокам, мои пальцы сжимают простыни.

— Ты готов разделить половину этого пространства с девушкой?

Я тяжело дышу, мои бедра двигаются в тандеме с его пальцами, пытаюсь найти идеальное количество трения.

— Я делал это уже много раз.

Словно меня окатили холодной водой, улыбка исчезает с моего лица, и я резко поднимаюсь, смотря на него сквозь прищуренный взгляд. Я знаю, что у него были девушки до меня, но слышать об этом неприятно. Я не могу быть для него просто еще одной девушкой. Не хочу быть для него просто еще одной. Это сделало бы меня заменимой, как и всех остальных, с кем он встречается.

Выражение моего лица заставляет База усмехнуться. Он ползёт вверх по моему телу, его пальцы все еще внутри меня, просто больше не двигаются.

— Я шучу, Маккензи, — говорит он, становясь серьезным, видя выражение моего лица.

Напряжение в груди медленно начинает спадать, но полностью не уходит. Потому что в его словах есть доля правды. У девушки с начала недели, его ассистентки, был свой ключ. Что было с ней? Я отказываюсь становиться его игрушкой на стороне. Если это сработает, то это должна быть я, и только я. Я знаю, он сказал, что ничего не происходит, но мне нужно услышать, как он это скажет. Мне нужны его слова, прежде чем я соглашусь на что-либо.

— Ты такой кретин, — я насмешливо смотрю на него и толкаю локтем в плечо. — Я останусь, но у меня есть некоторые условия.

Появляется его фирменная ухмылка. Как бензин в огне, она медленно начинает

растекаться по его лицу.

— Условия?

— Если я останусь. Если *мы* будем вместе, ты не сможешь спать ни с кем другим. Не знаю, как ты, но заключить контракт — я не говорю, что у тебя кто-то есть, и ничего не говорю о девушках, с которыми ты спишь, — не вариант. Я отказываюсь делить тебя, пока я здесь. Поэтому, — я делаю паузу, прикусывая внутреннюю сторону щеки и обдумывая, как лучше сформулировать свое следующее утверждение, — Если есть кто-то с ключом, у кого есть доступ, пока я здесь, я хочу, чтобы это изменилось.

Баз медленно склоняет голову набок.

— Что-нибудь еще?

Он шевелит пальцами внутри меня, и я вздрагиваю, удивленный стон срывается с моих губ.

— Нет. Не думаю, — говорю я с придыханием.

— Договорились. А теперь раздвинь их пошире.

Моя собственная ухмылка крадется по моему лицу.

— Почему я должна?

Он снова начинает двигать пальцами и опускает голову мне к уху, шепча:

— Потому что я хочу, чтобы ты кончила мне на язык и пальцы, грязная девочка. Все, что ты сказала, было уже данностью. Считай, что дело сделано.

Мои глаза медленно открываются, и когда я смотрю на него, он ухмыляется, зная, что выиграл. Потому что заставил меня признать, что я не хочу делиться, что маленькая часть меня испытывает ревность.

— Ты придурок, — стону я, когда его голова наклоняется, захватывая сосок в рот, его пальцы все еще мучают меня.

Он нависает надо мной, двигаясь, завладевая моим ртом своим и компенсируя это всеми способами, которые считаются.

На следующее утро я просыпаюсь с простой запиской от База, написанной черными чернилами и мужским почерком. Сегодня утром у него кое-какие дела, связанные с работой, поэтому он попросил Дэна, своего верного сотрудника, телохранителя, кем бы он ни был, принести мне завтрак. Самое лучшее? Все тёплое.

Чертово божество.

С набитым животом я использую это время в одиночестве в его пространстве, вынюхивая информацию. Я очень осторожна, прежде чем начать бродить вокруг. У него здесь могут быть камеры. А если они есть, то наверняка следят за каждым моим движением, чтобы понять, что я делаю. Я еще не настолько наивна, думая, что он мне полностью доверяет.

Не знаю, как долго он будет отсутствовать, но, если я смогу найти здесь что-нибудь, что может привести меня в правильном направлении, я буду знать, что это правильно. Это признание, в котором я нуждаюсь. Потому что прямо сейчас? Я сомневаюсь в себе гораздо больше, чем следовало бы, и это его вина.

Пентхаус База гораздо больше, чем я ожидала, и, если возможно, намного лучше моего.

Я думаю, это потому, что мы находимся на этаже пентхауса, и он практически живет здесь изо дня в день. В отличие от моего номера, здесь имеются личные штрихи, хотя этот курорт не имеет ничего общего с его домом. Клянусь, этот особняк на холмах — мечта. Такое можно увидеть в *Architectural Digest* или еще где-нибудь.

Несмотря на это, пентхаус по-прежнему прекрасен. Оба жилых помещения намного лучше, чем дешевая студия площадью в двести квадратных футов в Нью-Йорке, откуда я. Ваннные комнаты буквально размером со всю мою студию.

В поисках информации я начинаю с гостиной, где стоит телевизор и журнальный столик. Место чистое по самым лучшим стандартам. Никаких бумаг, лежащих вокруг, нет ни малейшего намека на пыль.

Цветовая гамма соответствует моему номеру с небольшими изменениями.

Я покидаю кухню и гостиную и иду в заднюю часть пентхауса к спальне. Роюсь в своей сброшенной одежде с прошлой ночи и нахожу то, что ищу. Я держала карточку, которую мне «одолжил» сотрудник Брайан на случай, если мне понадобится снова использовать ее. Вернувшись в спальню, я хватаю новую карточку-брелок, которую Баз оставил мне сегодня утром. Сглатываю, внезапно почувствовав нервозность, и смотрю на часы. Это может быть мой единственный шанс.

Я быстро одеваюсь, прячу обе карты в карман и спешу в холл, останавливаясь прямо перед дверью его кабинета. Сначала я пробую брелок, который дал мне Брайан, и дверь пищит красным. Вход запрещен. Убрав ее в карман, я использую ту, что дал мне Баз, удивляясь, что могу войти с этой карточкой. Я осторожно проскальзываю внутрь, оглядываясь через плечо, чтобы убедиться, что за мной не следят. С колотящимся сердцем и вздымающейся грудью, страх и адреналин текут по моим венам, когда я стою прямо за порогом.

Внутри, как и в прошлый раз стоит длинный, внушительный стол красного дерева, ноутбук, два Айпада и ручка, которая, вероятно, стоит больше, чем моя одежда. Никаких бумаг. Ничего. Я проверяю ящики его стола и обнаруживаю, что все они, кроме одного, заперты. Открыв тот, что не заперт, я перебираю содержимое. Моя рука застывает над фотографией.

Огонь прожигает след в центре моей груди. Ноздри раздуваются, когда я поднимаю фотографию, спрятанную под документами. Моя грудь вздымается, зрение затуманивается, и я не могу видеть прямо.

Какого черта он засунул эту фотографию в ящик стола, чтобы никто не видел?

Я рассматриваю фотографию сверху донизу. Мне не нужно переворачивать ее, чтобы прочитать дату или попытаться угадать, потому что я точно знаю, когда была сделана эта фотография. В 2010 году. В ту же ночь была убита Мэдисон. Я знаю это, потому что запомнила наряд Трента. Почему? Он был моим первым поцелуем и первым разбитым сердцем. Я помню каждую деталь. Даже те детали, которые я хотела бы забыть.

Сквозь деревья я напрягаюсь, прислушиваясь к разговору, но их голоса затихают. Ребята кричали друг на друга. Они, наверное, напуганы. Возможно, они не собирались ее убивать. Возможно, это был несчастный случай, но это все еще не дает им права уйти от этого с безупречной репутацией.

Я последовала за ребятами сюда. Стоя у окна для гостей в доме моих бабушки и дедушки, я смотрела в небо, думая о Мэдисон, когда яркие огни осветили улицу. Я смотрела, как джип остановился перед домом Маркуса. В замедленной съемке наблюдала, как

открываются двери и все парни выпрыгивают наружу. Словно по сигналу, Маркус появляется из тени сбоку от своего дома, и там они стоят, прижавшись друг к другу.

Судорожными движениями я распахнула окно, пытаясь услышать их, но голоса были всего лишь шепотом эха. Это глупо и рискованно, я знала это, но это не остановило меня. Схватив толстовку, висевшую на краю кровати, я надела ее и вылезла в окно.

Бабушка и дедушка легли спать несколькими часами раньше, а я не могла заснуть. Мой мозг жужжал, безостановочно работая с теориями. Сон последнее, о чем я думала. Мне нужно внимательно следить за ними, особенно за Маркусом, поскольку он был самым близким подозреваемым, к которому у меня был доступ.

На самом деле, с тех пор как шериф дал понять, что у полиции нет никаких дел против кого-либо из парней, я следила за ними. Постоянно держа их в поле зрения — иногда, когда они все вместе, а иногда, когда они сами по себе — на случай, если кто-то из них оступится. И сегодня я наконец-то кое-что заполучила. Это немного, но достаточно, чтобы вызвать вопросы у шерифа Келлера.

Я сгибаюсь, стараясь спрятаться за забором, и подкрадываюсь ближе. Ловкими, бесшумными движениями я отпираю калитку и оставляю ее открытой, так чтобы у меня был способ вернуться. Низко пригнувшись, я пристально смотрю на парней, напряженно прислушиваясь к их словам. Они спорят. Я слышу, как их горячие голоса становятся все выше и выше. Они не столько кричат, сколько спорят, стараясь молчать, дабы не привлечь внимания окружающих. Я не могу разобрать, кто это делает, но кого-то толкают, и он ударяется спиной о джип. Другой парень хватает его за футболку и бьет в лицо.

Когда я перехожу на соседскую лужайку, держась в тени, мне лучше видно, кто это. Трент держит Зака за воротник футболки, прижимая его к джипу. Мои брови сдвигаются, и на лице появляется хмурое выражение. Трент опрометчиво отталкивает Зака и бежит вниз по улице. Один за другим остальные ребята следуют за ним, оставляя джип позади.

Я остаюсь на корточках перед домом соседа, размышляя, следует ли мне последовать за ними. Это опасно. Они все опасны, но что бы они ни собирались делать, посреди ночи, без своей машины, это что-то большое. И мне нужно посмотреть, что.

Даже несмотря на то, что мой мозг кричит, чтобы я развернулась и вернулась домой, я следую за ними. Я остаюсь в полу сидячем положении, держась достаточно далеко позади, чтобы они не увидели и не услышали меня.

Они сворачивают на проселочную дорогу Ферндейла. Единственное место, куда можно пойти, используя этот переулочек, это лес. Когда мы проходим мимо кладбища, на мою грудь наваливается тяжесть. Слезы подступают к глазам, угрожая скатиться по щекам. Через несколько дней мне придется стоять здесь и смотреть, как гроб моей сестры опускают в холодную землю. Это одна из причин, почему я не могу заснуть. Не думаю, что я готова с ней попрощаться. У меня нет ответов, которые мне нужны для нее.

Дедушка рассказывал, что мама с папой решились на закрытый гроб. Он не сказал почему, но я догадывалась. Что бы ни произошло с ней в том лесу, ее лицо невозможно было восстановить. Моя решимость возвращается в полную силу, когда парни пересекают проселочную дорогу, через парк, выглядя чертовски подозрительными.

Где правоохранительные органы в такие моменты? Когда они действительно нужны? Наверное, спят дома, пока парни, которые убили мою сестру, ускользают в ночь и уезжают из этого городка в колледж, без всяких проблем.

Если никто другой не воспримет это всерьез и не раскроет дело, это сделаю я.

Часть меня чувствует, что я обязана Мэдисон в правде. В этом гробу должна была лежать я. Кажется, это самое меньшее, что я могу сделать. С другой стороны, мне кажется, что я обязана получить ответы на некоторые вопросы.

Почему я вообще оказалась на их радаре?

Я крадусь за ними сквозь деревья, стараясь держаться подальше от всего, что может привлечь их внимание. Я иду на звук голосов, пока они не останавливаются. Я задыхаюсь, мой бок болит от долгой ходьбы. Ночной воздух бодрит, оставляя постоянный холодок по спине. Из-за этого у меня течет из носа, и каждый раз, когда я делаю вдох, я вижу, как передо мной парит шлейф воздуха. Мое лицо словно замерзло, а ветер потрескался.

Я остаюсь в нескольких метрах от того места, где остановились ребята, не желая рисковать и приближаться. Я делаю паузу, пытаюсь услышать конец их разговора, выглядывая из-за одного из густых Секвойй.

— Просто успокойся, черт возьми, Трент!

— Нет! Блядь, Винсент, я же говорил тебе, что это случится. Мы...

— Заткнись на хрен! — кричит Зак, пугая меня. Ребята молчат. Он начинает расхаживать, проводя руками по волосам. — Мы ведь не сделали ничего плохого, верно? Нам нечего переживать по этому поводу, понимаете? Мы уезжаем в колледж меньше, чем через две ебанные недели. Самое меньшее, что вы все можете сделать, это держать себя в руках до тех пор.

— Она знает...

— Она ничего не знает. А теперь закрой свой дерьмовый рот. Придерживайся сценария, Маркус.

Мои глаза широко раскрыты, когда я пытаюсь разглядеть их сквозь деревья и редкие кусты. Мое сердце бешено колотится. Оно такое громкое, что я боюсь, что оно выдаст мое укрытие, и они найдут меня. Их голоса снова затихают, будто они двигаются, и я тоже, стараясь не отставать от них. Я следую за ними, что есть силы, но больше их не слышу. Я ничего не слышу, кроме рева крови в моих венах и звука тяжелого дыхания.

Мой пульс колотится, он бешеный и наполнен адреналином. Кровь стучит в ушах, когда я внутренне пытаюсь осмыслить этот разговор. У меня не так много времени, чтобы дать шерифу Келлеру повод предъявить обвинение одному из них. Мне нужен только один. И о ком они могли говорить? Обо мне? Это должна была быть я, верно?

Насколько мне известно, я единственная, кто следила за каждым их шагом. Другого объяснения нет. Я единственный человек в этом городке, который доставляет им неприятности. Я пыталась найти на них хоть какой-нибудь компромат, и теперь они должны знать.

Меня резко дергают в сторону и ударяют о дерево.

— Ай! — я вскрикиваю, боль разрывает мне затылок.

Чья-то рука закрывает мне рот, не давая закричать. Моя грудь вздымается, и когда фигура встает передо мной, прижимая меня к дереву, все краски уходят с моего лица.

— Теперь ты следишь за нами, Маккензи? — насмехается Зак, сверля меня взглядом.

Его ладонь все еще прикрывает мой рот, заставляя молчать. Я прижимаюсь к дереву, пытаюсь сбросить с себя его вес, но он только сильнее прижимается ко мне. Его тело вжимает меня в кору, и к горлу подступает желчь.

— Ты действительно такая глупая маленькая сука, не так ли? Я думал, мы сказали

тебе держаться подальше, — рывкает Маркус откуда-то из-за плеча Зака.

Я отчаянно оглядываюсь вокруг, мое зрение затуманивается, а на глаза наворачиваются слезы.

Зак убирает руку от моего рта, и я подумываю о том, чтобы закричать, но знаю, что шансы, что кто-нибудь меня услышит, ничтожны. И я знаю, что если закричу, то это будет последнее, что я сделаю.

— Я не...

Зак бьет ладонью по коре, всего в нескольких сантиметрах от моей головы. Я всхлипываю от страха, прячась от него.

— Не ври мне, мать твою, — кипит он, наклоня голову, заглядывая мне в лицо. Его глаза убийственны, практически прожигают кожу на моем лице. — Оставь нас в покое, Маккензи. Тебе не понравится то, что произойдет, если мы скажем тебе снова.

Его слюна попадает мне на лицо, и то, как он ждет, что я сделаю то, что он говорит, заставляет мой гнев закипеть. Мои руки сжимаются в кулаки, и я стискиваю зубы, когда разочарование проходит сквозь мое тело.

— Да пошел ты! — рычу я, бросая на него ядовитый взгляд.

Он смеётся, его глаза все еще темные озера зла, и он вжимается в меня своим пахом.

— Тебе бы это понравилось, не так ли, чертова шлюха? Это все, чего ты хочешь? Побывать со всеми нами? Я могу запустить поезд прямо сейчас, черт возьми, Маккензи. Что скажешь на это, не желаешь повеселиться?

Он проводит рукой между моих ног, и я пытаюсь оттолкнуть его, но свободной рукой он сжимает мою шею, перекрывая мне доступ к кислороду. Когда его пальцы надавливают на шов моих джинс, слезы наворачиваются на глаза.

— Кого ты хочешь трахнуть первым, Маккензи? — насмехается он, лишая меня воздуха еще сильнее. — Трента, не так ли? — он ухмыляется. — Да, я знаю, что его. Может, я позволю ему расколоть эту вишенку и трахну тебя прямо здесь. Что скажешь, милая и маленькая Маккензи?

Его рука скользит от передней части моего шва к заднице, и мои глаза расширяются от страха. Слезы беспомощно падают из моих глаз, когда я пытаюсь оттолкнуть его.

— Я мог бы трахнуть тебя прямо сейчас, оставить здесь, использованной и оскорбленной, и никто бы ничего не узнал.

Я слышу смех. Остальные ребята смеются надо мной. Он унижает меня перед всеми, делая посмешищем, как в ту ночь у костра.

Сдавленный всхлип слетает с моих губ.

— П-пожалуйста.

Зак смеется, будто мои мольбы доставляют ему удовольствие.

— Тебе действительно следует быть осторожнее. Слышал, что твою сестру убили недалеко отсюда, — шепчет он, приблизив свое лицо к моему.

Он отпускает мою шею, и я, кашляю, соскальзывая вниз по дереву. Моя грудь разрывается от беззвучных рыданий, а ноги зарываются в грязь. Я открываю рот, втягиваю воздух, пытаюсь отдышаться. Когда я это делаю, я перевариваю его слова, и моя грудь сжимается.

— Ты ведь знаешь, правда? — обвиняю я, глядя на него снизу вверх.

Я знаю, что играю с огнем, поднимая эту тему, но мне все равно. Я хочу, чтобы он заплатил.

Зак мрачно улыбается и опускается на корточки, самодовольно наклоняясь ко мне. Я отодвигаюсь, прижимаясь к дереву, желая, чтобы оно просто поглотило меня целиком. Его рука дергается, цепляясь за меня, и его хватка сжимается до боли.

— Громкие слова от тебя.

— Я знаю, что ты сделал это.

Его глаза сужаются.

— Ни хрена ты не знаешь. Продолжай трепаться своим гребаным ртом, и пожалеешь, что не умерла на той скале, поняла?

Он толкает мое тело обратно к коре, выбивая воздух из моих легких в процессе. Затем уходит, несется через лес вместе с остальными, даже не оглянувшись.

Фотография дрожит в моей руке, и я кладу ее на стол, пытаюсь стряхнуть воспоминания. Это стало для меня последней каплей. Я ненавидела отказываться от своей сестры, но знала, что, если я продолжу преследовать их, я в конечном итоге окажусь на том же пути, что и Мэдисон. И есть шанс, что на этом пути меня постигнет та же участь, что и ее. Смерть.

Но теперь... теперь все по-другому. Я не боюсь смерти. Я наброшусь на этих парней со всем, что у меня есть. Я их больше не боюсь.

Я запикиваю фотографию обратно в ящик и пытаюсь положить все на прежнее место, прежде чем уйти. Я направляюсь прямо в спальню, чтобы собрать свои вещи, потому что мне нужно вернуться в свой номер и подумать. Мне нужно записать эти мысли и попытаться соединить точки.

Смерть Мэдисона стала катализатором. Для меня это было началом конца, и больше я ни в чем не была уверена.

ГЛАВА 17

Маккензи

Мои пальцы летают по клавиатуре, и слова без засечек быстро следуют за ними, заполняя экран словами. Все больше и больше слов. Мой телефон внезапно вибрирует на столике, и, даже не глядя, я знаю, кто это. Я ничего не слышала о нем, кроме записки, которую он оставил утром.

Я списала это на то, что он занят. Это также дало мне достаточно времени, чтобы подумать и перегруппироваться. Сейчас, как никогда, мне нужно влиться в его жизнь. Это рискованное дело находиться рядом с остальными ребятами, но мне нужно выяснить, что они скрывают. Даже если это будет простой ужин со всеми ними или еще один вечер в клубе, где они все обязательно соберутся. Если Баз не сделает решительный шаг и не познакомит меня со своими друзьями, то это сделаю я.

Все необходимое.

Сохраняя документ, я сжимаю руки в кулаки, затем вытягиваю пальцы для столь необходимого перерыва. Я работаю уже три часа. Как только я все выключаю, я, наконец, тянусь к своему телефону.

Мое сердце резко останавливается, когда я читаю его сообщение.

Не может быть?

Этого не может быть.

Это не может быть так просто.

Баз: *Сегодня вечером я должен присутствовать на гала-концерте, и мне нужна спутница.*

Я быстро набираю ответ.

Маккензи: *Ни одна из твоих «подружек» не доступна в такой короткий срок?*

Баз: *Забавно.*

Маккензи: *Как бы весело это ни звучало, мне нечего надеть на такое мероприятие.*

Баз: *Об этом уже позаботились. Просто дай мне ДОВОЛЬНО.*

Нет никакой гарантии, что его друзья будут там, но я не хочу упускать возможность. Что может быть лучше, чем завоевать его доверие? Между нами, все складывается гораздо лучше, чем я ожидала, если он уже пригласил меня на какое-то мероприятие. После всего, что я прочитала о Базе, я не считала его человеком, способным двигаться так быстро. Я была уверена, что мне придется перепрыгнуть через другие обручи, но, видимо, нет, и я не могу сказать, что расстроена таким поворотом событий.

Без моего согласия бабочки взлетают в животе, ревя с мстительной силой. Я кладу дрожащую руку на живот и закрываю глаза.

— Мы можем это сделать. У нас есть это. Я докопаюсь до сути, Мэдисон. Обещаю.

Несмотря на то, что ее нет уже много лет, клянусь, я слышу ее подтверждение.

— *Шаг за шагом. Он ест с твоей ладони. Держи его рядом.*

Маккензи: *Хорошо.*

Все, что происходит потом, это вихрь. Баз звонит мне и говорит, что Дэн и еще несколько человек поднимутся в пентхаус. Он говорит, что я могу рассчитывать на стилиста, парикмахера и визажиста. Это так похоже на Базу: из кожи вон лезть, приводя сюда этих людей, чтобы подготовить меня, когда я просто могла бы воспользоваться спа-салонами курорта.

Закрыв все в своем номере, я поднимаю голову, и Дэн шагает в пентхаус со своим фирменным серьезным видом. Всегда профессионал, он отдает приказы, как, я думаю, сделал бы Баз, будь он здесь. Каждый человек готовит свое рабочее место довольно быстро. Мастера маникюра расположились в гостиной. Одна сразу же приступает к работе над моими ногтями, другая над ногами, а затем третья женщина откидывает спинку стула, чтобы добраться до моего лица, где она выщипывает мне брови.

— Ох, дорогая, ты только посмотри на эти корни.

Великолепная, похожая на эльфа женщина щелкает языком, играя с моими волосами.

Подсознательно я съеживаюсь, ругая себя за то, что не подкрашивала свои корни так часто, как следовало бы, пока я здесь.

Я знала, что изменить свою внешность будет непросто, но если бы я знала, что идти в ногу с шарадой будет так трудно, я бы послала к черту все это.

Когда Баз сказал, что он все решит, я понятия не имела, что он имел в виду. Я просто подумала, что меня будет ждать платье, и я надену его до того, как он придет. Похоже, этот гала-концерт гораздо более гламурный, чем я думала. Возможно, поэтому он ждал до последней минуты, чтобы попросить меня сопроводить его. Возможно, он знал, что если бы

у меня была хоть малейшая догадка, что произойдет все это, я бы вежливо отказалась.

После часа окрашивания и всего прочего, стилист, азиат с пирсингом в носу и эксцентричным характером, поворачивает вешалку с великолепными платьями. Я неловко стою с прической и макияжем, пока он оценивает меня. Его брови нахмурены, и он несколько раз обходит меня, издавая звуки при каждом обходе.

Я неловко переминаюсь с ноги на ногу и смотрю на себя. Все дело в изгибах. Очевидно, я не плоская, как модель. Вместо этого, я, скорее, Джей Ло или Ким Кардашьян. Моя задница всегда являлась проблемой. Но я научилась принимать их — изгибы — и не позволю его тихим звукам презрения сломить меня.

Наконец он останавливается передо мной, его взгляд задерживается на моих бедрах. Я затягиваю пояс халата вокруг талии, неловко переминаясь под его пристальным взглядом.

— Прекрасно! — он хлопает в ладоши и поворачивается.

Вешалки звенят по металлической перегородке, когда он отодвигает платья. Он делает паузу, оглядывая на меня, затем возобновляет поиски. Когда он находит то, что искал, то кричит.

— Я умираю от желания одеть кого-нибудь в это, и мама миа, позволь мне кое-что тебе сказать. Эти изгибы, с этим платьем? Полный нокаут.

Платье, которое он снимает с вешалки, очень красивое. Платье откровенное, с открытыми плечами, украшенное драгоценными камнями и коротким шлейфом. Я бросаю осторожный взгляд на стилиста, опасаясь, что материал платья может быть слишком прозрачным для торжественного приема, но он подталкивает меня.

— Это Ralph & Russo couture, дорогая. Если ты не наденешь это, надену я.

К моему большому удивлению, платье оказалось не таким прозрачным, как я думала. Просвечивающие швы идеально сочетаются с моим тоном кожи, создавая иллюзию, что под ними я полностью обнажена.

Поскольку верх полностью прозрачен, за исключением камней, стилист наклеивает на мои соски наклейки телесного цвета. Бриллианты и сетчатая подкладка тема всего платья, и в зеркале трудно отрицать, как невероятно оно на мне смотрится. Разрез на левой стороне моей ноги начинает сужаться, открываясь прямо под бедром и расширяется к правой стороне в шлейфе. Тонкая золотая лямка в верхней части плеча зауживается вниз, пересекает грудь и асимметрично спадает с другого плеча.

Стилист — Рен, как я узнаю, его зовут — использует губку и брызгает золотой блестящей жидкостью поверх неё, а затем втирает ее мне в верхнюю часть тела и ноги.

— Господи. Ты похожа на золотую богиню. Думаю, это моя лучшая работа все же.

Он ведет меня к зеркалу в пол, и мои глаза расширяются, когда я смотрю на свое отражение. На каблуках с золотыми ремешками я действительно похожа на золотую богиню.

— Это платье безупречное, — шепчу я, заставляя Рен засмеяться.

— Скажи мне. Единственная, кто надела точную копию, была Алессандра Амбросио на афтепати премии Оскар в 2018 году. Она продемонстрировала этот наряд так восхитительно, что не многие стилисты или женщины хотят надеть его из страха, что им не отдадут должное, но, дорогая, ты даешь этой девушке шанс заработать деньги.

Я закатываю глаза и борюсь с зудящей ухмылкой, которая расползается по моему лицу.

— Перестань льстить мне, Рен.

— Он не льстит.

При звуке глубокого мужского голоса мы с Реном резко поворачиваемся к двери, и у

меня перехватывает дыхание при виде База. Он прислонился к дверному косяку, наблюдая за мной взглядом, который пригвозждает меня к месту. Его глаза буквально горят, оставляя обжигающий след на моей фигуре, когда он смотрит на платье.

Он очарователен и великолепен.

Если я думала, что этот человек только хорошо выглядит в этих костюмах-тройках, я ошибалась, потому что Баз Кинг в смокинге, как вода после нескольких дней, проведенных в пустыне. Своим голубым оловянным взглядом он крадет воздух прямо из моих легких. Смокинг сидит на нем лучше, чем одежда на человеке. То, как он цепляется за его твердое, грозное тело, он воплощение утонченности и небрежности с руками в карманах.

Он выглядит учтивым, но как ни странно более суровым, чем в костюмах. Его обычно сексуально растрепанные локоны зачесаны назад. Темная непослушная прядь свисает ему на лоб, и трахните меня, но я хочу перепрыгнуть через его кости.

Он-секс на ногах.

— Вы свободны, мистер Бонжок.

Баз отпускает Рена, его взгляд все еще обжигает меня. Кроме едва заметного дерганья в челюсти, он никак не отреагировал на то, как я выгляжу. Рен похлопывает меня по заднице, в последний раз оглядывая с ног до головы.

— Пожалуйста, проследи, чтобы этот мужчина съел тебя в этом платье.

Когда он уходит, воздух густеет от напряжения. Моя грудь мгновенно становится тяжелой в платье, и я благодарю свою счастливую звезду за обнаженные наклейки и камни, пришитые к сетке, скрывающей мои возбужденные соски.

Медленно и хищно Баз отталкивается от двери и шагает ко мне. Он останавливается в нескольких сантиметрах от меня, его взгляд медленно изучает мое тело.

— Тебе нравится...?

Мои слова обрываются, язык прилипает к небу, когда Баз входит в мое пространство. Он ловко приподнимает завитую прядь моих волос и нежно заправляет ее за ухо, позволяя пальцу коснуться раковины, полностью лишая меня дыхания. Шершавая подушечка его пальца скользит вниз по моей шее, прежде чем нежно провести по ключице. Слышимый вздох срывается с моих губ, и дрожь сотрясает мое сверхчувствительное тело, когда мурашки покрывают каждый сантиметр кожи. Как два магнита, отрицательный и положительный, встречаются друг с другом, наши взгляды сталкиваются, и я обнаруживаю, что теряюсь в слоях кружащейся там синевы.

Обычно напряженные морщины и холод, который всегда имеется в его глазах, сейчас не присутствуют. Баз смотрит на меня сверху вниз, как на открытую книгу, умоляя перевернуть страницы и потеряться в них. Его рука собственнически скользит по основанию моей шеи, и мои губы инстинктивно раздвигаются, когда он наклоняется и завладевает моим ртом. Его губы ловко работают в тандеме с моими, полностью поедая меня. Они мягкие, но твердые в его намерениях, когда он раздвигает ими мои губы, проводя языком. Его руки скользят вниз по моей талии, по камням и другим украшениям на платье. Они переходят на задницу, и он сжимает подушечки пальцев, обхватывая мою попу, будто от этого зависит его жизнь. Голодный стон вибрирует в его груди, и я ловлю себя на том, что пытаюсь взобраться на него, что угодно, лишь бы почувствовать его внутри себя.

К счастью, у него достаточно здравого смысла, чтобы прекратить это, прежде чем мы испортим последние несколько часов тяжелой работы команды. Кажется, взяв себя в руки, Баз делает шаг назад, а я все еще не могу открыть глаза. После этого он лишил меня дара

речи.

— Я так понимаю, тебе нравится платье? — я тяжело дышу.

Когда я открываю глаза, он смотрит мне в лицо. Я была уверена, что его пылающий взгляд будет направлен на мое тело в платье.

— Мне нравится больше, чем платье, — бормочет он, вытирая губы большим пальцем, удаляя все следы моего блеска.

Мне хочется надуться. Я хочу поцеловать его и снова пометить, но прежде, чем я успеваю это сделать, он берет меня за руку и ведет к выходу из своего пентхауса.

В комнате развлечений База Рен протягивает мне клатч, который подходит к платью, и я кладу телефон внутрь.

— Там есть все необходимое. Косметика. Блеск для губ. Еще наклейки для сосков. Ты, черт возьми, заклеила это, сестренка.

Я смеюсь и, не в силах сдержаться, обнимаю его.

— Спасибо. Не знаю, как ты сотворил это чудо, но спасибо.

Когда мы отстраняемся, он подмигивает мне, а затем смотрит через мое плечо на База.

— Это было не так уж трудно.

Когда я оглядываюсь на База, он смотрит на меня со странным выражением на лице. На этот раз это не тот проклятый пустой взгляд, но вполне может быть. Я никогда раньше не видела у него такого взгляда, и не могу понять, почему. Если я не ошибаюсь, он выглядит ошеломленным моей реакцией на стилиста. Неужели на беседу и объятиям наемных работников смотрят свысока?

Я стараюсь держать себя в руках, пока Баз ведет меня к выходу. Несколько человек, стоящих вокруг вестибюля, останавливаются и переводят взгляд на нас, их шепот тянется в нашу сторону. Я не могу не задаться вопросом, о чем они думают. Они видят, что я стою здесь рядом с Базом, как пара?

— *Может, они и не могут точно сказать, но я да.*

Я выталкиваю ее голос из своей головы, не желая позволить ей вывести меня из себя еще до начала ночи.

К обочине подъезжает Бентли-Мулсанн, и я стараюсь сохранять невозмутимость. Там, в Нью-Йорке, с девочками, я видела такое. Я знаю, что так ведут себя богатые, но после целого дня, когда их балуют и одевают по-королевски, это становится все труднее и труднее воспринимать. Баз позволяет мне скользнуть на заднее сиденье первой, и, к моему удивлению, он придерживает мое платье, так что я легко влезаю внутрь. Как только он садится рядом со мной, дверь захлопывается. Дэн садится на переднее сиденье, и в мгновение ока мы трогаемся.

— Спасибо тебе за все это, — говорю я, указывая на свое тело в платье. — Не думаю, что меня когда-либо щипали и натирали воском так, как сегодня. — я смеюсь, а Баз ухмыляется. Мягкость появляется в его глазах, когда он смотрит на меня. — В честь чего этот благотворительный вечер? Если ты не возражаешь, что я спрашиваю.

— Это Фонд «Сердца За Сердцем» для сирот и приемных детей.

Мои брови поднимаются вверх, и я многозначительно смотрю на свое платье.

— Этот наряд подходит для вечера?

— Эти события не для дела, а скорее для шоу. Пока ты с чеком, достаточно большим, чтобы сделать всех счастливыми, им все равно. Девушки доводят это до крайности, делая событие больше о себе, чем о детях.

— Так вот почему ты заставил меня часами подготавливаться? — поддразниваю я.

Он уклончиво пожимает плечами.

— Девушки в этом мире могут быть стервятниками.

Мое сердце замирает от его слов; хотя он и не говорил это, он наблюдал за мной. Это его способ убедиться, что я выгляжу как положено и не буду разорвана на части присутствующими.

Я задаю больше вопросов о вечере, и Баз, кажется, с удовольствием отвечает, давая мне подробности и ноу-хау. Машина медленно останавливается, и когда я смотрю в тонированные окна, то вижу вспышки и черный ковер вместо красного. Беверли Хилтон битком набит лимузинами, удлиненными Роллс-ройсами и Бентли вроде нашего, а папарацци прячутся на каждом углу. В последний раз я была на таком большом мероприятии, как открытие клуба.

Бросив на меня последний взгляд, Баз нежно убирает с моего лица выбившуюся прядь волос и наклоняется.

— Я не говорил, но ты прекрасно выглядишь.

Он уже выскальзывает, прежде чем я успеваю ответить. Он наклоняется, протягивает ко мне руку ладонью вверх, и я делаю резкий, успокаивающий вдох.

Я могу это сделать.

Мы можем это сделать.

Я могу это сделать.

Положив ладонь в его, он помогает мне выйти, и я стараюсь оставаться скромной в платье. В ту секунду, когда моя нога касается земли, вспышки вспыхивают. Крики и вопросы раздаются почти со всех сторон.

— Мистер Кинг, кто эта таинственная девушка?

— Мистер Кинг, вы, наконец, встретили ту самую?

— Мисс, как давно вы вместе?

— Мисс, что за бренд на вас сегодня?

Я не успеваю отвечать ни на один из вопросов, потому что Баз уже ведет меня по черному ковру, его лицо снова превращается в пустую маску. Когда вспышки камер ослепляют нас, я понимаю, что это лицо он дает СМИ. То, которое он показывает всем остальным. Как будто он переключился с теплых взглядов, которыми одаривал меня, на это плоское, жесткое выражение.

Поскольку я чувствую себя полностью подавленной хаосом, мне требуется некоторое время, чтобы взять себя в руки и действительно обратить внимание на окружение. Девушки, пары, они все шикарно одеты, и когда я смотрю на себя, я чувствую такое чертово облегчение, что Баз сделал для меня все, что мог.

Моя рука в его руке вспотела, и каждый раз, когда я пытаюсь высвободиться, чтобы вытереть пот об платье, его хватка становится крепче. Я тяжело вздыхаю. В этом нет никакого смысла.

По пути в Беверли Хилтон мы останавливаемся, перекидываясь словечками с компаниям людей. Иногда Баз представляет меня, иногда нет. Я стараюсь не обращать на это внимания.

Когда я вхожу в зал, то не могу скрыть изумления на лице. Он красиво украшен и выглядит престижно, вокруг толпятся орды безупречно одетых людей. Ещё есть сцена со стеклянным подиумом, и дети всех возрастов и национальностей сидят за ближайшими к

ней столиками.

Я имею в виду, конечно, я ходила на такие мероприятия с Кэт и Верой, но никогда в таком масштабе. Это всегда были вечеринки, а не гала-концерты или что-то похожее.

— Вау, — выдыхаю я и слышу низкий смешок База.

— Я так понимаю, это твой первый раз?

— Гала-концерт? Ну да. Вернувшись в Нью-Йорк, я почти не занимаюсь этим. Это скорее предпочтения моих подруг. Они выросли в этой жизни, так что это то, к чему они привыкли.

— А ты?

Я отрываю взгляд от столиков с детьми и смотрю на него.

— У меня было нормальное детство. Некоторые могли бы даже посчитать это печальным, но все было совсем не так.

— В какой части Нью-Йорка ты росла?

Я прочищаю горло, используя свободную руку, пробегаясь по длине платья.

— Вообще-то я росла в Калифорнии. Переехала на Восток в колледж и решила остаться там.

Баз приподнимает брови, и я вижу вопрос в его глазах. Очевидный вопрос: *Почему ты никогда не говорила об этом мне?*

— А теперь? Ты когда-нибудь видела себя, что вернёшься обратно?

Я делаю паузу. Мой рот открывается, и на кончике языка вертится слово «*черт, нет*», но, честно говоря, я больше ничего уже не знаю. Находясь здесь, рядом с местом, где я выросла, я поняла, что скучаю по нему. По воздуху. По погоде. Это совсем не похоже на Нью-Йорк. Думаю, именно поэтому я люблю и ненавижу это.

— Не знаю. Я думала, что никогда больше не переступлю порога Калифорнии, но вот я здесь.

— Почему ты не...

— Себастьян!

Звук голоса дождем капает мне на спину. Я вцепляюсь в руку База крепче, и стараюсь взять под контроль свое дыхание. Винсент Хоторн, одетый в смокинг, как и Баз, хотя он и вполтину не выглядит так хорошо, шагает к нам, широко улыбаясь. Мой желудок сжимается и скручивается от ярости, когда я смотрю на База, наблюдая за эмоциями, играющими на его лице. Он ухмыляется. Это мальчишеская история, в которую я еще не посвящена. Он отпускает мою руку, и они по-братски обнимаются, похлопывая друг друга по спине.

Когда они виделись в последний раз?

Или они видятся, когда проводят время вместе?

— Как ты, приятель? Вижу, ты со спутницей... — Винсент замолкает, когда смотрит на меня. В его темных глазах нет узнавания, но брови сходятся, и он хмурится. — Подожди, я тебя знаю?

— Винсент, это Мак...

Я протягиваю руку к Винсенту, мое сердце бешено колотится в груди, желчь подступает к горлу при мысли о том, что его кожа касается моей.

— Скарлетт.

Я чувствую взгляд База на себе. Он, наверное, удивляется, почему я не назвала свое настоящее имя, но то, что он до сих пор меня не вспомнил, еще не значит, что остальные не вспомнят. Все, что нужно, чтобы пробудить память, это мое имя, и весь ад непременно

вырвется наружу.

В конце концов, Скарлетт первое имя, которое я им сказала.

Винсент берет меня за руку, и я пытаюсь подавить дрожь, которая пробегает по моему телу. Это не очень хорошо. Его взгляд скользит вверх и вниз по моему телу, и я чувствую кислый привкус желчи. Если он не перестанет так на меня смотреть, я... не смогу сдержать рвоту, которая сорвется из моих губ. К счастью, он отпускает мою руку и снова переводит взгляд на База.

— Увидимся позже, Себ. Я только что заметил, как мудака Эпштейн вошел со своей женой, и мне нужно поговорить с ним. — перед тем, как уйти он переводит взгляд на меня. — Было очень приятно познакомиться, *Скарлетт*.

От того, как он произносит мое имя, волосы на затылке встают дыбом.

Он не мог.

Нет, он не мог понять.

Винсент был самым тупым из всей группы. Это просто невозможно.

Я сглатываю внезапный комок в горле и снова смотрю на него. Он все еще наблюдает за мной прищуренными глазами. Его темная щетина отбрасывает тени на угловатое лицо, делая невозможным прочесть его. Когда он исчезает в толпе, я теряю его из виду.

Это было ошибкой.

Я вляпалась по уши. Это никогда не сработает. Я всегда буду слишком фамилльярна с ними.

— Пошли, поищем наш столик.

Я киваю и следую за Базом, пока он мастерски пробирается сквозь толпу, его рука крепко держится за мою. По пути он берет для меня бокал шампанского, и я жадно осушаю его.

Я понимаю, где наш столик, и мой взгляд устремляется на База.

— Ух ты, я и не думала, что люди сидят так близко друг к другу.

— Только лучшие благодетели. Так спикерам легче похлопать их по спине, если они ближе, и, честно говоря, они делают это, чтобы покрасоваться.

Я начинаю обдумывать его слова, и мои глаза расширяются, когда он отодвигает для меня стул.

— Это означало бы, что тебе пришлось бы пожертвовать огромным количеством денег. — я сажусь, не сводя с него глаз.

— Дети нуждаются в этом больше, чем я.

В этот момент мое сердце делает что-то странное. Не могу сказать, осталось ли это неизгладимое впечатление от нашей стычки с Винсентом, но, клянусь, мое сердце замирает. Я уверена, что выгляжу нелепо, глядя на База с сердцами и звездами в глазах. Это заставляет меня почувствовать себя дешевкой. Почувствовать, что то, что я делаю, неправильно. Я знаю, что это неправильно, но я придумала оправдания своим решениям и своему обману, когда дело касается База, но сейчас, глядя на него, я задаюсь вопросом, не допускаю ли я ошибку. Что, если он действительно хороший человек?

Я смотрю на столик слева от себя, заполненный детьми, и вижу милую маленькую девочку, наблюдающую за мной широко раскрытыми глазами.

У меня перехватывает дыхание, когда я смотрю на нее, потому что она копия Мэдисон. Я тоже вижу себя, но смотря на неё, я вижу только Мэдисон. У меня начинает болеть сердце. В боку тянет, и в груди вдруг становится пусто. Я чувствую пустоту.

С золотистыми прядями волос и локонами, которые заставляют меня хотеть подергать и посмотреть, как они отскакивают, она действительно очаровательна. Остальные дети за столиком выглядят намного старше ее. Практически подростки, в то время как она выглядит едва ли достаточно взрослой, чтобы ей было девять. За некоторыми столиками сидят дети помладше, за другими постарше, но этот столик, за которым сидит маленькая девочка, которая все еще не сводит с меня глаз, кажется, не подчиняется никаким правилам. Это почти как если бы они рассаживали детей, для которых нет места за одним столиком вместе. Мое сердце болит за всех этих детей. Потому что, несмотря на то, что я изменила бы так много вещей в своем прошлом, я не изменила бы семью. Что-то, чего больше нет ни у кого из них.

Повернувшись, я смотрю на девочку в профиль и улыбаюсь ей. Мое сердце скачет галопом, когда ее рот открывается, а глаза расширяются еще больше, будто она ошеломлена тем, что кто-то заметил ее.

Подняв руку, я машу ей, и она застенчиво опускает взгляд, ее щеки становятся нежно розовыми. Усмехнувшись, я поворачиваюсь к Базу и вижу, что он наблюдает за мной, нахмутив брови. У меня внезапно пересыхает во рту, и я боюсь, что сделала что-то не так.

— Прости. Она продолжала смотреть, и она такая очаровательная, что я ничего не могла с собой поделать.

Складка между его бровями становится еще глубже.

— Не извиняйся. Эти бедные дети игнорируются в девяноста девяти процентах случаев.

Чувствуя себя намного лучше, уделяя внимание маленькой девочке, я улыбаюсь, облегченно выдыхая. И, к моему большому удивлению, Баз наклоняется и целует меня в губы. Я не была уверена, как он отреагирует на публичное проявление связи за пределами курорта, поэтому тот факт, что он иницирует поцелуй перед таким количеством важных людей, заставляет мой желудок зареветь с силой бабочек.

— Ужин должен начаться в ближайшее время. Не хочешь чего-нибудь выпить? Я принесу нам что-нибудь из бара.

— Вода была бы прекрасна, спасибо.

Мой взгляд прикован к его широкой спине и плечам, когда он уходит. Очевидно, его любят. По пути его несколько раз останавливали для разговоров, рукопожатий и хлопков по спине. Девушки останавливаются и пялятся — ну, глазают более уместно. Я стараюсь не обращать внимания на то, как переворачивается мой живот, когда он смотрит на меня через плечо. Эта кривая усмешка кривит его губы в самодовольстве, будто он знал, что я буду наблюдать.

Христос. У меня неприятности.

Пустой стул рядом со мной резко отодвигается, и когда я поворачиваюсь, чтобы посмотреть, кто это, вся краска сходит с моего лица. Я не хочу, чтобы это случилось. Как только я понимаю, что смотрю в ужасе, как дура, я очищаю свое лицо от любых внешних эмоций. Проглатываю страх, который быстро поднимается к горлу.

— Ну, разве ты не прелестна малышка, — почти мурлычет Зак, когда его глаза скользят вверх и вниз по моему телу. Одетый в сшитый на заказ смокинг, его пучок так не сочетается со всем остальным в нем. — Баз счастливый сукин сын.

Он свистит сквозь зубы. Мой взгляд лихорадочно мечется вокруг нас, пока я ищу База.

Пожалуйста, поскорее возвращайся. Пожалуйста, поскорее возвращайся.

— Я знал, что ты выглядишь знакомо.

Мой потрясенный взгляд возвращается к нему, и рот открывается, когда я пытаюсь защитить себя, сказать, что он ошибается. Мой желудок сжимается. Сердце бьется о грудную клетку, угрожая вырваться. Я качаю головой, не в силах вымолвить ни слова.

Так они не узнают, кто я. Этого не может быть. Я совсем не похожа на прежнюю Маккензи. Я даже не использую одно и то же имя.

— Ты и твои подруги были на открытии клуба. Я хорошо разбираюсь в лицах, но не в именах. Ещё раз, как твоё имя?

Облегчение накатывает на меня волнами; так сильно, что я почти начинаю плакать, потому что думала, что это конец. Я издаю смешок и прочищаю горло.

— Скарлетт. Я была там со своими подругами Кэт и Верой.

Он злобно ухмыляется. Это преображает его красивое лицо.

— Верно. Какая незабываемая ночка!

Румянец заливает мою кожу от того, на что он намекает. Когда он вышел и смотрел, как Баз трахает меня у стекла. Наверное, он вспоминает это в мельчайших подробностях, глядя на меня. Я опускаю взгляд на свои руки, которые нервно ерзают на коленях. Я молча закрываю глаза, считая про себя до пяти. Как и в последнее время, я чувствую, как вокруг меня разливается тепло, а потом слышу ее.

— *Это твой шанс. Карты в твоих руках. Не позволяй им запугать тебя. Ты больше не та девушка,* — голос Мэдисон звенит в моих ушах, и когда я открываю глаза, оглядываясь на Зака, который наблюдает за мной, как ястреб, я играю свою роль.

Медленно улыбаясь, я отодвигаю мрак и наклоняюсь, ставя локоть на стол и обхватывая щеку рукой.

— Приятно познакомиться с тобой на этот раз. Прости, — я слегка смеюсь, — Тебе придется извинить меня. Напомни, как тебя зовут?

Его губы кривятся, словно он сдерживает ухмылку. Его невероятно длинные ресницы отбрасывали тени на лицо.

— Зак.

— Поняла, Зак. Так как давно ты знаешь База?

На этот раз он хихикает.

— Чертовски долго, если хочешь знать мое мнение. Но я заинтригован, Скарлетт. Обычно он не приводит спутниц на такие мероприятия. Почему ты?

Если бы не его горячие взгляды на меня и тело, я бы восприняла его вопрос как пощечину. Мне хочется возразить: А почему нет?

Но это уже перебор. Вместо этого я улыбаюсь, лениво оглядываясь через плечо, ища в толпе База, но не нахожу его.

— Я весь вечер задавала себе один и тот же вопрос. — я пожимаю плечами и поворачиваюсь к нему. — Его трудно читать большую часть времени, но... он мне нравится. Что может быть опасно для меня и моего сердца, так как я знаю его не так давно.

Зак усмехается.

— Могу сказать.

Он недоверчиво качает головой, пока его взгляд скользит вверх и вниз по моему телу, задерживаясь на прозрачной сетке платья. Он ясно видит очертания моих груди, но я благодарю свою счастливую звезду, что он не видит сосков.

Рен, ты просто находка.

— Это та часть, где ты задаешь мне вопросы о моем друге, надеясь, что поймешь его

лучше? Возможно, даже соберешь немного грязи, пока здесь? — сухо спрашивает он.

Как будто это не он подошел ко мне.

— Конечно, нет. Я думаю, что снимать слои самостоятельно будет намного веселее. Ты так не думаешь? — в моем тоне чуть больше язвительности, чем я намереваюсь, и все, что мне нужно, это взгляд через его плечо в сторону детского столика, чтобы успокоить себя. — А теперь, если позволишь, мне нужно кое с кем поговорить.

Отодвинув стул, я собираю платье и проскальзываю мимо Зака, не сказав больше ни слова и даже не взглянув на него. У меня мурашки бегут по коже от того, что я так близко к нему и делю с ним любой разговор. Я чувствую, как его лихорадочный взгляд обжигает кожу моей спины, но как только я нахожу эти милые светлые кудри, я полностью забываю о нем.

Большинство детей, сидевших за столиками, пропали. Только одна женщина наблюдает за тремя оставшимися детьми. Но *наблюдение* это сильное слово. Она в своем телефоне, совершенно не замечает, что происходит вокруг. Я сажусь на свободное место рядом с маленькой девочкой, и все это время она наблюдает за мной с открытым от шока ртом и широко раскрытыми от удивления глазами.

— Привет.

Я ерзаю сидя лицом к ней. Она сглатывает, и улыбка, которая появляется на моем лице, вероятно, пугает, но я ничего не могу с собой поделать. Она так сильно напоминает мне Мэдисон, но ее характер, ее застенчивость — это я. Она воплощение нас обоих, и я не могу отвести от нее взгляд.

— Как тебя зовут, милая?

— А-Ава, — заикается она, все еще глядя на меня с благоговением.

— Красивое имя для красивой девочки.

Ее щеки краснеют, но я вижу, как на ее лице появляется улыбка, и хотя у меня есть список вещей, которые я должна сделать, все, что меня волнует, это заставить эту маленькую девочку улыбнуться.

— А тебя?

Ее вопрос произносится так тихо, что мне приходится наклониться, чтобы расслышать.

— Меня зовут Скарлетт, но знаешь что? Можешь звать меня Маккензи. Только крутые могут называть меня этим именем. — я подмигиваю ей, и, наконец, эта улыбка вырывается наружу.

Женщина за столиком наконец-то заметила меня, но, похоже, ей все равно, что я разговариваю с Авой, поэтому я продолжаю.

— Ты похожа на принцессу, Маккензи. Как бы я хотела быть похожей на тебя.

Мое сердце трепещет, и требуется вся сила воли, чтобы не притянуть эту маленькую девочку в свои объятия. Потому что это как отражение меня самой. Она это я.

— Зачем тебе это, Ава? Хочешь знать, что я думаю? — шепчу я, наклоняясь к ней, будто мне нужно поделиться с ней секретом. Она оглядывается, убеждаясь, что никто не подслушивает, прежде чем наклониться ко мне. — По-моему, ты сегодня самая красивая в зале. Но ш-ш-ш, никому не говори, что я это сказала. Это может огорчить остальных.

Ава смотрит на себя в голубом платье, которое подходит к ее глазам. Ее длинные ресницы отбрасывают тени на херувимское личико, а милое личико кривится.

— Ты действительно так думаешь?

Когда она снова смотрит на меня, ее нос морщится, и я не могу удержаться от смеха.

— О, да. Ты сегодня просто сияешь, Ава. Ты первое, кого я заметила, когда вошла в зал.

Эти глаза снова расширяются, но улыбка, которая появляется на ее лице, ослепляет.

— Тебе весело?

Как только я задаю вопрос, улыбка на ее лице тускнеет. Она смотрит на столик, потом на женщину, которая все еще в своем телефоне. Ава ерзает и оглядывается на меня, будто боится сказать то, что на самом деле думает. Я поджимаю губы, принимая внезапное решение.

— Дай мне одну секунду, милая.

Я отодвигаюсь от столика и подхожу к женщине. Она едва смотрит на меня, а когда переводит взгляд, то выглядит скучающей. Она явно предпочла бы находиться где-нибудь в другом месте, а не здесь, смотря за детьми.

— Вы не возражаете, если я прогуляюсь с Авой? Обещаю, мы сразу же вернемся. Я сижу вон за тем столиком со своим кавалером.

Она пожимает плечами.

— Ага.

Я хмурюсь, но ничего не говорю. Поворачиваюсь и иду в сторону Авы, обогнув столик. Я останавливаюсь перед ней и протягиваю руку.

— Хочешь прогуляться со мной, милая Ава?

Она улыбается, сверкая глазами, и берет меня за руку. У нее крошечная ладошка. Ее маленькие пальчики щекочут и обвиваются вокруг моей руки, и я улыбаюсь ей сверху вниз, пробираясь между столиками и стоящими вокруг гостями. Когда мы только приехали сюда, я заметила, что за окном Беверли был вид на деревья с мерцающими огнями и фонтаном. Как я и подозревала, как только мы выходим на улицу, Ава задыхается, ее широко раскрытые сверкающие глаза с улыбкой воспринимают все происходящее. Держу пари, бедняжка почти не выходит в свет.

— Так красиво, — шепчет она.

Мы подходим к одной из скамеек, окруженных розовыми кустами, и садимся перед фонтаном.

— Итак, ты так и не ответила мне раньше. Тебе весело?

Ава смотрит на меня краем глаза и пожимает плечами. У меня от этого болит сердце. Она ведет себя не как обычный ребенок. Она застенчива и сдержанна. Словно знает, что люди вокруг нее не заботятся о ней, и это разбивает мне сердце.

— Не совсем, — бормочет она, болтая ногами на скамейке. — Некоторые дети постарше очень злые. И это платье действительно колется.

Она морщится, когда говорит это, и я заливаюсь смехом.

— Мне очень жаль, что другие дети такие злые, но хочешь знать мое мнение? Они хулиганы. Иногда люди запугивают других, потому что они грустные и несчастные, но никогда не позволяй этому изменить, потому что ты, Ава, так же мила, как и они.

— Над тобой когда-нибудь издевались? — спрашивает она, глядя на меня своими голубыми глазами лани.

Я усмехаюсь, не в силах сдержаться.

— Все время. Все время, милая девочка.

Я запрокидываю ей за ухо несколько мягких локонов, и она снова улыбается.

— У тебя есть дети?

Когда я смотрю на выражение ее лица и свет в ее глазах, я уже знаю, почему она спрашивает.

Мое сердце падает, и я качаю головой.

— Нет, милая.

— А хочешь?

Понимаете, что я имею в виду? Это не те вопросы, которые обычно задают дети ее возраста.

— Однажды. Когда я встречу подходящего человека, я бы хотела...

Ее улыбка исчезает, и она смотрит на свои колени.

— Ох.

— Эй, — шепчу я, придвигаясь ближе. Я нежно кладу руку ей под подбородок, поднимая ее лицо к своему. — Не делай этого. Семья, которая выберет тебя, будет счастлива. Она будет самой счастливой семьей в мире.

Вместо улыбки, на которую я надеялась, в ее глазах блестят слезы, а крошечный подбородок дрожит.

— Бетани говорит, что я, вероятно, не найду семью, которая захочет меня.

Мое сердце разрывается. Я сжимаю нижнюю губу зубами, пытаюсь сдержаться, чтобы не расплакаться перед этой милой маленькой девочкой. Я быстро моргаю, сдерживая слезы, и соскальзываю со скамейки. Подобрал платье под себя, я даю себе достаточно места, удобно усаживаюсь перед ней, чтобы наши глаза находились на одном уровне. Взяв ее маленькую руку в свою, я сжимаю ее, а другой рукой ласкаю ее щеку, проводя пальцами по ее кудряшкам.

— Бетани сама не знает, о чем говорит. Если бы я могла, я бы забрала тебя с собой домой, потому что ты, Ава, настоящая жемчужинка. Алмаз в грубой огранке. — ее губы кривятся от моей ссылки на *Аладдина*. — И, как я уже говорила, семья, которая заберёт тебя, будет самой счастливой семьей в мире.

Она шмыгает носом.

— Я хочу, чтобы это была ты.

— Хотела бы, чтобы все было так просто, милая. Если бы я могла, если бы это был мой выбор, я бы выбрала тебя в мгновение ока, Ава. Потому что мы одно и то же.

— Ты бы забрала меня? — удивленно спрашивает она.

Я смеюсь.

— Конечно, я бы забрала тебя. Ты напоминаешь мне кого-то, кого я знала. Двух человек, которых я знала.

— Кем они были?

Слезинка выскальзывает без моего разрешения, и, словно не в силах вынести ее вида, Ава смахивает ее своей маленькой ручкой.

— Моя сестра. Ты очень похожа на нее. Но знаешь, что еще? Ты напоминаешь мне меня. Я это ты.

— Где твоя сестра сейчас?

— Она умерла, — выдыхаю я, пытаюсь взять себя в руки. — Но это было так давно, дорогая.

— Ты скучаешь по ней? — спрашивает она своим нежным голоском.

— Каждый божий день, — шепчу я, крутя один из ее локонов.

Некоторое время мы молчим. Наконец Ава снова поднимает на меня свои печальные глаза.

— Как думаешь, я когда-нибудь увижу тебя снова?

Я надеюсь, что да. Господи, надеюсь.

— Ну... — я прочищаю горло. — Я надеюсь, что мы увидимся. Возможно, когда-нибудь. Обещаешь, что не забудешь меня? — я поддразниваю ее, и она улыбается, ее глаза светятся счастьем.

Она сжимает мою руку в свою и шепчет:

— Никогда не забуду.

Звук чьего-то кашля позади меня заставляет нас обоих посмотреть на источник, и у меня внезапно пересыхает во рту, когда я вижу, кто это. Мой живот согревается. Это порхание в животе возвращается с удвоенной силой.

Пока Баз стоит там, засунув руки в карманы, его глаза бегают от меня к Аве, но задерживаются на мне. Что-то изменилось в выражении его лица. Оно не такое мягкое и открытое, как в пентхаусе, но в нем есть нежность, которую я не замечала до сегодняшнего вечера. До нынешнего момента.

Он снова смотрит на Аву и, к моему большому удивлению, идет к нам. Я встаю, мышцы в ногах кричат, после того, как я просидела на корточках так долго.

Когда я смотрю на Аву, она смотрит на База широко раскрытыми глазами, почти так же, как сначала смотрела на меня, но в них есть и настороженность. Она не знает этого человека. Я улыбаюсь ей, пытаюсь успокоить.

— Ава, это Баз. Он...

Ее глаза загораются, прыгая между нами.

— Он твой парень?

Я смеюсь, бросая быстрый взгляд на База, надеюсь, что он не испугается. Вообразите мое удивление, когда он опускается, встречаясь взглядом с Авой. На его лице мягкая улыбка. Еще раз, это взгляд, выражение, которого я никогда не видела у него раньше, и я нахожу, что мне это очень нравится. Это мне очень нравится.

— Я кавалер Скарлетт. — он наклоняется вперед, прикрывая рот ладонью. — Не говори ей, что я это сказал, но сегодня вечером ты дашь ей шанс заработать свои деньги.

Ава хихикает, густо краснея. Она смотрит на меня, и я не могу сдержать улыбку. Смотреть, как Баз опускается на колени, балуя эту маленькую девочку, заставляет мои женские прелести взорваться.

— Ой-ой, — лукаво говорит Ава. — Ты, должно быть, не такой крутой, если она не позволяет тебе называть ее Маккензи.

Губы База дергаются, и он бросает на меня взгляд, медленно поднимая брови. Я могу прочитать «ох, правда?» ясно как день.

— Я называю ее по-разному. Моя девушка одна из них.

Мои глаза становятся большими и круглыми, и у меня перехватывает дыхание. *Что?*

База, должно быть, понравилась эта реакция, потому что он усмехнулся, и глаза его загорелись развлечением, когда он снова поворачивается к Аве.

— Она красивая, правда?

Ава с энтузиазмом кивает.

— Она похожа на принцессу. Лучше, чем принцесса.

— Согласен. Я счастливчик, не так ли?

— О, да. Она самая красивая на свете. Жаль, что она не моя мама.

Легкость внезапно тускнеет, и воздух вокруг нас становится тяжелым. Я быстро бросаю взгляд на База, пытаюсь скрыть, как грустно мне от ее комментария. Потому что, если честно, я хотела бы быть мамой этой маленькой девочки. Но в моей жизни слишком много всего происходит. Хотела бы я находиться в той точке, где могла бы заботиться о ребенке, но нет. Дерьмо, я в таком долгу, что даже не могу позаботиться о себе.

Как будто Баз понимает, насколько я близка к тому, чтобы сойти с ума, он не упускает ни секунды.

— Какие у тебя планы на остаток ужина, Ава? Не хочешь поужинать с нами?

Ее рот открывается от шока, и мой тоже.

Что он делает?

Она отчаянно кивает головой, словно не может сказать «да» достаточно быстро.

— Хорошо, — говорит он, поднимаясь на ноги.

Он протягивает ей руку, чтобы взяться, и в ту секунду, когда я вижу, как ее маленькая рука скользит в его, поглощенная им, все внутри меня наполняется этим проклятым блеском. Все разрывается, разливается по всем моим органам.

Мы возвращаемся в зал и садимся за столик. Женщина смотрит на нас с Авой, но ничего не говорит. Наша еда уже подана, но Баз просит принести еще одну тарелку для Авы, и когда она садится на свободное место рядом со мной, я наклоняюсь к Базу, стараясь говорить тихо.

— Что ты делаешь?

Он смотрит на меня, пожимая плечами.

— Понятия не имею. Я просто больше не мог видеть этого выражения на ваших лицах.

— Ты совсем другой, Баз Кинг, — шепчу я, прижимаясь к нему плечом.

— И ты тоже.

Наши губы сначала нежно касаются друг друга, но потом поцелуй становится сильнее. Горячее. Грубее. Его язык скользит по моему, и я стону ему в рот, почти забыв, что рядом с нами ребенок. Когда мы отстраняемся, мои губы распухают, и я чувствую, что на нас смотрят несколько пар глаз, но в этот момент мне все равно.

Остаток ужина я ем с улыбкой на лице, пока Баз вовлекает Аву в разговор. Сначала она застенчива, как и со мной, но с каждым вопросом, который он задает, она начинает теплеть к нему. Я много узнаю о ней. Ее любимый цвет. Ее любимую еду. В этот момент я тоже многое узнаю о нем. Как и о себе.

Мне совершенно ясно, что я влюбляюсь в База. Я влюбляюсь в каждую его частичку. И до смерти боюсь того, что это значит. Не только по отношению к себе, но и к тому, что ждет меня в будущем, но если он когда-нибудь узнает, чем я занимаюсь, то уже ничего невозможно будет вернуть. Для любого из нас.

ГЛАВА 18

Маккензи

Когда мы заканчиваем ужин, женщина встает, привлекая наше внимание, молча говоря нам, что они собирают детей и уходят. Мое сердце сжимается. Боль пронзает грудь, и когда я смотрю на Аву, и знаю, что она тоже это понимает.

По правде говоря, я без понятия, увижу ли ее когда-нибудь снова, но я хочу.

— Теперь будь хорошей девочкой, ладно? И помни, что я говорила о хулиганах.

Она кивает, и свет в ее глазах тускнеет.

— Ты-navестишь меня?

Я слабо улыбаюсь.

— Я сделаю все, что в моих силах. Эта семья будет самой счастливой семьей в мире.

— Хорошо.

Она не улыбается. И не в силах сдержаться, я обнимаю Аву. Ее маленькие ручки обхватывают меня, и она сжимает. Она сжимает меня так сильно, что я боюсь, что она не отпустит, но потом ее хватка ослабевает, и когда я смотрю в ее голубые глаза, они наполняются слезами. Я убираю локоны с ее лица и улыбаюсь ей. Это все равно что улыбаться маленькой версии Мэдисон. Это заставляет меня захлебываться эмоциями.

— Ты моя любимая маленькая девочка, Ава. Пожалуйста, не забывай об этом.

Она удивляет и меня, и База, когда проходит мимо меня и тоже обнимает его. Сначала

он застывает. Его руки застывают в воздухе не зная, что с ними делать. Но потом он смотрит на меня, медленно кладет руки ей на спину и гладит, обнимая в ответ.

Я стараюсь держать себя в руках, пока воспитательницы выводят ее вместе с другими детьми. Когда я пришла сюда сегодня вечером, я понятия не имела, что встречу маленькую девочку, которая завладеет моим сердцем. Маленькая девочка, с которой я так легко сольюсь воедино. Маленькая девочка, которую я надеюсь снова увидеть.

Резко выдохнув, я тянусь к своему клатчу.

— Я скоро вернусь. Схожу в туалет.

Баз кивает и благоразумно молчит, вероятно, зная, что мне нужно немного побыть одной. Всю дорогу я думаю об Аве. Думаю о Мэдисон. Думаю о себе в юности. Я выполняю все движения, приподнимаю платье, чтобы сходить в туалет и вымыть руки. Я настолько застряла в своих мыслях, что, когда я выхожу и натыкаюсь на кого-то, я едва произношу ответ.

— Прошу прощения.

Когда я снова пытаюсь пошевелиться, то натыкаюсь на что-то еще, и когда поднимаю глаза, понимаю почему. Комок страха сжимается у меня в животе, когда я встречаюсь взглядом с Маркусом. Я возвращаюсь к тому дню в его доме и на секунду забываю, как дышать. Все в нем осталось прежним. Это жутко.

С яркими медовыми глазами и каштановыми лохматыми волосами, вьющимися вокруг ушей, он выглядит безобидно. Но я лучше знаю.

— Скарлетт, верно? — спрашивает он, преграждая мне путь.

Нет никакого способа обойти его. Я осторожно оглядываюсь через плечо, надеясь, что кто-нибудь еще выйдет из женского или мужского туалета, но этого не происходит. Здесь только мы вдвоем.

Когда я смотрю через плечо Маркуса, яма в моем животе становится глубже, когда я замечаю Трента. Каковы шансы, что я столкнусь со всеми парнями на этом мероприятии?

Это слишком хорошо, чтобы быть правдой, верно?

Вспомнив, что он спросил меня о моем имени, я сглотнула и кивнула.

— Ага. Хотя, кажется, я не помню твоего. Прости.

Его брови поднимаются, и он улыбается. Это по-дьявольски. По-волчьи. Чертовски страшно.

— Не помнишь?

Он насмехается надо мной, понимаю я. И то, как он смотрит, будто видит меня насквозь, словно знает, кто я на самом деле, и я ненавижу это.

— Пожалуй, мне лучше вернуться за наш столик. Баз начнет...

Маркус делает шаг вперед, преграждая мне путь, и я отступаю. Мы делаем это еще несколько раз, пока моя потная спина не ударяется о стену коридора.

— Баз начнет что? Ему станет интересно, где ты? — Маркус запрокидывает голову и смеется. Звук отскакивает от стен, впиваясь ногтями мне в спину. — Ты ужасно уверена в себе, Скарлетт. Баз не то, что ты ищешь. Он не тот человек, за которого ты выйдешь замуж, и уж точно не будет играть роль папы для какой-нибудь несчастной маленькой девочки.

Мои глаза сужаются в тонкие щелочки, когда я смотрю на него. Я сжимаю губы в мрачную линию, пытаюсь сдержать проклятие. Как он смеет говорить об Аве? Она всего лишь ребенок.

— Я ничего от него не жду, Марк. А теперь, если позволишь, мне действительно пора.

Я пытаюсь протиснуться мимо него, но он грубо хлопает рукой над моей головой, загоняя в клетку. Маркус наклоняет голову, выравнивая наши взгляды, и я внезапно возвращаюсь в прошлое. Все исчезает, тускло освещенные кремовые стены зала, звуки оживленных голосов и разговоров. Вместо этого я вернулась в Ферндейл. Я стою у дома Маркуса, а он держит меня за горло. Его красивое лицо исказилось от ярости.

— Ты никто, — скрипит он зубами.

Я чувствую, как от него волнами исходит гнев. Он практически сдирает с меня кожу.

— Если ты пришёл сюда только для того, чтобы унижить меня, я все понимаю. А теперь, — говорю я, стараясь унять дрожь в голосе, — Если ты не отойдешь и не уберешься, я устрою сцену.

За его спиной раздаётся смешок, и я, не глядя, понимаю, что это Трент. Он все еще стоит там, наблюдая за происходящим.

— Ты только посмотри, — выдыхает Маркус, делая столь необходимый шаг назад. — У нее есть когти.

Я свирепо смотрю на него, и как только прохожу мимо, его следующие слова заставляют меня споткнуться о собственные ноги.

— Это смешно, Скарлетт. Ты появляешься в жизни База из воздуха. Спишь с ним на его курорте. Появляешься на открытие клуба. А теперь ты вдруг стала его конфеткой. — он цокает. — Это немного подозрительно. Слишком уж много совпадений, если хочешь узнать мое мнение. Но эй, что я знаю? Я не верю ни в судьбу, ни в совпадения.

Я стискиваю зубы, собираясь с духом, и бросаю на него взгляд через плечо.

— Спокойной ночи, Маркус.

Мой уход не может быть неправильно истолкован. С меня хватит этих игр. Всех их игр.

Они явно пытаются подставить мне подножку. Либо им угрожает мое присутствие в жизни База, либо, что еще хуже, они догадываются, кто я. Мы больше не в старшей школе, и я покончила с этим хулиганским менталитетом.

— О, я так и сделаю, Скарлетт. И кстати, я думал, ты не знаешь моего имени?

Улыбка, расплывающаяся по его лицу, леденит до костей. Я лихорадочно прокручиваю в голове наш разговор.

— Ты сам сказал...

Он качает головой, ворча на меня.

— Мы оба знаем, что я никогда не называл тебе своего имени, дорогая. Проводила должную осмотрительность, да? Держу пари, что все эти исследования каждого из нас действительно окупились, не так ли?

Сердце подсакивает к горлу, и содержимое желудка почти вываливается к моим ногам. Я резко разворачиваюсь, возобновляя свой шаг. Я смотрю на Трента, который прислонился к стене, наблюдая за мной, но быстро отвожу взгляд.

Где База? Мне нужно найти База.

Как только я выхожу из ниши зала, я останавливаюсь, глядя на всех людей, пытаюсь найти наш столик. Я напрягаюсь, когда чувствую, как Трент переплетает свою руку с моей.

— Да ладно тебе. Давай выпьем, — говорит он, уже направляя нас к бару.

А теперь беги, Мак. Оставь все это позади и беги, пока не стало поздно. Я слышу, как Мэдисон напевает в моей голове на неистовом повторе.

Я упираюсь пятками, пытаюсь остановить его.

— Мне нужно найти База. Я самом деле не хочу пить.

— Он говорит о работе. Тебя не хватятся. Доверься мне.

Очевидно, не принимая «нет» в качестве ответа, Трент крепче сжимает мою руку, и я сдаюсь, следуя за ним к бару.

Он помогает мне сесть на один из барных стульев, его ярко-зеленые глаза задерживаются на обнаженной коже моего бедра из разреза платья. Его светлые волосы уложены без особых усилий, что делает его похожим на добродушного человека. Он садится на свободный стул рядом со мной и поворачивается ко мне с ухмылкой. Это удар под дых. Я возвращаюсь к той ночи, когда он выстрелил в меня той же самой улыбкой. Тогда на это было легко клюнуть. Я не могла видеть дальше своей глупой влюбленности в него, но теперь? Он мне противен. Эта чертова улыбка вызывает у меня отвращение.

Он машет бармену, наклоняясь ближе ко мне. Я отодвигаюсь, чувствуя себя неловко от его близости.

— Какой у тебя яд, красавица?

Я тревожно выдыхаю, оглядываясь через плечо, пытаюсь разглядеть База.

— Мне действительно пора возвращаться.

Если бы я не обращала внимания, то не заметила бы гнева, вспыхнувшего в его глазах, напряженных черт лица и дерганье челюсти.

— Потешь меня. Это самое меньшее, что ты можешь сделать, — я вопросительно поднимаю брови. — В конце концов, я выбрал тебя первым.

Прежде чем я успеваю ответить, что технически Баз нашел меня первым, бармен принимает наши заказы. Трент заказывает простой бурбон со льдом, а я предпочитаю бокал шампанского.

Наши напитки пододвигаются к нам, но я не отрываю взгляда от Трента, изучая каждую его деталь. Как и остальные парни, он выглядит так же, только немного более зрелым с его чертами. Его зеленые глаза оценивающе смотрят на меня. Они ловят мой взгляд, и я опускаю глаза, опасаясь, что он увидит в них что-то слишком знакомое.

Почему мне не пришло в голову надеть контактные линзы, прежде чем начать все это?

— Итак, — говорю я, прочищая горло, прежде чем перейти к делу. — Ты тоже расстроен, что Баз привел сюда девушка? Похоже, я задела за живое остальных твоих друзей.

Трент ухмыляется, наклоняясь ко мне.

— Ох, я очень расстроен, Скарлетт. Но не по тем причинам, о которых ты думаешь. У База кое-что, что мне нужно.

Я напрягаюсь, когда его рука опускается чуть выше моего колена. Его хватка твердая, не болезненная, но она присутствует, посылая неприятные ударные волны по моему телу.

— И что же?

Его рука медленно начинает подниматься, и я хлопаю другой рукой сверху, останавливая движение.

— Думаю, ты знаешь, — говорит он напряженным голосом.

— Уверена, что у тебя не возникнет проблем с поиском кого-то другого.

Трент берет темную прядь моих волос и проводит по ней пальцами.

— Тебе кто-нибудь говорил, что из тебя получится потрясающая блондинка? — задумчиво спрашивает он, и мое сердце замирает.

Раздается сигнал тревоги, а Мэдисон все еще кричит, чтобы я убиралась прочь.

— Н-нет, — хриплю я.

Он опускает локон, но его пальцы находят мое обнаженное плечо, и он начинает обводить мою кожу, медленно наклоняясь ко мне, будто я не замечаю.

— Я больше ни в ком не нуждаюсь. Это моя проблема. Хотя я не против поделиться. Скарлетт, тебя когда-нибудь делили? Ты когда-нибудь была оседлана двумя петухами сразу?

Жар приливает к моим щекам, и я неловко ерзаю. *Что, черт возьми, происходит?*

Когда я была моложе, я бы ухватилась за эту возможность. За любую возможность быть с ним, но все изменилось. Я стала другой.

— Я бы предпочла...

Я не успеваю закончить фразу, потому что рот Трента внезапно оказывается на мне, заставляя замолчать. Мои глаза расширяются, и я пытаюсь отпрянуть от него, как только чувствую, что его язык входит в мой рот, но его хватка на моем бедре сжимается, заставляя меня захныкать, давая ему полный доступ к моему рту.

Пробуя другую тактику, я кладу руки ему на грудь и пытаюсь оттолкнуть, но он не двигается. Когда я пытаюсь снова, он отлетает назад, и я слишком поздно понимаю, почему.

Раздается громкий шум. Мне требуется секунда, чтобы осознать, что происходит, и когда до меня доходит, моя свободная рука взлетает ко рту, подавляя всхлип.

Баз хватает Трента за ворот смокинга и прижимает его к барной стойке, обхватив другой рукой за шею. Он рычит ему в лицо, говорит что-то, чего я не могу разобрать. Вены на его шее напрягаются, а кожа светлеет от ярости. Все смотрят на нас. Некоторые уже шепчутся, другие смеются, а большинство наблюдают с неодобрением.

Я сокращаю расстояние между парнями, пытаюсь добраться до База, прежде чем он устроит большую сцену. Я сжимаю его и дергаю.

— Баз, прекрати, — шиплю я.

— Прости, дружище. — Трент смеётся, задыхаясь. — Я не мог держаться подальше от неё.

— Оставайся на своём месте, Эйнсворт.

Себастьян отталкивает Трента, и с такой яростью, какой я никогда раньше не видела, он хватается за руку и начинает тащить прочь.

Мне приходится бежать, чтобы не отставать от его быстрых, сердитых шагов. Мы быстро собираем мой клатч, прежде чем выйти на улицу, направляясь обратно к Дэну, который уже ждет в машине. Будто этот человек знает, когда Баз вызовет его.

Мой желудок завязывается узлом от всей этой ситуации. Я не хочу, чтобы он злился на меня, и уж точно не хочу, чтобы он думал, будто я этого хотела.

Трент поцеловал меня, потому что я этого не сделала. По моим губам все еще ползут мурашки.

— Баз, пожалуйста, помедленнее, — тяжело дышу я. Он не слушает. — Я не хотела, чтобы он меня целовал. Клянусь. Я ничего не инициировала. Я вышла из туалета, а там оказался твой друг Маркус, потом Трент. Все произошло так быстро, и я искала тебя, но не могла найти. Я должна была оттолкнуть его сильнее. Мне так жаль, — бормочу я, пытаюсь успеть и сказать свою часть, прежде чем он, вероятно, скажет мне заткнуться. — Ты должен мне поверить, — тяжело дышу я. — Я бы никогда, никогда...

— Я тебе верю! — рявкает он, и я ошеломленно замолкаю.

Баз помогает мне сесть в машину и захлопывает за собой дверцу. Излучаемый им гнев портит воздух в замкнутом пространстве. Я чувствую, как он наполняет воздух. Мое сердце колотится в груди, и я продолжаю ерзать, ощущая себя неловко от сердитого молчания.

— Дэн, — рычит Баз.

Мои брови хмурятся, но понимание приходит ко мне, когда перегородка поднимается вверх, предоставляя нам некоторое уединение. Я понятия не имела, что здесь есть перегородка, но думаю, что если он собирается кричать на меня, немного конфиденциальности не помешает.

— Послушай, Баз... — начинаю я, но замолкаю, увидев мрачное выражение его лица.

Мышцы на его челюсти дёргаются, когда он стискивает зубы.

— На колени, — приказывает он, и от твердости его приказа я замираю, мои глаза расширяются.

— Ч-что?

Когда наши взгляды встречаются, по мне пробегает восхитительная дрожь. Волнение желания тянется глубоко в животе, и у меня перехватывает дыхание. Я никогда не видела, чтобы Баз смотрел на меня с таким темной, явной нуждой. Он ерзает на сиденье, откидываясь на кожаную обивку так причинно и лениво, раздвигая ноги, глядя на меня с вызовом в глазах.

Есть только небольшая пауза с моей стороны прежде, чем я встану на колени перед ним. Ковровый пол впивается мне в кожу и кости, но я все это терплю. Какая-то часть меня должна почувствовать отвращение, злость на бессердечное требование взять его в рот, но я не чувствую. Отнюдь. От одной мысли о минете, я промокаю насквозь. Что угодно, лишь бы избавиться от вкуса Трента. Что может быть лучше, чем заменить его на База.

Мои трясущиеся руки берутся с его ремнем, освобождая от брюк. Он не предлагает никакой помощи. Он просто лениво наблюдает за мной, и в его глазах все та же темнота. Я вижу, что он едва сдерживается.

Когда его твердый член высвобождается, мои губы автоматически раздвигаются. Я никогда не хотела взять кого-то в рот больше, чем в эту секунду.

— Соси.

Откровенная команда в его тоне заставляет мою киску запульсировать от желания. Тяжело сглотнув, я обхватываю ладонью его толстую длину. Вены натянуты, и его кончик выглядит сердитым. Я беру его в рот, прижимая язык к нижней части члена, скользя вниз по его бархатистой длине и обратно. С каждым ударом и облизыванием я беру все больше. Я не могу сдерживать стон, который вибрирует в глубине моего горла, когда мои губы прижимаются к его плоти.

Я посасываю кончик, двигая рукой по его твердой длине. Когда я смотрю на него из-под ресниц, всякое подобие спокойствия разбивается. Рычание отдается эхом в его груди, и он сжимает мои волосы в кулаке, направляя меня по всей длине. Обхватив мою голову обеими руками, Баз трахает мой рот. Он делает это с такой силой, что я задыхаюсь каждый раз, когда его кончик вонзается мне в горло. Я держусь за его мощные бедра, чтобы не упасть.

— Вот так, грязная девочка, — хвалит он каждый раз, когда я глубоко беру его. — Возьми. Возьми все это.

Мои глаза начинают слезиться, и как бы мне ни хотелось вытереть слезы, я хочу удовлетворить База, особенно после произошедшего. Я хочу, чтобы он кончил. Он словно читает мои мысли и знает, что я хочу именно этого, потому что внезапно дергает меня за волосы. Это не больно, но укол достаточно сильный, чтобы я вздрогнула, и моя киска наполнилась влагой.

Мы временно отстранены. Я стою перед ним на коленях, а его рука крепко вцепилась

мне в волосы. Он, с его членом, стоящим гордо и сердито, покрытый моей слюной. Мы смотрим друг другу в глаза, и я вижу, какую войну он ведет. Я все еще вижу гнев в его глазах, но клянусь, когда я смотрю на него, я вижу что-то еще.

— Оседлай меня, грязная девочка.

Я не теряю ни секунды. Мое сердце сильно бьется, когда я встаю с пола и забираюсь к нему на колени. Мы небрежно убираем шлейф моего платья рядом, чтобы он не мешал, когда я устраиваюсь на нем. Его член длинный и толстый между моих ног, когда я сдвигаю свои стринги в сторону, открывая ему свой центр.

Его руки сжимают мои бедра, и без предупреждения он дергает меня вниз, входя в меня по самую длину. Я со стоном откидываю голову назад, и моему телу требуется несколько секунд, чтобы привыкнуть к его длине. Я такая мокрая, что он скользит в меня без всяких ограничений. Я чувствую себя невероятно наполненной. Настолько переполненной, что, кажется, не могу отдышаться.

Подушечки его пальцев впиваются мне в бедра, побуждая двигаться. Я кладу одну руку ему на плечо, а другой обхватываю подголовник для опоры, начиная двигать бедрами вверх и вниз, оседлав его. Баз расслабленно откидывается на кожаное сиденье, наблюдая, как его член исчезает внутри меня. Он облизывает губы, его глаза темнеют от вожделения при виде наших тел, соединяющихся. Я вращаю бедрами круговыми движениями, трусь клитором о него. Чувствую, как нарастает оргазм, угрожая затянуть меня под воду.

Убрав руку с его плеча и обнимая за шею, я пытаюсь приблизить его рот к своему, когда хриплые стоны срываются с моих губ, но Баз не двигается с места; вместо этого он наблюдает за мной. Он наблюдает за выражением моего лица, когда я трахаю его. Он наблюдает за нашими телами. Его взгляд скользит по моим губам, и я наклоняюсь, пытаюсь снова поцеловать его, но он сжимает мои волосы, тянет мою голову в сторону и оставляет дорожку обжигающих горячих поцелуев вниз по шеи.

— Баз, — умоляю я.

Когда его большой палец начинает поглаживать мой клитор, я на грани слез. Это слишком. В этой позе, когда вся сила на мне, проникновение глубже. Я чувствую себя такой наполненной, что едва могу дышать.

— Поцелуй меня, пожалуйста, — задыхаюсь я, пытаюсь снова, но Баз лишь продолжает свой путь вниз по моей шее.

Я начинаю расстраиваться, когда мой оргазм угрожает ворваться в меня.

Почему он меня не целует?

Словно читая мои мысли, он хватает меня за бедра, и внезапно я оказываюсь в воздухе, а затем на спине, лежа боком на сиденьях. Он снова входит в меня, нависает надо мной и трахает. Я больше не в силах сдерживать стоны. Они громкие, эхом отдаются вокруг нас, отражаясь от кожи и стекла.

— Чья это киска? — рычит Баз, вдавливая меня в сиденье.

Я открываю рот, чтобы ответить, но вместо этого вырывается писк. Я не могу подобрать слов. Его рука скользит вверх по моему телу и срывает бретельку платья с плеча, обнажая грудь. Он стонет от разочарования, понимая, что у меня наклейки на сосках.

— Я. Сказал. Чья. Это. Киска? — выдавливает он, выговаривая каждое слово грубыми толчками.

— Она твоя, — хнычу я.

Мои глаза трепещут и закрываются, волнение моего оргазма так близко.

— Повтори еще раз. Скажи, чья это, черт возьми, киска, Маккензи. Скажи, что ты понимаешь.

— Она *твоя!* — я кричу, когда оргазм врывается в меня.

Дрожь сотрясает мое тело, и глаза закрываются. Всплески цвета становятся ярче за веками, и эйфория поднимает меня на такой уровень, на котором я никогда раньше не была.

Я задыхаюсь, цепляясь за его руки и плечи, словно он мой спасательный круг и якорь настоящего.

Кончая, Баз дергается надо мной, входя в меня. Осознание начинает оседать в моем затуманенном похотью мозгу, и я напрягаюсь. Моя грудь сжимается, когда я открываю глаза и вижу, что он смотрит на меня сверху вниз с пустым выражением.

Он наказывал меня. Вот почему он не поцеловал меня.

Он наказывает меня за то, что я подпустила Трента так близко. За то, что позволила Тренту поцеловать меня.

Я имею полное право злиться, и я злюсь, но не так, как на себя. Я вляпалась по уши. Их слишком много, и это сбивает с толку. Мое сердце и разум находятся в состоянии войны с этим человеком и его друзьями. Я хочу бросить все расследование и построить это — что бы это ни было — с Базом, но я должна Мэдисон. Я должна ей все объяснить. Даже если она никогда этого не услышит, справедливость должна восторжествовать.

Молча мы оба приводим себя в порядок. Я поправляю бретельку платья, прикрывая грудь и нижнюю половину. Баз снова натягивает брюки и проводит рукой по волосам, выглядя таким же спокойным и собранным, как всегда, будто он только что не трахал меня до бесчувствия.

Баз может поверить, что я не хотела, чтобы Трент целовал меня, но он все равно наказывает меня. Всю дорогу до курорта он холодно и отстраненно держится. Он извиняется, говоря, что у него работа, но говорит, что один из охранников отвезет меня в пентхаус, *если* я хочу туда.

Он больше не целует меня на ночь. И я ощущаю последствия этого в своем сердце. Со слезами на глазах и ледяным холодом в груди я смотрю, как он уезжает бог знает куда.

ГЛАВА 19

Баз

В ту же секунду, как за Маккензи захлопывается дверца машины, я нервно провожу рукой по волосам, дергая их за кончики, пока малейшая боль не обжигает кожу головы. Если бы Трент поцеловал любую другую девушку, я бы не беспокоился. Но это была не какая-нибудь другая. Это была гребанная Маккензи — та самая, которую я не могу выкинуть из головы в любое время дня.

Я просыпаюсь и думаю о ней; я на работе думаю о ней. Она, блядь, вторглась в каждую частичку моей жизни, включая курорт, который я построил. Ее близость в любое время дня и ночи сводит меня с ума. Она, черт возьми, сводит меня с ума. Я никогда не испытывал такой бессмысленной потребности владеть кем-то или быть рядом с другой девушкой, как с ней. И Трент, этот конченный ублюдок, знал, что делает сегодня. Они все знают. Ничего не изменилось с той ночи, когда открылся клуб. Ребята все почувствовали сдвиг.

Плечи Маккензи поникли, когда она вошла во внутрь. Мой взгляд следует за ней в этом золотистом платье, которое идеально облегает ее изгибы, пока я не перестаню ее видеть. Я не должен был позволять ей уйти. Я не должен был позволять делам идти так, как они шли. Она не виновата, что Трент поцеловал ее, но это не помешало мне наказывать ее. Я хотел, чтобы она забыла, как ощущаются его губы. Хотел заменить все это

со мной. С моим ртом на ее коже, с тем, как я трахаю ее. Я хотел быть единственным существом в ее орбите, единственным мужчиной в ее мыслях, потому что, видит Бог, она

единственная девушкой в моей.

— Куда, мистер Кинг?

Не отрывая взгляда от непрозрачных стеклянных дверей курорта, я знаю, что это единственное место, где они все будут.

— К Королям. Подъезжай сзади. Я бы хотел, чтобы мое присутствие сегодня стало сюрпризом.

В ту же секунду, как я открываю дверь, я точно знаю, к кому пришёл. С целым рядом противоречивых эмоций, пронизывающих меня, я вхожу внутрь, спокойный и отчужденный, как всегда, не сводя глаз с ублюдка со светлыми волосами и зелеными глазами. Ярость кипит в моем животе, и прежде, чем я осознаю это, мои руки сжимаются в кулаки, и я пересекаю комнату, замахиваясь на Трента.

У него не хватает времени, чтобы увернуться от удара. Мой кулак сталкивается с острой линией его челюсти, заставляя его голову откинуться в сторону от силы. Я наношу дополнительный удар левой рукой ему по лицу, просто для пущей убедительности.

Раздаются крики, и остальные парни начинают действовать, пытаюсь оттащить меня от Трента, но я хватаюсь за лацканы его смокинга и использую это как рычаг, ударяя его о затемненное стекло, выходящее на танцпол клуба.

— Если ты еще раз попробуешь такое дерьмо, клянусь, я тебя *прикончу*. Ты меня понял?

Трент морщится от боли, и струйка крови капает из одной ноздри, когда он смотрит на меня, огонь кипит в его глазах.

— Твое сердце в игре, Себастьян. Это на тебя не похоже.

— Ты ни черта обо мне не знаешь, Эйнсворт. Помни об этом.

Я отталкиваюсь от него, делая столь необходимый шаг назад, чтобы отдышаться и успокоить бурю, бушующую внутри меня.

Когда я оглядываюсь на остальных ребят, они настороженно наблюдают за мной. За все годы нашей дружбы, между нами, никогда не вставала девушка. Я не позволю этому случиться сегодня — это того не стоит, — но я также сообщаю об этом.

Маккензи под запретом.

Скарлетт под запретом.

Кто бы она ни была, черт возьми — Она. Под. Запретом.

Я прищуриваюсь, пристально глядя на каждого из парней. Маркус скрестил руки на груди и хмуро смотрит на меня. Зак помогает Тренту встать, похлопывая его по спине, будто он боец, который только что проиграл на ринге и нуждается в помощи. Винсент по-прежнему сидит на диване, как и тогда, когда я вошел. Он потягивает из хрустального бокала, наблюдая со скучающим выражением лица.

— Она под запретом. Мне все равно, даже если это против правил. Мне плевать, если вам это не нравится. Свяжетесь с ней, и у нас будут проблемы. Всем все ясно?

— Когда, блядь, ты стал вожаком?

Нельзя не заметить презрения в голосе Зака.

Я прищуриваюсь, стискивая зубы, чтобы сдержать гнев, бушующий в моем теле. Сделав угрожающий шаг вперед, я стараюсь говорить тихо и ровно.

— Я всегда был вожаком и всегда был главным. Давайте не будем забывать об этом. Вы все пришли ко мне, помните? Я решил ваши проблемы, и теперь вы будете делать все, что я скажу, потому что я здесь главный.

Наступившая тишина почти душит.

Не обращая внимания на их гнев, я иду к бару и наливаю себе выпить. Расстегнув пуговицу на смокинге, я сажусь напротив них, ожидая, кто заговорит следующим.

— У нас был план, Себ. Ты дал нам слово.

На этот раз Винсент едва сдерживается.

Я откидываюсь на кожаную обивку, демонстративно перекидывая лодыжку через колено. Я делаю большой, крепкий глоток из стакана и беру паузу, просто чтобы донести до него свои следующие слова.

— Я все еще даю вам слово. Но эта маленькая игра принадлежит мне, и если вам, ребята, она не нравится, — я демонстративно смотрю им всем в глаза, — Тогда вот там расположена чертова дверь.

Медленно до меня доходят мои слова, и напряжение в комнате рассеивается. Маркус садится на стул рядом со мной, и Зак звонит одному из охранников на нижнем этаже, который готов привести на ночь кучу желающих девушек. Единственный, кто все еще топчется в углу, это Трент. Он открыто смотрит на меня, даже после того, как приходят девушки. Одна пара садится по обе стороны от него; одна целует его в шею, а другая гладит его через брюки.

Я поднимаю свой почти пустой стакан в его сторону, что только еще больше злит его. Он агрессивно хватает обеих девушек и тащит их по коридору в одну из открытых комнат. Маркус стоит рядом со мной с великолепной, пышной рыжей, привязанной к его боку. Он делает паузу перед самым уходом.

— Ты тычешь медведя в Трента. Говорю тебе, мужик, — предупреждает Маркус.

Я пожимаю плечами.

— Он узнает свое место. Рано или поздно.

Маркус качает головой, юмор освещает его черты, но даже так, я все еще вижу беспокойство в его глазах.

— Нашел кого-нибудь, кто привлек твое внимание? — спрашивает он, имея в виду девушек в клубе, которых я хотел бы привести сюда, чтобы трахнуть.

Я качаю головой, не делая ни малейшего движения, чтобы встать.

— Пока нет.

Он мало что знает, что только одна девушка привлекла мое внимание и смогла удержать его, и эта девушка вернулась на мой курорт.

ГЛАВА 20

Маккензи

На следующее утро я просыпаюсь от света, льющегося в окна номера. Вчера я была так расстроена, что забыла задернуть шторы. Я решила, что после случившегося, космос сотворит чудеса с Базом и со мной.

Мне нужно время, чтобы подумать, время, чтобы привести голову в порядок, потому что, кажется, всякий раз, когда я долго нахожусь рядом с Базом, я начинаю забывать, почему я на самом деле здесь. Я начинаю верить, что то, что у нас есть, реально, а это не может быть правдой. Ибо, что, если это так? Это сделало бы меня лгуньей и неудачницей, а я отказываюсь быть той, и другой.

Приняв душ, я направляюсь прямо к стальному сейфу в номере. Введя код, я достаю документы и ноутбук. С моих волос все еще капает, когда я раскладываю все по кровати, пытаюсь разобраться во всем этом. У меня есть статьи о смерти моей сестры, неудачном судебном разбирательстве, которое последовало за этим, и все остальное между ними. На гала концерте я не узнала ничего нового — ничего, что можно было бы использовать против них. В отчаянии запустив пальцы в волосы, я покусываю ноготь большого пальца. Ужасная привычка с детства.

Встав с кровати, начинаю расхаживать по номеру. Мне нужно больше стараться. Я должна как-то уладить эту проблему с Базом и заставить его охотно привести меня к его

друзьям. Тогда и только тогда я смогу заставить их изменить мнение обо мне.

Прямо сейчас я представляю угрозу. Очевидно, им не нравится, что Себастьян серьезно относится к девушке. Это поставило бы под угрозу все их веселье.

Внезапно я останавливаюсь и поднимаю фотографию, которая привела меня сюда. Ту, что с Дикарями. На снимке не хватает только Маркуса и База. Внезапно в моем мозгу возникает идея.

Раньше я играла недостаточно умно. Но теперь все изменилось. Пришло время для жесткой игры.

Хотя мне, наверное, следовало провести ночь в пентхаусе и дожидаться База, я быстро одеваюсь, надеюсь, что мне все-таки разрешат подняться. Вчера мы не очень хорошо расстались.

Мне просто нужна была ночь, чтобы очистить голову и вспомнить, что я на самом деле здесь делаю. Надеюсь, он поймет. С вчерашним платьем, перекинутым через плечо, я поднимаюсь наверх, используя карту, которую он мне дал, и вместо того, чтобы войти, стучу в дверь.

На секунду мне кажется, что его там нет, и я начинаю сдуваться. Мои мысли путаются, когда я пытаюсь представить, где он может находиться. Он уехал с Дэном после того, как высадил меня вчера. Он куда-то отправился с остальными ребятами?

Я оживляюсь при звуке тяжелых шагов, и дверь внезапно открывается, показывая База без рубашки, одетого только в пару роскошных штанов на завязках. Я отчетливо вижу его член, и, Господи Иисусе, я снова возвращаюсь на круги своя.

Быстро взглянув на него, я прочищаю горло, заправляя выбившиеся пряди волос за ухо.

— Доброе утро. — я встревоженно покачиваюсь на ногах, когда он ничего не отвечает. Сердце колотится от страха. Возможно, прошлая ночь действительно стала последней каплей. У него есть выбор, он не должен иметь дело с моей ерундой. — Я подумала вернуть платье обратно. Еще раз спасибо за вчерашнее. — я протягиваю ему платье, но он его не забирает. Он просто склоняет голову набок, наблюдая за мной. Я устало вздыхаю. — Баз, пожалуйста. Мне действительно очень жаль из-за вчерашнего...

— Ты все еще не перенесла свои вещи наверх.

Мои брови медленно поднимаются на сантиметр.

— Мои вещи? Подожди... что?

— Был ли прошлый вечер твоим ответом?

Мои глаза медленно расширяются от понимания.

— Нет! Боже, нет. Я просто давала тебе пространство. Все так запуталось. Я не хотела, чтобы ты сердился на меня, но мне казалось, что ты злишься.

Баз вздыхает. Он поднимает глаза к потолку, ища, как я предполагаю, силы, и дергает головой через плечо.

— Заходи. Внутри завтрак.

На балконе ярко светит солнце. Маяки света заливают стол и разложенную еду. Пахнет божественно, и, как по команде, мой желудок смущенно громко урчит.

Я кашляю в кулак, пытаюсь заглушить шум.

— Ждешь гостей?

Он садится напротив меня и пододвигает ко мне кружку со свежим кофе.

— Нет.

Ублюдок.

Мы наслаждаемся едой в относительно уютной тишине, любуясь видом на холмы. Солнце светит на его золотистую кожу, и когда наши глаза встречаются, легко разглядеть зеленые искорки в его глазах. Это смесь красивых цветов, подходящих красивому мужчине.

— Итак, — говорю я, ставя пустую кружку на стол. — Может, поговорим сейчас?

Баз медленно, почти задумчиво кивает, переводя взгляд на залитые солнцем холмы.

— Наверное, мне следовало предупредить тебя насчет парней. У них может включаться режим... защитников.

Я обдумываю это.

— Они всегда были такими? То есть я понимаю. Я тоже могу защищать девочек, но до какой степени?

Баз смеется, но без юмора.

— У парней нет ограничений. Они заходят слишком далеко, и чаще всего мне приходится наводить порядок.

Мои глаза переводят взгляд на него при этом признании.

Что это значит?

— Для них всегда страшно впутывать в это дело девушку. Вот почему холостяцкий образ жизни работает для всех нас. Нам не нужно беспокоиться над тем, что девушка изменит динамику нашей дружбы. Сколько я себя помню, нас было пятеро. Мы всегда прикрывали друг друга, и привести тебя на гала-концерт было...

— Словно я вторглась на их территорию, не так ли? — я вздыхаю и качаю головой. — Это определенно объясняет, почему все они почувствовали необходимость унижить меня вчера.

Губы База складываются в трубочку. Очевидно, мысль о том, что меня преследуют парни, ему не нравится.

Потянувшись через стол, я беру его за руку, отвлекая его внимание.

— Послушай, Баз, последнее, что я хочу сделать, это вызвать разногласия между тобой и твоими друзьями. Никто не знает, что это, — я жестом указываю на нас, — Но пока я здесь, я хочу посмотреть, куда это поведет. Так что, если это означает, что мне нужно доказать твоим друзьям, что я не представляю угрозы, я сделаю это. Как насчет ужина? Или мы можем заглянуть в клуб?

При этом предложении его лицо мрачнеет.

— Им это не понравится, но, если тебе будет комфортно снова находиться рядом с кем-то из них, особенно с Трентом, я смогу... я посмотрю, что можно сделать.

Я победно улыбаюсь, целуя его в щеку. Я доедаю большую часть свежих фруктов на своей тарелке и снова поворачиваюсь к холмам. Баз не лгал, говоря, что парни не обрадуются, если я вмешаюсь в их жизнь, но после того, как они пытались запугать меня прошлой ночью, они это заслужили. Я буду играть роль милой «девушки», но они не будут знать, что я рядом, чтобы уничтожить их. Чего бы это ни стоило.

— Не знал, что у тебя есть сестра.

Я замираю с вилкой на полпути ко рту. Страх укореняется в моем животе, когда я пытаюсь понять, почему он сказал это. Я медленно опускаю клубнику, вилка звенит о

тарелку, когда я поворачиваюсь к Базу, краска медленно сходит с моего лица.

— Как ты...?

Я даже не могу закончить предложение. Меня бросают в петлю, потому что это именно то, от чего я старалась держаться подальше. Баз вспомнил меня. Две мои жизни столкнулись.

Маккензи и Скарлетт.

Настоящая я и лжепророк.

— На гала концерте я слышал, как ты разговаривала с Авой.

У меня сжимается грудь, когда я слышу ее имя. Я все еще не хочу думать о том, что я, вероятно, никогда больше ее не увижу. Она стала маленьким кусочком рая, в то время как я имела дело с придурками из Шестого Круга Ада.

Я прокручиваю в голове наш с ней разговор и мысленно проклиная себя, что пролила часть своей настоящей жизни. Он услышал. Теперь это невозможно отрицать. Теперь это просто игра в ожидание, чтобы увидеть, сложит ли он кусочки головоломки вместе.

Я сглатываю, стараясь удержать дрожь в своём тоне. Сама мысль разговора о Мэдисон с Базом, кажется неправильной, но в каком-то смысле также я чувствую себя вправе разделить с ним эту часть своей жизни. Мне просто нужно немного исказить правду.

— Та подруга, о которой я тебе рассказывала? — он молча изучает мое лицо, ожидая продолжения. — Я действительно говорила о своей сестре. Не знаю, почему я сразу не сказала. Может, потому что я стараюсь не думать о ней слишком часто, но это невозможно. Она повсюду. Даже когда я хочу, чтобы ее не было.

Глаза База смягчаются, а мои начинают щипать. Это даже не для шоу. Каждый раз, когда я произношу ее имя вслух, это возвращает меня назад. Это возвращает меня к боли, которую ее смерть принесла нашей семье.

— Мы были близнецами, — шепчу я, мое горло сжимается от волнения. — Она всегда была такой... красивой и необыкновенной, и по сравнению с ней я всегда была второй. Для нее это постоянно было соревнованием. У нее было все на меня, и она знала это, но все же, казалось, она всегда должна была давить сильнее. Оставить меня в пыли только для того, чтобы показать, чего я стою.

Слеза скользит по моей щеке, и я сердито смахиваю ее, ненавидя себя, что после девяти гребанных лет я все еще не могу держать себя в руках, когда дело доходит до Мэдисон.

Временами мне хотелось ее возненавидеть — черт, какая-то маленькая частичка меня все еще ненавидит. После всего, через что она заставила меня пройти после того, как она обращалась со мной, когда мы перешли в среднюю школу, я должна презирать свою сестру-близнеца. Я должна была сказать «скатертью дорога» после ее смерти и продолжать жить необыкновенной жизнью. Но большая часть меня, которая любит ее, не позволит этому произойти. Я люблю Мэдисон, несмотря на все плохое.

— Маккензи, тебе не обязательно заканчивать. Я все понимаю.

Понимание на его лице заставляет меня покачать головой, потому что он не понимает. Даже несмотря на то, что мы ненавидели друг друга, я все еще любила свою сестру всем сердцем, и без нее я увядала. Я умирала без своей второй половины.

— Даже несмотря на то, что мы дрались как ненормальные, она все еще была той... кем не была я. Я смотрела на нее снизу вверх. Она была прекрасной версией меня самой, в которую я хотела бы однажды превратиться. В ночь ее смерти, мы поссорились. — я невесело смеюсь, шмыгая носом. — Мы всегда ссорились, так что это не стало сюрпризом.

Но... я все думаю, может быть, если бы я сделала что-то другое, то, возможно, она все еще была бы здесь. Возможно, у нее имелась бы возможность прожить свою жизнь гораздо лучше, чем я прожила свою.

Баз подтаскивает мой стул к себе, наклоняясь ко мне так, что наши взгляды оказываются на одном уровне. Нежным прикосновением, которое так не похоже на него, он смахивает слезы с моих щек. Мы смотрим друг на друга. Я, мои глаза, блестящие от слез, и он, выглядящий нежным и хорошо собранным. Мое сердце начинает злиться, потому что, хотя он вытирает мои слезы, его друзья и, возможно, даже он сам приложили руку к смерти Мэдисон. Приложил руку к тому, чтобы отнять ее у меня.

Я стискиваю зубы, огонь внезапно разливается по моим венам.

— Но она никогда этого не сделает. Она никогда не сможет жить так, как ей всегда было предназначено, потому что кто-то думал, что может играть в Бога. Кто-то взял на себя смелость забрать ее у меня. Чтобы разрушить мою семью. И самое главное, я до сих пор не понимаю, почему. Все эти годы спустя у меня все еще нет ответов, в которых я нуждаюсь.

Лицо База затуманивается гневом.

— Ты хочешь сказать, что они так и не поймали этого сукина сына? Разве это не парень, с которым она встречалась?

И вот тут-то все усложняется. Потому что я сказала, что моя лучшая подруга переехала, и ее парень причинил ей боль. Как, черт возьми, я могу связать обе истории, не всколыхнув его память?

— Моя сестра рассердилась, когда нам пришлось переехать. Она должна была оставить своих друзей и своего парня. Иногда, она никому не сообщала, что уезжала к нему в гости. И однажды ночью она просто не вернулась. Ее тело нашли спустя несколько дней. У него было алиби, так что это мог быть кто-то другой. Возможно, так оно и было.

— Но ты в это не веришь.

Я оглядываюсь на него.

— Нет. Не верю. Он одурачил всех остальных. Всех, кроме меня.

Баз проводит пальцами по волосам и резко вздыхает.

— Мне очень жаль, Маккензи. Я понятия не имел.

Я втягиваю воздух и заставляю себя улыбнуться. Сжимаю его руку, которая все еще накрывает мою.

— Все в порядке. Я не хотела так нагружать, но... еще я очень рада, что ты знаешь. Я никогда никому этого не говорила.

Удивление мелькает на его лице.

— Никому?

Я отрицательно качаю головой.

— Ее смерть стала причиной моего отъезда из Калифорнии. Наша семья уже никогда не была прежней, и мне просто нужно было начать все сначала. Там, где я не была бы окутана воспоминаниями о ее смерти. Никто из моих друзей на Восточном побережье не знал обо мне ничего настоящего. Все во мне ложь. А теперь, — я резко выдыхаю, — Ты знаешь почему.

— Ты когда-нибудь жалеешь, что покинула город?

Я поджимаю губы, обдумывая это.

— Иногда. Но не думаю, что выжила бы, если бы не это. Я находилась в темном месте. Не думаю, что люди понимают, насколько близки близнецы. Не иметь ее рядом, когда она

мне нужна... пытка. Абсолютная пытка.

— Чтобы начать все сначала, нужно много мужества.

— Или трусости, — бормочу я.

Он становится серьезным.

— Не делай этого. Не принижай себя и свои решения. Ты сильная, что бы ты о себе ни думала.

Мой подбородок дрожит.

— Ты действительно так думаешь?

Баз улыбается. Появляется маленькая ямочка на левой стороне его лица, из-за чего мой живот ныряет с плавающим ощущением. Его ямочка редкое зрелище, может быть, потому что он редко улыбается так, а когда улыбается? Он оказывает на меня такое обольстительное действие, что у меня чуть не вырывается из легких дыхание.

— В ту же секунду, когда ты наткнулась на The Den, когда были расставлены знаки, указывающие, что ресторан закрыт для публики, я понял, что ты другая. Так что да, я действительно так думаю. А теперь пойдём. Хочешь поплавать?

Мой язык прилипает к небу, и я сжимаю губы, кивая. Я смотрю, как Баз поднимается, направляясь внутрь, и наблюдая, как он уходит, что-то теплое завивается в моей груди и вокруг сердца. Оно воюет с глубокой ямой в моем животе. То, что я чувствую к Базу, небезопасно для нас обоих. Это катастрофа, ожидающая своего часа. Потому что независимо от того, что я испытываю к нему, я никогда не перестану пытаться добиться справедливости для Мэдисон.

Я могу только надеяться, что, когда все будет сказано и сделано, мое сердце переживет обломки.

ГЛАВА 21

Маккензи

Прошлое

Я выпрямляюсь на кровати, мои брови хмурятся, когда я слышу тихие рыдания в соседней комнате. Прикусив нижнюю губу, я подумываю о том, чтобы пойти проверить ее, но если я что-то и знаю о своей сестре, так это то, что она любит уединение. Меньше всего она хочет, чтобы я видела, как она плачет.

Испустив измученный вздох, я все равно встаю с кровати. Взглянув на часы на тумбочке, я понимаю, что уже за полночь. Я даже не слышала, как она прокралась обратно. Мэдисон мастер проскальзывать в дом и выходить из него, не разбудив родителей и, очевидно, не разбудив меня тоже.

Я останавливаюсь перед дверью ее спальни, пытаюсь собраться с духом, чтобы войти. Тихонько постукивая костяшками пальцев, чтобы не разбудить родителей, и на цыпочках прокрадываюсь внутрь и вижу, что Мэдисон лежит на кровати, уткнувшись лицом в подушку, и рыдает.

Мои ноги замерзают, и я вдруг задаюсь вопросом, хорошая ли это идея. Я не знаю, как кого-то утешить, так что, черт возьми, я делаю?

Мои родители не самые выразительные, когда дело доходит до проявления

привязанности. Мы не семья, которая обнимается или делится воздушными поцелуями или чем-то в этом роде. Мой отец всегда слишком замкнут для этого. Я думаю, что отсутствие привязанности перешло на нас с Мэдс, сделав нас неспособными показать свою привязанность физически.

Напряжение поселяется в моей груди, сжимаясь с каждым вдохом, когда я сокращаю расстояние, между нами. Очень осторожно я присаживаюсь на край ее кровати и осторожно кладу руку на ее вздымающуюся спину. Ее рыдания прекращаются, и все ее тело напрягается под моим прикосновением.

— Ты в порядке, Мэдс?

Через несколько секунд она поворачивается ко мне лицом, и на ее красивом лице появляется ярость.

— Тебе какое дело? — огрызается она.

— Конечно, мне есть до этого дело. Я ненавижу слушать, как ты...

Мэдисон шлепает меня по руке, будто мое прикосновение вызывает у нее отвращение.

— Не трогай меня и оставь в покое. Последний человек, которого я хочу сейчас видеть, это ты.

В горле образуется комок, а глаза горят от нахлынувших эмоций. Я открываю рот, но благоразумно закрываю его, не зная, что сказать. С печальным вздохом я выпрямляюсь и выхожу из ее спальни так же тихо, как и вошла.

Вместо того чтобы вернуться в свою комнату, я спускаюсь вниз. Я возжусь с предметами в шкафу, вытаскивая муку и сахар. Беру две кружки и начинаю измерять ингредиенты в каждой чашке, смешивая и совершенствуя по ходу.

Один за другим я готовлю смесь для пирожного в микроволновке, и когда оба десерта сделаны, я убираю беспорядок и возвращаюсь наверх. Собрав все свое мужество, которого у меня, конечно же, нет, я глубоко вздыхаю и тихо захожу в спальню. Убийственный взгляд Мэдисон устремляется на меня, и я вижу, как гнев окрашивает ее щеки.

Я протягиваю ей кружку.

— От пирожных в кружке мне всегда легче. Держи.

Губы Мэдди сжимаются в мрачную линию.

— Ты действительно думаешь, что пирожное в кружке решит мои чертovy проблемы? Последнее, чего я хочу, это стать толстой и скучной, как ты. Может, ты попробуешь пробежаться вместо того, чтобы есть, решая свои долбанные проблемы, — огрызается она.

Мэдисон поворачивается, возвращая кружку мне.

Я шмыгаю носом, не обращая внимания на дрожащий подбородок. Я осторожно ставлю кружку на ее стол и медленно поворачиваюсь, оставляя ее одну. Как только я хватаюсь за ручку, ее голос останавливает меня.

— Почему ты всегда так мила со мной, даже когда я веду себя как стерва? — говорит она растерянно, будто честно не может понять, почему я забочусь о ней.

Я останавливаюсь на пороге и хватаюсь за дверной косяк. Бросив ей грустную улыбку через плечо, я говорю:

— Потому что я люблю тебя. И это то, что делают сестры.

Я на цыпочках возвращаюсь в свою комнату и устраиваюсь под одеялом. Я ем пирожное и с каждым кусочком ненавижу себя. Лучше бы я не была такой. Жаль, что я не всегда обращаюсь к еде за утешением или для решения своих проблем.

Закончив, я ложусь на бок и смотрю в окно на луну, висящую над звездами. Скрип двери на петлях заставляет меня пошевелиться. Удивление окрашивает мое лицо, когда я замечаю Мэдисон, крадущуюся внутрь, несущую кружку с пирожным, который я ей испекла. Не говоря ни слова, я отодвигаюсь, освобождая ей место. Она забирается на кровать рядом со мной и задумчиво смотрит в потолок.

— Я знаю, что веду себя не так, но я тоже люблю тебя, Мак. Навечно.

Слезы текут по моим щекам при воспоминании. Прохладная грязь просачивается в мои джинсы, но я не делаю ни малейшего движения, чтобы встать и уйти. Я потеряла счет тому, как долго я здесь сижу. Мы похоронили мою сестру два дня назад, и хотя она ушла, действительно ушла, я все еще чувствую ее. Она повсюду. В моей голове, поглощает мои мысли. В воздухе, наполняющем мои легкие, и в крови, бьющейся в сердце. Она на свежем ветру и постоянном дожде, который, кажется, не утихает.

Притянутая к ее могиле, я прибыла сюда сегодня рано утром и ни разу не встала. Я запрокидываю голову, смотрю на темнеющее небо и резко выдыхаю. Наверное, мне пора. Я знаю, что мама с папой будут волноваться, а может, и нет. После похорон я вернулась домой. Мои родители, казалось, были более открыты к тому, чтобы я была рядом. Бабушка и дедушка ясно дали понять, что, если мне когда-нибудь понадобится перерыв, я всегда смогу остаться с ними. И, возможно, я так и сделаю.

Мои родители зомби, едва справляющиеся с повседневной жизнью. Они почти не разговаривают друг с другом. Они даже не смотрят на меня. В доме так тихо, что слышно все. Я слышу рыдания матери. Слышу, как они шепчутся, кричат друг на друга. Внизу тикают дедушкины часы.

Мы не разговаривали. Ни о Мэдисон, ни об этих придурках в городке, вообще ни о чем.

Единственное место, где я действительно чувствую себя довольной и желанной, это здесь, с Мэдс. Странно, какое утешение я получаю, просто сидя перед тем местом, где она покоится. Она слушает, как я плачу над ней, и слушает мои страхи и гнев, которые живут во мне, но она никогда ничего не говорит в ответ. Не то чтобы я ожидала от нее этого.

Оттолкнувшись от влажной травы, я вытираю со спины несколько выбившихся травинки и грязь и перекидываю рюкзак через плечо. Мои Конверсы хрустят, когда я пробираюсь сквозь мертвых. Дрожь пробегает по спине, двигаясь через кладбище к выходу. Впрочем, я к этому уже привыкла.

Мой желудок яростно урчит, когда я иду в центр города, мимо магазинов, закрывающихся на ночь. Я останавливаюсь перед пекарней, единственной еще открытой, и решаю перекусить. Это не значит, что мы будем есть что-нибудь дома. Думаю, что мои родители выживали за счет кофе и своих слез.

Как только я переступаю порог пекарни, несколько посетителей останавливаются. Все разговоры стихают, и начинается шепот. Я уже знаю, что все обо мне думают. Половина городка думает, что я знаю, что случилось с моей сестрой. Другая половина, что я сошла с ума из-за ложных обвинений компании парней, которые через неделю уезжают в колледж.

Позволив шепоту слететь с моей спины, я подхожу к стойке, и миссис Беверли смотрит на меня грустными глазами, словно понимает.

— Что тебе подать, Кензи?

— Два кусочка лимонного беэе.

Она замолкает, и я тоже, осознав свою оплошность.

Это единственное, в чем Мэдисон всегда могла рассчитывать не меня — принести ей

кусочек торта. Кусочек чего угодно, на самом деле. Это было нашим делом. Даже когда мы не могли выносить друг друга, я всегда заходила сюда и приносила ей кусок торта.

Мои глаза горят от нахлынувших эмоций.

— Я... я имею в виду о-один кусочек...

Миссис Беверли качает головой, ее глаза затуманиваются. Как обычно, она отрезает два ломтика и неуверенно улыбается мне.

— Два кусочка. Безвозмездно.

Я веду борьбу со своими эмоциями. Зажав нижнюю губу зубами, я крепко сжимаю ее, пытаюсь сдержать слезы.

— Спасибо, — выдыхаю я, мои руки дрожат на коробке.

Я прижимаю коробку к груди, не поднимая покрасневших глаз, когда выхожу. Я иду по улице обратно к своему дому, но громкий смех впереди заставляет страх завибрировать по всему телу. Я чуть не роняю коробку. Когда я поднимаю глаза, парни замечают меня.

— Ну, ну, ну, — Винсент растягивает слова. — Если это не самый главный нарушитель спокойствия в городке.

Страх пускает корни в животе.

Остальные ребята смеются. Я понимаю, что сегодня их только трое. Маркуса и Себастьяна нет.

Расправив плечи, я сжимаю руками коробку с едой и пытаюсь протиснуться мимо них. Я не стану устраивать сцену, когда все в городке уже думают, что я ненормальная, но Винсент преграждает мне путь. Его тяжелая рука ударяет меня в грудь, отталкивая назад. Воздух выбивается из моих легких, и я задыхаюсь, с трудом удерживаясь на ногах.

— Теперь ты не такая крутая, правда, Райт?

Мое сердце неуверенно колотится в груди. Я борюсь, чтобы вдохнуть воздух.

— Уйди с дороги, или да поможет мне Бог, — предупреждаю я.

Мой голос выдает меня, показывая им, насколько я напугана.

Они все смеются, охая над моей демонстрацией бравады.

— Что собираешься сделать, принцесса? Распространять еще больше лжи? — издевается Зак рядом с Винсентом.

Гнев, печаль и чувство вины, которые безрассудно копились во мне, вырываются наружу. Язвительные слова срываются с моих губ, как у одержимого человека.

— Нет! — рявкаю я. — Я разоблачу вас всех, кто вы есть на самом деле. Я знаю, что вы сделали, и не остановлюсь, пока справедливость не восторжествует. Не остановлюсь, пока весь городок не узнает, что вы убийцы. Не остановлюсь, пока ваши колледжи не вышвырнут вас вон. Не остановлюсь, пока вы не достигнете...

Винсент двигается так быстро, что я даже не замечаю его руки, пока он не обхватывает мое горло, и толкает к кирпичному зданию позади. Моя голова ударяется о кирпич, и боль взрывается, ошеломляя меня на несколько секунд.

— Ты ни хрена не понимаешь, о чем говоришь. Ты совсем рехнулась? Сколько раз мы должны говорить тебе, чтобы ты держала свой гребаный рот на замке?

— В-вы... у-убийцы, — я задыхаюсь от давления на горло.

Глаза Винсента сверкают гневом, и он увеличивает давление.

— Ты пожалеешь, что связалась с кем-то из нас, Маккензи. Если из-за тебя я лишусь стипендии, ты *труп*.

Он отпускает меня и протискивается мимо, оцетинившись от гнева. Все мое тело

дрожит, когда я смотрю, как они уходят, и думаю, что я в безопасности, пока Трент не выбивает коробку из моих рук. Она падает на землю, лимонное безе рассыпается у моих ног.

— Ты не выиграешь эту битву, милая, — зловеще говорит он, проходя мимо.

Они трусят по тротуару, ни о чем не заботясь. Я остаюсь стоять там, моя грудь вздымается от гнева, когда я пытаюсь сделать ровный вдох, ярость горит в моих венах.

Может, я и не выиграю эту битву, но я точно выиграю эту чертову войну.

На следующее утро я просыпаюсь от стука в дверь своей спальни. Я стону от оглушительного вторжения и выпрямляюсь на простынях. Мои затуманенные глаза фокусируются на маме и папе, которые стоят с гневом, написанным на их лицах. Моя сонливость внезапно рассеивается, и я сажусь, страх поднимает мой пульс на несколько ступеней.

— Что ты наделала?

— Что вы имеете в виду?

Я ничего не слышу, кроме рева крови в моих венах.

— Тебе предъявили иск о клевете.

Мои глаза расширяются, и я резко смеюсь.

— Прости, что? Это шутка?

Мой отец швыряет стопку бумаг на кровать, гнев окрашивает его лицо.

— Это похоже на чертову шутку, Маккензи?

Я беру одну из фотографий в стопке, и мой желудок сжимается, когда я вижу, что написано на двери гаража. Я подбираю снимок за снимком, и на каждом из их гаражей написано одно и то же. Они ни за что не подумают, что это сделала я. Когда у меня было время?

Ярко-красной краской из баллончика написано «убийца» на дверях гаражей в каждом из их домов. Слова Винсента снова и снова звучат в моей голове.

— Ты пожалеешь, что связалась с кем-то из нас.

Я копаюсь в бумагах, пробегая глазами по юридическому жаргону. Я не могу обмозговать все это.

— Как мы можем помочь тебе, Маккензи, если ты продолжаешь заниматься подобными вещами?

Дыхание застревает в горле, на глаза наворачиваются слезы.

— Ты действительно думаешь, что я настолько глупа, чтобы сделать что-то подобное? Когда у меня было время? Я *знаю*, что они это сделали...

— Хватит! — рявкает папа. — Ты понимаешь, что означает этот суд? Разве похоже, что у нас есть деньги на адвоката, Маккензи?

Страх впивается мне в грудь когтями.

— На кой черт мне адвокат? Я ничего не делала! Они стоят за этим!

— Просто успокойся. Я позвоню шерифу Келлеру за помощью, и мы решим, что делать дальше, — говорит мама усталым голосом.

Оба моих родителя поворачиваются, чтобы уйти, и я сползаю с кровати, моя грудь тяжело вздымается. Я держусь на волоске. Мои эмоции и рассудок кипят.

— Когда вы оба мне поверите?

— Когда ты наконец скажешь правду, — огрызается папа, захлопывая за ними дверь.

Я падаю обратно на кровать, страх поселяется в основании моего позвоночника. Я снова беру стопку, просматривая все.

Они меня подставляют.

Они заставляют меня выглядеть так, будто я проблема в городке, так что они все могут уехать в закат и посещать свои колледжи без каких-либо проблем.

Я быстро одеваюсь и шаркаю вниз по лестнице. Хотя я и хотела бы остаться в своей комнате, мне нужно знать, что происходит. Я не могу допустить, чтобы этим ублюдкам сошло с рук что-то еще.

На кухне полный хаос, какой я видела за последние дни. Мама говорит по телефону, а папа разговаривает с бабушкой и дедушкой. Я даже не слышала, как они вошли, когда одевалась.

Когда я переступаю порог, все оборачиваются и смотрят на меня. Почему я чувствую себя чужой — совершенно нежеланной в собственном доме?

Я направляюсь прямо к кофейнику и наливаю себе чашку. Обычно мама что-то говорит о моем потреблении кофеина, но, очевидно, не сегодня.

Она вешает трубку с кем бы то ни было, скорее всего с шерифом Келлером, прежде чем устало вздохнуть и потереть виски.

— Я только что говорила по телефону с шерифом Келлером, а потом с Джаредом из компании. Он решил помочь нам. Мы можем бороться с иском. У них нет доказательств, что ты написала любое из этих граффити. Все, что нам нужно, это надежное алиби. Итак, Мак, пока Джаред не пришел, где ты была прошлой ночью?

На моем лице появляется мрачное, разочарованное выражение.

— Вчера ночью я была дома. Я никуда не ходила.

— Черт, Мак...

— Хватит, Майкл, — ворчит дедушка. — Она сказала тебе, где была. Вместо того чтобы тратить свою энергию на то, чтобы злиться на нее и не верить ей, почему бы вам на самом деле не попытаться разобраться в этом и помочь своей дочери?

Папа молча тушится. Я благодарно смотрю на дедушку и жду, когда Джаред придет с хорошими новостями.

ГЛАВА 22

Маккензи

Я слушаю шум воды в ванной комнате База и ерзаю на кровати, мой взгляд постоянно перемещается к его телефону, который лежит на тумбочке у закрытой двери. Мое сердце бешено колотится.

Это неправильно.

Я знаю, что это неправильно.

Несмотря на это, я все равно хватаю его. Мои руки дрожат от тяжести устройства. Обычно он не кажется таким тяжелым, но сейчас? Кажется, что это штука весит миллионом килограмм.

Очевидно, он защищен паролем. Я почти закатываю глаза.

Какая я идиотка?

Я уже собираюсь положить телефон обратно на тумбочку, когда у меня появляется идея. Это может не сработать. Шансы невелики, но попробовать не помешает. Если я не сделаю этого сейчас, у меня, возможно, никогда больше не будет такого шанса.

Я торопливо пересекаю спальню, роюсь в корзине с бельем База, подбираю брюки, в которых он был вчера на гала концерте. Я копаюсь в поисках, и почти кричу от радости, когда мои пальцы сжимают кожу. Я медленно вытаскиваю его бумажник и некоторое время смотрю на него, моля Бога, чтобы это сработало.

Дрожащими пальцами я открываю его и достаю водительские права. Не удивлюсь, если на фото он выглядит красавцем. Большинство людей на своих удостоверениях и водительских правах выглядят совершенно иначе, чем в реальной жизни, но, конечно, те же правила не применимы к Базу.

Протягивая удостоверение с фотографией, я хватаю его телефон. Я пытаюсь соединить его удостоверение и телефон для распознавания лиц, но не могу заставить, чтобы это сработало. Я стону от разочарования, пытаюсь еще раз.

На этот раз я помещаю фотографию дальше, и внезапно экран открывает домашнюю страницу, демонстрируя все его приложения.

Я задыхаюсь от недоверчивого смеха.

Это сработало.

Черт! Это сработало!

Я нажимаю на иконку почты, решив сначала поискать в его письмах что-нибудь подозрительное. Пока все загружается, я засовываю его удостоверение обратно в бумажник и кладу бумажник в карман. Я бросаю его брюки в корзину, стараясь, чтобы все выглядело нормально. Я напрягаюсь, прислушиваясь к шуму воды, просто чтобы убедиться, что он все еще в душе.

В строке поиска я набираю дату смерти Мэдисон, но, конечно, ничего не всплывает. Это было много лет назад, и мы были еще детьми. Конечно, с тех пор он не получал никаких писем. Я стираю, затем набираю имя Мэдисон, и поиск оказывается пустым. Я с тревогой оглядываюсь через плечо, убеждаясь, что он все еще принимает душ.

Я ввожу сначала имя Трента, просматривая все их электронные письма. Все они связаны с работой. То же самое касается и остальных ребят. Ничего подозрительного. Когда вода внезапно выключается, мой желудок падает, и я бегу обратно в спальню, мое сердце колотится.

Я прыгаю на кровать, закрываю его электронную почту и блокирую телефон, затем кладу его обратно на тумбочку, пытаюсь вспомнить, в каком положении он оставил его. Я стараюсь быть непринужденной, лежа на кровати со своим телефоном. К тому времени, когда он возвращается в спальню, вода стекает по его телу. Я чувствую себя чертовски виноватой.

Зачем я это сделала?

Конечно, Баз ничего не знает.

Я предаю его доверие. Я превращаюсь в сумасшедшую. И все ради чего?

— *Не притворяйся, что не знаешь, зачем ты это делаешь. Ты не можешь проиграть, только не сейчас,* — предупреждает голос Мэдисон.

Я стряхиваю ее, стараясь уделить Базу все свое внимание.

Когда он замечает, что я смотрю на него, он ухмыляется, роняя полотенце, и мой живот сжимается, а сердцевина пульсирует от предвкушения.

Когда Баз идет к кровати, он убирает мой телефон на подушку рядом и тянет меня к краю. Раздвигает мои ноги, его пальцы играют с моими складками, прежде чем он встает на колени и задирает свою огромную рубашку вверх по моему телу, обнажая грудь. Я ненавижу себя, когда он поедает меня с ненасытным голодом. Он стонет, играя с моими грудями. Пока он работает над моим телом, вытягивая из меня оргазм за оргазмом, я клянусь бросить все задуманное, когда дело касается его. Потому что рисковать этим? Я отказываюсь на это идти. Если я и собираюсь продолжать свои исследования, то только с остальными ребятами,

а не с ним.

— Ты совершаешь ошибку. Он первопричина всего этого. Разве ты не видишь?

Голос Мэдисон продолжает предупреждать меня, но я переключаюсь на База. Я теряюсь в его глазах, в том, как он смотрит на меня с горячей одержимостью, что мое тело пылает. Я теряюсь в его запахе, мускусном аромате розового дерева, от которого у меня кружится голова, от похоти, что сердце бьется в довольной мелодии. Теряюсь в его прикосновениях, в том, как он работает над моим телом, как прикасается ко мне и ласкает, будто я его спасательный круг, и если он отпустит меня, он рискует потерять меня навсегда. Когда я с ним, как сейчас, это единственный раз, когда я действительно чувствую себя собой. Маккензи. Настоящей я. Он проник внутрь меня и сумел внедриться в мой разум и душу.

Насытившись, совершенно запыхавшись от оргазмов и не в силах пошевелиться, я поворачиваюсь к Базу, который наблюдает за мной.

— Ты выглядишь усталой, — замечает он.

Я не могу удержаться от смеха.

— Ну, ты только что выжал из меня двадцать оргазмов.

Он усмехается, качая головой в ответ на мой драматизм.

— Ты готова отправиться со мной на вечер покера?

Я поднимаю брови.

— Вечер покера? С кем? — его рот кривится, и мой желудок проваливается, не в лучшую сторону. — С твоими друзьями?

— Ты не должна. Они никогда не согласятся на ужин, а клуб... они были бы слишком заняты.

— Ну, лучше сейчас, чем никогда, верно?

— Это моя девочка. — он шлепает меня по голой заднице, целомудренно целуя в губы. — Иди и прими душ. Я буду ждать, пока ты будешь готовиться. Все приезжают, когда захотят.

Я быстро принимаю душ и одеваюсь. Останавливаю выбор на простом белом летнем платье с открытыми плечами и сандалиями на танкетке. Собираю волосы в пучок и наношу простой макияж. После гала-концерта я не чувствую необходимости выкладываться по полной и лезть им в лицо. Думаю, если я буду выглядеть более невинной, милой и приземленной, это принесет мне несколько очков. Баз сказал, что мы поедем к Заку, а это значит, что если я найду возможность «исследовать», то должна ею воспользоваться.

Когда я выхожу из ванной, Баз уже одет, выглядя небрежно и чертовски сексуальным, чтобы говорить. Я стараюсь не смотреть на него, но он действительно усложняет все, и по кривой усмешке на его лице и горячему блеску в глазах, я бы сказала, что он знает это.

— Как я выгляжу?

— Достаточно хорошо, чтобы полакомиться.

Смех срывается с моих губ, и я сокращаю расстояние, между нами, толкая его в грудь.

— Прекрати. Я серьезно. Я хочу произвести хорошее впечатление.

— Они уже знакомы с тобой. На самом деле уже дважды.

— Я знаю. Я просто хочу, чтобы все прошло хорошо. Сегодня я буду на их месте. Я действительно изо всех сил постараюсь ничего не испортить.

Он смотрит на меня сверху вниз, в его глазах плавают вопросы. Хмурый взгляд искажает черты его лица, делая его более суровым, чем обычно.

— Почему это так важно для тебя?

Я смотрю на его грудь, проглатывая комок размером с мячик для гольфа, прежде чем набираюсь смелости снова посмотреть на него. Глядя в его сине-зеленые глаза, ему трудно солгать.

— Потому что они твои друзья, а ты мне нравишься.

Когда Баз смотрит на меня сверху вниз, я чувствую странную вибрацию от него. В последнее время я все чаще замечаю это, когда мы проводим время вместе. Он как будто застрял в собственных мыслях, слишком много думая. Я хочу спросить, в чем дело, но в то же время беспокоюсь, о чем он действительно может размышлять, и беспокоюсь, что не буду готова к этому, что бы это ни было.

Подушечкой большого пальца Баз нежно ласкает мою скулу. Проводит по моим губам, размазывая помаду. Складка образуется между его бровями, когда он произносит:

— Ты мне нравишься больше.

Я замираю. Мое дыхание застревает в горле, и глаза становятся круглыми, переваривая его слова. По укоризненному выражению его лица видно, что он борется с правдой своих слов, пытается открыться мне.

Не в силах сдержаться, я расплываюсь в широкой улыбке. Я поднимаюсь на цыпочки и обнимаю его за шею, все еще улыбаясь, как сумасшедшая.

Баз закатывает глаза от удовольствия, которое, очевидно, доставила мне его оплошность, но все равно притягивает мое тело к себе.

— Не позволяй этому вскружить тебе голову, грязная девочка.

Я смеюсь, крепче сжимая его.

— Ой, хорошо, это уже вскружило мою голову. В конце концов, у База Кинга есть сердце.

Он качает головой, глядя на меня, его губы дергаются, когда он безуспешно пытается сдержать улыбку.

— Да, да, только не разбивай его, грязная девочка.

Больше не сдерживаясь, я прижимаюсь губами к его губам в поцелуе, который ошеломляет нас обоих. Его пальцы впиваются в мою плоть, притягивая меня, когда он углубляет поцелуй. Его язык ласкает мой, и я стону ему в рот.

— Дерьмо, ты хороша на вкус. Пойдем, пока я не запер тебя в спальне.

Смех, который вырывается у меня, звучит смущающе близко к хихиканью.

Рука об руку мы выходим из пентхауса и направляемся к Дэну и ожидающей нас машине. Так же, как он это делал раньше, Баз помогает мне сесть, прежде чем устраивается рядом. Я заметила, что иногда он любит водить сам, в основном по ночам, когда не пьет, но когда он планирует употребить какой-либо алкоголь, он почти всегда просит Дэна вести нас.

Я прислоняюсь спиной к кожаному покрытию, стараясь не слишком беспокоиться о сегодняшнем вечере. Я чувствую, как его теплая рука опускается на мое бедро, и он сжимает его, привлекая мое внимание к себе.

— Нервничаешь?

— Что? Нет. Конечно, нет. Почему ты так думаешь?

— Твоя нога все время подпрыгивает, — язвительно замечает он.

Христос. Я даже не заметила.

Я посылаю ему вялую улыбку.

— Прости.

— Не стоит. Эти парни крутая компания. Но чтобы отвлечься, давай поговорим о чем-нибудь другом. Как продвигается часть работы?

Мои брови опускаются.

— Часть?

Что-то происходит в лице База, мышцы его челюсти сжимаются.

— Часть работы? Разве не поэтому ты здесь, в Лос-Анджелесе?

Черт!

— О! Да, извини. Работа. Верно. — я кашляю, пытаюсь прочистить горло и взять себя в руки. — Дело продвигается медленно. Я столкнулась с некоторыми проблемами, ты знаешь, с материальными и потоковыми проблемами, но я уверена, что это скоро пройдет.

— Проблемами, да? — переспрашивает он. Станный блеск в его глазах заставляет меня вспотеть. — Не думаю, что я когда-либо спрашивал об этом раньше, но все же, о чем эта статья?

— Ох, это тебя не заинтересует. Это всего лишь внештатная работа. Ничего примечательного. — я отмахиваюсь от него, чертовски надеюсь, что он сменит тему.

— Для кого это, если ты не против, что я спрашиваю? Твои предыдущие работы тоже, где я могу их найти? Ты сама видела, чем я занимаюсь. Будет справедливо, если я тоже буду знать.

Черт.

Блядь.

Блядь. Дерьмо. Черт!

Почему он вдруг задает все эти вопросы? И по дороге к дому своего друга всех гребаных времен? Как будто у меня и так дел мало.

Я тру внезапно вспотевшие ладони о ткань платья, пытаюсь придумать что-нибудь логичное.

— Я никогда не работала над чем-нибудь особенным. Я написала несколько рекламных объявлений, некоторые правила гарантий для компаний, и колонку в *Cheddar* для их раздела знаменитостей. Это не так много, и, очевидно, не похоже на то, чем ты занимаешься на курортах, но, — я глубоко вздыхаю, — Это деньги. И они оплачивают счета, так что я не могу жаловаться. И то, над чем я сейчас работаю, больше похоже на журналистскую статью. Речь идет о преступлениях здесь, в Голливуде и его окрестностях. Немного неприятно просматривать старые архивы, но это огромная возможность, не говоря уже об огромной сумме. Было бы глупо отказаться.

Когда я заканчиваю свою ложь, то, что я обещала прекратить делать так чертовски часто рядом с Базом, мое сердце колотится, а дыхание затруднено. Он пристально смотрит на меня, изучая. Интересно, как долго он будет это делать, пока на его лице не появится ухмылка.

— Ты совсем другая, знаешь, грязная девочка?

Я заставляю себя улыбнуться.

— Так мне говорили.

Если бы и существовал дом, в котором, как я ожидала, будет жить Зак Ковингтон, то,

безусловно, именно этот. Там, где у База есть свой особняк и другие почести богатых, он не выставляет их напоказ. Всегда есть два типа богатых: откровенные, и те, что похожи на База, где достаточно одного взгляда, и ты знаешь, что они богаты.

Зак очень похож на первого.

Его просторный дом не такой большой, как у База, но все спортивные машины, припаркованные на видном месте возле гаражей, достаточно говорят об этом человеке. Он хвастун. Думаю, за эти годы мало что изменилось. Моя рука становится липкой в руке База, когда он выводит меня из машины и ведет ко входу. Припарковано еще несколько машин, которые, как я полагаю, принадлежат остальным ребятам и любым другим приглашенным гостям.

Дом — это современный шедевр — я отдам ему должное, находится всего в нескольких минутах от Сансет-Стрип, так что, как вы можете себе представить, виды на Западный Голливуд и океан просто невероятны. Снаружи все белое и гладкое, в основном стекло. Не могу не думать об иронии судьбы — Зак живет в стеклянном доме.

Входная дверь — мужская и черная, и, к моему большому удивлению, Баз входит во внутрь. Как только вы входите, все становится динамичным, что с дизайном и формами. Когда я поднимаю глаза, то вижу двухэтажную гостиную скамином, которая тянется до самого второго этажа. Холл, в котором мы стоим, ведет к ослепительно белой лестнице. Странная металлическая и хромированная люстра освещает всю лестницу, будто это дорога в рай. Мои губы кривятся в хмурой гримасе.

Больше похоже на лестницу в ад.

Баз ведет меня вверх по ступенькам, и я следую за ним, молча осматривая все вокруг. Я слышу мужской смех и даже несколько женских вперемежку.

Я здесь не единственная девушка? Интересно.

На верхнем этаже открытое пространство. Вторая гостиная, а дальше по коридору, как я предполагаю, находятся спальни; по другую сторону лестницы, бильярдная с баром. Большой покерный стол расположен перед окнами от пола до потолка, из которых открывается безупречный вид на центр Лос-Анджелеса.

Все непринужденные разговоры прекращаются, когда мы входим. Мои каблуки, стучащие по мрамору, звучат для них как сигнал тревоги. Я сосредотачиваюсь на сохранении спокойного и нейтрального выражения лица, что нелегко, учитывая, что я в доме одного из убийц моей сестры в окружении остальных. Я медленно осматриваю комнату и ее грандиозность. Деньги буквально каплют со стен. Я сжимаю свободную руку в кулак, пытаясь подавить гнев, который кипит прямо под поверхностью. Поскольку все эти ублюдки часть элиты, им сошло с рук убийство. Теперь они живут в роскоши, в то время как моя сестра гниет в земле.

Это несправедливо.

В этом нет никакого смысла.

Мои ногти впиваются в ладонь, жжение плоти медленно успокаивает меня, когда все, что я испытываю, это желание закричать, как баньши, и сорвать все со стен, наблюдая, как это все разрушается.

— Так, так, так, посмотрите, кто у нас тут, — говорит Зак с раздражающей ухмылкой на лице.

Он выглядит полным идиотом, сидя во главе стола в качестве дилера с одним из этих дурацких зеленых козырьков игрока на голове. Он одет в поло, все верхние пуговицы

расстегнуты, обнажая золотую цепочку на шее, которой я хотела бы его задушить. Из рта лениво свисает зубочистка, и я держу пальцы скрещенными, чтобы он случайно не проглотил ее и не подавился.

— Похоже, кто-то попался на крючок, ребята.

Винсент усмехается, бросая злобный взгляд в мою сторону.

— Не придавай ей слишком большого значения. Вечер только начался.

Холодок пробегает по моей спине, и, несмотря на то, как я зла и полна решимости заставить их всех заплатить, я чувствую, что подхожу ближе к Базу. Ради комфорта или защиты, этого я не знаю.

— Достаточно. Не хотелось бы ее отпугивать.

Мрачный оттенок в голосе База заставляет меня взглянуть в его сторону. Он пристально смотрит на остальных парней, молчаливый разговор происходит прямо передо мной, в который я не вхожу. Не могу сказать, является ли предупреждение для них действительно отступить или что-то еще.

— *А теперь поворачивай назад, Мак. Время еще есть. Ты пока не готова к этому. Они съедят тебя живьем, разорвут на куски. Он не сможет спасти тебя от них, Мак.*

Я слышу, как поет Мэдисон. В ее голосе звучит страх, и она, наверное, права. Мне следовало бы повернуться и послать все к черту, но я этого не делаю.

— Ладно, ладно. Не впутывай свои трусики. — Маркус закатывает глаза. Он поднимает руку, подзывая меня. — Давай, Шрам, ты можешь сесть рядом со мной. Я велел своей сучке согреть место для тебя.

Одна из девушек в баре смеется, и жжение в моем животе возвращается с удвоенной силой. Какой мужчина может так говорить о девушке? Какая девушка вообще позволит мужчине, с которым она спит, так о себе говорить?

Я смотрю на База, пытаюсь уловить его намек. Мне сесть или ждать, пока он сделает ход? Он качает головой в сторону пустого места рядом с Маркусом. Есть еще одно место, но на другой стороне стола, рядом с Заком и Трентом.

— Давай, садись. Я буду рядом, в баре, схожу за выпивкой. — он наклоняется, целует меня в шею и, прежде чем выпрямиться, шепчет только для моих ушей: — Докажи, что они ошибаются.

Он плавно поворачивается в сторону бара, и от моего внимания не ускользает, как оживляются грудастые блондинки, при виде его.

Опять же, у него определенно есть типаж, и это не я.

Глубоко вздохнув, я направляюсь к пустому месту рядом с Маркусом, изображая уверенность, которую, конечно же, не ощущаю. Я сажусь и стараюсь не напрягаться, когда Маркус перекидывает руку через спинку моего стула. Его одеколон витает вокруг меня, и отвращение обжигает горло. Не то чтобы это плохо или отвратительно, но это Маркус, и этого достаточно.

— Должен признаться, Скарлетт. У тебя есть яйца. — Зак хихикает, качая головой и тасуя колоду карт.

— И диапазон, судя по-всему, — вставляет Винсент, все еще сверля меня взглядом.

Я бросаю взгляд на База, который увлеченно беседует с одной из девушек в баре. Она смеется и делает все возможное, развлекая его. По крайней мере, он выглядит безумно скучающим и, кажется, не наслаждается ее вниманием.

— Знаешь, он ее трахнул.

Я напрягаюсь при звуке голоса Трента. Я старалась избегать его, особенно после того, что произошло на гала-концерте. Теперь я понимаю, почему Баз позволил мне сесть здесь, а не рядом с ним. Когда его слова доходят до меня, я стараюсь не демонстрировать своего гнева. Я впиваюсь ногтями в бедра, вдыхая через нос.

— Диапазон? — спрашиваю я, игнорируя Трента, когда смотрю на Винсента. — Что это должно означать?

Он откидывается назад.

— Ну, это просто означает, что ты настоящая актриса. У тебя есть диапазон. Сначала ты появляешься в клубе как сексуальная, неотразимая девушка, потом, как сногшибательная знаменитость на гала-концерте, а теперь посмотри на себя, такая девственная и милая. Сколько времени тебе понадобилось, чтобы решить, что надеть?

Мой глаз дергается от разочарования.

Чертов ублюдок.

— Уделяешь слишком много внимания тому, кто не принадлежит тебе, — язвительно замечаю я, и тело Винсента напрягается.

Я внимательно наблюдаю, как самодовольное выражение лица превращается в нечто более злое. Он наклоняется вперед, опираясь локтем о стол.

— Чертовски, верно, ты не моя. Я бы не был пойман мертвым, имея дело с таким лживым куском дерьма, как ты. Это все, ради чего ты здесь, твой следующий большой прорыв? Актриса, ищущая руку сладости и свое место в центре внимания?

— О-о-о, — в унисон подхватывают остальные парни, будто это был ожог.

Они все такие ребячливые. Даже сейчас. Столько лет спустя.

Положив руки на край покерного стола, я сжимаю его пальцами в гнев. Медленно наклоняюсь вперед, повторяя его движения. Я стараюсь говорить слащаво, скрывая свою ярость.

— Послушай, я тебе не нравлюсь. Я поняла это. Но я здесь не для создания проблем. Я просто пытаюсь наслаждаться временем, проведенным с Базом, пока я здесь, и надеюсь, что вы будете открыты для меня.

Винсент смеется, но без юмора.

— Ты можешь перестать изображать милую девушку, потому что я знаю твой тип. Я знаю, кто ты, Скарлетт. Ты не сладкая. У тебя имеется гребаный план, и хочешь узнать мой? Я хочу, чтобы ты ушла. Мы все хотим.

Мои ногти начинают гнуться от того, как глубоко впиваются в стол. Как он и просил, я прекращаю сладкое представление и откидываюсь назад. Вместо этого я позволила им увидеть гнев, бегущий по моим венам.

— Хорошо, — уступаю я, закидывая ногу на ногу и насмешливо поднимая бровь. — Вы думаете, меня поймают мертвой вместе с вами? Я не лгунья и не актриса. Я работаю здесь внештатным писателем. Можете ли вы даже написать абзац без чьей-либо помощи? — я злобно ухмыляюсь, когда их брови хмурятся, а щеки краснеют от гнева. — Так я и думала. Мне все равно, что вы обо мне думаете. Вы можете, блядь, ненавидеть меня, и мне на самом деле плевать, потому что, знаете, что, пока я здесь, я никуда не уйду. Так что можете смириться, парни. И я могу сказать вам с полной уверенностью — вы меня не знаете. Вы никогда не встречали такой девушки, как я. Это я могу вам пообещать.

Винсент сжимает челюсть. Его грудь поднимается и опускается, и он выглядит так, будто хочет убить меня. Будто он хочет подняться со стула и задушить меня.

Трент прерывает молчание смешком.

— Дерьмо. У девушки есть огонь и когти. Кто знал?

Все смеются, кроме Винсента. Именно за ним мне нужно наблюдать, ибо без сомнения после того, как я только что опозорила его перед друзьями, он будет следить за мной.

Настроение меняется, когда Баз возвращается к столу со стаканами в руках, а рядом с ним идёт еще один мужчине. Я никогда раньше не видела этого человека и даже не заметила, когда он пришел, но они с Базом увлеченно беседуют.

— Что вы знаете, еще один незванный гость, — протягивает Зак, начиная официально сдавать карты.

Я ищу взгляд База, и, наконец, когда он садится рядом с Трентом, а его таинственный друг по другую сторону от Маркуса, он бросает на меня ухмылку, и я вижу теплоту в его глазах. Это меня немного успокаивает.

Я могу это сделать.

Это всего лишь простая игра в покер.

Я могу это сделать.

— Отвали, Ковингтон. Я твой адвокат, меня приглашают на все вечера.

Я пытаюсь скрыть свое удивление, когда беру карты. Значит, он адвокат Зака? Или представляет интересы всех парней? Он выглядит довольно молодо, лет тридцати пяти, так что ненамного старше остальных. Интересно, в какое темное дерьмо вляпались Дикари, что им понадобился адвокат на аванс.

Игра начинается медленно. Я обращаю особое внимание на свои карты и беспокойно тереблю нижнюю губу. Много лет назад мы с отцом играли в покер. Это был единственный раз, когда мне не пришлось делиться им или его похвалами с сестрой, но с тех пор я не прикасалась ни к колоде, ни к картам. Снаружи, для остальных ребят, я, наверное, выгляжу как дура, которая понятия не имеет, что делает, но все, что мне нужно, это разминка. Играть в покер все равно что кататься на велосипеде.

По крайней мере, я надеялась, что так и будет.

— Что эта за малышка? — спрашивает адвокат, бросая взгляд на меня. — Приятно видеть, что хотя бы у одного из вас есть вкус.

Винсент смеется, двигая зеленые фишки в центр стола.

— Если тебя привлекают золотоискательницы, конечно. У каждого свои предпочтения.

Я крепче сжимаю карты.

— Осторожнее, — угрожает Баз, и в его голосе отчетливо слышится угроза, когда он делает глоток из стакана.

Винсент только пожимает плечами.

— Просто называю ее так, как вижу, но, как можно заметить, она аромат месяца База.

Я чувствую на себе пристальный взгляд адвоката, но продолжаю смотреть на свои карты, пытаюсь сдержать гнев. У меня стрит-флеш. Это хорошо. Я просто надеюсь, что этого достаточно, чтобы я могла втереть это в лица всех этих ублюдков.

— С какими картами ты работаешь, Скарлетт? Готова ли так скоро сложить их?

Я улыбаюсь слащавой улыбкой, которая говорит: «пошел ты», и двигаю все свои фишки в центр стола.

Глаза расширяются.

— Ты понимаешь, что мы играем на реальные деньги, принцесса? — спрашивает Маркус.

Сахар с моей улыбки превращается в лед.

— Ох, я знаю. Я не против выкупить все.

Я раскладываю свои карты на столе и стараюсь не позволить ухмылке пересилить этот выигрыш.

— Ты, блядь, шутишь? — Зак усмехается, глядя на мой флеш и все остальные дерьмовые карты.

Нет никаких сомнений. Я выиграла.

— Нет. Теперь вы можете выдвинуть оставшиеся фишки этой принцессе.

Выражение лиц у всех напряглось. У всех, кроме Базы. Он подносит стакан к губам, чтобы выпить, но останавливается рядом. Я отчетливо вижу его ухмылку. Ухмылка, которую он прячет за своим стаканом, вызывает тепло в моей груди.

— Не удивлен, — говорит Винсент, откидываясь на спинку и впиваясь в меня взглядом. — Золотоискательницы хороши во всем, не так ли?

Слова защиты вертятся у меня на языке, но если я хочу взять верх над ними, мне нужно вести спокойную игру. От моего внимания не ускользает то, как Баз грубо похлопывает Винсента по спине. Подушечки его пальцев впиваются в плечо, и лицо Винсента напрягается от хватки. Баз притягивает его ближе и говорит что-то, что слышит только он. Все это время Винсент смотрит на меня с холодным блеском. С каждым словом, которое произносит Баз, губы Винсента становятся все тоньше и тоньше, пока он не стряхивает его, поправляя рубашку.

Остаток вечера проходит примерно так же. Мы играем несколько раундов. Хотя я проиграла большинство из них, та первая раздача все еще маячит для меня. Парни продолжают давить на меня, надеясь измотать, но это не работает.

Где-то в середине вечера я оправдываюсь, что мне нужно в туалет. Как настоящий джентльмен, Баз начинает подниматься, предлагая проводить меня, но я отмахиваюсь.

— Давай, закончи игру. Я быстро.

Зак раздраженно вздыхает.

— Ной в туалете на этом этаже, так что спускайся по лестнице и воспользуйся тем, что на другом.

Меня так легко отпускают, и когда я поворачиваюсь, у меня даже не хватает силы воли, чтобы скрыть улыбку. Я выхожу из бильярдной с клатчем в руке, стучу каблуками по коридору и иду вниз по лестнице, направляясь в ванную. На самом деле мне нужно пописать, и я делаю дело, прежде чем отправиться на поиски. Я иду, перенося свой вес на носочки, сводя шум к минимуму. Музыка немного помогает. Басы маскируют каждый шаг мой. Я оставляю свет в ванной включённым и закрываю за собой дверь, двигаясь по нижнему этажу.

Я прохожу мимо кухни шеф-повара, мимо окон, выходящих на потрясающий вид, и пересекаю заднюю часть дома Зака. На нижнем этаже расположена комната для гостей, и, когда я дергаю ручку другой двери, это кабинет — не такой красивый и мужественный, как у База, но тем не менее это кабинет. Комната погружена в темноту, из-за чего трудно разглядеть что-либо, кроме очертаний письменного стола и окна от пола до потолка, из которого открывается еще один захватывающий вид. Оглянувшись через плечо, я тихо закрываю за собой дверь и торопливо пересекаю комнату. Как и в кабинете База, я выдвигаю ящики и роюсь в бумагах. Я закатываю глаза, когда нахожу толстую стопку журналов *Плейбой*.

Серьезно?

На его столе лежит информация о полете. Видимо, он собирается куда-то лететь.

— *Тебе нужно поторопиться. Любой может войти сюда. Тебе нужно найти то, что ты ищешь, и уйти.*

Я скриплю зубами в ответ на предупреждение Мэдисон.

— Я знаю! — я громко шиплю, хотя она меня не слышит.

Бросив сумочку на стол, я иду дальше, к книжному шкафу. Роюсь в книгах, открываю некоторые с потрепанными краями, но все они только для вида. Не думаю, что он когда-либо открывал их. Во мне начинает расти разочарование, я прохожу взглядом по кабинету, судорожно ища.

Должно же быть что-то.

Я смотрю на свое отражение в огромном зеркале, висящем на стене. Прищурившись, я не уверена, что темнота просто играет со мной шутки.

Я сокращаю расстояние, и, конечно же, между стеной и зеркалом имеется щель, достаточно большая, чтобы просунуть пальцы. Прежде чем я успеваю подумать над этим, я хватаюсь за обе стороны зеркала, мои мышцы горят от веса, и я поднимаю его. Мои глаза расширяются, при виде того, что находится за стеной.

Как можно осторожнее я ставлю зеркало на пол и прислоняю его к стене. Дрожащей рукой с колотящимся сердцем я провожу ладонью по встроенному в стену сейфу. Только у виновного в чем-то, может быть такой сейф, спрятанный в стене. Там расположен циферблат. Я облизываю пересохшие губы и пробую разные даты. Я пробую смерть Мэдисон.

Ничего.

Пытаюсь придумать случайные даты, но ни одно не работает. Разочарованно вздохнув, я наклоняюсь и поднимаю зеркало.

К тому времени, когда я поворачиваюсь к книжному шкафу, я вспотела и задыхаюсь от веса зеркала и силы, которая потребовалась, чтобы не уронить его. Я провожу дрожащими пальцами по волосам.

Мне нужно найти способ проникнуть в этот сейф, но сегодня у меня нет времени. Это слишком рискованно. Даже сейчас. Мэдисон права. Я и так слишком долго отсутствовала. Я уже собираюсь развернуться и выскользнуть, когда что-то бросается мне в глаза.

Мой взгляд устремляется к корешку книги на полке. От этого названия у меня сводит живот. Мои брови хмурятся, когда я пересекаю комнату. Я осторожно сдвигаю книгу с места, и мой нос и глаза горят от давления.

Почему Они Убивают.

Я открываю ее, и на пол падает фотография. У меня перехватывает дыхание, когда я наклоняюсь, чтобы поднять ее. Мои руки сильно дрожат, рассматривая снимок. Это все они снова — на одном снимке. И где? На скале Поцелуев.

Моей сестры на фотографии нет. Там даже нет даты, но это заставляет меня задуматься, когда она была сделана. Сколько девушек они привели на эту скалу и убили? Я изучаю фотографию. На камне стоит бутылка из под виски. Баз обнимает Маркуса, Зак и Винсент позируют, и Трент тоже. Единственное, что я могу обработать, это еще один человек. Кто сделал снимок?

Кого не хватает во всем этом?

Как всегда, мой взгляд возвращается к Базу. Задержался в своем молодом, беззаботном

«Я».

Он всегда был частью всего этого?

Я пытаюсь пошевелить мозгами, своими воспоминаниями о его роли во всем этом, но его нет ни в одном из этих воспоминаний. Он явно являлся частью чего-то, эта фотография тому доказательство, но почему я не могу вспомнить? Он улетел на некоторое время в отпуск в Бразилию, может быть, поэтому, но что-то подсказывает мне, что нет. Я что-то упускаю.

Я крепче сжимаю фотографию. Это доказательство. Возможно, это и не доказательство того, что они убили мою сестру, но этого достаточно. Они там, на скале Поцелуев. Мне просто нужно доказать, что они часто посещали это место. Может, часто пили и приводили туда свои завоевания.

— Любопытная мелочь, не так ли?

Мое сердце падает в желудок от этого голоса. Глаза зажимаются, а тело дрожит от страха. Я медленно оглядываюсь через плечо и вижу, что Зак приближается ко мне. Я не могу разглядеть выражение его лица. Не могу сказать, насколько он зол, что я рылась в его вещах. Я ожидаю, что он остановится, но он продвигается вперед, пока его передняя часть не прижмется к моей спине.

Я громко сплываю. Стук моего сердца похож на рев будильника. Как стальные барабаны в груди. Это чертова сирена, просто умоляющая, чтобы ее услышали. Страх поднимается по моему горлу, когда я смотрю на Зака через плечо. Он толкает меня к книжной полке. Слишком близко для комфорта.

Это неправильно.

Так чертовски неправильно, но я слишком напугана, чтобы двигаться.

— Любишь шпионить, Скарлетт? Нашла что-нибудь интересное?

Его слова лед. Они вызывают дрожь, которая пробегает по моему позвоночнику. Должно быть, ему это нравится, потому что его бедра чуть-чуть выдвинулись вперед, и я резко втягиваю воздух. Он словно чувствует мой страх. Он подобен животному, приближающемуся к своей добыче. Его рука ложится мне на бедро. Это интимное прикосновение. Слишком интимное для нас.

— Я... просто... о-отвечала на звонок, и мне... мне нужно было уединиться.

Зак усмехается, наклоняя голову к моему уху. Я чувствую его дыхание на своей коже. Также чувствую, как слезы угрожают вырваться наружу.

Это глупо. Почему я думала, что смогу это сделать?

— Разве это не мило? — шепчет он, губы в опасной близости от моего уха. — Ты боишься, не так ли?

Его пальцы начинают впиваться в мое тело, и я морщусь от боли, слезы затуманивают зрение.

— Интересный материал для чтения, — заикаюсь я, осторожно поворачиваясь к нему лицом.

Мы оба смотрим на книгу, и Зак ухмыляется.

— Я знаток всего, принцесса.

Он забирает книгу из моих дрожащих рук и ставит ее на полку на свое законное место. Он делает это, не отступая ни на шаг. Я чувствую, как его эрекция впивается в меня. Он получает от этого удовольствие. Из-за моего страха.

Зак наклоняется, кладет руку на полку над моей головой, и его другая рука, все еще

лежащая на моем бедре, внезапно начинает двигаться. Мои глаза расширяются.

Нет, нет, нет.

Желчь поднимается из моего организма. Я чувствую, как Мэдисон исчезает. Почему она меня бросает? Почему я ее не послушала?

Он проводит кончиками пальцев вниз по моим ногам, под подол платья. Мое дыхание застревает в горле. Глаза Зака сверкают, его голова медленно наклоняется ближе к моей.

— Ты очень непослушная девочка, Скарлетт. Но ты ведь уже знаешь это, не так ли?

Его губы вот-вот коснутся моих, и я закрываю свои, наклоняясь к нему. Его пальцы задевают край моих трусиков. Его дыхание призрачно скользит по моим губам, и как раз в тот момент, когда я чувствую надвигающийся поцелуй, прикосновение его пальцев к моим половым губам, я кладу ладонь ему на грудь, и когда он меньше всего этого ожидает, толкаю его.

С огнем и отвращением в глазах я выпаливаю:

— Если ты *когда-нибудь* хоть пальцем меня тронешь, я убью тебя.

Он смотрит на меня сверху вниз и неожиданно делает шаг назад.

— Молодец, сучка.

Я ухмыляюсь.

— Задела твои чувства а? Не принимай это на свой счет, Зак, но ты и в подметки не годишься Базу.

С этими словами я хватаю свой клатч с его стола, поворачиваюсь, мое горло и глаза горят, когда я спешу на выход. Меня трясет. Перепуганная до полусмерти, я поднимаюсь на верхний этаж. Я останавливаюсь перед тем, как войти в бильярдную, когда слышу свое имя.

Мое сердце начинает биться еще сильнее по другим причинам. Остановившись, я заглядываю за угол, прислушиваясь к разговору в бильярдной. Я знаю, что не должна шпионить за ними, но если мне нужна информация о Мэдисон, я должна слушать эти разговоры, даже если это поставит под угрозу мои отношения с Базом.

— Ты серьезно, Себ? — спрашивает Маркус.

— Почему я не должен?

— Потому что с ней что-то не так. Не сука, но я имею в виду, что ни одна гребаная сука не совершенна, как она, — холодно отвечает он.

Баз усмехается.

— Она не совершенна.

Я кладу ладонь на середину груди, потирая ее. Это больно. Черт, я знаю, что я не совершенна, но я не думала, что меня так сильно побеспокоят его слова. Я обнажила перед ним ту часть себя, которую никогда не показывала никому другому. Даже сквозь обман я хотела, чтобы он увидел меня настоящую.

— Блядь, это не меняет того факта, что никто из нас ей не доверяет. Она что-то скрывает.

— Потому что она отказалась трахнуть вас, парни?

Баз бросает острый взгляд на Трента, и тот пожимает плечами, ухмылка кривит уголки его губ.

— Мы не про это, и ты это знаешь, — внезапно рявкает Винсент. — Тебе не кажется странным, что мы ничего о ней не знаем? Она просто внезапно появляется на твоём курорте, заставляет тебя трахнуть ее, а потом просто случайно оказывается на открытии клуба? Это слишком случайное совпадение. Она что-то скрывает, и я готов поспорить, что она чертова

золотоискательница. Она тебя начисто обчистит, братец.

Баз вздыхает, потирая виски.

— Все было совсем не так. Я преследовал ее на курорте.

Винсент смеется.

— Ты уверен в этом, приятель? Золотоискательницы одинаковы; когда они хотят заполучить миллиардера, они находят правильные способы.

Мое сердце колотится в груди, и я пытаюсь контролировать свое дыхание, переваривая их слова. Его друзья не обязательно ошибаются, но я не золотоискательница. Я делаю все это не ради денег. Ради правды. Ради того, чтобы справедливость восторжествовала.

Леденящий холод поселяется в моей груди, когда я понимаю, что не хочу, чтобы Баз думал, что я золотоискательница. Если бы все было по-другому, я бы боролась изо всех сил, чтобы заставить его понять и показать ему настоящую меня — Маккензи, которой я делилась с ним по частям, — но все не иначе. Я не могу рисковать, что кто-то из них узнает правду. Я многим обязана Мэдисон, и, если это означает саботаж — саботаж самой себя — я сделаю это.

Лучше пусть Баз думает обо мне самое худшее, чем узнает правду. Но это не значит, что я не хочу, чтобы он видел во мне хорошее. Потому что, что бы это ни было, что бы я ни сделала, я забочусь о Базе. Даже когда знаю, что не должна.

Я с замиранием сердца жду ответа Себастьяна. Чтобы он встал на мою защиту против его друзей.

Пожалуйста, не думай обо мне худшего.

Пожалуйста, не принимай меня за мошенницу.

Я поделилась с ним частями себя, которыми никогда не собиралась делиться, и хочу, чтобы он сосредоточился именно на этом. Только не на лжи... просто на настоящей Маккензи, которая все это время пыталась прорваться.

— Хорошо, — говорит он после глотка содержимого своего стакана. — Я буду осторожен с ней. В любом случае, она скоро улетит, и не похоже, что отношения на расстоянии в картах для нас обоих. Вам всем не придется беспокоиться о ней, когда придет время. Я ясно дал ей понять, что это все, что я готов ей дать. Это все, что я могу ей дать.

Мое сердце разрывается в груди. Меньшего я и не ожидала от База. В конце концов, он один из Дикарей.

Любая мысль о том, чтобы вернуться к моему первоначальному плану, теперь стерта. С обновленным чувством решимости я молча поворачиваюсь и спускаюсь вниз по лестнице, уже открывая приложение Uber. У меня есть дела на сегодня. Я не могу позволить разбитому сердцу помешать всему, ради чего я работала.

ГЛАВА 23

Баз

Я откидываюсь на спинку стула, снова оглядываюсь через плечо в поисках Маккензи — Скарлетт, кем бы она, черт возьми, ни хотела, чтобы я ее считал. По какой-то причине она хочет сохранить свою личность в тайне, но я не куплюсь на историю о ее бывшем парне. Маккензи не похожа на девушку, которая позволила бы мужчине дотронуться до нее и добровольно остаться. Она слишком сильна для этого — или, может, это именно то, во что я хочу верить.

Она все еще не вернулась из ванной, и прошло уже много времени. Я оглядываю стол, внимательно наблюдая за Трентом и оценивая остальных парней. Моя спина внезапно выпрямляется, когда я понимаю, кто пропал.

Я начинаю отодвигаться от стола, когда в кармане вибрирует телефон. Достая его, смотрю на экран, в замешательстве сдвинув брови, когда вижу, от кого сообщение. Я открываю сообщение и читаю.

Маккензи: Прости. С Кэт и Верой что-то случилось. Мне нужно вернуться в пентхаус. Я заказала Uber. Наслаждайся оставшейся ночью с парнями.

Я перечитываю во второй раз, хмурое выражение на моем лице становится все глубже с каждой секундой. *Какого хрена она мне сразу не сказала?*

Краем глаза я замечаю, как Зак возвращается в комнату вместе с Ноем, нашим адвокатом, похлопывая его по спине и заговорщически смеясь над чем-то.

Теперь, когда все вернулись, Маркус зовет на новую игру, и я убираю телефон обратно в карман, не обращая внимания на ее поспешный уход. Но что-то не так. Не могу сказать, то ли из-за разговора с ребятами, то ли из-за ее внезапного ухода.

— Где твоя игрушка? — спрашивает Трент.

В его тоне слышатся резкость, но я позволяю ей скатиться с моей спины.

— Разве тебе не хотелось бы узнать?

Я знаю этих парней всю свою жизнь, и из всех них мы с Трентом всегда больше всего сталкивались головами. Его потребность находиться на вершине — быть лидером стаи — соперничает с его здравым смыслом. Он слишком старается. Чертов идиот. Это одна из причин, почему мы всегда наносим удары друг другу.

Разница между моим отцом и отцом Трента в том, что мой отец заставил меня работать ради успеха, чтобы я не стал избалованным богатым ребенком. Отец Трента? Он подал ему все на серебряном блюде с серебряной ложкой во рту. Он ребенок, который поднимает шум, когда все идет не так, как он хочет. И тот факт, что Маккензи первой стала моей, сводит его с ума.

— Девушки чертова проблема, — ворчит Винсент.

— Кстати, о проблемах, — говорит Ной, глядя на меня, — Она все еще здесь?

Я отрицательно качаю головой.

— Ей нужно кое о чем позаботиться.

Он кивает, будто это к лучшему, что, вероятно, и есть. Всякий раз, когда Ной

Гастингс наносит визит к нам, это обычно означает, что он собирается сообщить плохие новости.

— Я просто хочу убедиться, что вы все осторожны. Архивщик отдела Гумбольдта связался со мной около двух недель назад. Я не заметил сообщение, когда был в Лондоне по работе. Кто-то подал запрос на документы.

Все вдруг замирают. Воздух в комнате становится душным, и у меня внутри все сжимается.

— Что за чертовы документы? — рычит Трент, стучая ладонью по покерному столу.

Аккуратно сложенные фишки подпрыгивают и разлетаются от его гнева.

Ной бросает на него обеспокоенный взгляд.

— Ты знаешь, какие. Кто бы это ни был, он снова исследует дело. Не знаю почему. Прошло уже больше девяти лет.

— Кто это, блядь? — спрашивает Зак, лед капает с его голоса.

— Без понятия. Мужчина воспользовался вымышленным именем. Это мог быть кто-то из семьи, из правоохранительных органов городка или журналисты района Гумбольдта.

— Это было девять лет назад! — рывкает Винсент. — Разве нет какого-нибудь долбаного срока давности или еще какого-нибудь дерьма? Они больше ничего не могут сделать, так ведь?

Ной настороженно смотрит на меня. Этот узел затягивается.

— Я этим занимаюсь.

Я как раз собираюсь сказать всем, чтобы они успокоились, когда мой телефон снова вибрирует. Разочарованно вздохнув, я вновь достаю его из кармана.

Я стискиваю зубы, когда вижу, что именно. Мои пальцы сжимают пустой стакан бурбона, и мне вдруг хочется выпить еще. Гораздо больше.

Уведомление по камерам на курортах я получаю обычно раз в две недели. На мой

телефон приходят только действительно важные уведомления. Это уже третий случай за последние несколько недель, чего никогда не случалось до недавнего времени.

Имеются подробности. Видео-вложения с отметками времени.

После того, как несколько лет назад у меня возникла кое-какая проблема, я принял решение установить больше камер по всей собственности, чтобы я мог следить за всем на каждом курорте, и мне не нужно было бы беспокоиться об этом, если бы я находился в отъезде по делам.

Перейдя по ссылке на отснятый материал, я просматриваю его. Они присылают мне только отдельные куски, когда что-то или кто-то не на своем месте. Сотрудник, не выполняющий свою работу, любая незаконная деятельность или более того, злоумышленники. Видео начинает играть, и когда я понимаю, на что смотрю, моя хватка на телефоне сжимается. Я стискиваю зубы так сильно, что у меня сводит челюсть, и, клянусь, я слышу треск. Прищурившись, я наблюдаю, как человек поднимается на этаж пентхауса без каких-либо проблем, но куда он проскальзывает дальше, я знаю, что у него определенно нет там никаких дел. Особенно сегодня.

Все мои подозрения внезапно подтвердились.

Каждый странный, необъяснимый случай внезапно обретает смысл во всем мире.

Я наблюдаю, как Маккензи роется в ящиках и шкафах моего кабинета. Опять же, у меня уже имелись подозрения. У меня было подозрение, что она что-то замышляет, после того как я впервые поймал ее на слежке несколько недель назад. Она ходила по курорту, спрашивая сотрудников обо мне. Прокралась в комнату охраны на первом этаже, убеждая рабочих в ее дерьмовой истории о бывшем парне. Все, что она говорила, было ложью. Одна гребаная ложь за другой.

Это одна из причин, почему я держал ее рядом и был так близок к ней. Так легче следить за ней.

Я никогда не показывал, что мне что-то известно, и не говорил об этом, потому что хотел узнать, что она задумала. Уверен, она считает, что все это пустяки. Что она на пять шагов впереди меня — идиот, который так влюблен в нее, что не замечает всех красных флажков. Она не заметила камер. Она думала, что помехи на камерах спасут ее, но мои сотрудники не знают, что у меня установлены ещё скрытые резервные камеры на другом сервере через отдельную компанию на случай, если они когда-нибудь попытаются удалить что-нибудь именно по этой причине.

Я сыграл свою роль — роль гребаного идиота — и позволил ей думать, что она преуспела в быстром розыгрыше. Ребята правы. Что-то с ней не так, хотя я и не замечал этого до ночи открытия клуба. У меня не было идиотских представлений о судьбе или совпадении — и ее присутствие? Ни того, ни другого.

Я еще не говорил об этом ребятам, не желая торопить события. Она может быть безобидной, после чего-то вроде денег, или может стать еще большей проблемой, и я не хочу думать об этом. Не хочу, чтобы она чувствовала себя виноватой в чем-то, кроме того, что она разоренная девушка, стремящаяся свести концы с концами.

Я понимаю, что даю ей шанс, потому что вкладываю в нее деньги. Я вложил деньги в каждую ее частичку, в ее личность — в ту, которая действительно принадлежит ей, — в ее сердце, в ее разбитую броню и в ее блядь киску. Ничто из того, что она сделала, не меняет факта, что меня больше, чем влечет к ней, точно так же, как я знаю, и ее. Чего бы она ни добивалась, чего бы ни хотела от меня, это явно давит на нее тяжелым грузом. Я вижу это в

ее глазах, в том, как они светятся печалью и виной. Она встает посреди ночи, когда, по ее мнению, я этого не замечаю, и крадется по дому, все время что-то ищет, что-то бессвязно бормоча себе под нос. Или тихо плачет на балконе, думая, что я сплю.

Я позволял ей делать это и закрывал глаза. Она понятия не имеет, что я знаю, что ее намерения не так верны, как она хотела бы, чтобы я поверил. Однако я не опустился так низко, чтобы установить камеры в ее номере. Я не сломал ее слепое доверие ко мне, копаясь в ее вещах, как она, очевидно, делала со мной.

Ледяная ярость пронзает мои вены. Это так не похоже на огонь, кипящий у меня в животе. Маккензи внезапно переходит от моего стола к картинам на стенах. Когда она останавливается перед картой Лос-Анджелеса, я напрягаюсь. Я пристально смотрю, когда она встает перед ней. Ее руки поднимаются, хватаясь за края. Она вдруг замирает.

Не делай этого, черт. Не делай этого, черт возьми.

Она все равно это делает.

Маккензи поднимает тяжелую картину, открывая мой сейф, встроенный в стене. Мои губы изгибаются, а пульс учащается.

Если она действительно писательница, то это проблема. Она проблема.

Я смотрю на парней. Они замирают, увидев выражение моего лица.

— В чем дело?

Я смотрю на Ноя и морщусь.

Я думаю, у нас действительно есть проблема.

Маккензи

Я снова обшариваю содержимое картотечных шкафов и ящиков стола База, но ничего не нахожу. Его сейф немного более высокотехнологичный, чем у Зака, с электронной клавиатурой вместо циферблата. С Базом, занятым своими делами, и с остальными ребятами, это мой единственный шанс проникнуть в этот сейф и посмотреть, что он прячет. Мне просто нужно найти бумагу, что-нибудь в его вещах, что может дать мне представление о его коде.

Я перепробовала все — имена, даты, места — буквально все, что могла придумать, и ничего. Он даже не даёт больше попыток; система заблокирована от частых попыток. Это не мешает мне продолжить поиски.

Я натыкаюсь на запертый ящик и вслепую нащупываю что-нибудь на его столе, чтобы открыть. Схватив ножницы и нож для вскрытия писем, я вонзаю его кончик в замок, крутя и дергая, пока не слышу щелчок. Я роняю нож и рывком открываю ящик. Вытаскиваю содержимое, и мое сердце колотится в груди. От этого у меня кружится голова.

Деньги.

Пачки денег.

Бумаги со счетами и тарабарщиной, которую я не понимаю.

Дрожащими руками я беру пачку денег и пытаюсь прочесть, что написано.

— Какого хрена ты думаешь ты делаешь?

Мой желудок сжимается от его холодного тона, и я издаю удивленный писк, роняя пачку денег. Мои глаза устремляются к двери и широко распахиваются, при виде База, стоящего там и наблюдающего за мной, как ястреб. Я вздрагиваю от безудержного гнева, направленного на меня.

О, черт.

— Я задал тебе вопрос, — процедил он сквозь зубы.

— Я... я... э-э... я...

— Они были правы.

Его нос морщится от отвращения, когда он смотрит на меня. Он смотрит на меня, как на сволочь. Как на дерьмо, которое прилипло к подошве его ботинка.

Мое сердце разрывается.

Коллющее ощущение в груди мешает мне сделать вдох, не говоря уже о том, чтобы думать. Давление нарастает за моими веками и носом, когда я, спотыкаясь, поднимаюсь на ноги.

— Это не то, на что похоже, — шепчу я, протягивая руки между нами, пытаюсь успокоить его.

Он делает медленный хищный шаг в свой кабинет, и мои глаза округляются от страха.

Баз невесело усмехается, подходя ближе.

— Ох, не то? Потому что мне кажется, что ты подкрадываешься и копаешься в моем дерьме, Маккензи. Ты занимаешься этим уже несколько недель. А теперь, — предупреждает он, прижимая меня к стене, — Ты расскажешь мне, что искала.

— Я...

— Говори! — рявкает он, и я вздрагиваю, первая слеза скатывается по моей щеке.

— Я пишу статью о жизни самых завидных холостяков SoCal, — вру я.

Снова. Я должна сказать правду, но не сейчас, не так.

— И вот оно, — выдыхает он холодным и отстраненным тоном.

Он делает шаг назад, из моего пространства, словно больше не может находиться рядом со мной ни секунды. Должно быть, я сошла с ума, потому что мне почти хочется дотянуться до него и умолять не уходить.

Мое сердце разрывается от боли, а грудь сжимается. Не знаю, как вся ситуация пошла под откос.

— Значит, я был твоей целью? Твоим первым холостяком в длинном списке? Или это только я и мои друзья намереваются получить сенсацию?

Он не ошибается. И я ненавижу себя за то, что не могу защитить себя. Я не могу смириться с мыслью, что он видит во мне потребителя.

Слезы текут по моим щекам, и на этот раз я действительно тянусь к нему.

— Ты не понимаешь. Наша первая встреча была настоящей, Баз. Я понятия не имела, кто ты. Это всегда были *они*. Я пошла в тот клуб, чтобы получить информацию. Для моей статьи. Ты не был с ними на снимках. Я не знала, что ты принимаешь в этом участие. Та ночь была настоящей. Клянусь.

То, как он смотрит на меня с отвращением, написанным на его лице, заставляет меня тяжело задыхаться. Такое ощущение, что все рушится. Невыносимая тяжесть давит мне на грудь. Тиски сжимают мое сердце и легкие, вызывая тошноту.

— Допустим, я тебе верю. Когда ты решила использовать меня?

Мое лицо морщится, и я всхлипываю, угрожая разрыдаться.

— Когда я вернулась в Лос-Анджелес, — шепчу я, внезапно стыдясь себя.

Баз изучает выражение моего лица и, не говоря ни слова, поворачивается к двери. Я вздрагиваю, уклоняясь от беспорядка, который я устроила, идя за ним.

— Подожди, Баз, пожалуйста, не уходи! — он останавливается. Каждая часть его тела

напряжена, будто он едва сдерживает себя. — Я никогда не хотела причинить тебе боль. Ты должен поверить в это, — я задыхаюсь от слез, струящихся по моему лицу.

— Я не обязан ничему верить, Маккензи.

Он снова начинает идти, и на этот раз я хватаю его за руку.

— Подожди, пожалуйста.

Он сбрасывает мою хватку.

— Проводи себя на выход. — переступив порог, он бросает на меня свирепый взгляд. — Никогда не показывайся на моих курортах, Маккензи. Тебе здесь больше не рады.

Он исчезает, и рыдания, которые я отчаянно сдерживала, вырываются наружу. Я падаю на колени, позволяя слезам быстро и сильно течь. Душераздирающие рыдания заполняют пространство вокруг меня, эхом отражаясь от стен и беспорядка, который я устроила в его кабинете.

О Боже.

Что я наделала?

Все это впустию.

Закрыв лицо руками, я слышу, как сестра цокает, говоря, какая я неудачница.

— *Я же говорила тебе, что это случится, Кензи. Ты действительно думала, что сможешь удержать его? После всей твоей лжи и обмана?*

— Я делала это ради тебя! — я сердито всхлипываю.

— *Предстоит еще много работы. Деньги, Маккензи? Почему у него так много денег? И сейф? У тебя еще есть работа.*

Испытывая головокружение и неуверенность, я поднимаюсь на ноги, заставляя себя взять в руки, чтобы собрать все вещи, которые я оставила в пентхаусе База. Не знаю, будет ли он там, но на всякий случай я вытираю слезы с лица и изо всех сил стараюсь собраться.

Входя, я останавливаюсь на пороге, внезапно ощущая себя чужой, которой здесь не место.

Наверное, мне никогда не было здесь место.

Я иду в его спальню и замираю, когда смотрю на темный силуэт на кровати. Баз сидит на краю, из уголка его рта свисает сигарета. Он смотрит на меня и ухмыляется.

— Пришла посмотреть, что еще можно найти, Маккензи? — он насмехается.

Я вздрагиваю, мой подбородок дрожит от волнения.

— Я просто пришла забрать свои вещи.

Мой голос даже не похож на меня.

Баз ничего не говорит, просто принимает удар, наблюдая, как я, наконец, направляюсь к гардеробной. Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не сломаться, когда собираю все, но отказываюсь выглядеть слабее, чем я уже выгляжу перед ним.

Один чемодан тащится за мной, второй все еще в моем номере на десятом этаже, и я останавливаюсь, когда наши взгляды сталкиваются. Все в его позе и внешнем виде остается холодным и отчужденным, но когда я смотрю ему в глаза, я вижу, что причинила ему боль. Единственное, чего я хотела избежать, и все равно это сделала.

Я открываю рот, чтобы еще раз сказать ему, как мне жаль, но знаю, что это не поможет. Поэтому захлопываю рот, крепче сжимаю свой багаж и начинаю уходить. Мои ноги внезапно останавливаются на полпути, как раз над порогом его спальни.

— Я знаю, что ты не обязан мне ничего объяснять, но зачем тебе столько денег?

— Планируешь использовать мой ответ в своей статье? — он возражает, а мои губы

сжимаются.

— Ты никогда не был частью моей статьи. Они были.

— Я был всего лишь пешкой, верно?

Мое лицо вытягивается.

— Ты для меня больше, чем пешка. Ты стал моим надежным убежищем, Баз. Я рассказала тебе то, чего никогда никому не рассказывала.

Эта складка между его бровями снова появляется. Он делает затяжку и сжимает сигарету между пальцами, глядя на меня.

— Хочешь узнать правду? Вот история для тебя и твоей статьи, Маккензи, — протягивает он, поднимаясь на ноги и шагая ко мне ленивой, бесцеремонной походкой. Он останавливается в нескольких сантиметрах от меня. Так близко, что мне приходится запрокинуть голову, чтобы посмотреть на него. — Эти деньги? Это вымогательство денег. У Зака и Винсента вымогали фотографии, на которых они вдвоем принимали кокаин и другие наркотики. Это не шокирует, что они плейбои или тусовщики, но, поскольку у нас совместный бизнес, они пришли ко мне со своими проблемами, как всегда, и я позаботился об этом. Позаботился о вымогателе и держал деньги в своём столе, если он когда-нибудь снова попытается объявиться. Такие люди не играют по правилам, но я все равно копил деньги на всякий случай. Это то, что ты хотела использовать в своей статье? Самые горячие плейбои и владельцы клубов SoCal наркоманы? Вперёд. Используй это. Мне все равно. До тех пор, пока я не увижу тебя снова.

Мое сердце разрывается. Оно лежит у моих ног миллионом зазубренных осколков.

И это все? Это и есть тот большой секрет, который он скрывает?

— А сейф? — я задыхаюсь.

Баз наклоняется ко мне. Он заправляет выбившуюся прядь из моего пучка за ухо. При этом его пальцы задевают кожу щеки. Я ловлю себя на том, что склоняюсь к его прикосновениям, страстно желая и ненавидя себя на одном дыхании.

— Это для важных документов. Карточка социального страхования, паспорт, драгоценности. Все, что я должен скрывать от таких стервятников, как ты.

Мои глаза распахиваются от его резких слов, и его суровое лицо плывет передо мной.
Боже, что я наделала?

Я должна была держать его подальше от этого. Я только что разрушила все прекрасное, что делила с этим человеком из-за паспортов и вымогателей. И все это не имело никакого отношения к моей сестре.

— А теперь, — шепчет Баз, нежно целуя меня в лоб, — Убирайся отсюда.

С этими словами он поворачивается и исчезает в ванной. Такое чувство, будто он вырвал мое сердце из груди и растоптал. Я истекаю кровью изнутри. Он разрывает меня на части. Он нашел мою открытую рану и продолжает колоть ее снова и снова.

Рыдание вырывается из моей груди, когда я выхожу. Я только наполовину удивляюсь, при виде Дэна, ожидающего меня у лифта с не очень приятным выражением лица. Мы едем вниз в тишине, если не считать моих всхлипываний.

— Я не хотела делать ему больно.

Лифт звенит, и дверь открывается на моем этаже. Он ведёт меня в сторону моего номера, чтобы я могла собрать свои остальные вещи. Как только я вхожу, он мимоходом говорит:

— Они никогда не хотят, мэм.

Я быстро собираю все свои вещи из номера. Перекладываю их из сейфа в сумочку, чтобы они были рядом. Прежде чем уйти, я в последний раз оглядываю номер и вздыхаю.

Дэн провожает меня, и как только я выхожу на улицу, меня ждет машина — больше похожая на Uber — чтобы отвезти в пункт назначения. Я должна понять намек и вернуться домой. Я должна просто вернуться в Нью-Йорк и никогда больше не показываться на Западном побережье.

Это то, что я должна сделать.

Но я устала делать все, что от меня ожидают.

Я слушаю свою сестру, ее постоянный голос в своей голове, говорящий мне продолжать.

— *Мы так близко, Кенз. Разве ты не чувствуешь этого? Разве не чувствуешь меня?*

— Не могли бы вы отвезти меня в ближайший мотель, желательно поближе к Сансет-Стрип?

Водитель хмыкает. Это молодой парень, выглядящий так, будто учится в колледже и работает на стороне за деньги.

— Вы уверены?

— Предпочтительно в тот, в котором я не умру, но да, сойдет.

Он вздыхает и качает головой, заводя машину, пока я смотрю в окно, медленно наблюдая, как курорт исчезает позади меня в ночи.

ГЛАВА 24

Маккензи

Я ем лапшу прямо из контейнера, уставившись на экран. Поправляю очки для чтения на переносице костяшками пальцев, так как мои пальцы держат палочки для еды.

Указательным пальцем я просматриваю последние сплетни. За последнюю неделю База уже бесчисленное количество раз видели с девушками. И хотя я говорю себе, что это все еще часть моих исследований, я знаю, что нет.

Я ревную.

Беспричинно ревную.

Издав взволнованный вздох, я выхожу из этой вкладки, а затем возвращаюсь к Инстаграму Зака. Он только что выложил фото, отметив всех парней в отеле Нобу в Лас-Вегасе. Они все улетели. Улетели из города.

— *Знаешь, это твой последний шанс.*

Когда я смотрю налево, я замечаю Мэдисон, прислонившуюся к стене. Ее обычно светлые волосы теперь того же оттенка, что и мои, идеально уложены и завиты. В последнее время она все чаще приходит ко мне. Не могу сказать, действительно ли это она, или я внезапно сошла с ума от одиночества, и мой разум просто играет со мной шутки, но клянусь, что она здесь, постоянно говорит мне не сдаваться. Постоянно подталкивает меня к тому, чтобы я нашла для нее справедливость.

— Я знаю, — бурчу я сквозь полный рот лапши. — Но мы говорим о взломе и проникновении, Мэдисон. Я не могу просто войти и открыть сейф. Наверное, на нем установлена сигнализация. Что-то высокотехнологичное, я уверена.

Она закатывает глаза и отталкивается от стены со своей обычной дерзостью.

— *Так просто отключи электричество. Проблема решена.*

— Дом, наверное, под контролем. Если ты вообще понимаешь, что это значит.

— *К чему ты клонишь?*

— Черт, забудь об этом, — рычу я.

Выйдя из вкладки, я возвращаюсь к своему документу. У меня все записано. По крайней мере, все, что имеет значение. Теперь мне просто нужно внести доказательства.

Мягкое прикосновение ложится на мое плечо, и я закрываю глаза.

— *Мы почти на финише, Кензи. Почти,* — шепчет она.

В ее голосе столько надежды, что у меня на глаза наворачиваются слезы. Когда я снова оглядываюсь, ее уже нет.

Пронзительный звук моего сотового пререзает тишину. Бросив взгляд на экран, я облегченно выдыхаю.

— Джек, — отвечаю я, мой голос полон благодарности.

Он вздыхает в трубке.

— Просто заткнись и открой эту чертову дверь, ладно? Я думаю, что кому-то отсасывают за углом.

Я бросаю телефон на кровать и распахиваю дверь, впуская Джека. Я позвонила ему после того, как все пошло прахом на курорте База. Было безрассудно втягивать кого-то еще в эту неразбериху, но мне нужна его помощь. У меня нет ни средств, ни навыков для взлома и проникновения. А у Джека? Ну, скажем так, он буквально мастер на все руки.

Он предложил прилететь сюда, на помощь, но при одном условии: я расскажу ему всю правду. Так что именно это я и сделала. С той ночи у костра и до сегодняшнего дня я объясняла все в мельчайших подробностях. Джек не боится высказывать свое мнение, и он более чем ясно дал понять, что считает, что я совершаю ошибку. Он считает Дикарей безвредными. Он ничего не говорит об их прошлом, или их записи говорят об обратном, но я знаю лучше.

Они виновны. Мне просто нужно это доказать.

Джек начинает расхаживать по номеру, как только я закрываю дверь мотеля.

— Ты уверена, что хочешь это сделать?

Я сажусь на край кровати и киваю.

— Другого выхода нет, Джек. Мне *нужно* это сделать.

Внезапно он останавливается и проводит рукой по волосам.

— Почему, Мак? Почему это так чертовски важно для тебя?

Я смотрю на свои руки, лежащие на коленях. Мои ногти уродливы, учитывая, как часто я их грызу, и с их собственным разумом, мои большие пальцы беспокойно вертятся туда-сюда. Я прикусываю нижнюю губу, обдумывая, как на это ответить.

Почему это так важно?

Глубоко вздохнув, я перевожу взгляд на него.

— Потому что они разрушили мою жизнь. Они разорвали мою семью на части. Убили мою сестру, Джек. Я никогда не смогу отпустить это. Пока не окажусь на глубине двух метров.

Его губы сжимаются в мрачную линию.

— Ты же знаешь, каким глупым я считаю этот план, верно? Я просто... блин, Маккензи, если нас поймают, нам грозит тюрьма.

Я киваю, энергия накапливается в основании моего позвоночника.

— Я знаю.

Он сердито тычет в меня пальцем.

— Ты будешь делать все, что я говорю, поняла?

В уголках моего рта появляется улыбка. Я крещусь над сердцем, сдерживая улыбку.

— Даю слово.

— Черт, давай сделаем это.

Не желая больше тратить время, я сохраняю документ на своем ноутбуке, очищаю поиск, и одеваюсь. Я нахожу пару черных штанов для йоги и черный топ, который отлично подойдет. Я запикиваю в рюкзак все, что мне понадобится на сегодняшнюю ночь, — все предложения Джека, — и мы спешим вниз по шатким ступенькам мотеля.

Я не думала, что смогу найти номер здесь, в Лос-Анджелесе, так близко к Сансет, и такой дешевый. За семьдесят девять долларов за ночь я живу в одноместной койке, где воняет мочой, сыром и, вполне возможно, смертью. У меня не возникло никаких проблем ни с кем из тех, кто живет на моем этаже. Я почти уверена, что большинство из них проститутки и наркоторговцы, из-за криков и сексуальных стонов, доносящихся через тонкие стены.

Мы с Джеком запрыгиваем в его арендованный автомобиль, его собственная сумка брошена на заднее сиденье. Когда я сажусь на пассажирское сиденье, то чувствую, как он смотрит на меня краем глаза, вероятно, пытаюсь понять, не струсила ли я.

Нет.

Поездка проходит в тишине, пока мы готовимся. Я почти уверена, что Джек привык участвовать в незаконной деятельности, но не я. Какая-то часть меня чувствует, что я засунула палец в электрическую розетку, и меня сейчас вырвет, а другая часть, смею сказать, возбуждена.

Взволнованная тем, что сегодня ночью у меня действительно может быть шанс найти то, что я искала.

Адреналин вибрирует в каждой клеточке моего тела, когда Джек паркуется в нескольких домах от территории Зака.

— Давай сделаем это, — он дышит, когда выходит из автомобиля.

Теперь самое тяжёлое — найти способ проникнуть внутрь, не предупредив власти штата. Украдкой оглядываясь через плечо, я следую за Джеком по тихой улице и подъездной дорожке к дому Зака. Мы держимся ближе к краю, стараясь прятаться в тени.

Этот район слишком спокойный для такого человека, как Зак. Я буквально ничего не слышу, кроме сверчков, моих тихих шагов и отдаленного шума океана. Мы закрываем входную дверь, но вместо того, чтобы идти по дорожке, Джек идет налево, к стене дома. Я лениво спрашиваю себя, не ищет ли он блок питания или что-то, что он мог бы использовать, чтобы отключить питание.

Думаю, сегодня мы все-таки последуем совету моей покойной сестры.

Я останавливаюсь у стены дома, вглядываясь в тени. Прячусь за Джеком, используя его тело как своего рода щит, пытаюсь подавить адреналин и страх, бурлящий в моем животе.

Джек первым идёт в темноту. Там крошечная тьма и почти ничего не видно, но я не

вижу другого пути вокруг дома, и, честно говоря, оставаясь скрытыми, соседи Зака не увидят нас. Я тяжело сглатываю, когда темнота начинает поглощать меня, уличный фонарь больше не освещает местность. Порывшись в сумке, Джек достает фонарик, бросает его мне и пару кусачек.

— Ну же, Мак, посвети.

Я включаю фонарик на тусклый свет, но он все еще достаточно яркий, освещая нам путь. Я замечаю что-то впереди и направляю на него свет, и у меня перехватывает дыхание.

Ни за что.

Там блок питания. Единственная проблема это замок. Джек невозмутимо подходит к блоку и, прежде чем прикоснуться к нему, снова роется в сумке.

— Вот, — говорит он, бросая мне пару черных перчаток. Они немного велики, но по большей части подходят. — Мы же не хотим оставлять отпечатки, — отвечает он на мой невысказанный вопрос.

Джек приподнимает замок, крутит его, сдвинув брови, глубоко задумавшись, пока придумывает, как открыть его. Он снова роется в сумке, и я почти закрываю глаза. Клянусь, сумка чертовски бездонна. Он буквально все продумал.

Джек открывает набор с серебряными инструментами, один из которых представляет собой длинный натяжной инструмент с изогнутым краем, а другой такой же длинный, но более тонкий. Наверное, инструмент для взлома замков.

Тревожно оглянувшись через плечо, я свечу фонариком на замок, пытаюсь облегчить Джеку работу, пока он вертится то тут, то там, почти мастерски. Джеку требуется несколько попыток, его разочарованное ворчание единственный признак того, что все идет не так гладко, как он надеялся. Через некоторое время проклятая штука наконец-то расстегивается, и злая ухмылка на его лице мне не знакома.

— Почему у меня такое чувство, будто я только что разбудила зверя? — шепчу я, пока он быстро вытаскивает предохранители.

Он бросает мне ухмылку через плечо.

— Потому что так оно и есть, малышка.

Я качаю головой, позволяя ему вернуться к работе. Я удивляюсь, почему он возится с блоками и не перерезает цветные линии электропередач, но в случае, если он случайно ударит себя током, я думаю, что он, вероятно, знает, что делает. С каждым шагом я смотрю на дом, проверяя, не происходит ли что-нибудь внутри, но шторы задернуты, и мы ничего не видим.

Как только все блоки вырублены, я направляю свет на остальные, направляя на рычаг с надписью «генератор». Кончик рукоятки находится в положении «включено», поэтому Джек дергает вниз, выключая. Я с восхищением наблюдаю, как он щелкает выключателями, которые тоже помечены на случай, если он что-то пропустил.

— Это должно сработать. — он делает шаг назад, любясь своей работой. — Что теперь?

— Мы войдём во внутрь. А теперь пошли.

Я подумываю о том, чтобы вернуться назад и воспользоваться входной дверью, но, очевидно, это не входит в планы Джека. Он продолжает идти к задней части дома, оставаясь скрытым. Я следую за ним, замедляя шаг, когда он останавливается перед забором, ведущий на задний двор Зака.

— Надеюсь, ты умеешь прыгать, белая девочка.

Джек перебрасывает свое тело через забор легкостью человека, который перепрыгнул не один забор в своей жизни. Я качаю головой, закатывая глаза.

— Даже не смог меня подтолкнуть. Такой мудака, — ворчу я, бросая ему через забор фонарик.

Ухватившись за верхушку дерева, я использую стену дома как рычаг, перелезая.

Несмотря на то, что я маленькая, это нелегкий подвиг. Нисколько. Я шиплю проклятия, царапая при этом всю руку. Бесцеремонно падаю на землю с громким стуком. Джек едва успевает подхватить меня, как моя голова ударяется о землю. Секунду я отдыхаю, глядя в усыпанное звездами небо и пытаюсь отдышаться.

— Ты просто придурок.

Он хихикает, дергая меня за руку. Поднявшись, мы крадемся за дом, Джек ловко, а я неуклюже прихрамываю. Он останавливается, когда мы подходим к задним французским дверям. Двигаясь к стеклу, Джек пытается сообразить, как открыть.

— Дерьмо, — шипит он. — Здесь нет замка, который можно взломать.

— Ну что ж... должно же быть что-то, что мы можем сделать, верно?

Джек бросает на меня взгляд через плечо, на его лице застывает взволнованное выражение.

— Нет, нет. Ничего, кроме как разбить это чертово стекло, чтобы попасть внутрь, но это не обсуждается. Это привлечет слишком много внимания.

Мои глаза зажмуриваются. После всего, что произошло, я не могу поверить, что мы собираемся сдать. Мои руки сжимаются в кулаки, и я крепко стискиваю зубы. Клянусь, я слышу, как трескается коренной зуб. Я уже собираюсь сказать «к черту все это», когда ее голос останавливает меня.

— *Ты не можешь остановиться здесь. Мы не можем позволить им победить.*

Устало вздохнув, я опускаю взгляд на один из известняковых камней у моих ног и медленно поднимаю взгляд на французские двери. Джек все еще стоит в стороне, ломая голову, пытаясь найти другой способ. Зажав гладкий камень в затянутой в перчатку руке, я бросаю его. Стекло разбивается. Звук оглушает тихий район, поэтому я останавливаюсь, слушая, как падают осколки. Сигнала тревоги нет, и я могу только надеяться, что никто из соседей не слышал.

— Какого хрена! — шипит Джек, его железная хватка сжимает мою руку.

Я вырываюсь и иду вперед.

— Проблема решена, — бросаю я через плечо, проходя мимо.

Прикрывая голову оцарапанной рукой, я пролезаю через стеклянную дыру во французских дверях и останавливаюсь на пороге, оглядываясь. Джек ворчит позади меня, стекло хрустит под его ботинками.

— Ты идиотка, ты же знаешь это, да? Держись за мной, — приказывает он, сунув мне в руки фонарик.

Я свечу им вокруг, держа низко, чтобы никто на улице не заметил. Я прихожу к пониманию, что все выглядит так же, как и в вечер покера.

— *Поторопись,* — настаивает Мэдисон.

Не последовав совету Джека, я бросаюсь бежать, спеша в кабинет Зака на настойчивый тон Мэдисон.

— Дерьмо, — шипит Джек, останавливаясь на пороге. — Я останусь за дверью на охране, так что поторопись, мать твою.

Проглотив внезапный комок, я кладу фонарик на стол и направляюсь прямо к зеркалу. Тяжело дыша, я поднимаю и снимаю его со стены, кричтя на ходу. Бросаю его на пол, даже не пытаюсь быть нежной. Замираю, переводя дыхание, глядя на сейф. Вытирая пот со лба, я роюсь в кармане штанов для йоги, нащупывая листок с возможными комбинациями. Ярко-розовая бумага заполнена комбинациями чисел, которые я придумывала последние несколько дней. Я провела исследование дней рождения, выпускных и деловых дат. Даже преобразовала имена в числовую форму.

Не знаю, сработает ли хоть один из них, но попробовать стоит.

Первый, который я пробую не подходит. Дата его рождения. Я также пробую название их клуба. Дикари. Это продолжается так: каждый раз, когда я поворачиваю рычаг на определенные цифры, он не срабатывает. Потом я наконец добираюсь до последних цифр на сейфе и пробую Дикари. И, к моему большому удивлению, он открывается. Я дергаю за рычаг и медленно, будто внутри лежит чертово сокровище, открываю его.

Внутри сейф глубже, чем я ожидала. Когда я протягиваю руку, он доходит до локтя. Внутри разбросаны разные предметы. В перчатках я поднимаю и передвигаю вещи, осматривая их. Там пистолет, на который я стараюсь не смотреть слишком долго, и бархатная коробочка с рубиново красным ожерельем. Я провожу пальцем по драгоценным камням, на мгновение ошеломленная их грандиозностью. Затем — пачка денег, тяжелая пачка, и, перелистывая ее, я вижу, что все они — сотни. Остальное — бумажная волокита, как и у База, — паспорт, свидетельство о рождении, ничего важного для меня.

Я отодвигаю все это в сторону, все еще осторожно держа пистолет, и останавливаюсь на ящике из вишневого дерева. Похоже на то, что можно найти в антикварном магазине. Что-то ручной работы, что продают только у достопримечательностях или в сувенирных магазинах. Мое лицо хмурится, когда я открываю его. Я закатываю глаза, при виде, что за этим скрывается.

— Господи. Бьюсь об заклад, Баз понятия не имеет, что ты на самом деле наркоман.

— Нашла что-нибудь полезное? — шепчет Джек, просовывая голову внутрь.

— Пока нет, — шепчу я в ответ.

Я смотрю на довольно большой пакетик с тем, что, как я предполагаю, является кокаином.

Это похоже на пощечину после того, как Баз был оставлен убирать их беспорядок только для сохранения чистой репутации клуба. Я ставлю ящик на стол, собираясь вернуться к нему. Перебираю все остальное в сейфе, но ничего нет. Ничего компрометирующего, и уж точно ничего с ответами.

С разочарованным вздохом я оглядываюсь на книжные полки, мой взгляд сосредоточен на книге, которую я схватила в прошлый раз. Мои ноги сокращают расстояние, когда я беру ее и открываю на первой странице. Я резко замираю, дыхание застревает в горле.

Нет.

Черт, нет!

Я стискиваю зубы, понимая, что снимок исчез. Зачем ему убирать снимок? Что еще я упускаю?

Я швыряю дурацкую книгу на пол и, словно у моих рук есть собственный разум, скидываю книги с полки, открывая каждую, пролистывая все страницы и ища что-нибудь спрятанное внутри. Стопка книг у моих ног увеличивается, а мое разочарование растёт.

— Дерьмо! — рычу я, отбрасывая последнюю книгу.

Я оглядываюсь, оценивая беспорядок. Джек просовывает голову в кабинет, и его глаза расширяются.

— Христос. Мы попадём в тюрьму, — стонет он, прежде чем вернуться на свой пост.

Наверное, он прав. Если Зак не был уверен, что кто-то вломился сюда раньше, то теперь он уверен. Я могу только надеяться, что найду нужное, к тому времени, как он вернется домой. Я буду первой, о ком он подумает? Особенно после вечера покера?

Интересно, сказал ли им Баз? А если и сказал, то, наверное, все они празднуют мой уход из его жизни.

Ублюдки.

Я уверена, что именно для этого и была их поездка в Вегас.

Перешагнув через груды разбросанных книг, я поднимаю крышку деревянного ящика. Моя последняя надежда. Мое сердце колотится в груди, когда я вижу, что лежит прямо сверху. Все дело в фотографии. Он убрал ее сюда. Но зачем?

Пока я перебираю все внутри деревянного ящика, мои руки начинают дрожать. Вроде бы ничего особенного, но, с другой стороны, зачем ему держать что-то подобное в сейфе, если оно не представляло для него никакой ценности? Я нутром чувствую, что здесь что-то есть. Тут куча потрепанных квитанций, чернила уже почти полностью выцвели. Кусок веревки с чем-то, похожим на грязь, и еще кусок чего-то, похожего на связующую бумагу, сложенную вчетверо с обтрепанными краями и все такое. Кажется, там есть рисунок. Линии, соединяющие маленькие цифры в углу.

Я переворачиваю бумагу туда-сюда, пытаюсь понять, на что, черт возьми, я смотрю. В этом нет никакого смысла. Это похоже на карту, но это также похоже на карту, которую нарисовал наркоман, так что я не могу быть слишком уверенной. Вздохнув, я бросаю бумагу обратно в ящик и оглядываю кабинет. Полный бардак. И это еще мягко сказано.

Запихнув ящик в сумку, я закрываю сейф, запираю его и ставлю зеркало обратно. Я делаю паузу, обдумывая, не убрать ли книги, но никак не могу вспомнить, в каком порядке они стояли на полках, и, если мне повезет, Зак узнает. Он, вероятно, аналитический ублюдок, который заметит самые простые вещи. Я решаю оставить беспорядок для него. Думаю, это не повредит больше, чем все, что я уже сделала.

На обратном пути в мотель снова воцаряется тишина, воздух пропитан поражением. Я не нашла того, что мне нужно. Все, что у меня есть, это эта дурацкий ящик и случайное дерьмо внутри. Я прижимаюсь лбом к стеклу и смотрю в пассажирское окно, наблюдая, как мы проезжаем мимо машин по шоссе.

Джек вздыхает.

— Как бы то ни было, мне жаль, что ты не нашла того, что искала.

Слезы разочарования щиплют мне глаза. Я не отвечаю, предпочитая вместо этого кивнуть, слишком боясь, что разражусь рыданиями, если попытаюсь ответить.

Я настолько погружена в свои мысли, что даже не замечаю, как мы въезжаем на стоянку мотеля. Джек паркуется и поворачивается лицом ко мне.

— Это может быть хорошо, Маккензи. Возможно, это и к лучшему, что ты ничего не нашла.

Я отстегиваю ремень безопасности, не говоря ни слова, потому что не согласна. Это не очень хорошая вещь. Даже близко.

— Почему бы тебе не приехать ко мне сегодня ночью? Тебе не придется оставаться в этом месте.

Я практически вижу, как по его телу пробегает дрожь, когда он оглядывает грязный мотель, в котором, вероятно, живут убийцы, наркоторговцы и проститутки.

— Со мной все будет в порядке. Думаю, мне нужно... Я не знаю. Думаю, сегодня мне нужно побыть одной. — я вылезает из машины и останавливаюсь у самой двери. Я поворачиваюсь к Джеку, его фигура плывет передо мной, когда влага накапливается, угрожая пролиться. — Спасибо, Джек. Ты был там... Боже, я бы не смогла зайти так далеко без тебя, так что спасибо.

Я хватаю сумку с моими находками и закрываю дверь, когда первая слеза скатывается по моей щеке.

Вернувшись в свой дерьмовый номер в мотеле, я бросаю сумку на кровать и включаю телевизор на местном новостном канале. На всякий случай, если поступят какие-нибудь сообщения об ограблениях, я хотела бы быть готовой. Я, очевидно, возьму вину на себя. Я ни за что не потяну за собой Джека.

Я снова медленно просматриваю каждый предмет, пытаюсь понять смысл. Старые квитанции, дерьмовая карта и потрепанный кусок веревки. Я выкладываю все на кровать и бросаю ящик к изголовью, когда слышу, как внутри катится что-то металлическое. Я замираю, мои брови вытягиваются. Обойдя кровать, я подношу ящик к уху и встряхиваю.

Снова звук.

Я открываю ящик, двигая пальцами внутри в поисках, что бы там ни было. Мои пальцы царапают что-то маленькое и металлическое. Передвинув ящик под лампу на тумбочке, мои глаза расширяются при виде этого. Это сережка. Маленький гвоздик. Настоящий бриллиант. Я кладу сережку в центр ладони, чувствуя себя еще более смущенной, чем когда-либо.

Какого черта? Неужели он просто кидает случайное дерьмо в этот ящик?

Осторожно кладу сережку на кровать рядом со всем остальным из ящика. Иду к телевизору, хватаю папку со всем, что собрала за последние несколько месяцев. Раскладываю все в хронологическом порядке на столе. Он маленький, но мне удастся вместить большую часть газет и статей.

Я расхаживаю по потертому ковру, прихлебывая кофе, пытаюсь разобраться во всем этом. Я включила дерьмовую кофеварку и заварила свежий кофе в ту же секунду, как вошла. Я нуждалась в кофеине, если собиралась пережить эту ночь.

Где связь? Этот временной промежуток не учитывается. Если они это сделали, то как им всем сошло с рук? Я хватаю с подставки для телевизора судебные документы и отчет о вскрытии, листаю страницы и просматриваю информацию, которую уже знаю наизусть.

Ее тело осталось на скале Поцелуев. Обнаженное.

Где ее одежда? Что с ней случилось?

И они перенесли ее тело откуда-то на скалу Поцелуев? Или оставили ее там умирать?

Должно быть, они спрятали ее одежду. Сожгли. Мне просто нужны доказательства.

Куда бы вы пошли, чтобы сжечь одежду?

Я осушаю чашку, протираю глаза и расхаживаю по комнате всю ночь.

— Черт, Мэдисон. Ты не можешь дать мне знак или что-нибудь в этом роде? У меня ничего нет. Я все потеряла. И все напрасно.

Усталость берет свое, и я падаю на стену, ударяясь головой об неё. Прикусываю нижнюю губу, пытаюсь заглушить яростные голоса, кричащие мне, чтобы я закончила это. Чтобы все сделала правильно. Я расстроена. Я устала. Мое сердце болит, потому что я разрушила свой шанс с хорошим мужчиной. Неизвестно, куда бы все пошло. Неизвестно, получилось бы у нас вообще, но все лучше, чем то, что у нас есть.

— *Господи, перестань жалеть себя, Кензи. По крайней мере, ты жива и дышишь.*

Мои глаза распахиваются, и я вздрагиваю, когда вижу Мэдисон, прислонившуюся к противоположной стене, копируя мою позу. Ее настрой просвечивается в том, как она скрещивает лодыжки и руки на груди и приподнимает бровь.

Я тяжело сглатываю, едва сдерживая слезы. Я сошла с ума. Я не в своем уме. Мне нужно сидеть взаперти за то, что я так часто разговариваю со своей мертвой сестрой.

— Скажи мне, как это исправить.

Мэдисон качает головой.

— *Ты уже знаешь как, Кензи. Ты не обращаешь внимания.*

— Я обращаю, — скриплю зубами я.

Она поднимает брови, ухмыляясь моему гневу.

— *Смотри внимательнее. У тебя есть все ответы, которые тебе нужны. Просто посмотри внимательнее.*

Я отталкиваюсь от стены, мой гнев выплескивается наружу.

— Я смотрела! Я искала! Я искала! Я все сделала, Мэдисон! Ничего не имеет смысла. Ответа нет. Им это сойдет с рук. Снова.

Ухмылка исчезает с ее лица, и она отталкивается от стены, направляясь ко мне.

— *Посмотри еще раз.*

— Прекрати! — кричу я, тыча в нее пальцем. — Это все твоя вина. Мне давно следовало остановиться. Я должна была сдать, когда у меня был шанс. А теперь посмотри на меня. Я чертовски жалкая, кричу на кого-то, кого здесь даже нет!

Мэдисон качает головой, будто я идиотка.

— *Я здесь, Маккензи. Я никогда не уходила. Ты знаешь это так же хорошо, как и я. И я тебе говорю... посмотри. Снова.*

Слезы текут по моим щекам. Я закрываю лицо руками, ногти впиваются в кожу, я хочу, чтобы она ушла. Когда я убираю руки и открываю глаза, она все еще здесь.

— Почему ты просто не уйдешь? — я задыхаюсь.

Впервые на лице Мэдисон появляется печаль. Она сокращает расстояние, между нами, берет мою руку в свою и сжимает. Рыдание вырывается из моей груди от того, насколько реальным оно кажется. Ее прикосновение. Все это.

— *Ох, Кенз,* — выдыхает она, заправляя мне волосы за ухо и вытирая слезы со щек. — *Я не могу уйти. Пока нет. Ты не отпустила меня. А теперь посмотри еще раз,* — умоляет она, и ее глаза, точно такие же, как мои, блестят от слез.

Она вглядывается в мое лицо, а я в ее. Слезы продолжают течь, пока мы сидим вот так. Потому что я скучаю по ней. Я скучаю по всему, что связано с ней.

Точно так же, как она заправила прядь волос мне за ухо, она делает то же самое с собой. Я замолкаю, хмурясь. Наклонившись к ней, я прищуриваюсь, пытаюсь разглядеть что-нибудь получше.

— *Продолжай искать, Маккензи,* — шепчет она.

Я хватаю Мэдисон за плечи и притягиваю ее ближе, не сводя глаз с одного из ее ушей,

которое теперь открыто, прядь темных волос мягко спрятана за ним. Я смотрю на ее второе ухо, и у меня перехватывает дыхание.

— О Боже.

Она улыбается.

Схватив ее лицо дрожащими руками, я поворачиваю ее голову влево и вправо, и, конечно же, в одном ухе маленький бриллиантовый гвоздик, а с другой стороны, у нее не хватает сережки. Точно такой же, как та, что я нашла в ящике.

— Она ведь твоя, не так ли?

— *Ты почти на месте.*

С адреналином, пульсирующим в моих венах, я бросаюсь к сережке на кровати. Вертя ее в пальцах, я подношу к ее уху. Вот оно.

Это ее сережка.

Должно быть, она потеряла ее в ту ночь.

Лед оседает в моей груди, когда осознание врезается в меня. Если она надела эти сережки в ту ночь, а Зак убрал их в свой сейф, это должно означать... это должно означать...

— Черт! — чертыхаюсь я, кружась вокруг кровати, роясь в ящике с находками.

Мои глаза ищут квитанции, и я щурюсь, пытаюсь прочитать текст. Это из скобяной лавки в Ферндейле. Что нужно подросткам в хозяйственном магазине?

Я делаю паузу, пытаюсь разобраться в своих мыслях. Я слышу ее приближающиеся шаги.

— *Посмотри еще раз,* — требует она с некоторой резкостью в голосе.

Я просматриваю все вокруг, мои глаза задерживаются на переплетной бумаге и веревке, но я бегло просматриваю ее, двигаясь дальше. Я покусываю ноготь большого пальца.

— Что я упускаю? — шепчу я вслух.

— *Это здесь,* — говорит она более настойчиво. — *Это прямо перед тобой, Маккензи.*

Смотри. Снова.

— Я пытаюсь! — рявкаю я в ответ.

— *Попробуй еще раз! Открой глаза, Маккензи, черт возьми!* — кричит она в ответ.

Я хмуро смотрю на нее через плечо, а когда оглядываюсь на все, что лежит передо мной, мой взгляд устремляется на сложенную папку. Я поднимаю ее и снова смотрю.

Ничего.

Я снова смотрю на квитанции.

Ничего.

Я уже собираюсь послать все к черту и спихнуть все с кровати, когда перевожу взгляд на веревку.

Веревка.

Хозяйственный магазин.

Квитанции.

Пропавшая одежда.

С колотящимся в груди сердцем я снова роюсь в квитанциях, пытаюсь прочесть. Когда я вижу что-то похожее на веревку, у меня сжимается грудь. Я снова беру листок и прошаживаюсь с ним по номеру.

Цифры сбивают с толку, но это может быть карта. Может, там они спрятали ее одежду? Должна быть причина, по которой они сняли ее с нее. Может, им нужно было спрятать своё ДНК? И вдруг это врезается в меня.

Координаты.

Я бросаю взгляд на бумагу и случайные числа.

Это координаты!

Что бы там ни было, это ответ.

Когда я поднимаю глаза, Мэдисон нигде не видно. Сжимая бумагу в руке, я спешу к ноутбуку, чтобы включить его. Перехожу в Google Maps за помощью и набираю цифры, надеясь, что что-то волшебным образом появится.

Круг загружается, и, наконец, координаты показывают на государственный парк Секвойи в Ферндейле. Я перестаю дышать и на секунду задыхаюсь от недоверия.

Вот оно. Это действительно так.

Липкими руками я открываю документ и продолжаю с того места, на котором остановилась. Не знаю, как долго я сижу и печатаю, но этого времени достаточно, чтобы допить кофе, и сквозь занавески пробивается солнечный свет. Я не останавливаюсь. Я не останавливаюсь, когда у меня болят руки. Не останавливаюсь, когда мое зрение начинает расплываться. Не останавливаюсь, пока не дохожу до последнего абзаца. Мое доказательство.

Сохранив свою работу, я открываю электронную почту, просматривая оповещения в поисках любых новостей или ключевых слов с Базом или кем-либо из парней. Есть только одно. Что-то о вечеринке у бассейна, которая состоится сегодня на курорте База. Я знаю, что мне, вероятно, следует держаться на расстоянии, но я должна что-то сделать. Он должен знать.

Я даже не имею понятия, вернется ли он на курорт. Он все еще может находиться в Лас-Вегасе. Они все. Или все могут быть здесь.

В мотеле я спускаюсь к стойке регистрации и звоню в колокольчик, пока из задней двери не выходит тот же пузатый отвратительный человек, когда я впервые бронировала свой номер. Его глаза скользят вверх и вниз по моему телу, и останавливаются на лице, его брови морщатся, когда он видит мое напряженное состояние.

Да, да, я знаю. Наверное, я выгляжу ужасно — может быть, даже хуже, чем он, но мне нужна его помощь.

— Мне нужен принтер.

Он тупо смотрит на меня.

— И?

Я скрежещу зубами.

— Мне нужно кое-что распечатать. Это очень важно.

Он поднимает бровь, затем усмехается, прислоняясь к столу между нами.

— За пользование принтером взимается плата.

Я прищуриваюсь.

— Это дерьмовый мотель.

— Вы всегда можете заплатить, используя другие услуги. — он пожимает плечами.

Я бросаю на него такой взгляд, что он выпотрошил бы большинство мужчин. Я роюсь в заднем кармане, вытаскиваю последнюю пачку наличных и достаю сотню.

— Бери или проваливай, придурок.

Он кивает через плечо и ухмыляется, пряча сотню в карман.

— Принтер там, сзади.

Я кривлю губы от отвращения, когда смотрю на принтер и компьютер. Там лежит открытый пакет с фритосом и бобовым соусом, а рядом с клавиатурой тубик с лосьоном и

салфетками. Меня чуть не тошнит, думая о том, для чего это может быть использовано.

Усевшись на край стула, я с гримасой на лице включаю компьютер, не желая прикасаться ни к чему, что принадлежит этому человеку. Когда экран оживает, он открывается на домашней странице Pornhub, я закатываю глаза.

Серьезно?

Я открываю новую вкладку, входя в свою электронную почту, и загружаю последний документ, который я отправила сама. Нажимаю «печать» и с тревогой жду, когда принтер очнется от сна, машинально выплевывая мои страницы, заполненные словами. Примерно на половине мне нужно снова наполнить принтер бумагой. Вот сколько нужно распечатать.

Спустя двадцать минут у меня в руках толстая стопка бумаг, и я выхожу из своей электронной почты. Я прохожу мимо мужчины, обходя его стороной. Его глаза расширяются при виде толстой стопке у меня в руках.

— У вас чернила закончились. Но спасибо, — бросаю я через плечо, торопясь обратно к лестнице.

— Эй! Это обойдется дороже! — кричит он мне вслед.

— Хорошего вам дня! — кричу я в ответ, взбегая по лестнице.

Вернувшись в свой номер, я принимаю душ, быстро одеваюсь и завариваю еще одну чашку дерьмового кофе, прежде чем уйду. Со стопкой в руках я возвращаюсь на Uber на курорт.

Мне запрещено здесь появляться. Я знаю.

Скорее всего, меня даже не пустят внутрь, но мне нужно привлечь внимание База. Мне нужно, чтобы он прочитал это, чтобы понял, кто его друзья и кого он защищает.

Низко надвинув на голову кепку футбольной команды Янки, я вылезая из машины, перекидываю сумку через плечо и проскальзываю внутрь. Я полностью обхожу стойку регистрации, вместо этого иду по коридору. Я бросаю подозрительный взгляд через плечо, убеждаясь, что за мной не следят. Я отчаянно тычу в кнопку лифта, надеясь, что он придет. Чем быстрее я доберусь, тем меньше шансов, что меня поймают.

Двери открываются, и я быстро захожу внутрь; я уже почти достигаю пентхауса, когда осознаю свою ошибку.

Черт.

У меня больше нет доступа.

Я хлопаю себя ладонью по лбу, пытаюсь собраться с мыслями. Мне просто нужно подняться на верхний этаж и выяснить, куда, я могу пойти. Может, я смогу воспользоваться лестницей? Я могу подождать там, пока кто-нибудь не откроет дверь, и могу сказать, что я потеряла ключ-карту. Приняв решение, я нажимаю пальцем на верхний этаж, который находится прямо под пентхаусом.

Дорога наверх длинная. Гораздо дольше, чем я помню. Толстая стопка бумаг прожигает дыру в моей сумке и тяжело давит на плечо. Лифт звонит, и когда двери открываются, я уже собираюсь выйти, когда вижу, кто ждет с другой стороны.

Мой желудок сжимается.

Дерьмо.

ГЛАВА 25

Маккензи

Дэн и еще трое охранников хмуро смотрят на меня. Я глубоко вздыхаю и отхожу, глядя прямо на Дэна.

— Пожалуйста, Дэн. Мне нужно с ним поговорить. Это быстро. Я обещаю. Я должна ему кое-что показать. Мне нужно, чтобы он понял.

Дэн и другие охранники не двигаются с места.

— У меня есть строгий приказ не пускать вас в помещение.

На глаза наворачиваются слезы.

— Пожалуйста, Дэн. Мне нужна одна минута. Только одна, — шепчу я, и по моей щеке катится слеза.

Хотя лицо Дэна ничего не выдает, его глаза начинают смягчаться. Внезапно он опускает глаза и вытаскивает из кармана телефон. Он подносит трубку к уху, не сводя с меня глаз.

— Хорошо. Тогда я ее приведу.

Я становлюсь немного выше и напрягаюсь, чтобы услышать, кто находится по ту сторону этого звонка. Баз? Если он не хочет меня видеть, то почему позволяет подняться?

Дэн отмахивается от охраны и зовёт меня обратно в лифт, который ведет в пентхаус. Я придвигаюсь к нему, пытаюсь сдержать слезы и внезапный приступ тревоги.

— Большое вам спасибо.

— Не благодарите меня пока.

— Вы хороший человек.

Кажется, ему неловко от похвалы. Краем глаза он наблюдает за мной, и на его лице появляется гримаса.

— Надеюсь, вы не обидитесь, мисс Уильямс, но вы выглядите ужасно.

Я смотрю на себя, потом на зеркальную стену перед собой и съеживаюсь. *Наверное, я действительно выгляжу ужасно.*

— Ага. — я вздыхаю. — Думаю, да. Было... нелегко.

Он хмыкает, сцепив руки перед собой, и смотрит вперед.

— Я представляю. Я так понимаю, вы... осторожны.

Я перевожу взгляд с моего дерьмового отражения на него, пытаюсь прочесть между строк.

Что это значит?

Лифт останавливается на этаже пентхауса, и я выхожу, Дэн следует за мной. Он внезапно останавливается перед дверью База, и когда я оглядываюсь, он дергает подбородком, приказывая мне идти.

— Он ждет там.

Я натянуто киваю, делая глубокий вдох, чтобы набраться сил, прежде чем войти внутрь. Где-то играет музыка. Не громко. Как будто доносится с улицы. Я иду дальше, не обращая внимания на свое кровоточащее сердце.

— Баз? — я кричу и не получаю ответа.

Я на секунду замираю, не зная, ждать его или продолжать. Он, очевидно, знает, что я здесь, если позволил Дэну привести меня. Это игра разума?

Выставить меня душой, пока я его жду?

Страхнув с себя страх, я расправляю плечи и иду дальше. Слышу глубокий смешок База, доносящийся из его спальни, и мои брови опускаются. Я стучу в дверь и, не получив ответа, открываю ее. Вид, который встречает меня, заставляет мой живот забурлить. Яма углубляется, и я на секунду покачиваюсь на ногах, вынужденная ухватиться рукой за стену, чтобы не упасть.

Если это возможно, мое сердце разбивается еще сильнее. На данный момент это непоправимо. На его кровати две обнаженные девушки, а снаружи, за окнами от пола до потолка, вечеринка, заполненная скудно одетыми дамами. Лед заполняет мою грудь, и тиски сжимаются вокруг легких, затрудняя дыхание. А когда я заглядываю в угол его комнаты, то вижу, что Баз сидит в кожаном кресле в одних шортах и со стаканом янтарной жидкости. Он смотрит на меня со скупающим выражением.

Я стараюсь не спускать глаз с его тела. Я не доставлю ему такого удовольствия, когда он потеряется в Бог знает скольких девушках после меня.

Я действительно так мало значила для него?

— Ты вдруг забыла, как говорить? Или у тебя просто кончилась ложь?

Две обнаженные девушки на кровати смеются надо мной и снова целуются. Рыдание ползет вверх по моему горлу, угрожая вырваться, но я отказываюсь позволить этому произойти. Я качаю головой, умоляя себя держать себя в руках.

— Я пришла объяснить.

Мой голос не звучит так, будто он принадлежит мне. Он слабый.

Или, может, это действительно похоже на меня. Настоящую я.

Баз приподнимает бровь и ухмыляется. Это холодная ухмылка. Это как удар плетью по коже или кислота по открытой ране.

— Ах, опять ложь. — он невесело смеется, делая глоток из стакана.

Он отворачивается от меня, поглядывая на стонущих девушек на кровати. Боль в груди усиливается.

Я ненавижу это. Зачем он это делает?

— Пожалуйста, Баз. Мы можем отойти куда-нибудь и поговорить наедине? — умоляю я, искоса поглядывая на дам.

Одна девушка держит руку между ног другой, и они довольно грубо целуются.

— Себастьян для тебя. — еще один удар. Из открытой раны хлынула кровь. — И нет, мы не можем. Мне очень нравится мой вид. А тебе, Маккензи — или лучше сказать Скарлетт, — нравится?

— Прекрати, — шиплю я, мое зрение туманится от непролитых слез.

Глаза и нос щиплет от давления.

Себастьян внезапно встает, его стакан звенит о край стола, когда он идет ко мне. Я делаю осторожный шаг назад, крепче сжимая сумку и заставляя себя сглотнуть. Горло саднит, как наждачная бумага.

Мы смотрим друг на друга. С балкона доносится музыка. Смех и стоны слышатся с кровати, но я не вижу ничего, кроме него. Его взгляд скользит вверх и вниз по моему телу, вероятно, отмечая мой потрепанный вид и темные круги под глазами. Он слегка хмурит брови, но никак это не комментирует. Слава Богу.

— Я пришла отдать тебе это. Я знаю, что ты меня ненавидишь. Знаю, что ты никогда больше не захочешь меня видеть, но я... просто... просто прочти. Пожалуйста. Мне нужно, чтобы ты понял.

Слезы катятся по моим щекам, и я вижу, как напрягается мускул на его челюсти, не тронутый моими слезами. Я начинаю рыться в сумке, вытаскивая тяжелую стопку. Толстую папку.

— Стой, — внезапно рычит он, и я замираю с толстой стопкой в руках, глядя на него широко раскрытыми глазами.

Он делает шаг ко мне, и мои глаза расширяются. Мое разбитое сердце колотится в груди. Баз протягивает руку, проводит большим пальцем по моим губам, и я наклоняюсь к нему. Хныканье вырывается прежде, чем я успеваю его остановить, и он замирает. Я думаю, что это все. Я уверена, что он остановится, но он не делает этого. Он продолжает, наклоняясь ко мне еще сильнее.

— Такое красивое лицо, — хрипло произносит он, его глаза горят желанием. — Такие идеальные губы, — задумчиво произносит он.

Мысли о Мэдисон исчезли. Планы правосудия исчезли. Теперь я могу думать только о нем. О его губах на моих. То, как он простил меня.

Баз наклоняется ко мне, и мое сердце сжимается в груди. У меня перехватывает дыхание.

— Губы, которые лгали, снова и снова, — шепчет он над моим ртом, его теплое, свежее дыхание дразнит меня и разбивает сердце. — Губы, которые только и делали, что целовали меня ложью.

Мои глаза расширяются. Ужас клубится в животе, и страх ползет вверх по позвоночнику

от отстраненного выражения на его лице.

— Я...

Он обрывает меня, его пальцы прижимаются к моим губам.

— Я не хотел выслушивать твои извинения раньше, и, конечно же, мне все равно сейчас. Ты думаешь, я хочу читать твою чушь? Мне. Все. Равно. А теперь в последний раз — потому что, если мне придется сделать это снова, Маккензи, это будет некрасиво и невежливо — тебе нужно уйти. У меня наихудший случай синих яиц, и я хотел бы, чтобы ты ушла, прежде чем я начну.

Хотя по моим щекам текут слезы, он поворачивается ко мне спиной и захлопывает дверь перед моим носом. Я стою в шоке, беззвучные слезы и рыдания сотрясают мое тело. Когда женские стоны становятся громче, я крепче сжимаю стопку и поворачиваюсь. Я бросаю бумаги на барную стойку и убегаю. Я пробегаю мимо Дэна, мимо охраны и спускаюсь на лифте. Я падаю. Громкие, рваные рыдания заполняют маленькое пространство, когда я плачу обо всем, что потеряла.

Я плачу по человеку, которого, как мне казалось, знала. Я плачу, пока у меня ничего не остается.

Люди настороженно смотрят на меня, когда я выхожу из отеля. Я иду по длинному коридору и заказываю Uber. Я не утруждаю себя ожиданием. Чем быстрее я уберусь подальше от Себастьяна и его владений, тем лучше буду себя чувствовать.

Закончив жалеть себя и хорошенько поплавав, я приступаю к осуществлению своего плана. Я плачу за аренду, которая мне понадобится для поездки в Ферндейл. Иду в хозяйственный магазин и покупаю лопату.

Дрожащими руками я открываю свой ноутбук, страх змеится по моим венам, когда я вхожу в свою электронную почту. Завтра вечером я либо найду правду, либо ничего. В любом случае, то, что я написала, само по себе компрометирует, и кто-то должен это прочитать. Кто-то должен об этом узнать. И поскольку этот человек не Баз, как я надеялась, я должна с этим примириться.

Я открываю новое письмо и прикрепляю файл, ненавидя себя за то, что после всего того, что я сделала, они моя последняя надежда. Я не знаю, что я найду, но мне нужно, чтобы у кого-то было это. Мне нужно, чтобы кто-то понял. И, к сожалению, хотя я никогда не относилась к ним как к настоящим подругам, у меня остались только Кэт и Вера. Я быстро печатаю письмо, от которого на глаза наворачиваются слезы.

Прежде чем вы прочтете прилагаемый документ, я хочу, чтобы вы обе знали, что без вас я бы рухнула. Я так долго думала, что я одна, но всегда были вы двое. Мне жаль, что я не была самой лучшей подругой или самым лучшим человеком, но, пожалуйста, мне нужно, чтобы кто-то прочитал это просто на случай, если у меня отнимут шанс.

Я нажимаю отправить по электронной почте с прикрепленным документом и закрываю глаза. Я оглядываю номер и грустно улыбаюсь, желая, чтобы Мэдисон произнесла вдохновляющую речь, но она молчит с момента обнаружения координат.

Собрав все необходимое, я запикиваю бумагу с координатами и ящик с серьгой в сумку, прежде чем взять телефон и ноутбук, оставив все остальное в номере.

Машина, которую я взяла напрокат дешевая. И уродливая, судя по всему. Это помятый белый Шевроле Малибу. Внутри пахнет сигаретами, но мне все равно. У меня впереди девять с половиной часов езды. У меня нет времени терять зря.

Скорее всего, это произойдет завтра вечером, прежде чем я доберусь до городка. Сегодня вечером я немного проеду, куплю еды, остановлюсь в другом дешевом мотеле, а завтра утром поеду дальше.

Это даст мне достаточно времени, чтобы все обдумать и подготовиться. Я провела девять лет в поисках ответов. И думаю, что наконец-то нашла их.

Мои веки трепещут, и требуется несколько секунд, чтобы понять, что я нахожусь в другом дешевом номере мотеля. Взгляд на дерьмовые, потрепанные часы на ночном столике говорит мне, что сейчас только 3:15 утра.

Я перекачиваюсь на другой бок, пытаюсь устроиться поудобнее, но вскрикиваю, когда понимаю, кто лежит рядом.

— Господи, Мэдди. Что, черт возьми, с тобой не так?

Я задыхаюсь, а она смеется надо мной, как обычно. Ее рука спрятана под подушкой, она подпирает голову и смотрит на меня. Я прищуриваюсь, глядя на нее.

— Где ты была?

Она бросает на меня снисходительную ухмылку.

— Ну, ты знаешь, рядом. Живя своей лучшей жизнью.

— Я серьезно, Мэдс. Я нуждалась в тебе, а тебя не было.

Она вдруг становится серьезной, откидывая мои волосы назад.

— Я всегда здесь, Маккензи. Всегда. — Мэдисон берет прядь моих волос, крутит ее туда-сюда и улыбается. — Ты действительно другой человек с таким цветом.

— Это было своего рода сутью.

— Я горжусь тобой, Мак.

Я сглатываю, борясь с внезапным приступом слез. Я вглядываюсь в лицо сестры и признаюсь, что на самом деле чувствую все это.

— Мне страшно.

— Я знаю. Но именно поэтому я здесь. Тебе нужно вставать. Ты должна добраться туда раньше всех.

Мои брови опускаются.

— Что это значит?

Она грустно улыбается.

— Вставай. А теперь иди, Маккензи.

Вздрагнув, я просыпаюсь. Открытые шторы позволяют солнечному свету проникать в комнату, ослепляя меня. Кто-то в соседнем номере дерется. Я слышу их возмущенные крики, а затем звук чего-то разбивающегося.

Должно быть, это и разбудило меня.

Я потираю виски, пытаюсь стряхнуть странный сон. И снова разговор, момент с моей сестрой казался таким реальным. Боюсь, я официально сошла с ума. Я бросаю взгляд на часы на ночном столике и резко выпрямляюсь, широко раскрыв глаза.

— Нет, нет, нет, — бормочу я, сбрасывая простыни и иду в ванную.

Это не может быть подходящим временем.

Это невозможно.

12:15 дня.

Я проспала свой будильник. Мне все еще нужно вернуться в дорогу, чтобы добраться до Ферндейл вовремя.

Я бегаю по номеру, переупаковываю вещи и собираю все, что у меня есть. Я останавливаю выбор на быстром душе, а по дороге останавлиюсь выпить кофе на завтрак. Я веду машину пять часов, только чтобы сделать перерыв на поход в туалет и дважды заправиться.

В какой-то момент мне приходится остановиться и заплакать. Все эмоции последних недель накатывают на меня, и я всхлипываю, уткнувшись лбом в руль. Я боюсь того, что найду. Я боюсь того, чего не найду. Жаль, что здесь нет Мэдисон, которая держала бы меня за руку. Жаль, что здесь нет База, который обнял бы меня, но я все испортила. Он никогда меня не простит. Он больше никогда не захочет иметь со мной ничего общего.

Сердито вытирая слезы с лица, я достаю телефон и смотрю на GPS-координаты. Я приеду через двадцать минут. Все, что мне действительно нужно сделать, это проехать знак границы городка, и тогда я смогу узнать, что случилось с моей сестрой.

ГЛАВА 26

Маккензи

Прошлое

— Запомни, Маккензи. Сиди прямо и покажи себя как следует. Это всего лишь простое судебное разбирательство. Прокурор, работающий на семьи мальчиков, настоящая акула. Он собирается представить дело о клевете и сделает все возможное, чтобы ты выглядела плохим человеком, понимаешь? Сохраняй спокойствие. Он будет говорить о вещах. О вещах, которые могут являться неправдой...

— Которые неправда, — огрызаюсь я на Джареда, брата шерифа Келлера, который сегодня представляет мои интересы.

Винсент и ребята не шутили, когда говорили, что превратят мою жизнь в ад. Вдобавок к иску о клевете и граффити на их домах, они теперь пытаются сказать, что я та, кто причинил боль Мэдисон. Это чертовски бесит и абсолютная нелепость.

Было проведено расследование в отношении Винсента и остальных парней, но никаких нарушений обнаружено не было.

— Верно. Прости, Маккензи. Просто помни, что тебе нужно оставаться спокойной и уравновешенной. Мы справимся с этим, хорошо, мелкая? У них ничего нет. Никаких улик, связывающих тебя с преступлениями. Черт, у нас даже есть заявление мистера Бауэра о твоей невиновности. Все будет хорошо, — успокаивает Джаред, мягко похлопывая меня по спине.

Если бы мистер Бауэр не был тем странным стариком, который не спит всю ночь, наблюдая за домом на нашей улице, не знаю, что бы случилось. Я даже не уверена, что мои родители поверили бы мне на слово.

Я закрываю глаза, и делаю глубокий, успокаивающий вдох. Сейчас или никогда.

— Всем встать.

Джаред незаметно похлопывает меня по руке, призывая подняться, когда судья входит в зал. Это старый сидящий белокожий человек, который выглядит слишком суровым для такого дела. Страх вливается мне в горло, укореняясь в груди, пока я наблюдаю за его походкой, за его небрежной походкой к своему месту, впереди.

Я облизываю пересохшие губы и смотрю на ряды позади меня, находя своих родителей, бабушку и дедушку. Мама выглядит усталой и нервной, покусывая ноготь большого пальца, а папа растерянно смотрит прямо перед собой, избегая моего взгляда. Я уже собираюсь повернуться, когда замечаю высокие фигуры, сидящие на противоположной стороне.

Винсент, Трент и Зак сидят на стороне прокурора в рядах позади него. Не знаю, где остальные парни, и, честно говоря, мне все равно. Я хочу, чтобы с этим дерьмом было покончено. Гнев разгорается в моей груди, когда Винсент чувствует на себе мой взгляд. Он подмигивает мне и посылает воздушный поцелуй.

Джаред снова подталкивает меня локтем, призывая смотреть вперед, и я делаю это, раздувая ноздри от ярости на дерзость этих ублюдков.

Как они посмели?

Судья садится и перебирает лежащие перед ним бумаги. Он поднимает глаза,

осматривая зал. Они падают на меня и Джареда, нашу семью, а затем перемещаются в другой конец. Он, кажется, устраивается поудобнее и кивает прокурору, чтобы тот представился.

— С позволения суда, меня зовут Брэдли Уоткинс, я адвокат семьи Хоторн, и участников этого судебного процесса с иском о клевете.

Судья кивает, глядя на Джареда, который идет следующим.

— Джаред Шейн, адвокат мисс Маккензи Райт.

— Хорошо. — судья поправляет очки на переносице. — Пожалуйста, продолжайте, мистер Уоткинс.

Прокурор встает из-за стола и берет бумагу из стопки, лежащей перед ним. Судья смотрит на свою собственную, так что очевидно, что у него имеются копии всех документов.

— Ваша честь, после смерти сестры-близнеца мисс Райт, Мэдисон Райт, имена моих клиентов и членов их семей были смешаны с грязью. Как выяснилось, ни обвинительных приговоров, ни подозреваемых не было, но тем не менее мисс Райт взяла на себя ответственность обвинять и преследовать семью Хоторн и друзей молодого человека. С солидным средним баллом 4,0 и полной поездкой в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, я уверен, вы можете понять серьезность этих обвинений, выдвинутых против моего клиента.

— Что за обвинения, мистер Уоткинс?

— Мисс Райт считает, что мои клиенты убили ее сестру. Во время полицейского расследования доказательств обнаружено не было, и у всех парней имеется алиби на ту ночь. Как видно на фотографиях, мисс Райт решила взять на себя ответственность за разгром имущества Винсента Хоторна, Маркуса Уайтхорна, Зака Ковингтона и Трента Эйнсворта. Семья Пирс улетела из страны в отпуск и не может сообщить подробности от имени своего сына. Как показано на снимках, кроваво-красной краской, или тем, что мы считаем аэрозольной краской, мисс Райт написала «убийца» на гаражах этих четырех невинных парней. Через несколько дней они отправятся в колледж, и, как вы можете себе представить, такие отвратительные преступления и клевета на их имена могут поставить под угрозу стипендии, ради которых они учились всю свою школьную карьеру.

Слезы наворачиваются на глаза, слушая прокурора. Он ошибается. Они все врут. Я стискиваю зубы и впиваюсь ногтями в бедра, пытаюсь держать себя в руках. Вспышка гнева здесь не поможет.

— Я хотел бы отметить, ваша честь, что мисс Райт вполне может попытаться переложить вину на этих парней, поскольку они собираются начать новую главу в своей жизни, просто чтобы защитить себя. Откуда нам знать, что это не она причинила боль собственной сестре в ночь ее смерти? Всем в городке известно, что их ссоры были регулярными.

Я задыхаюсь, все мое тело напрягается от ужаса. Он не может быть серьезным?

Я двигаюсь, чтобы встать, закричать и сказать, что он лжет, но Джаред крепко сжимает мою руку, удерживая меня на месте.

— Успокойся, Маккензи, — бормочет он себе под нос, не сводя глаз с судьи.

К тому времени, как прокурор заканчивает свою болтовню, я уже киплю от злости. Я едва держу себя в руках — мой гнев и слезы ведут войну, угрожая взорваться. Судья, наконец, переводит взгляд на меня между чтением документов. Он смотрит на меня поверх

очков и выпрямляется в кресле. Подает знак Джареду, давая ему возможность говорить от моего имени.

— Ваша честь, доводы обвинения равны нулю. Они ничего не имеют против моего клиента. Маккензи была звездной ученицей, молодой, яркой девушкой, которая только что пережила трагическую потерю и теперь обвиняется не только в преступлении, которого она не совершала, но сейчас обвинение намекает, что она убила своего собственного близнеца? Мой клиент ложно оклеветан как подозреваемый. Я должен подать иск против мистера Уоткинса и его клиентов. — Джаред смотрит на меня краем глаза, и это заставляет меня выпрямиться.

Я могу это сделать.

Я могу быть сильной.

Я могу это сделать.

— Ты можешь это сделать.

Я замираю при звуке ее голоса. Я обвожу взглядом зал суда в поисках Мэдисон, но, конечно же, ее нигде нет. Я качаю головой, чувствуя, что нахожусь на грани срыва, и заставляю себя снова взглянуть на Джареда и судью.

— Как следует из показаний, мой клиент, Маккензи Райт, не могла совершить ни одного из этих преступлений. В заявлении, полученном шерифом, мистер Бауэр утверждает, что Маккензи не могла причинить вред своей сестре или испортить имущество, потому что он находился снаружи всю ночь в обоих случаях. Он часто спит днем и бодрствует ночью, так как раньше работал в ночную смену на заводе. Мистер Бауэр утверждает, что в ночь смерти Мэдисон, он видел, как Мэдисон вернулась с Маккензи. Он стал свидетелем, как одна сестра вошла в дом, а другая уехала. В ночь инцидента с граффити мистер Бауэр говорит почти то же самое. Он не ложился спать на протяжении всей ночи, работал во дворе, присматривал за детьми, которые, как он клянется, постоянно передвигают его дворовых гномов. Он не видел, как кто-либо покидал или входил в резиденцию Райт. Благодарю вас, ваша честь.

Джаред садится рядом со мной и успокаивающе похлопывает меня по ноге.

Все будет хорошо.

— Благодарю вас, мистер Шейн. — судья вздыхает. — От имени суда я отклоняю все иски и возможные обвинения в отношении мисс Райт, мистер Уоткинс, в следующий раз, когда вы войдете в мой суд, пожалуйста, не тратьте мое время. Пусть эти дети живут своей жизнью и оправляются от трагедии. Все свободны.

Со стуком молотка судья выпрямляется и начинает покидать зал суда, качая головой из-за явной глупости прокурора. Джаред мягко обнимает меня, и слезы, которые я сдерживала, проливаются. Я все еще пытаюсь осмыслить произошедшее.

Все будет хорошо.

Все знают, что я этого не совершала.

Я иду рука об руку с мамой по коридору, выходя из здания суда, и время, кажется, замедляется, когда я замечаю Винсента и его семью. Его родители ведут горячую дискуссию, а он наблюдает за мной сквозь прищуренные глаза. В замедленной съемке я чувствую, как его взгляд пробегает вверх и вниз по моему телу. Я чувствую, как его ненависть пропитывает воздух вокруг нас. Как только мы проходим мимо него, он бросает мне ухмылку, прежде чем он и его семья исчезают за углом.

ГЛАВА 27

Маккензи

Со слезами, струящимися по моему лицу, я проезжаю знак границы городка Ферндейл. В ту же секунду, как я пересекаю границу, я снова проигрываю битву со своими эмоциями. Все точно так, как я помнила, — святилище того, что было много лет назад. Это больно. Боже, как больно снова оказаться здесь.

Я крепче сжимаю руль, пытаюсь выбросить из головы предательское выражение лица База. Я стараюсь не думать о нем и обо всех этих девушках. Стараюсь не думать, что он ненавидит меня. Не могу думать об этом прямо сейчас. Вот ради чего я *это* сделала. *Это* важно. Справедливость для Мэдс. Я не была бы здесь с этими координатами, если бы не все, чем я пожертвовала до этого момента.

Я бросаю взгляд на навигатор и следую инструкциям. Я еду ко входу парка, но вместо того, чтобы припарковаться на стоянке, продолжаю путь, включив фары. Я замедляюсь, ветви деревьев покачиваются, и я едва не задеваю их, когда веду машину через лес.

Если я не ошибаюсь, координаты приведут к ручью. Если не туда, то где-то рядом. Я не могу рисковать, что кто-то увидит меня, поэтому, очевидно, оставить машину на стоянке не вариант.

Спустя некоторое время электронный голос GPS оповещает, что я на месте. Давлю на тормоза, глушу машину и медленно вылезая. Я настороженно оглядываюсь вокруг. Сегодня

ночью в воздухе веет холодом. Деревья шепчутся от силы ветра, ветви и листья хрустят.

Холодный, свежий ветерок обдувает мое лицо, и я нервно облизываю губы, снова оглядываясь вокруг, прежде чем открыть багажник. Обежав машину, я роюсь на заднем сиденье и, кряхтя, собираю сумку с необходимым.

Защищаясь от холода и паранойи, я беру тяжелую сумку и начинаю тащить ее. Мышцы на руках болят, бедра горят, но я продолжаю идти, пока не нахожу нужное место. Бросив сумку, я выпрямляюсь, холодный пот уже выступил на лбу. Мои кроссовки испачканы грязью, и я чувствую, как надоедливые жуки и ядовитый дуб уже творят свою магию на моих ногах.

Наверное, некоторые вещи никогда не меняются.

Глубоко вздохнув, я расстегиваю сумку и вытаскиваю лопату, которая уже наполовину выглядывает. Бросаю ее на землю и падаю на колени. Провожу руками по земле, пытаюсь нащупать что-нибудь необычное. Грязь или что-нибудь, что даст мне указание, где нужно начать копать.

Мои руки останавливаются на небольшом клочке земли. Оглядываясь вокруг, я понимаю, что это единственное место, где не выросли сорняки и ядовитый дуб. Не имея других вариантов, я встаю на ноги, вонзаю острие лопаты в твердую землю и начинаю копать. Это гораздо сложнее, чем кажется. Гораздо труднее, чем я ожидала.

Деревянная ручка царапает кожу моих ладоней, и с каждым взмахом, с каждым подъемом земли мое дыхание учащается. Порез, царапанье и свист грязи и лопаты наполняют воздух, и то, что кажется рекой пота, стекает с моего тела, пропитывая одежду. Боль пронзает мои руки, и усталость начинает тормозить меня.

Кажется, проходят часы, пока я не замечаю что-то в углубляющейся яме. Рыдание застревает у меня в горле, и я падаю на колени. Мне даже не нужно смотреть на это. Я знаю, что это. Я узнаю это.

Я отбрасываю лопату в сторону и начинаю лихорадочно рыть руками грязь, пока не начинаю ясно видеть.

— Нет, нет, нет. — всхлипываю я, поднимая материал в руках.

Я узнаю футболку. Мы с Мэдисон много ссорились из-за неё. Но, конечно, ей она шла больше, чем мне.

— Ох, Мэдисон.

Я поднимаю футболку, испачканную грязью и покрытую засохшей кровью. Она выглядит старой и потрёпанной. И слезы льются потоками. Я не могу их остановить.

— Мне очень жаль, Мэдс. Это должна была быть я.

Я прижимаю материал к груди и всхлипываю. Клянусь, я заставлю их заплатить. Этого куска недостаточно. Я хочу, чтобы они страдали. Все они.

Никакое количество тюремного заключения никогда не будет достаточно. Я хочу их крови. Мне нужна их боль. Я хочу их...

Звук ломающейся ветки позади меня заставляет меня напрячься. Медленно я начинаю оборачиваться, и темный смешок скрежещет у меня по спине.

— Просто нужно было продолжать копать, не так ли, Маккензи?

Я резко втягиваю воздух при звуке его голоса. Развернувшись, я с глухим стуком падаю на землю и смотрю на него. Он последний человек, которого я ожидала здесь увидеть. Деревья отбрасывают темные тени на его обычно красивое лицо.

— Ты... как?

Винсент цокает.

— Я все время знал, что это ты, Маккензи. В ту же секунду, как ты вошла в двери клуба, я понял, зачем ты здесь. Мы все поняли.

Я качаю головой, не веря своим ушам. Это невозможно. Баз не подпустил бы их ко мне, если бы знал. Он бы оттолкнул меня раньше, не так ли?

Винсент делает угрожающий шаг ближе, и я отползаю, мои пальцы зарываются в грязь, когда я двигаюсь.

— Ты заплатишь за то, что сделал с ней, — киплю я, слезы текут по моему лицу.

Винсент наклоняется со зловещей ухмылкой на лице.

— Это не может произойти, милая.

В то же время он делает выпад, я перекатываюсь и вскакиваю на ноги. Поскальзываясь о грязь, я бегу обратно к машине. Мое сердце колотится так громко, что я слышу только его бешеный стук и шум крови в ушах.

Я почти на месте. Я практически чувствую этот вкус.

Кончики моих пальцев соприкасаются с холодным металлом ручки, но кулак Винсента сжимает мои волосы, дергая за пряди. Он дёргает, и я издаю леденящий кровь крик, пиная его.

Деревья трещат от пронзительного звука. Животные снуют, каждый след жизни оставляет меня умирать от его рук.

— Боже, вы, девочки, даже кричите одинаково.

Моя грудь трещит, истерика цепляется за горло. Все это время я думала, что судьба, Боги хотят, чтобы я нашла правду и добилась справедливости ради Мэдисон. Я мало что знала, они просто привели меня к той же участи, что и ее.

Я действительно должна была умереть.

Я не могу этого допустить. Не позволю ему уйти безнаказанным.

— Помогите! — я кричу и брыкаюсь, злясь, когда он пытается усилить хватку.

Его кулак врезается мне в лицо, оглушая меня на несколько секунд. Это дает ему достаточно времени, чтобы крепко схватить меня и распахнуть дверцу со стороны водителя.

— Садись в чертову машину.

Я сопротивляюсь ему в последней тщетной попытке. В моём последнем «иди к черту» ему и всем остальным Дикарям. Когда что-то холодное прижимается к моему виску, и я слышу громкий щелчок, я замираю. Каждый мускул напрягается, когда приходит осознание, заставляя страх сжаться в животе.

— Ах, хорошо. В конце концов, ты не так уж и глупа.

Медленно, с дулом пистолета Винсента, все еще прижатым к моей голове, я забираюсь на водительское сиденье. Не знаю, что он здесь делает. Я не к нему вламывалась. Как он вообще узнал, где меня найти?

Винсент выхватывает ключи из замка зажигания, где я их оставила, и кивает в сторону ремня безопасности.

— Пристегнись и не вздумай совершать чушь. Я сегодня не в настроении.

Мои руки дрожат, когда я тянусь к ремню безопасности. Я сверхчувствительна к тому, что он здесь, его пистолет все еще нацелен на меня, в то время как он следит за каждым моим движением. Мое сердце бешено колотится в груди, и все вокруг кажется тяжелым. Воздух, боль в сердце. Та же самая боль просачивается в мою грудь, непрерывно капая.

Винсент скользит на пассажирское сиденье, захлопывая на ходу дверцу. Он ерзает,

снова направляя на меня пистолет. Пот выступает у меня на лбу. Я не могу сосредоточиться с этой штукой, направленной на меня. Не могу ни о чем думать, но его палец скользит по спусковому крючку, и мои мысли взрываются.

— Поехали.

К горлу подступает желчь, свежий поток слез затуманивает зрение.

— Я... я...

— Да поможет мне Бог, Маккензи, если ты не заведешь эту чертову машину и не поедешь мы убьем тебя так же, как убили твою сестру, и поверь мне, ты не захочешь снова пережить эту смерть.

Мои глаза расширяются, устремляясь к нему. При этом я ловлю себя на том, что смотрю в дуло пистолета. Отсюда он выглядит безобидным, но я знаю, что это не так. Это единственная причина, по которой я беру у него ключи и завожу машину. Я на автопилоте нажимаю на тормоз и завожу автомобиль, возвращаясь тем же путем, что и приехала.

Я облизываю сухие, потрескавшиеся губы, искоса поглядывая на него.

— Как ты вообще меня нашел?

Мой голос даже не похож на мой родной. В данный момент это едва ли кваканье.

— У меня есть свои способы. А теперь заткнись и продолжай.

Мои руки сжимают руль. Я стискиваю зубы, пытаюсь подавить внезапный приступ гнева. Это вызывает всплеск адреналина в моих венах и медленно распространяется по всему телу.

— Почему? — я стискиваю зубы. — Почему Мэдисон?

Винсент цокает.

— Брось, Маккензи. Ты же знаешь, что это не должна была быть Мэдисон.

Как будто ему каким-то образом удалось вырвать воздух из моих легких. Как будто у него в рука мой орган, и он сжимает его, чтобы я не могла сделать ровный вдох. Он душит меня, не дотрагиваясь до меня даже пальцем.

Я задыхаюсь, из глаз текут слезы гнева.

— Почему я?

— Ты была самой легкой мишенью. По тебе бы никто не скучал.

Все, что я когда-либо испытывала по отношению к себе, рушится. Душит. Топит. Все это умножается в десять раз. Одно дело чувствовать себя так по отношению к самой себе, но слушать, как кто-то говорит об этом, слышать, что группа придурков думает то же самое, действительно душераздирающе.

Мало того, что меня сочли достаточно незначительной, чтобы не скучать после убийства, но ещё и убили мою сестру в процессе. Это никогда не должна была быть она. Это должна была быть я.

Это всегда должна была быть я.

Осознание этого удар под дых. Я давлу на газ, как только мы выезжаем на извилистую дорогу, огибающую парк.

— Ты ублюдок, — шепчу я, сильнее нажимая на педаль.

— Притормози на хрен, ты, психованная сука. Там обрыв.

— Ты отнял у меня все.

Мое зрение затуманивается, края глаз дрожат, и красное пятно просачивается в поле моего зрения, ослепляя меня. Мой гнев кипит в венах, пульсируя в каждом нерве и клетке, так сильно, что моя челюсть болит от того, как сильно я скрежещу зубами.

— У тебя ничего было! — внезапно кричит Винсент, заставляя меня неожиданно подпрыгнуть.

Мои руки дергаются на руле, и машина на секунду сворачивает в опасной близости от края обрыва.

— Держись блядь, Маккензи! — кричит он, слегка паникуя.

Я закрываю глаза, трясую головой, пытаюсь избавиться от всех голосов, которые неистово повторяются.

Я слышу, как сестра кричит мне то же самое:

— *Держись, Кензи!*

Моя мама в своем мягком наказывающем ритме:

— *Пожалуйста, милая, успокойся.*

Папин грубый, глубокий, укоризненный баритон:

— *Возьми себя в руки, Мак.*

Успокаивающий тон моего дедушки.

— *Ты справишься, Арахис. Держи себя в руках.*

Голоса сливаются. Нарастают в моих ушах, как воющие сирены. Я не слышу собственных мыслей. Не могу сосредоточиться.

— Открой свои глаза, тупая сука! — Винсент чертыхается.

Он хватается за руль, крутит его, и машина дергается. Мои глаза распахиваются, и я понимаю, что мы теряем контроль. Мой гнев, моя вина, моя печаль все это воспламеняется, и, как резиновая лента, рвущаяся за край, я отпускаю руль и начинаю слепо бить Винсента.

Он кричит, пытаюсь удержать пистолет и машину на дороге, все время отбиваясь от меня. Мой взгляд цепляется за пистолет, и я начинаю бороться с ним за него. Я не осознаю этого, но моя нога ещё сильнее давит на газ. Он бьется. Его кулак несколько раз ударяет меня по лицу, но я продолжаю, борясь с ремнями безопасности.

Мои пальцы сжимают прохладную ручку, и как только я пытаюсь дернуть ее на себя, он ругается, и следующее, что я помню, мы уже в воздухе. Я вслепую жму на тормоза. Шины визжат до тех пор, пока им больше некуда двигаться. Все происходит как в замедленной съемке. Моя хватка на пистолете ослабевает, темнота и деревья кружатся за окном, когда мы вращаемся, будто на карусели. Мой желудок вздрагивает, а желчь поднимается вверх.

На втором плане скребущие звуки, затем боль.

Звук бьющегося стекла. *Боль.*

Звук хруста металла. *Боль.*

Звук моего собственного крика. *Так много боли.*

Когда я прихожу в себя, то нахожусь в мире агонии. Я окутана тьмой. Что-то туго обвивает мое тело. И запах. Господи, что это за запах?

Что-то капает. Похоже на звук крана в моей старой квартире. Независимо от того, насколько плотно вы закрываете кран, она все равно капает.

Кап, кап, кап.

Я медленно моргаю, открываю тяжелые глаза и пытаюсь пошевелиться, но при этом мое тело разрывается от боли, и я задыхаюсь от непреодолимой агонии. Я пытаюсь разглядеть что-то сквозь темноту, но все вокруг чёрное. Я закрываю глаза и снова открываю, но ничего не меняется. И так каждый раз. Я слышу рядом с собой резкий вздох, и хотя это отнимает у меня все силы, я поворачиваю голову в сторону, обнаруживая Винсента, парящего вверх ногами. Мне требуется секунда, чтобы понять, что мы оба висим вверх

ногами.

Машина, должно быть, съехала с обрыва, и когда я смотрю в его окно, то вижу льющийся в него лунный свет и деревья. Я перевожу взгляд в свою сторону, а там кромешная тьма.

Мне требуется секунда, чтобы понять. Понять, что я в ловушке. Моя дверь и моя сторона лобового стекла упираются в землю и дерево, загоняя в клетку. Слезы страха и боли подступают к глазам.

Я оцениваю Винсента. Он висит, весь в крови, но его глаза, напряженные от боли, внимательно следят за мной.

Я пытаюсь заставить свое тело двигаться. Все, что я могу сделать это убежать от него, но он, должно быть, видит расчетливый блеск, потому что начинает тянуться, чтобы отстегнуть ремень безопасности. Все его лицо искажает боль.

— *Блядь!* — кричит он, отстегивая ремень безопасности.

Его тело падает вперед, и машина опасно качается. За его окном я вижу только небо и верхушки деревьев. Не могу сказать, находимся ли мы на ровной поверхности или еще одно быстрое движение заставит машину вновь покатиться вниз.

Я пытаюсь пошевелиться, но боль снова пронзает мое тело, не давая двигаться. Когда я смотрю вниз, рыдание застревает у меня в горле. Из моего тела торчит какой-то осколок. От этого зрелища у меня еще больше начинает кружиться голова, когда я свисаю вниз головой. Посмотрев в сторону, я вижу, что он наблюдает за мной, его глаза сосредоточены на осколке, пронзающий мое тело. Его брови сходятся, темные тени пробегают по его лицу, когда он снова переводит взгляд на меня, изучая мое лицо.

Он усмехается, звук влажный и жуткий.

— Конечно, ты, блядь, выживешь. Твоя сестра тоже боролась до последнего.

Я сжимаю зубы в рычании, но от напряжения из моей раны вырывается огонь. У меня болит все тело, даже лицо. Глядя на него, я пытаюсь сложить кусочки воедино, но я что-то упустила. Я думала, что это все они. Я просто не понимала, как это возможно. Теперь понимаю.

Я могу только надеяться, что Вера и Кэт забудут о своем гневе, как только прочтут и исполнят мое желание. Это единственный выход.

Боже, Джек будет так зол на меня.

— Это был ты, — выдыхаю я сквозь боль. — Ты единственный, кто это сделал, не так ли? Больше ничего не имело смысла, — шепчу я, мое лицо искажается от боли. — Но это потому, что ты сделал все сам, не так ли? Ты все это время знал, кто я, поэтому следил за мной, следил, чтобы я держалась подальше, и все это время пытался держать остальных парней в неведении.

Его лицо мрачнеет. Трясущимися руками он выпрямляется, опасно раскачивая машину. У него зловещая рана на голове, из которой сочится кровь. По тому, как он смотрит на меня, видно, что я выгляжу не лучше, если не хуже. По крайней мере, у него нет чего-то пронзающего его тело.

Каждый вдох становится все труднее и труднее втягивать. Боль всепоглощающая. Моя хватка на реальность ускользает. Мне кажется, что я парю между сном и сознанием, и темнота грозит затянуть меня.

Но мне нужно понять. Я не могу закрыть глаза, не услышав правду, раз и навсегда.

Слезы стекает из моих глаз, приземляясь где-то подо мной.

— П-почему? Почему ты не мог просто отпустить ее?

Он мрачно усмехается и начинает резко кашлять. Звук влажный. Определенно не здоровый. *Так что я не единственная, кто нуждается в серьезной медицинской помощи.*

— Я? — преодолевая собственную боль, он наклоняется ко мне, его лицо нависает над моим, резкие линии пылают яростью. — Ты имеешь в виду нас.

Мой желудок сжимается от маниакального взгляда в его глазах. Я начинаю качать головой еще до того, как он произносит следующие слова.

— Без него я бы ничего не смог сделать. Как еще, по-твоему, Баз держал тебя рядом? Он использовал твою боль, твою месть против тебя. Он заставил тебя влюбиться, не так ли?

Мое лицо искажается гримасой, и я начинаю всхлипывать, не желая больше ничего слышать. Винсент обнажает зубы, и мои глаза расширяются, весь воздух выходит из легких, когда его кулак сжимает осколок, застрявший внутри меня, и он надавливает, медленно убивая меня, произнося свои прощальные слова.

— Мы разделили ее вместе. Мы убили ее вместе. Это то, что ты упустила, Маккензи Человек, в которого ты влюбилась, убил твою сестру и планировал убить и тебя.

Он вдавливает осколок немного глубже, и с разбитым сердцем сознание ускользает от меня. Я задыхаюсь, а потом, словно опускается занавес, и все вокруг становится черным. Последнее, что я слышу, треск стекла и скрип двери.

Он уходит.

Жаль, что я умру к тому времени, как меня найдут.

продолжение следует...

Насладились «Поцелуй Меня Ложью»? Умираете от желания узнать, что будет дальше с Маккензи и Базом? Финал вы узнаете в следующей части и очень скоро.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

СЛОВА АВТОРА

Итак, если вы зашли так далеко, то я думаю, что:

1. Книга вам понравилась, и вы решили прочесть ее до конца.

2. Вы возненавидели историю и меня, и в просто пришли сюда, чтобы проклинать меня в своей голове. (Не волнуйтесь, такое случается. Никаких обид.)

Нет, серьезно. Для всех, кто дочитал до конца и заботится обо всем, что я говорю, я так благодарна вам. Я так чертовски благодарна. И клянусь, что на все ваши вопросы будут даны ответы в «Похороны Меня Ложью», и могу гарантировать, что пролог второй книги сорвет вам крышу!

Я начала работать над книгой по прихоти в 2018 году, когда должна была завершить свою другую книгу. Я была очарована и восхищена персонажами этой серии, и обнаружила, что должна оторваться от них только для того, чтобы доделать другую работу. Словно их история требовала, чтобы ее рассказали.

Каждый раз, когда я возвращалась к Маккензи и Базу, я думала, что я готова, но я никогда не была полностью готова. В течение долгого времени, пока я писала, я считала, что у меня имеются все ответы, но одно приведет к другому, и все эти проклятые персонажи начнут действовать против меня. Одним из основных элементов, который оставался постоянным, была Маккензи. По очевидным причинам она была таким родственным

персонажем. Она несовершенно (очевидно), не только сломлена, но и часто делает неправильный выбор, как и многие из нас.

Я обнаружила, что во время написания я все больше волнуюсь за нее, потому что иногда она ощущалась очень сломленной, что ее решения идиотские, и что так много других способов, которыми она могла бы пойти, но... это самое интересное, не так ли? Маккензи настолько реальна, насколько может быть реален персонаж. Так что, независимо от того, ненавидели вы ее или любили, я надеюсь, что вы, ребята, продолжите читать, чтобы узнать, что произойдет дальше.

Я привыкла к переписыванию и нескольким черновикам одной истории, но эта... Господи, на этот раз потребовалось несколько набросков, прежде чем история Маккензи смогла действительно развернуться так, как должна.

Всегда с благодарностью,
И с любовью, Селена (С. М. Сото.)

ОБ АВТОРЕ

Селена Сото родилась и выросла в Северной Калифорнии, где в настоящее время проживает вместе со своим сыном. Ее любовь к чтению началась, когда она была еще маленькой девочкой, и продолжала расти только в зрелом возрасте.

Она называет себя немного романтической наркоманкой.

С. М. Сото любит общаться с читателями и есть пончики в огромных количествах, которые наверняка станут ее смертью.